

Безвечность

Любовь

+

Время

-

Боль

Ольга Черных

С тринадцати лет жизнь Евы Таймерли перестала быть нормальной. Она не следит за временем и не считает ушедшие в бездну минуты. Ей некуда спешить, после того как она абстрагировалась от общества и осталась наедине со своими душевными терзаниями, вызванными мучительными обстоятельствами. Животные заменили ей детей, книги — друзей, а кино — навсегда потерянную любовь. Устав от постоянных переездов, Ева возвращается в родительский дом, чтобы разгадать тайну своего прошлого и выяснить причину, по которой девушка из-за систематической потери памяти вынуждена записывать происходящие с ней события в дневник. Чтобы понять даром или проклятием является эта особенность, Еве придётся научиться сосуществовать с новыми соседями, старым другом и парнем, который давно в неё влюблён.

От автора.

Буду с вами, дорогими читателями, откровенна и признаюсь, что мне тяжело далось написание начала книги из-за ярко-выраженных переживаний главной героини, которые я буквально пропускала через себя. С первых строк Ева Таймерли может показаться вам странной, злой, отчуждённой и слегка сумасшедшей. Если это чувство не пройдёт через пару страниц, советую вам не продолжать чтение книги, потому что Ева ещё достаточно долго будет нуждаться в вашем терпении и понимании. В большинстве случаев я и сама не одобряла её поведение, но была вынуждена смириться с нашей непохожестью друг на друга. Ева против моей воли возвела вокруг себя стеклянные стены, которые удастся разрушить только временем и любовью...

Прежде чем вы приступите к прочтению моей самой странной истории, хочу заранее осветить темы, затронутые в книге: любовь, музыка, космос, кино, искусство, время, животные, субкультуры. Я попыталась объединить всё то, что делает меня счастливой, всё то, что, надеюсь, и вам, моим дорогим читателям, придётся по душе.

С наилучшими пожеланиями,
ваша Олька Злая.

Посвящается Сердцам, бьющимся в унисон со Вселенной.

Пролог.

Я представляю время, как некую единицу измерения жизненного цикла Вселенной, не щадящую никого и ничего на своём пути...

За восемь дней пребывания в больнице мои вещи пропитались запахом медикаментов и стерилизующих средств, и ни один стиральный порошок не способен избавить меня от тошнотворного рефлекса. Моя кожа стала сухой из-за отсутствия питательного крема. В больничном душе кроме мыла больше ничего нет. Отлучиться в магазин я не могу, потому что Стефану в любую минуту может что-нибудь понадобиться. В уборную комнату я хожу с закрытыми глазами, поскольку видеть в палатах перебинтованные тела — это выше моих сил. Я не была за пределами белых стен больше недели, и за это время они заменили мне

дом. Родители снабжают меня едой и чистой одеждой, но я не готова покинуть это помещение. Я не уйду отсюда одна.

— Ева, тебе нужно отдохнуть, — сказал Стефан, с трудом открыв глаза. Я заберу его с собой!

Мне уже едва удаётся отличить его голос от шума вентиляционной вытяжки или звука капельницы. Его голос можно сравнить с шуршанием бумаги, а кожу — с выцветшим пергаментом. Щёки Стефана впали, обтягивая острые скулы. Синие глаза потеряли былой блеск из-за слабости. Уверенный взгляд стал умоляющим. Умоляющим меня бежать отсюда, как можно дальше и без оглядки. Стефан не хочет, чтобы я видела, как он умирает. Он постоянно говорит мне об этом. В перерывах между осмотрами врача и медсестёр он держит меня за руку, в любую минуту готовый отпустить её. Отпустить меня. Этого не произойдёт, пока я нахожусь в здравом уме. Рядом со мной Стефан выглядит намного лучше и бодрей. Его мама сказала мне об этом вчера, когда в очередной раз навещала сына. Я чувствую, что нужна ему. Ради каждой минуты, проведённой с ним, я заставляю себя быть сильной. Только *мне* он позволяет оставаться на ночь. Позволяет видеть его мучения. Видеть, как жизнь покидает его истощённое тело.

Стефан справляется с переломом рёбер, сотрясением мозга и потерей крови, но этого недостаточно. Дела обстоят намного хуже, чем я себе представляла, когда его мама сообщила об автомобильной аварии, в которую он попал. Его лёгкие пострадали в большей степени, чем остальные жизненно-важные органы. Ему сложно дышать. При каждом его вдохе и выдохе сначала слышалось сопение, а сейчас раздаётся гортанное хрипение. Я бы отрывала по сантиметру своей кожи за каждый болезненный вздох Стефана, лишь бы это прекратилось, лишь бы он снова встал с кровати. Если это случится, я больше не позволю ему садиться за руль. Нужно вообще запретить ночное вождение.

В ту ночь он спешил на бал-маскарад. Я ждала его дома, но вместо него получила звонок, который едва не свалил меня с ног, со страшным сообщением об аварии. Серый костюм Стефана, который должен был стать для меня сюрпризом, я увидела только в больнице. Его пришлось отрывать от липкой кожи моего раненого парня. Я оставила на память чёрную шёлковую бабочку, которую подарила Стефану перед балом. Это единственная вещь, которую пощадила авария. Лоскуты, оставшиеся от костюма, уборщица выбросила в помойное ведро. Это задело чувства мамы Стефана. Мне удалось утешить её, но сказанных слов хватило ненадолго. Мы обе подавлены. Это состояние не изменится, пока Стефан не поправится. Врачи лишь уныло пожимают плечами, когда я снова и снова спрашиваю о его самочувствии...

— Я в порядке, не спорь, — ответила я, не выпуская горячей ладони Стефана. Она стала лёгкой и хрупкой. При виде предплечья, изуродованного иголками, у меня возникает желание покрыть каждый сантиметр повреждённой кожи поцелуями, но, боюсь, мои прикосновения навредят Стефану. Я не могу позволить себе этого. Не могу. Не могу. Не могу...

— Который час? — Голос Стефана прозвучал так обыденно, что я почти поверила, будто мы сидим дома. У меня или у него. Днём или ночью.

Нас сложно назвать идеальной парой, которой все восхищаются. Мы не знакомы с детства, не учились в одной школе, не прогуливали вместе уроки и совершенно не похожи друг на друга. Четыре года назад я поступила в университет, в котором Стефан уже учился на первом курсе. Сейчас он должен быть на парах, слушать лекции по мировой экономике.

Летом он должен защитить диплом и стать специалистом. Мы планировали жить вместе, после того как он найдёт стабильную работу. Именно так всё должно было произойти. Я не верю, что судьба распорядилась иначе...

— Почти одиннадцать, — ответила я, взглянув на свои часы. — Уже поздно, тебе надо поспать.

— Я и так всё время сплю, приляг ко мне, — попросил Стефан и ласково притянул меня к себе слабым движением руки. Я подчинилась, чтобы он не чувствовал себя обессиленным. — Мы не зажгли с тобой танцпол в тот вечер...

— Я всё равно не сильна в этом, ты же знаешь. У нас будет много других торжественных мероприятий, — сказала я, положив голову на исхудалое плечо Стефана. Я почувствовала, что он улыбается. Не верит в мои слова. Вера. Это единственное, что нам остаётся.

— Не сомневаюсь! — Стефан не падает духом, и я не хочу показывать ему свой страх.

Меня пугает, что капельница стоит уже восьмь сутки и не приносит положительных результатов. Я ненавижу эти трубки, разделяющие меня и Стефана. Ненавижу узкую кровать, на которой мы не можем лежать, раскинув руки и ноги. Зато я могу прижаться к Стефану так сильно, что между нами не будет и миллиметра свободного пространства. Нет, не могу. Это причинит ему боль...

— Я люблю тебя, Стефан, — сказала я, нервно сглатывая подступившие слёзы.

— И я люблю тебя, Ева. Когда ты рядом, я не чувствую боли, — ответил шёпотом Стефан, и я замерла.

Он первый раз признался мне в любви. Хотелось бы продлить этот романтический диалог, но я вижу, что силы покидают Стефана, и ничего не могу изменить. Ненавижу себя за свою бесполезность.

За восемь дней пребывания в больнице я поверила во все существующие и несуществующие силы: Бога, магов, целителей и ведьм. Я молила их о помощи каждую секунду, чтобы они не забирали у меня Стефана, чтобы мой ангел не взлетел на небеса.

Сердце Стефана учащённо забилося. В последнее время это не редкость. Его состояние неустойчиво. Он может засыпать и просыпаться бесчисленное количество раз в день. Я несколько раз обратилась к нему по имени, но он не ответил. Убедившись, что Стефан спит, я дала волю неугомонным слезам...

Слегка успокоившись, я мысленно представила наш медленный танец в свете софитов. Я в нежно-розовом кружевном платье, Стефан в тёмно-сером элегантном костюме. Чужие лица сливаются, их не существует. Для меня есть только его лицо. Родное. Представила, как неуклюже наступаю Стефану на ноги, как он кружит меня под музыку и целует в шею. Представила, что к нему вернулся здоровый румянец, что раны затянулись, его руки снова стали мускулистыми, а наш мир — прежним.

Под медленный стук сердца я заснула у Стефана на груди...

Глава 1. Бесконечность.

Сколько бы мы ни пытались,
нам никогда не изменить время.
Не повернуть вспять. Не остановить.

Через три дня Стефан перестал бороться за себя и оставил меня одну. Это произошло в 2001 году. Один раз в год, пятого апреля, я вспоминаю главную трагедию своей жизни. Сегодня уже шестьдесят первый раз я прочитала запись об этом событии в дневнике. Шестьдесят первый раз изучила общие фотографии со Стефаном. Шестьдесят первый раз представляю другой конец, рисую другую судьбу и шестьдесят первый раз убеждаюсь, что это невозможно...

Находясь в больнице последние дни жизни Стефана, я мечтала заразиться. Пока он спал, я посещала палаты инфицированных людей в надежде неизлечимо заболеть. Этого не происходило, зато больные пациенты были рады встрече со мной, ведь не каждый близкий родственник решался лишний раз их навестить. Я мечтала навечно заснуть со Стефаном, чтобы он не был одинок. Мечтала не просыпаться вместе с ним в ту злосчастную ночь. Судьба распорядилась иначе, и только последние слова Стефана «прости меня» и признание в любви греют душу. Как бы эгоистично это ни звучало, я всегда знала, что он испытывает ко мне тёплые чувства, но не только слова любви на протяжении стольких лет придавали мне силы. Стефан сказал, что когда я рядом с ним, он не чувствует боли. Я склонна ему верить. Если ему действительно не было больно, то моя душа на сотую долю спокойна. Врачи только и делали, что кололи Стефану обезболивающее. Это нельзя назвать лечением. Знаю, что травмы, полученные Стефаном во время аварии, были несовместимы с жизнью, но я до последнего верила в чудо. Вера умерла вместе с ним. Любовь не спасла Стефана. Надежда тоже оказалась бессмысленной и пустой.

Больше полувека я корила себя за никчёмное существование. Скиталась из города в город, мечтая, чтобы никто и никогда меня не нашёл. Бесплезная трата времени и денег. Меня постоянно кто-то узнавал. Если и не знали лично, то видели во мне дочь моих родителей. Каждый раз, когда так происходило, я переезжала в новый город. Я исколесила почти всю страну и сменила множество квартир, но так и не нашла себя. Не нашла утешение. Не нашла замену Стефану. Мне не довелось встретить таких благородных и чутких мужчин, как он. Мне суждено умереть старой девой, и в этом нет чьей-то вины, только моя. Я постоянно сравниваю всех со Стефаном, даже женщин и детей. У кого-то я вижу такую же улыбку, у кого-то — небесный цвет глаз, но ещё ни у одного человека я не встречала настолько сильной энергетики и стремления познавать мир. Всю свою жизнь я провела в поисках, и страшно представить, что она может в любой момент оборваться, так и не подарив мне счастливые моменты.

Моим единственным достижением является два высших образования (филологическое и ветеринарное). Первое я получила после окончания школы, а второе — после смерти родителей, когда мне было больше сорока лет. Папа умер от инфаркта в семьдесят шесть. Мама не прожила без него и двух лет. Это недолгое время я была её утешением.

Маме было тридцать два года, когда я родилась, а папе — тридцать восемь. По меркам конца двадцатого века я считалась поздним ребёнком. Родители посвятили свою жизнь научной деятельности в области химии и биологии. Мама говорила, что я стала их чудом и спасением, иначе они бы погрязли в рутине. Это не так. Они достигли огромных высот в науке, заработали достойную пенсию, которую не на кого было тратить. Я не подарила им внуков, хоть это и было моей прямой обязанностью. Отец умер, так и не подержав в руках первенца. Это ещё одно упущение, которое не даёт мне покоя. Мама не успела дать мне советы по уходу за ребёнком, не успела увидеть меня в роли матери. Я редко говорила родителям, что люблю их. Меня не было рядом в те моменты, когда мама с папой во мне

нуждались. Пока я справлялась с одним горем, создала новое. Я оплакивала умершего Стефана, а родители страдали из-за отстранённости живой дочери, которая была столь эгоистична и глупа, чтобы понять и унять их боль. Я не открывалась им, не доверяла секреты. Потеряв обоих родителей, я ещё больше замкнулась в себе. У меня была не жизнь, а лишь существование.

Когда мне хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями, хотелось, чтобы меня выслушали или просто побыли рядом, я шла в магазин роботехники. Там мне приходилось делать вид, что я выбираю домашнего робота, чтобы не вызвать подозрений у консультантов или адекватных покупателей. Я проходила мимо стальных подобий человека, умеющих распознавать только запрограммированные команды и шептала каждому из них, что устала, что хочу вернуться в прошлое... Ни один робот никогда не отвечал мне, даже если был включен, и только лампочки в пустых глазницах мигали в знак того, что компьютерный разум улавливает мои звуковые волны. Мне нужен был психолог, а максимум, чем мне мог помочь домашний робот, так это приготовить еду, помыть посуду или убраться в квартире. Ни в одной из перечисленных услуг я не нуждалась. Уборка и другие домашние хлопоты отвлекали меня от внешнего мира.

Походы в магазины роботехники мне быстро наскучили. Даже бездушные роботы не могли скрасить моё одиночество. Мне не нравилось, что их сборные тела не излучают человеческого тепла, но в роботах я находила и положительные стороны, которых сильно не хватает в людях. Искусственный разум, хоть и не способен любить, никогда умышленно не причинит боли и зла живому существу. Никогда не разочарует, потому что машина создана не для того, чтобы на неё возлагали большие надежды. Самое главное, что машина никогда не умрёт.

Это было около двадцати лет назад. Сейчас роботы старого образца и вовсе утратили свою популярность. Дома и квартиры полностью автоматизированы вплоть до мелочей, поэтому нет необходимости в механических помощниках. Гражданин со средним заработком может позволить себе подобное квартирное оснащение. Я редко пользуюсь привилегиями для ленивых. Рождённых в двадцатом веке людей раздражает перемещающаяся по квартире и реагирующая на голос хозяина мебель, и говорящая техника. Скоро люди совсем обленятся и устанут дышать. Я закалена другим временем, поэтому в моей съёмной однокомнатной квартирке старого образца нет навороченных штук. Вин.

Я переехала на новое место девять лет назад, но до сих пор не познакомилась ни с кем из соседей. На работе я тоже практически ни с кем не общаюсь. Всё свободное время посвящаю животным, лечу их от болезней. Это спасает меня, наделяет жизнь смыслом. Сейчас я остановилась в Коннекте из-за масштабности города. Здесь столько людей, что шанс быть узнанной ничтожно мал. Это меня и привлекает. В свою очередь и я не запоминаю чужие лица.

После неудачного одностороннего общения с роботами я нашла утешение в компании неполноценных людей. В народе их называют киборгами. От обычных людей их отличают металлические протезы конечностей или органов. Сейчас протезирование не редкость. На улице я часто встречаю людей с «металлическими вставками», и эти недостатки никто не скрывает. Медицина шагнула вперёд, и это единственный плюс современного мира. Она была бы на более высоком уровне, если бы из человеческого организма удалось искоренить раковые клетки. «Отчего-то же мы должны умирать», — объясняют учёные, но люди не хотят умирать, поэтому идут на всё ради того, чтобы жить. Я бы не решилась заменить своё

сердце искусственным насосом. Я бы не решилась на многое, поэтому киборги вызывают у меня уважение. Я даже общалась с одним...

Родители бы не поверили, расскажи я им о дружбе с киборгом, в противном случае покрутили бы пальцем у виска. Я бы всё отдала, чтобы это случилось, чтобы они снова заговорили со мной, но я упустила эту возможность. Кто знает, может, мы встретимся на небесах. Уже десятки лет я храню воспоминания о маме с папой, храню их многочисленные бумажные фотографии в альбоме...

Сегодня день воспоминаний. День, когда я достаю коробку со старыми снимками и пересматриваю каждую деталь, каждую складку на мамином платье, каждую тень на папином пиджаке. Говорят, что фотография забирает часть души. Так и есть, только она забирает часть души не того человека, кто на ней изображён, а того, кто на неё смотрит. Моя душа уменьшилась в шестьдесят один раз. Разве у неё не должно быть срока годности? Должен настать тот момент, когда сердце скажет мне: «Надоело, хватит». Момент, когда оно остановится, как остановилось у мамы, папы и Стефана.

Сейчас у меня всё чаще стало возникать желание накрыться одеялом с головой, чтобы не привлекать внимания. Разбить зеркало, чтобы больше никогда не видеть своё ненавистное отражение. Вспыхнуть, как факел, чтобы кто-нибудь потушил мои накопившиеся страхи и комплексы. Желание обрести спасательный зонт, который оградит от чужих жалостливых слёз... Я слишком слаба, чтобы осуществить свои мечты, и это ещё больше убивает меня изнутри. Я не больна телом, у меня рак души.

Глава 2. Кино.

Время не поддаётся объяснению.

Никому не под силу вырваться из его плена.

Я была готова дать назойливому Винсенту пощёчину за его похотливые движения и глубокие поцелуи, но меня спас громкий голос.

— Стоп, снято! — скомандовал главный оператор, имени которого я не помню, и поднял вверх большой палец.

Винсент ещё пару секунд не убирал тяжёлые руки с моей талии, и на этот раз меня выручил испепеляющий взгляд. Я училась этому годами, но высокая эффективность метода того стоила.

Я зла не потому, что ненавижу целоваться, а потому, что ненавижу целоваться не со Стефаном. Мне безумно хотелось умыться, принять горячий душ и запить свой гнев стаканом виски. Не стоило приходить на съёмочную площадку, ведь я знала, на что подписываюсь. У меня уже был актёрский опыт. По связям папы я в юности снялась в трёх картинах, которые до сих пор пользуются успехом, но после смерти Стефана я завязала с кино. Поклялась себе, что больше никогда не буду заниматься тем, чем занималась в прошлом, когда он был жив. Я оставила позади актёрское мастерство так же легко, как писательство, веселье и любовь.

Моя жизнь стала игрой и ничем не отличается от кино. По этой причине я пришла сюда и нахожусь в круглосуточном окружении режиссёра, операторов, визажистов и декораторов. Пришла не ради удовольствия, а ради того, чтобы лишний раз доказать себе, что моя душа давно мертва. Мне с лёгкостью удаётся изобразить гнев, страх, счастье и всё, что потребует

от меня режиссёр. Сейчас я снимаюсь в артхаусном фильме с идиотским названием «Рельсы судьбы». Меня без прослушивания и с распостёртыми объятиями взяли на роль главной героини, потому что моя бабушка зарекомендовала себя в киноиндустрии. Это не единственная причина. На протяжении трёх месяцев я с утра до ночи работаю на камеры. Продюсер картины Дастин Райтон говорит, что я мечта кинематографа. Я быстро вживаюсь в роль, имею уйму свободного времени, не страдаю звёздной болезнью, а главный мой плюс с точки зрения Дастина — отсутствие капризов.

— Ева, тебе нужен перерыв? — спросил Винсент, щёлкнув пальцами у меня перед лицом.

Этот недоактёр постоянно ошивается вокруг меня, как мартовский кот. Неужели неясно, что он не в моём вкусе? Игнорирование его совершенно не смущает?

Между съёмками я редко с кем-то разговариваю и стараюсь держаться подальше от Винсента. За спиной коллеги называют меня Снежной Королевой, и у них есть на то причины. Я никогда не даю интервью, не веду светские беседы на вечеринках и не попиваю махито между съёмками. Я пришла сюда работать, чтобы отвлечься от назойливых мыслей, а не развлекаться. Это помогает. Мысли уходят на задний план, но я не уверена, что после этого фильма снимусь в другом. Мне необходимы перемены, и я периодически себе их создаю. В моей игре нет правил.

— Нет, я, пожалуй, посмотрю, как ты будешь падать с крыши, — ответила я, и вся съёмочная команда посмотрела в мою сторону. Ева говорит не по сценарию! Надо же? Давайте похлопаем!

— Что ж, может, нас попросят повторить поцелуй, — сказал он, сложив губы трубочкой.

Винсент так часто подмигивает, что иногда кажется, будто у него нервный тик. Думает, что его улыбка самая обворожительная на свете. Наивный тридцатилетний придурок. Отрастил себе бороду и усы и никак не нарадуется, что хоть это отличает его от женщины. То и дело щупает свою растительность большим пальцем, как будто она может исчезнуть. Если он думает, что меня это возбуждает, то сильно ошибается. Меня тошнит от его внешнего вида. В дополнение к бороде у него выбриты виски и собран мышинный хвостик на затылке. Каждый раз приходится напоминать себе, что это работа, что наши отношения с Винсентом не обязаны быть тесными в реальной жизни. А есть ли у меня эта реальность? Мне кажется, что грань между ней и кино скоро сотрётся. Я уже не знаю, какая я настоящая.

— Увы, мне всегда удавалось это с первого дубля, — ответила я, имея в виду отвратительную сцену с поцелуем, и демонстративно повернулась к улыбающемуся Винсенту спиной. Сейчас я была собой. Этот парень должен знать своё место.

— Хватит строить глазки Еве, живо к краю крыши, — скомандовал продюсер картины.

Дастин Райтон не из тех мужчин, которые изменяют жене с молоденькими актрисами вроде меня. Хоть один человек на съёмочной площадке не желает заглянуть мне под непростительно короткую юбку. Дастин словно прочитал мои мысли и накинул мне на плечи тонкий плащ. От холодного ветра он не спасает, зато прикрывает голые ноги и глубокий вырез декольте. Ни за что на свете я бы не разгуливала по улице в таком виде. Снова приходится повторять себе, что это часть работы. Ничего личного. Зато в кино я могу побыть в образе другого человека, совершенно не похожего на меня. Могу без угрызения совести быть раскованной и дерзкой.

— Спасибо, Дастин. — Я поблагодарила его скорее не за плащ, а за верность жене.

Вся съёмочная команда снова посмотрела мою сторону, потому что обычно в своём лексиконе я не использую волшебное слово «спасибо». Чёрт. Нужно держать язык за зубами. Быть тихой и незаметной. Так лучше. Так проще.

— К Вашим услугам, мисс, — ответил продюсер, не глядя на меня. Он всегда окунается с головой в работу. Это мне в нём и нравится. Деньги и слова на ветер он бросать не станет. Раз я снимаюсь в его картине, значит на что-то способна. — Сейчас отснимем пару дублей с Винсентом, можешь пока отдохнуть. Ты нам понадобишься минут через пятнадцать.

Я уже хотела ответить «Спасибо, я выпью кофе и вернусь на площадку», но вовремя опомнилась, вспомнив реакцию людей на мои предыдущие слова благодарности. Я подняла большой палец вверх, и Дастин направился вслед за Винсентом, оставив меня одну. Почти...

— Ты классная, — сказал внезапно подошедший парень с пепельно-русыми волосами и изумрудными глазами. Смуглившись, я стала поправлять воротник плаща одной рукой, а другой — застёгивать непослушные пуговицы.

— Спасибо, — нехотя выдавила я.

С каких пор меня смущают слащавые подростки? Мне срочно нужен отдых. Парня, кажется, не волнует затянувшаяся пауза. Он продолжает рассматривать моё лицо и растрёпанные ветром волосы. Хотела бы я сейчас провалиться сквозь землю.

— Ты моя любимая актриса, фильм будет шедевром! — Парень произнёс это нелогичное предложение так уверенно, как будто репетировал его всё утро, пока я эмитировала поцелуй с бородатым придурком.

Для зрителей это мой первый фильм. Как я могу быть любимой актрисой? Дешёвая лесть. Меня начинает мутить от съёмочного процесса. Как этот недомерок смеет нести подобную чушь? Раз он такой смелый, значит является сынком одного из богатеньких представителей картины. Меня так и тянет сказать какую-нибудь гадость в ответ, но я не успеваю.

— Кай, принеси сценарий, он у меня в чемодане. Поживей! — крикнул с другого конца крыши Дастин. Он вновь меня спасает, нужно будет купить ему бутылку дорогого коньяка.

— Увидимся, — сказал мальчишка, одарив меня влюблённой улыбкой, и скрылся в люке, ведущем в гримёрную комнату.

Ноги приросли к полу и не слушаются меня, несмотря на то, что я мысленно прошу их уносить моё дрожащее тело куда подальше! Ещё ни один мужчина, кроме Стефана, не заставлял меня смущаться. Самое интересное, что у этого Кая ещё щетина не появилась, а он так умело победил меня в словесном поединке. Нужно постараться не попадаться ему на глаза. Быть объектом фан-клуба среди малолеток не входило в мои планы.

После чашки ароматного кофе и работы с гримёрами я вернулась к Дастину, Винсенту и оператору. На улице уже стемнело и похолодало. Как раз то, что нам нужно для последнего на сегодня дубля. Съёмочная команда уже отсняла, как Винсент после поцелуя со мной спрыгнул с крыши. По сюжету я бросила его, потому что он болен раком (бессердечная сука), а он не смог пережить предательство (бедный парень). Настал мой черёд драматизировать. Девушка, которую я играю, немного поразмыслив, должна броситься с крыши прямиком за возлюбленным, вымаливая при этом прощение у призрака, который мерещится ей перед смертью. Эта сцена не будет сложной для меня. То же самое творится в моей душе.

Я громко плачу и всхлипываю. Тушь растекается по щекам. Ветер подталкивает меня к

краю крыши, и я кричу: «Прости меня!». Боль засела глубоко в моём сердце и никогда не вырвется наружу. Я разгоняюсь, готовая прыгнуть вникуда, но всего два слова возвращают меня в реальность: «Стоп, снято!». Я была на краю так непростительно близко.

(13 мая, 2052 год)

Эту запись, помеченную красным стикером, в своём потёртом дневнике я открыла наугад. Съёмки фильма «Рельсы судьбы» закончились в конце мая 2052 года, и каждый день я искала повод, чтобы прыгнуть с крыши наяву. Прошло уже десять лет, а я продолжаю скитаться по городам в поисках заблудшей души. Больше я не снималась в кино, но стала признанной актрисой в узком кругу. Моя слава продлилась недолго. Я попрощалась с киноиндустрией, со старой квартирой и фамилией. Теперь я Таймерли. Мне не один раз приходилось сталкиваться со сменой фамилии. Актриса Ева Смит осталась в прошлом, кстати, как и ветеринар Ева Миртл, и Литтл, и Стюарт. Стюарт — фамилия моих родителей, но мне пришлось отказаться от неё после их смерти, чтобы быть менее узнаваемой. Не знаю, что меня угораздило снова сняться в кино...

Моя бабушка Розалин никогда не была актрисой, её техническое образование далеко от актёрского. Я соврала киностудии десять лет назад, и мне поверили. На тот момент по паспорту я была Евой Смит. Из-за явной схожести с Евой Стюарт никто и не сомневался, что я внучка... самой себя! После смерти Стефана я поменяла удостоверение личности четыре раза, проделывая эту процедуру каждые пятнадцать лет. Зрители знали меня как Еву Стюарт, а сейчас знают как Еву Смит. Имя, данное мне мамой, я сменить не осмелилась. Теперь я Таймерли, девушка, потерявшаяся во времени. Старение моего организма замедлилось примерно в двадцать один год, и с тех пор ничего не изменилось. Ни одной морщинки не прибавилось на лице, ни одного седого волоса не появилось на голове...

Я слишком рисковала, возвращаясь в кино, но я не могла поступить иначе. Не было другого исхода, я умирала, поедая себя изнутри. Продолжительные съёмки спасли меня ненадолго, вдохновили на очередной переезд и смену фамилии. Картина, в которой я снялась, была артхаусной, и особой популярности среди зрителей не обрела, поэтому никто не вспомнил о Еве Смит. Первое время, конечно, писали в журналах, что я снялась ради денег и славы, а по стопам бабушки из-за отсутствия таланта пойти не смогла. В других журналах писали, что я снялась в память о бабушке, которая якобы умерла. Теоретически вторая версия была наполовину правдивой. Я снялась в кино в честь прошлой себя, в память о родителях, Стефане и лучших годах моей жизни. Репортёры быстро утратили интерес, когда я перестала давать интервью и переехала из столицы в Коннект, где сейчас и живу. Иногда на улице меня встречают журналисты и пишут грязные статейки о моих многочисленных операциях по омоложению, иногда пытаются разузнать факты о личной жизни, но я привыкла маскироваться, поэтому им не удаётся докопаться до истины.

Каждый раз, когда я слышу перешёптывания за спиной о том, что я дешёвая одноразовая актрисулька, мне становится смешно. Меня редко кому-то удаётся рассмешить, хотя бы потому, что я никому не позволяю этого сделать, не позволяю завязывать долгих разговоров. Может, я и совершила ошибку, когда пришла на съёмки фильма, но ничуть об этом не сожалею. Я лишний раз убедилась, что люди верят во всё, что им говорят. В ложь, посыпанную сахарной пудрой. Люди до сих пор думают, что я внучка самой себя, что я делаю омолаживающую пластику. Думают так, как навяжет им пресса. Мне это на руку. Они настолько сбиты с толку, что мне ещё легче скрываться и оставаться в тени. Со сменой

старой фамилии на Таймерли всё улеглось. Никто об этом не узнал, и никто меня не вспомнит, потому что люди, которые видели фильм с моим участием, уже стали старше на десять лет. У них свои заботы: дом, дети, карьера. Я рада за них.

Я рада, что у кого-то есть возможность довольствоваться привилегиями жизни. У меня же есть только животные, которых хозяева приносят в ветеринарную клинику. Домашние питомцы никогда не уличат меня во лжи, не напишут гадкую статейку, не предадут. Не предадут меня и работники подпольного паспортного стола. Я уже имела дело с ними четыре раза. За нелегальную смену паспорта приходится отдавать кругленькую сумму, которую я коплю на протяжении нескольких лет, но это предотвращает риск, что люди узнают мой секрет. Я всегда выбирала самые распространённые фамилии, чтобы можно было легко затеряться в базе данных страны. В современном мире деньги решают все проблемы. «Паспортных махинаторов» не интересует причина, по которой мне нужно заменить паспорт и свидетельство о рождении. В документах к моему предыдущему году рождения прибавляется десять-пятнадцать лет. Иногда хочется проверить, поверят ли они в мою выдуманную историю, которую я храню на случай, если всё же понадобится её рассказать. Если бы у меня спросили, зачем мне понадобилась смена документов, я бы сказала, что молодо выгляжу и хочу, чтобы возраст в паспорте соответствовал внешности. Мне кажется, этого объяснения было бы достаточно. Многие девушки скрывают свой возраст, чтобы найти себе мужа побогаче и помоложе. А нашёлся бы смельчак, который бы закрутил роман с восьмидесяти двух летней девицей вроде меня? Хотелось бы на него взглянуть.

Я бы с радостью посмотрела в глаза человеку, узнавшему правду о моём замороженном возрасте. Что бы я увидела в них? Страх, удивление, отвращение, отчаяние. Продолжать список? Я аномалия, отклонение от нормы, я хуже киборгов, которых избегают полноценные люди. Я вообще не человек. Хотелось бы узнать, кто же тогда, но это вряд ли возможно. Я не могу заявиться на приём к врачу со словами: «Доктор, у меня тут проблема. Я не старею уже полвека. Не посоветуете лекарство?». Я даже не знаю, как сейчас выглядят больницы, потому что была там в последний раз у Стефана шестьдесят лет назад. Я ненавижу больницы, и у меня на это есть веские причины.

Я не прохожу медицинских осмотров не только потому, что врачи сразу заподозрят отклонения в моём организме, но и потому, что мечтаю о какой-нибудь инфекции, поселившейся в моём теле. Я не могу знать, болею ли чем-либо. По сравнению с началом двадцать первого века сейчас вирусов прибавилось, но и лекарств от них тоже. Люди сами создают новые и новые заболевания, а потом ищут антидот. Это похоже на жестокую игру, где нет победителей и проигравших. В конечном итоге вирус поражает всё живое на планете. Так зачем, чёрт возьми, ставить эти эксперименты? Будь моя воля, я бы взяла динамит и подорвала все лаборатории мира, чтобы остановить эту войну! Говорить об этом легко, но я не знаю, где прячутся учёные крысы, создающие человечеству проблемы. Я представляю, что когда-нибудь узнаю эту тайну, утешаю себя, что не зря мне дана долгая жизнь. Может, в этом и есть моё предназначение? Может, я существую, чтобы лечить не только животных, но и людей? Каждый день я виню себя в слабости и нежелании сдать власть. Вдруг моя ДНК помогла бы смертельно-больным людям справиться с болезнью? Я не знаю наверняка, а должна была бы.

Я многого о себе не знаю. Не помню, если быть точной. Я веду дневник, но последние несколько десятков лет мне нечего в него записывать. Я пишу о людях, с которыми

знакомлюсь или встречаюсь взглядом по пути на работу, о животных, которых вылечила, о городах, в которых жила. Пишу обо всём, что не касается меня лично. Изредка я перечитываю свои записи, хранящиеся в нескольких толстых блокнотах, которые я называю дневниками. Коробку с ними и с фотографиями я перевозжу из одной квартиры в другую. Это моё единственное сокровище, которое связывает меня с прошлой жизнью, не считая бархатной бабочки Стефана, оставшейся целой после аварии. Эта коробка бесценна, никто и никогда не видел её.

Я часто перечитываю записи, помеченные восклицательным знаком или цветным стикером. Именно эти записи имели для меня значение в тот момент, когда я оставляла их в дневнике. Их накопилось мало. Очень мало. Историю смерти Стефана и родителей я перечитываю каждый год, иногда переписываю из-за недолговечности бумаги. Я могла бы завести электронный дневник, но я включаю свой ноутбук только для того, чтобы послушать музыку или посмотреть фильм. Электроника уже настолько совершенна, что я не знаю, как ею пользоваться. Сейчас популярны портскрины. Это мобильные телефоны с индивидуальным дизайном, выполняющие бесконечное количество функций, начиная от отправки сообщений и заканчивая управлением дома. Скачать программу на любой вкус можно в интернете. Людям нравится свобода действий, хоть и виртуальных. Я родилась в конце двадцатого столетия, а значит, морально устарела и не гожусь для подобных развлечений. Покупать дорогостоящий портскрин только ради того, чтобы вносить в него свои «бумажные» записи, было бы глупо.

Дневники спасают меня, напоминают о настоящем возрасте. С каждый разом записи становятся грамотней и интересней по содержанию. Я люблю приукрашать речь, использовать стилистические обороты и художественные тропы. Иногда я пишу короткие рассказы о том, что видела за окном, и даю им названия. Не жалею, что получила филологическое образование. Недавно прочитала запись из личного дневника шестидесятилетней давности о том, что я мечтала стать писательницей, и это неудивительно, ведь у меня была большая тяга к письму. В свободное время я пишу, как говорится, «в стол». Кто знает, может, мне бы удалось прославиться, но я должна прятаться в тени, чтобы не стать подопытным кроликом. Ненавижу то, что происходит с моим телом, с моими чёртовыми клетками, старение которых замедлилось. Этому у меня есть только одно объяснение — стресс, полученный после смерти Стефана. Именно тогда мой организм перестал стареть.

В отдельном дневнике я описываю тяготы бессмертия (хотя это явление правильной было бы назвать иначе, ведь я не уверена, что никогда не умру). В первом пункте значится склероз. Он присущ пожилым людям, поэтому его наличие вполне объяснимо, ведь мне уже восемьдесят два года. Память давно не резиновая. Например, я уже не помню, что для меня значил обычный съёмочный день, а ведь что-то же значил, раз я написала о нём и приклеила на листы с текстом стикеры. В следующей записи сказано о премьере фильма «Рельсы судьбы», на которой я отказалась присутствовать, сославшись на болезнь и постельный режим. Давние воспоминания в конечном итоге перестают нести смысл, но я всё равно продолжаю вести дневник. Я всегда пишу о городах, в которых жила, чтобы по ошибке не вернуться в них снова. Город, как и фамилию, я меняю примерно каждые десять лет.

Интересно, что моменты и события, не касающиеся моей жизни, я прекрасно помню, и у меня нет необходимости напоминать себе, в какой стране живу, кто ею правит, и какая сейчас музыка популярна. Я помню все просмотренные фильмы, каждую прочитанную

книгу и бездомного животного, встретившегося на моём пути, но я всё равно пишу об этом из-за отсутствия других событий. Периодические забывания я оправдать могу, но чувство некой опустошённости необъяснимо, как будто мой внутренний сосуд наполовину пуст, как будто есть события, которые я должна помнить. Как бы я ни напрягала память, мне не удаётся восстановить утерянные картинки.

Второй недостаток «бессмертия» — одиночество. О нём я пишу постоянно. Передо мной каждый день стоит выбор: упомянуть ли в своём дневнике человека, с которым я, к примеру, вела беседу, или нет. Я не могу заранее знать, увижу ли его через несколько лет, не могу знать, должна ли буду вспомнить его, если он ко мне обратится... Поэтому я переезжаю из города в город, меняю фамилию и сторонюсь людей. Они возненавидят меня, если узнают о моей сущности. Отчасти из-за страха перед неизведанным, отчасти из-за зависти. Я перестала сниматься в кино, потому что девушки, которые были поклонницами первого фильма с моим участием, уже стали бабушками. Это противоречит законам природы. При всём желании мне не в силах ничего изменить. Я могу быть собой только в дневнике, могу признаться бумаге в клетку, что хотела бы кому-нибудь показать свои рассказы, но мои желания так и останутся чернильными отпечатками.

Помимо того, что затянувшаяся молодость лишила меня прелестей жизни, она ещё и не позволяет воссоединиться со Стефаном. Люди стареют и умирают, а я всё ещё жива, хоть и ежедневно борюсь с организмом. Изнуряю себя. Испытываю силы. Пару дней я ничего не ела, но истощение (которое я даже не ощутила) не помешало мне работать. В ветеринарной клинике все привыкли, что я не слишком общительна. Больше недели я говорила вслух только сама с собой, надеясь сойти с ума и положиться на судьбу. Меня радует только то, что мне удалось зарекомендовать себя как высокопрофессионального ветеринара, но и одновременно пугает. Я начинаю тонуть во внимании со стороны клиентов и работодателей. Пора перебираться из Коннекта в новое убежище, затем найти новую клинику и лечить новых животных. Стать жёстче. Стать старше. Иногда мне кажется, что каждый новый день окажется последним.

О переезде, который навеяла мне ностальгия, я подумаю завтра. Выключаю настольную лампу, накрываюсь одеялом с головой и растворяюсь в темноте. Один образ сменяет другой.

Стефан.

Я не могу добиться желанной тишины из-за громкого стука сердца, которое не хочет останавливаться.

Бессмертие.

Тишина никогда не наступит из-за шума моих спутанных мыслей, из-за учащённого дыхания.

Вечность.

Я должна это прекратить.

Аномалия. Холод. Пустота.

Должна разобраться со всем этим. Только не сегодня. Завтра. А пока я нырну на самую глубину сознания, где пусто, где никто меня не найдёт, где нет суеты и страхов, а есть только немое кино...

Глава 3. Песочные часы.

Если залог успеха в стабильности,

тогда зачем существует процесс старения?

Новый день настал, но мне заранее известно, что он не принесёт никакой радости. Я нехотя подняла голову с подушки и опустила из-за недомогания. Я не спала полночи, а потом мне снились песочные часы. Я проснулась с мыслями о них. При упоминании песочных часов у нормальных девушек возникает образ идеальной женской фигуры, а моё сознание рисует совершенно другую картинку. Оно и продиктовало мне мои единственные татуировки на запястьях. На левом изображены голубые крылья ангела, на правом — песочные часы, олицетворяющие ловушку, в которую меня поймало время. Иногда мне снится, что я заточена в этом замысловатом сосуде. Каждый раз свысока я наблюдаю за тем, как в мире кипит жизнь. Я не могу закрыть глаза на то, как стареют и умирают люди, как безоглядно утекает время. Каждый раз я пытаюсь разбить стекло, чтобы выбраться наружу, вдохнуть свежий воздух, не пропитанный страхом и отчаянием, но попытки всегда безуспешны. Потом я вижу себя внутри песочных часов со стороны, и как огромные руки трясут сосуд. Повсюду слышится грохочущий смех, как будто он исходит из недр земли. Этот ночной кошмар я изложила в своём дневнике десятки лет назад. Его невозможно забыть из-за частых напоминаний. Он больше не пугает меня, но порядком надоел, поэтому я изобразила часы на запястье. Я вижу в них символ бесконечности. Если бы я не была самоироничной, уже бы давно погрязла в потаённых уголках себя.

Я сделала татуировки около тридцати лет назад, когда эта процедура стала полностью безболезненной. Удивительно, но с течением времени они не выцвели и не потеряли былой формы, как и не меняется моя кожа. Помню, перед съёмками своего первого фильма (на счету у меня их четыре, включая «Рельсы судьбы») я сказала маме, что хочу сделать тату со своим именем, чтобы иметь нестираемую визитную карточку. В конце двадцатого века каждый второй подросток, как это происходит сейчас, не украшал своё тело рисунками, но мне невыносимо хотелось быть модной и узнаваемой. Мама не стала мне запрещать и читать лекции, лишь произнесла фразу, которая напрочь отбила у меня желание делать татуировку: «Рисуй на своём теле, что хочешь, но хотела бы я посмотреть на тебя в старости». Прошло много лет, и я всё же пошла на этот шаг, но не забавы ради. Мне казалось, если я сделаю то, чего маме не хотелось бы видеть, её слова материализуются, и она увидит меня в старости. Я крепко уцепилась за эту отчаянную идею. За всю жизнь у меня было всего две мечты: снова иметь возможность навещать живых родителей и состариться вместе со Стефаном. Ни одной из них не суждено сбыться. Мёртвых не вернуть, но часть мечты иногда кажется реальной. Я жду дня, когда на моём лице появится хотя бы одна морщинка, хотя бы намёк на то, что мой организм одумался и продолжил развитие.

Не успела я закрыть глаза, чтобы представить себя благородной старушкой, заботящейся о внуках, как две пары лап грациозно зашагали вдоль моего живота и обратно.

— Касси, что на тебя нашло? — спросила я, не узнав свой голос то ли потому, что он сонный, то ли потому, что стала редко его слышать.

Вместо желаемого ответа последовало глухое мяуканье, которое каждый раз пробирает меня до мурашек. Взгляд Касси был таким же жалобным в тот день, когда я нашла её во дворе одной из ветеринарных клиник, в которой работала. Четыре года назад эта уверенная в себе кошка была беззащитным котёнком, нуждающимся в заботе и ласке, и я не смогла отказать Касси в этом, хотя раньше никогда не брала животных домой, боясь увидеть их скорую смерть... Серый пушистый комочек растопил моё ледяное сердце, и я без колебаний

отвезла котёнка в съёмную квартиру. Помимо того, что Касси была грязной и ненакормленной, у неё имелись кровоточащие ранки на ушах и лапках. Видимо, малышку изрядно потрепали местные дворняги, а мать бросила её на произвол судьбы. Такова кошачья природа. Я, чтобы не уподобляться безответственной мамаше, взяла больничный отпуск на работе, задавшись целью вылечить исхудалого котёнка и привести в божеский вид. Касси держалась отстранённо, я редко могла услышать её мурлыканье, но это меня не останавливало, а, наоборот, забавляло. Она напоминала меня. Вскоре я назвала её Кассандрой, это имя мне казалось самым подходящим для кошки. Я выбрала именно его, потому что никогда не встречала его среди знакомых людей. Это сделало Касси особенной для меня.

Серая проказница и сейчас редко нежится в моих объятиях, но мне достаточно того, что я вижу благодарность в её янтарных глазах. Мы обе дикие и самостоятельные, но по отношению друг к другу ведём себя дружелюбно и ласково. В основном Касси будит меня по утрам для того, чтобы я её покормила, но сегодня причина явно в другом. Кошку что-то тревожит, может, былой перелом лапки даёт о себе знать, и она пришла ко мне в поисках умиротворения. Я поступаю так же, когда мне самой тяжело справляться с переживаниями. Мы зализываем друг другу раны, не боясь быть непонятыми или преданными. Мне больше не о ком заботиться и некого любить. Я не обзавелась детьми из-за своих страхов, что они когда-нибудь перерастут меня и испугаются, что я не такая, как все. Мне пришлось бы отпустить своего ребёнка в одиночное плавание по жизни, оборвав все связи с ним. Я не могла так поступить. Не могла ни с кем делить своё проклятье.

В последнее время я всё чаще думаю о детях, но уже поздно. Чувствую, что смерть вот-вот явится за моей душой, заберёт её так же, как забрала душу Стефана, парня, с которым я должна была навеки связать свою судьбу... К сожалению, страх является не единственной причиной, по которой я не смогла завести детей. В двадцать один год мой менструальный цикл стал нарушаться, а затем и вовсе прекратился. Через несколько месяцев я обратилась в больницу, и гинеколог, дважды меня осмотрев, посмеялся мне в лицо со словами: «Не выдумывайте! С Вами всё в порядке». В организме не было видимых врачу изменений, но не могу же я больше полувека выдумывать! Поняв, что со мной творится неладное, я не стала ходить по больницам и смирилась с безысходностью. Оставался только вариант взять ребёнка из детского дома, но тогда бы на меня легла двойная ответственность. Воспитать брошенного малыша, чтобы потом его покинуть...

Я пустила Касси к себе под одеяло и стала поглаживать её мягкую шерстку. Она уткнулась мордочкой в мою свободную ладонь и громко замурлыкала. Я с гордостью могу сказать, что люблю это незащитное создание. Из своей долгой жизни я вынесла несколько уроков. Один из них написан в моём дневнике: *«Любовь к детям инстинктивна, а животных полюбить сложнее»*. Каждый день я сталкиваюсь с тем, что люди убивают бездомных кошек и собак, калечат их или грубо к ним относятся. Жестокость у нас в крови, и требуется приложить немалые усилия, чтобы её подавить. Приятно осознавать, что есть обратная сторона медали. Бывали случаи, когда хозяева приносили своих питомцев с отсутствующими конечностями, и даже мне было не под силу вылечить животных. Врачи за приличную плату ставили пациенту металлический протез, покрытый настоящей шерстью, который с первого взгляда не отличишь от настоящей лапки. Любовь к животным заставляет меня плакать (хоть обычно я держу эмоции при себе), и подобные материальные жертвы со стороны людей вызывают уважение! Не все люди одинаковы — это второй урок, который я

извлекла из врачебного опыта.

Касси словно прочитала мои мысли и замурыкала громче. Я позволила себе ещё немного понежиться в кровати вместе с ней, тем более сегодня воскресенье, и меня не ждут больные пациенты. Все мои силы сегодня принадлежат Кассандре. Продолжая гладить кошку, я закрыла глаза, о чём быстро пожалела. Меня окутала череда мыслей о нерешённых проблемах...

Я устала менять внешность, но вынуждена делать это постоянно, чтобы люди не запоминали меня. Я не могу вернуть свой русый цвет волос из-за очевидной схожести с моей «бабушкой», поэтому сейчас крашусь в шоколадный и не ношу чёлку. Это делает меня менее узнаваемой, если особо не всматриваться в черты лица. Мне следовало бы прибегнуть к пластической хирургии, но я не переношу ни боль, ни мысль о том, чтобы перекроить себя. Остаётся только постоянно менять гардероб и стиль одежды, цвет и длину волос. Иногда я ношу цветные линзы, чтобы замаскировать карие глаза для большей конспирации. Наношу макияж, который позволяет сделать брови шире, губы пухлее, скулы острее. В моём гардеробе полно бесформенной одежды, которая скрывает фигуру. Мужчины не обращают внимания на лицо, но, увидев длинные ноги, упругие формы и тонкую талию, они смогут узнать обладательницу прелестей из сотни. Я устала бояться людей, которые в любой момент могут заподозрить, что я что-то скрываю. Любопытство приведёт к разгадке тайны, а информация — к экспериментам надо мной. Я устала жить в постоянном страхе. Устала жить в борьбе с собой.

Помнится, вчера я думала о переезде в неизведанный мною город, причём до вчерашнего дня эта мысль мне в голову не приходила. Я собиралась пожить в Коннекте ещё некоторое время. Годовщина смерти Стефана отразилась на мне. Раньше я боролась с тоской, потому что в стране нет столько городов, сколько мне лет. За границу я уезжать не хочу из-за проблем с оформлением гражданства. Мой паспорт и так нелегальный, и лишние проблемы мне не нужны. К тому же, я незнакома с зарубежным законодательством. Эти мелочи не имеют большого значения по сравнению с боязнью окончательно отдалиться от родителей и Стефана. Папа перед смертью просил кремировать его тело и развеять по ветру. Мама исполнила его желание, а затем последовала примеру мужа. Я присутствовала на прощальной церемонии в гриме, потому что уже физически не могла соответствовать своему возрасту. Даже встречаясь с мамой, я прибегала к состаривающему гриму, правилам нанесения которого научилась на съёмочной площадке. Мне не нравилось обманывать её, но иначе мой незнашивающийся организм шокировал бы маму...

Вспоминая родителей и Стефана, я забываю, что уже много лет не была на кладбище. Стоп! Действительно, как давно я была в родном городе? Со дня погребения мамы прошло сорок два года. Я с лёгкостью смогу представиться соседям своей внучкой, правнучкой моих родителей. Это может сработать! Мне поверила зрительская публика, а это немалое количество людей. Раньше у меня и в мыслях не было вернуться домой. Вот, в чём я нуждалась все эти годы. Неважно, к чему приведёт поездка, но, возможно, благодаря ей я смогу найти ответы на интересующие меня вопросы...

Урчание в животе прервало ход спонтанных мыслей, и мне пришлось нарушить сон умиротворённой кошки.

— Касси, пора обедать. Сегодня будет особенный день! — сказала я, мысленно желая, чтобы так и было.

Глава 4. Перемены.

Мы ненавидим туманную погоду из-за плохой видимости, но мы любим туманное сознание, оно делает нас менее уязвимыми.

Я поспешно сложила свои немногочисленные вещи в чемодан. Моей неизменной спутницей всегда была коробка с дневниками и фотографиями, а теперь в нашу молчаливую компанию влилась Касси. Недавно я приобрела контейнер для перевозки животных, хоть и заведомо знала, что моей кошке переносной дом не придётся по душе. Знала бы она, какие контейнеры были раньше — самые настоящие клетки с недостаточным доступом кислорода. Контейнер, который станет временным домом для Касси, является последней разработкой одной из выдающихся ветеринарных клиник. Он сделан из прозрачного экопластика со встроенной вентиляцией, чтобы животное не чувствовало себя взаперти. Главное, что в этом изобретении меня подкупило, так это специальное дно, эмитирующее состояние покоя внутри контейнера даже при сильной встряске. Я лично присутствовала на эксперименте, после проведения которого эту полезную вещь запатентовали.

Мои переезды редко бывали запланированными, но предстоящий совершенно не подчиняется законам логики. Мне нравится Коннект. Здесь не возникало никаких проблем. До сегодняшнего дня у меня была хорошая работа, но я не могу объяснить, почему меня так невыносимо тянет домой... Назад дороги не будет, я уже оставила хозяйке квартиры записку и материальную компенсацию за то, что уехала без предупреждения. Своему начальнику я отправила короткое сообщение, что увольняюсь, не объяснив причину. Всё равно по приезду домой я сменю номер телефона и снова стану тенью.

— Давай, Касси, будь хорошей девочкой, — сказала я, после того как прицепила кошке на ошейник металлический датчик, который подаёт импульсы её движений антиколебательному дну. Не знаю, каким образом они взаимодействуют между собой. Эти термины я слышала от врачей в ветеринарной клинике.

Любовь к науке не передалась мне от родителей, как и многие другие положительные качества, например, мамина дружелюбность или папина усидчивость. Возможно, обладая этими особенностями, я могла бы оставаться в одном городе на более длительный срок.

Касси несколько минут игнорировала мою просьбу зайти в контейнер. После того как я бросила туда её любимую игрушечную мышку, она всё-таки сделала мне одолжение, бросив на меня недовольный взгляд. Наглая морда! Я насыпала в миску, которая, кстати, не опрокидывается, столько корма, что хватило бы нескольким беспризорным кошкам, но Касси даже не взглянула на лакомство. Мясным подушечкам с овощной начинкой она предпочитает еду, которую я готовлю сама. И в кого она такая упёртая? Я воспитала миниатюрную копию себя.

Закрыв контейнер, я оставила его возле входной двери и в последний раз обошла свою комнату. Никакого намёка на то, что здесь кто-то раньше жил. Я перестирала всё постельное белье, которое у меня было, и вывесила сушиться на балкон, полагаясь на то, что хозяйка квартиры придёт на днях за деньгами и оценит уборку. Косметику и средства личной гигиены я решила забрать, потому что первые дни планирую безвылазно провести дома. Протёрла полы и пустой шкаф, не оставив и следа после себя. Мне хотелось загладить вину перед хозяйкой. За время проживания в Коннекте я сменила около пяти квартир, а собственница этой была самой снисходительной и нелюбопытной. Я даже холодильник не

опустошила, взяла только фрукты и бутылку воды в дорогу. Вряд ли хозяйка попробует свежее овощное рагу и банановый торт, что я вчера приготовила, но по крайней мере я буду знать, что она вспомнит обо мне добрым словом. А может, наоборот подумает, что я свинья неблагодарная, которая за собой убрать не в состоянии. Не знаю, с каких пор меня стало волновать чужое мнение...

Напоследок, перед дорожкой я взглянула на своё отражение сверху вниз. Волосы собраны в высокий хвост. Чёрные стрелки на верхних веках подчёркивают миндалевидную форму глаз. Алый цвет губ привлекает внимание. Серая футболка и голубая джинсовая рубашка делают меня ещё моложе. Чёрные легинсы и блестящие белые туфли на высоком каблуке говорят об уверенности в себе. Этот образ кажется мне слишком вызывающим. В таком виде я давно не показывалась на людях. Наверное, со времён съёмок последнего фильма, где я играла роль роковой девицы с «приветом», влюблённой в самоубийцу. Не знаю, что на меня нашло. Женщине в моём возрасте негоже выглядеть подобным образом, но надеть на себя длинную юбку и шёлковую блузку будет не менее глупо. Можно ещё платочек на голове завязать для правдоподобности, но за безвкусицу и старомодность меня осудят даже бабульки. Сейчас мода сурова, у неё нет возрастных ограничений. Свои стереотипы о том, какие вещи можно носить, а какие нежелательно, нужно оставить при себе.

Мой стиль соответствует мегаполису и позволяет не выделяться из разноцветной массы, но так хотелось бы надеть привычные кеды и джинсы (в моём-то возрасте). К сожалению, ходить так на работу я себе позволить не могла. В моём гардеробе были платья средней длины и юбки-карандаши, которые я оставила в квартире. Не понимаю, зачем в клинике этот дресс-код, если на рабочем месте персонал ходит в униформе. Очередная прихоть начальника, который сейчас, наверное, рвёт и мечет, срывает зло на бедных медсёстрах за то, что его лучший врач уволился. И пусть. Он мне никогда не нравился. То и дело заглядывал мне в вырез халата.

— Ни пуха, ни пера, — произнесла я себе под нос фразу, значение которой многие люди уже и не поймут.

Мне удалось привыкнуть к быстрому темпу жизни в Коннекте, к новым технологиям (кого я обманываю?), к внешнему виду людей, но не к сленгу. Культура речи оставляет желать лучшего. Интернет пагубно повлиял на словарный запас среднестатистического человека ещё много лет назад. Короткие сообщения и смайлики, можно сказать, материализовались, и люди теперь общаются только на таком языке. Читая комментарии на сайтах, я часто замечаю, что они состоят из простых фраз, банальных слов, улыбочек и подмигиваний. Мой лексикон остаётся при мне, но доказывать кому-либо, что человека красит грамотная речь, бесполезно. В школах и вузах преподавание родного языка и остальных наук находится на высоком уровне. Иногда в интернете я просматриваю учебные пособия (когда-то ими были заполнены полки книжных магазинов, а сейчас актуальны электронные носители), чтобы быть в курсе, чему учат младшее поколение. Если образование в стране стало эффективнее, а уровень грамотности стремительно падает, значит дело в самих детях и подростках. Попроси их назвать дату начала и окончания Второй мировой войны (не говоря уже о Первой), верный ответ дадут единицы, зато назначение любого гаджета они расскажут тебе, как скороговорку. Ладно, у меня ещё будет уйма времени, чтобы подумать о моральном аспекте современной молодёжи. Осталось закончить мысль избитой фразой: «Вот в моё-то время...».

Я вовремя взглянула на настенные часы. Уже начало второго, а мне в три часа нужно быть на вокзале. Если не успею, то придётся ещё около часа ждать следующий поезд, чего мне совсем не хотелось бы, поэтому нужно поспешить. Я перекинула чёрную сумочку через плечо, схватила чемодан, контейнер с кошкой, которую моя спешка не потревожила, и закрыла за собой дверь. У меня нет привычки долго прощаться со своими временными домами, скорее наоборот, привычка состоит в частой смене места жительства.

Ключи от квартиры я спрятала по старинке под коврик, о чём предупредила хозяйку в письме. Если раньше воры поблагодарили бы меня за этот поступок и воспользовались возможностью проникнуть в помещение, то сейчас у них даже мысли не возникнет искать ключи где-то поблизости с дверью, потому что этого будет недостаточно. Квартирные замки постоянно совершенствуются. Чтобы отворить дверь, необходимо также ввести защитный шестизначный код, комбинацию которого можно в любой момент сменить (главное, самому не забыть) или отключить на некоторое время. Так что, о сохранности квартиры, ставшей мне домом на несколько лет, я могу не беспокоиться.

Спустившись пешком на первый этаж, я вышла из подъезда на оживлённую улицу. Съёмная квартира находится в самом центре мегаполиса. Здесь было легко затеряться в толпе спешащих по своим делам людей. Жители Коннекта делятся на две категории: одиночки, увязшие в виртуальном мире, и выскочки, всегда находящиеся в компании друзей, но думающие только о себе. Ни тем, ни другим нет до меня никакого дела. Я буду скучать по хаосу и суете, ведь совсем скоро я окажусь в диаметрально-противоположном городе. Буду скучать по стоэтажным высоткам и ярким вывескам, призывающим купить тот или иной товар. Меня никогда не привлекала реклама, но я настолько привыкла к светящимся баннерам, что уже не представляю города без них. Мой родной Мираж никогда не славился помпезностью и размерами. Мираж — это тот город, в котором можно побыть наедине с собой, природой и мыслями. Это город, в который часто приезжают художники и писатели, чтобы почерпнуть вдохновение. Мираж потому так и назван, он основан незадолго до моего рождения, построен на руинах и пережитках прошлого, поэтому родители сразу переехали туда, где спокойно могли заниматься научными разработками и воспитанием дочери.

Я и не заметила, как возле меня выстроился ряд машин, ждущих, когда же, наконец, можно будет ехать дальше. Зелёному свету осталось гореть считанные секунды, но я решила поиграть наперегонки со светофором. Сейчас правила дорожного движения ужесточились как для пешеходов, так и для автомобилистов, но года три назад, в рамках эксперимента, были ещё хуже. Когда человек за отведённое время не успевал пробежать дорогу шириной в несколько метров, «электронный полицейский» предъявлял денежный штраф. Невидимая «ловушка» регистрировала движение человека возле каждого светофора и работала по простому принципу: не успел перейти дорогу вовремя, будь добр оплатить штраф. Для того чтобы нарушитель не скрылся, турникет создавал силовое поле, затем заключал пешехода в свои объятия. Действовал он осторожно, не нарушая личного пространства, но выбраться из невидимой ловушки можно только, оплатив штраф. В турникете имелось считывающее устройство для наличных денег или пластиковых карточек. Сумма штрафа была небольшой, она равнялась двукратному проезду в автобусе, но сама ситуация вызывала у людей дискомфорт.

Силовой купол не выпускал нарушителей и ждал оплаты, в то время как движение на дороге продолжалось. Эксперимент, носящий название «Электронный полицейский», провалился из-за большого скопления нарушителей. Это мешало законопослушным

пешеходам, которым приходилось ждать, когда те расплатятся с турникетом. Образовывалась «живая» пробка, и в администрации города было принято решение не вводить систему «Электронный полицейский». Люди стали привыкать к штрафам и сейчас редко перебегают на красный свет, так что эксперимент всё-таки привёл к положительным результатам.

От эксперимента осталось только силовое поле (в которое я ни разу не попадалась), ограничивающее действия водителей. Оно образуется, когда пешеходам загорается зелёный свет. Поле не даёт машинам пересечь черту пешеходного перехода. Силовое поле высотой в три метра видно невооружённым взглядом, оно окрашено в красный цвет. В первое время случались аварии. Находились смельчаки, которые пытались прорваться сквозь поле, но исход был плачевным. Машину отбрасывало с такой силой, что стоящие сзади машины сталкивались между собой. Смертей зарегистрировано не было, но водителю, спровоцировавшему ДТП, приходилось несладко. Он выплачивал баснословный штраф всем пострадавшим. Сейчас система наиболее отлажена. Пешеходы стали серьёзнее относиться к переходу дорог, к тому же их жизни больше ничего не угрожает. Между людьми и потоком машин стоит непробиваемая стена, эффективность которой предельно высока. Силовое поле образуют два намагниченных столба, располагающихся с обеих сторон перехода. Они тонкие и светятся зелёным, когда движение разрешено, а красным, когда запрещено. Некоторые дикари пытались разрушить столбы, чтобы пойти против системы, но сразу же оказывались в полицейском участке за дебоширство. Дороговизна «умных» пешеходных переходов окупилась спасёнными человеческими жизнями, аварии свелись к нулю, но ДТП на скоростных неконтролируемых трассах остались в силе...

— Тётя, помогите. — Я не сразу поняла, что мальчик лет семи обращается ко мне. Он не похож на ребёнка из бедной семьи, но его слёзы заставили меня остановиться. — Я потерял деньги по пути в магазин. Мне нужно купить хлеб и молоко.

— Знакомая история, — пробормотала я себе под нос, вспомнив себя в детстве, достала из кармана бумажную купюру, которая постепенно становится дефицитом из-за популярности безналичного расчёта, и протянула мальчику. — Вот, возьми. Купи себе и родителям мороженое на сдачу.

— Спасибо, Вы добрая, — сказал мальчик, вытирая слёзы, и встал с бордюра.

— Беги в магазин, а то мама будет волноваться.

Сама себя не узнаю. Я никогда не останавливалась возле людей, просящих о помощи, избегая нежелательных контактов, но что-то в этом мальчике заставило меня с ним заговорить. Возникло такое чувство, что в прошлом у меня был друг, похожий на него.

— Спасибо, — повторил мальчик и растворился в толпе.

Не успела я прийти в себя, вспомнить друга детства, который вполне мог быть воображаемым, и протянуть руку, чтобы поймать такси, как водитель машины, припаркованной слева от меня, посигналил и опустил стекло, чтобы я услышала, что он говорит.

— Вас подвезти?

— Да, спасибо, — ответила я, подходя к задней двери, которая моментально открылась, взмывая вверх и огибая крышу. Никак не привыкну к автоматике. Хотя и автомобили нового образца появились достаточно давно, всё равно дорого стоят. Мне представилась возможность посидеть в элитном салоне. Я поставила чемодан на пол (просторный салон позволяет вместить ещё несколько таких же), а контейнер с Касси поставила себе на колени.

Кошка уснула. Кажется, эта клетка и правда оказалась полезной. — Мне на пригородный магнитодорожный вокзал. Успеем за двадцать минут?

Водитель кивнул, и машина послушно последовала его указаниям. Все команды автоматизированы и реагируют на голос. Например, чтобы включить музыку, стоит только назвать композицию, исполнителя или радиостанцию. Водитель включил рок-балладу, которую я слышала много лет назад. Мне внезапно захотелось поговорить с кем-нибудь близким и понимающим. Не просить же теперь водителя выключить песню только из-за того, что она вызвала у меня чувство ностальгии. Чтобы отвлечься от навязчивой мелодии, я стала смотреть в окно то справа, то слева от себя.

Раньше я не обращала внимания на то, что каждый пятый человек идёт в смарт-очках. Все мои мысли всегда были заняты работой или жалостью к бездомному животному. Смарт-очки сейчас являются такой же забавой для людей, как в мою «молодость» — игровые приставки. Они выглядят, как обычные солнцезащитные очки, только с широкой пластмассовой оправой. В ассортименте у производителя имеется пока только чёрный и белый цвета, но современные подростки, кстати, не только женского пола, не унывают и красят оправу акриловыми красками. Иногда мне кажется, что парни заботятся о себе больше, чем девушки. Например, как этот водитель. От него приятно пахнет дорогим парфюмом, пеной для бритья и ментолом. Я не видела его лица, когда садилась в машину из-за широких солнцезащитных очков. У него длинные волнистые волосы, тёмные на корнях и светлые на концах. У меня такое ощущение, что мужчина поглядывает на меня в зеркало. Я никак не могу поймать его взгляд, зато поймала себя на мысли, что пялюсь на водителя в упор, покачивая ногой в такт песне. Впервые я расстроилась, что Касси спит. В её янтарных глазах я бы нашла поддержку...

Когда мы остановились на перекрёстке, чтобы пропустить пешеходов, песня заиграла сначала. Да что со мной? Думай о другом, Ева! Рыжеволосая девочка лет шестнадцати переходит дорогу на зелёный свет, не нарушая правила дорожного поведения. Молодец. Из толпы она выделяется благодаря смарт-очкам, которые направлены прямо на машину, в которой я нахожусь. Водитель застучал пальцами по рулю. Нервничает? Представляю, как утомляет вождение, но мы едем всего полторы песни. Или я уже сбилась со счёта? Опять отвлеклась. Девушка останавливается посреди пешеходного перехода, чтобы изучить машину, точнее просканировать. Так называется действие смарт-очков. Они работают на основе обычного смартфона и подключены к сети интернет. Первые модели были менее мобильными, очки нужно было подключать к компьютеру, чтобы использовать по назначению. Сейчас в этом нет необходимости.

Водитель такси посигналил девушке, чтобы та наконец перешла дорогу. Она улыбнулась и помахала мне рукой. Неужели узнала? Неужели смарт-очки позволяют сканировать людей? Это же нарушение свободы личности и пространства! Как я могу оставаться инкогнито, когда любой желающий может узнать мою фамилию и профессию? Кстати, очень интересно, какую информацию выдала девушке её шпионская штучка?

— Не волнуйтесь, действие смарт-очков не распространяется на людей, — прервал мои мысли водитель, поглядывая на меня в зеркало, повёрнутое таким образом, чтобы я не смогла увидеть отражение мужчины. Несправедливо. — Пока это невозможно, но техника не стоит на месте. Когда получится на расстоянии сканировать сетчатку глаза, знаменитостям уже не поможет камуфляж. Фанаты достанут их из-под земли. Известные личности первые попадут под эксперимент, поэтому я не завидую тем, кто ещё не обзавёлся охраной.

Этот голос. Знакомая манера быстро говорить. Не может быть. У меня разыгралось воображение. Если и разыгралось, то почему этот мужчина не похож на обычного таксиста?

— Сканирование сетчатки необходимо, чтобы находить данные о человеке в интернете? — спросила я. Песня заиграла заново, но водителя, кажется, это совершенно не смутило.

— Естественно, — ответил мужчина, кажущийся мне знакомым, приближая меня на своей машине к пункту назначения. — Но только те данные, которые предварительно внесены в электронную базу данных. Это мои догадки, поэтому нельзя исключать вариант, что люди совсем обленятся и не захотят общаться друг с другом. Элементарное знакомство превратится в целую сетевую операцию. Зачем узнавать имя человека, если оно заранее нам доступно? Флирт может потерять всякий смысл.

— Жутко звучит, — сказала я, на что водитель только кивнул.

Мне хотелось продолжать интересный разговор, но пауза слишком затянулась. После слова «флирт» мне стало не по себе, и я решила, что лучше буду молчать.

Мы выехали за пределы города. Высотки, суета и смарт-очки остались позади. Это говорит о том, что с минуты на минуту я окажусь на магнитодорожном вокзале. Только сейчас я заметила лёгкую дрожь в коленках. Дно контейнера вибрирует, обеспечивая доступ к кислороду. Неудивительно, почему Касси всё ещё спит. Её укачало.

— Приехали. — Водитель произнёс слово, которое мне сейчас хотелось слышать меньше всего.

Я знаю, где слышала этот голос с хрипотцой прежде! Помню, что с ним связано. Помню боль, которую причинила его обладателю. Вспомнила ту песню, которая звучала в салоне автомобиля около десятка раз. Мужчина скрывает своё лицо, но намеренно открывает мне свою душу. Он умён. Он хочет, чтобы я чувствовала себя виноватой, и я чувствую.

Не в силах вымолвить ни слова, я протягиваю водителю пластиковую карточку, на которую мне приходит зарплата и деньги, полученные за сдачу родительского дома в аренду. Мужчина неохотно принимает её и крутит в руках. На карте нет моей фотографии и имени, только название банка и номер лицевого счёта. Вся информация о держателе хранится в микрочипе.

— Мою маленькую дочь тоже зовут Ева, — сказал водитель, повернувшись ко мне, глядя в глаза.

Он снял очки, и мой неустойчивый внутренний мир рухнул, как карточный домик, который я годами пыталась склеить. Мне нужен глоток свежего воздуха. Я не переживу это снова. Теоретически оставалось подождать всего пару лет, чтобы забыть это лицо, но хватило всего полчаса, чтобы воскресить воспоминания.

— Твои глаза... Они прекрасны, — сказала я, отчего на лице мужчины появилась знакомая улыбка. Она сразу же погасла, когда я попыталась открыть дверцу, забыв, что в машине всё автоматизированное.

— Будь счастлива, — сказал он.

На мгновение наши руки соприкоснулись, когда мужчина вернул мне карточку, ничего с неё так и не списав. Дверь справа от меня поднялась вверх, и из салона на асфальт выехала дорожка, чтобы мне не составило труда спустить по ней чемодан. Держа в одной руке контейнер с Касси, а другой, волоча за собой багаж, я обошла автомобиль, чтобы ещё раз взглянуть на лицо водителя. Он этого явно не ожидал и крепко уцепился за руль. Что он чувствует, глядя на девушку в молодёжных вещах, которая разбила ему сердце? Что чувствую

я, глядя на мужчину тридцати семи лет, который уже обзавёлся семьёй, морщинками вокруг глаз и бородой? Я не знаю.

— И ты будь счастлив, Брендон, — наклонившись, сказала я, когда он опустил боковое стекло.

Наши взгляды снова встретились, и на секунду мне показалось, что Брендон хочет меня поцеловать. Я бы себя за это никогда не простила, но этого не произошло. Слишком большая пропасть между нами. Слишком много времени прошло по человеческим меркам. Слишком больно отпускать его снова.

Брендон больше ничего не сказал, но я и не ждала. Он лишь одарил меня печальным взглядом и закрыл заднюю дверь. Когда расстаёшься с близким человеком, сложно найти подходящие слова на прощание. Может, иногда молчание уместнее многообещающих фраз? Брендон завёл двигатель, и я отошла в сторону, чтобы он мог развернуться на стоянке. Полукиборг из моего прошлого помигал фарами чёрного автомобиля и оставил меня на вокзале наедине с сотней раскрашенных лиц. В отражении бокового зеркала я увидела голубые глаза, полные отчаяния и радости одновременно.

Машина быстро скрылась из виду, и я пошла на перрон. Остаются считанные минуты до начала посадки. Как хорошо, что больше не нужно стоять в огромной очереди, чтобы приобрести билет на поезд. Мне удаётся избежать лишнего столпотворения. Сейчас билет можно купить при входе в транспорт с помощью банковской карты. Бумажные деньги стали изнашиваться, и правительство, чтобы постоянно не обновлять их оборот, распорядилось электронизировать привычные процедуры, такие как оплата за проезд, шопинг, коммунальные платежи и многие другие.

Магнитодорожный вокзал внешне ничем не отличается от железнодорожного. Можно сказать, что он просто модернизирован. Железная дорога сейчас используется только в целях грузовых перевозок, а современные скоростные поезда движутся по магнитным полосам, протянутым по всей стране, что позволяет за короткий промежуток времени добраться из одного города в другой. Удивительно, раньше я видела такие поезда в фильмах, а сейчас могу прокатиться на них за символическую стоимость. Они бесшумные, потому что скользят по магнитным полосам, и более безопасные для людей из-за крытого шасси, также поезда могут в любой момент затормозить, что снижает уровень аварий. Как сказал Брендон, техника не стоит на месте, а кому, как не ему, знать об этом. Уже начались разработки аэромобиля, что повергает меня в шок. Никогда не думала, что доживу до этого исторического момента. Первые попытки создать летающий автомобиль увенчались провалом, но учёные работают не покладая рук, поэтому через несколько десятков лет небо будет заполнено аэробусами и аэромобилями. Это будет такой же общедоступный транспорт, как поезда, но более быстрый. Всё, что раньше казалось фантастикой, постепенно становится реальностью. Общество стремится к автоматизации. Темп жизни значительно ускоряется. Никто не хочет заниматься обыденными делами. Главное, чтобы сэкономленное на них время приносило пользу, а не приводило к саморазрушению.

Я подошла к посадочной площадке с табличкой города Мираж. Минус новых поездов в том, что они идут из одного пункта в другой, нигде попутно не останавливаясь. За каждым поездом прикреплены индивидуальное направление и магнитная полоса, таким образом, маршруты являются разнородными, и поезда не могут столкнуться. Это весомый плюс.

Длина современного поезда — шесть стандартных вагонов. Внешне от своего прототипа он отличается литым корпусом и автоматическими дверьми. «Магнитный» поезд

напоминает форму стрелы из-за угловатой кабины машиниста, следящего за навигатором. На солнце поезд переливается так, что можно увидеть своё отражение. Цвет корпуса зависит от фирмы-производителя. Я отправлюсь в путь на серебристом в голубую полоску. Казалось бы, гамма совершенно неважна, но находятся придирчивые пассажиры, которые не поедут в «нестильном корыте». Ох, уж эти современные ценители искусства!

Когда настала моя очередь заходить в поезд, я оставила чемодан в багажном отделении и поднялась по ступенькам в салон, который из-за магнитной конструкции возвышается над уровнем земли. Запахло древесиной и кожей. Я вставила банковскую карту в считывающее устройство, и на дисплее появилась схема свободных мест. Я выбрала самое последнее возле окна. Обычно людям лень туда пробираться, хотя проход довольно широкий, и не мешают даже ноги, выставленные на обозрение. Получив бумажный чек, я поняла, что ошибалась...

— Женщина, это моё место! Не могли бы Вы встать? — послышался голос старушки во второй половине салона. Даже внутри поезда может образоваться пробка. Так каждый чёртов раз.

— Я первая его заняла, — ответила нарушительница (лет шестидесяти) личного пространства этой милой старушки. — И не называйте меня женщиной, я ещё молода!

Началось. Одна бабулька просит другую, чтобы та обращалась к ней, как к прелестной девушке, а ведёт себя, как матёрый мужлан!

— Милочка, скажите этой наглой особе, чтобы она не командовала! — обратилась ко мне та, которая не хочет, чтобы её называли женщиной. Какая я ей милочка в свои-то восемьдесят с лишним лет? Мне хотелось ей ответить, что командует здесь только она, но я тактично промолчала и протиснулась мимо старушки с огромной авоськой, которую она не удосужилась оставить в багажнике. — Вот молодёжь пошла, одни хамы кругом!

Не хочу показаться невежливой, но эта дама ещё не родилась, когда я в школе диктанты писала и примеры решала. Что за цирк они устроили? Салон полупустой. Везде можно настроить желаемую температуру воздуха и удобно расположиться в мягком кресле. Они не видели автобусов, в которых я ездила в детстве. Если повезёт, можно было открыть люк в потолке, чтобы проветрить вонь, исходящую от грязного салона и тел. Междугородние автобусы, конечно, были комфортней, но раньше в Мираж из Коннекта приходилось ехать около двенадцати часов. Водитель не тронется с места, пока не обойдёт все закусовые на остановках и не выкурит пачку сигарет. Я же не жалуясь, чёрт возьми!

Когда я расположилась на мягком сидении и поставила контейнер с Касси на откидную полку, образовался новый конфликт. Старушка, которая так и не отвоевала своё место, загородила пассажирам проход, и те стали кричать, чтобы она отошла в сторону и заняла любое свободное сидение. С ума сойти можно. В данном случае не хватает водителя, который показал бы свой характер со словами: «Пока не утомнитесь, я никуда не поеду!». И ведь это сработало бы. Машинисту поезда повезло, что его кабина отделена звуконепроницаемой стеной (во избежание стрессовых ситуаций) от салона, и ему не приходится выслушивать споры вечно-недовольных пассажиров.

— Рейс «Коннект-Мираж» отправляется, пристегните свои ремни. Счастливого пути! — произнёс дежурную фразу электронный голос, и это успокаивающе подействовало на старушку.

Она наконец села рядом с женщиной, и только тогда я поняла, что весь спор произошёл из-за места возле окошка. Хорошо, что я не слышу, какими любезностями обменялись дамы, и не вижу, как сверлят друг друга яростным взглядом, зато это видят люди, сидящие

напротив. Салон построен следующим образом: четыре кресла, расположенные в форме квадрата, и между ними столик. Эта схема не действует на треть салона, в хвосте все смотрят друг другу в затылок, поэтому я всегда сажусь именно здесь.

Я пристегнулась, доверив свою судьбу поезду. Сегодня я уже совершила отчаянный поступок, когда села в такси. Только это было и не такси вовсе, а знак, что я верно поступаю, отрывая от себя очередную историю. С каждой минутой я отдаляюсь от города, в котором остались мои воспоминания...

Глава 5. Киборг.

«Прощай» — слово, которое убивает всё живое, что в нас осталось.

После съёмок фильма «Рельсы судьбы» я переехала в Коннект, где познакомилась с мужчиной. Брендон был поистине обходителен и грациозен. Он родился слепым и девятнадцать лет не видел белого света, но его спасло чудо. В 2046 году были изобретены глазные протезы. Родители парня, узнав о новшестве, сразу же повезли сына в клинику. Он стал одним из первых испытуемых, поэтому операцию сделали совершенно бесплатно, ведь рисковать было нечем, разве что нарушением работы некоторых рецепторов. Он о риске и знать не желал, поэтому согласился лечь под нож. Игра стоила свеч. Парень стал видеть, после чего глазные протезы запатентовали и стали применять на практике, но уже за баснословные деньги. Обладателя глазных протезов в принципе можно назвать киборгом, хоть и его разум не является искусственным. Некоторое время я увлекалась киберпанком, читала старые художественные и научные произведения и сейчас могу с уверенностью сказать, что к середине двадцать первого века кибернетика продвинулась на шаг вперёд. Проводится много тайных экспериментов и опытов на животных, но это не оглашается в прессе и не огласится до тех пор, пока научные труды не принесут положительных результатов. Жаль, мама с папой не дожили до этого времени. Не видели, что я была счастлива рядом с человеком, чьё имя в переводе означает «принц».

Наши встречи с Бренденом сложно назвать романтическими, но я много интересного узнала от него. Это в нём меня и привлекало. Он весьма красноречивый собеседник. Мог рассказать мне обо всём, что я попрошу, и это не составляло ему особого труда. Он просто искал интересующий меня вопрос в интернете и зачитывал. Его новые глаза сконструированы на основе ранее изобретённых смарт-очков, они сделаны из такого же материала. Главное их отличие состоит в том, что тонкие линзы смарт-очков крепко держатся в оправе, а протезы — в глазницах... Смарт-очки позволяют человеку искать информацию, автономно подключившись к интернету, и созданы они не для улучшения зрения, а искусственные глаза позволяют незрячим стать полноценными людьми. Глаза были выращены в специальных лабораторных условиях и сотканы из биологического материала. Если бы Брендон не рассказал мне об операции, я бы никогда не догадалась, что его глаза являются протезами, только фиалковый цвет выдавал ненатуральность. Любимый цвет Брендона. Цвет, который больше никогда не появится в моём гардеробе.

Брендон считал себя изгоем, но я всячески переубеждала его в этом. Он стеснялся своих протезов, часто впадал в депрессию, хотя главная мечта всей его жизни состояла в борьбе со слепотой. Он не чувствовал себя полноценным, потому что новые глаза позволяли ему видеть мир только в двух цветах — чёрном и красном. В сетчатку его глаз встроена матрица,

которая обрабатывает поступающую информацию и посылает в мозг. Этот процесс иногда занимает несколько секунд, поэтому Брендон постоянно нервничал. Я всегда говорила ему, что он уникален, что он один из немногих, кто может с помощью своих органов подключиться к любому компьютеру и за пару секунд обработать необходимый текст, стоит только на него взглянуть. Брендон мог бы стать незаменимым сотрудником в любой фирме, и мне удалось его в этом убедить. Не всю же жизнь ему нянчиться со мной, давать советы и проводить психологические тренинги, чтобы вывести из депрессии. С таким же успехом я могла найти это в интернете, но гораздо приятней слушать голос живого человека, видеть его выражение лица, ощущать запах духов. В какой-то мере я использовала Брендона, его доброту и чувства. Меня нужно считать недочеловеком, а не его. Моя душа мертва, а его — полна энергии, которой я питалась на протяжении почти трёх лет. Брендону так и не удалось заполнить мою пустоту, а во мне проснулась совесть, и я переехала в другую квартиру, не оставив ему свой новый номер телефона. За шесть лет разлуки мы ни разу не встретились в Коннекте. Не знаю, пытался ли Брендон меня найти, но я никогда не слышала о нём, не считая газетных статей.

Я могу не вспомнить Брендона через пару лет, если не напишу о нём в дневнике. Хочу ли я сохранить его образ в своей голове? Моя память слаба. Удобно забывать то, что не хочется помнить. Это положительная сторона моего старческого склероза. Хочу ли я в будущем знать, кто такой Брендон Хайд? Что буду чувствовать при упоминании его имени, когда забуду? Сегодня в его взгляде я прочитала искреннюю радость при встрече со мной. Никто и никогда после смерти Стефана не вызывал у меня таких бурных эмоций на протяжении десятков лет. Сегодня я поняла, что хочу помнить этого человека. Просто обязана помнить и испытывать ту боль, которую незаслуженно ему причинила.

Недавно разработали новые глазные протезы. Они позволяют человеку видеть мир в полном цветовом спектре. Я читала статью об этом. Клетки фоторецепторов преобразуют свет, попадающий в био-глаз, в импульс, который поступает в мозг через оптический нерв, состоящий из встроенных в сетчатку био-глаза электродов. Неудивительно, почему Брендон с лёгкостью водит автомобиль. Он не отказался от парочки новых голубых глаз. Он выбрал именно этот цвет, потому что я всегда восторгалась глазами Стефана...

С тех пор как мы с Бренденом перестали общаться, у меня не было мужчин (даже в качестве друга) и полукиборгов тоже. Никого. Больше никто не заботился обо мне, как Брендон. Больше никому я не рассказывала о своей аномальной природе. Он всё знает, и он не сдал меня властям, раз на мне ещё не начали ставить эксперименты. Он не предал меня, а я его — да. Предала, когда он предложил мне стать его женой. Это произошло в мой день рождения, весной 2056 года. Я родилась в 1980 году, и Брендон прекрасно знал, сколько лет мне исполнилось. Он подарил мне кольцо, на котором собственноручно выгравировал моё имя. Я знаю это наверняка, потому что он часто дарил мне оригинальные вещи, которые создавал сам. Когда ему восстановили зрение, он мог выполнить любую мелкую работу без специальных приборов. Иногда мне самой хотелось ослепнуть, чтобы потом увидеть мир в новых красках и деталях. Ещё Брендон увлекался техникой. Например, однажды он сделал из электрического чайника сушилку и подарил мне. Я забрала её в ветеринарную клинику, чтобы постоянно не вытирать салфетками медицинские инструменты. В спешке я не забрала изобретение, когда перевелась в другую клинику, как и многие другие подарки Брендона. В Коннекте я оставила главный подарок — доверие.

Брендон один из немногих мужчин, который мечтает о семье, и я рада, что сейчас она у него есть. Он не поставил на себе клеймо, но я всё ещё чувствую себя виноватой. После моего отказа выйти за него замуж он сказал, что я испортила ему жизнь. Это были последние слова, сорвавшиеся из его уст. Он просто тихо закрыл за собой дверь, оставив меня наедине с кольцом, которое до сих пор лежит в моей шкатулке вместе с фотографиями родителей и Стефана.

Как я могу забыть о самом худшем дне Брендона? Как могу закрыть глаза на то, какой сволочью выглядела в день нашего расставания? Он не стал искать меня в огромном Коннекте не потому, что я причинила ему боль своим отказом, а потому, что знал, как сильно я нуждаюсь в свободе. Его предложение было поистине красивым. Может, большинству женщин оно показалось бы банальным и дешёвым, но я высоко оценила ужин при свечах и прочтение стихов о любви. Брендон не встал на одно колено, как бывает только в кино, чтобы признаться в своих чувствах и попросить моей руки, но даже будничным тоном вогнал меня в краску. Душой я согласилась (хотелось сказки) и представила, как в белом платье иду к алтарю, но разумом откинула эти мысли и ответила «нет», поставив крест на поисках принца. Брендон не мог не знать, что именно так я и отвечу. Он, как никто другой, знал о моих страхах. Знал, что я не смогу состариться вместе с ним. Знал, что я люблю его как друга, а не как мужчину, поэтому не стал искать меня. Он позволил мне вернуться в своё привычное состояние. Одиночество.

Глава 6. Мираж.

Сложно оставаться собой в современном мире.

Мои мысли прервало громкое сопение. Я открыла глаза и справа от себя увидела неопрятного мужчину. Я бы и не заметила его присутствие, если бы он не положил свою невымытую голову мне на плечо. Тело пробрала дрожь, и я попыталась стряхнуть с себя обнаглевшую морду.

— Какая ты нежная, красавица! — сказал мужчина, причмокивая губами. Какая мерзость! Он пьян.

— Убирайтесь отсюда, — сказала я, пытаюсь держать себя в руках. Я бы не устраивала этот спектакль, если бы не знала, какие грязные мысли таятся в его башке.

— Ты ещё и дерзкая. Мне нравится, — сказал он, наклонившись к моей шее.

Меня затошнило от запаха перегара и пота, и я ударила нахала локтем в бок. В такие моменты я жалею, что не ношу с собой пистолет или хотя бы электрошокер. Мужчины сейчас стали более воспитанными и сдержанными, чем были раньше, но похотливых и беспардонных уродов не убавилось. Я уже не раз попадала в подобную ситуацию. Мне даже приходилось убегать от извращенца. Меня спас шумный гипермаркет, в котором я просидела пару часов, чтобы оторваться от преследователя. Случись бы такое в начале двадцать первого века, придурка давно бы избili на улице за то, что тот распускает руки, тем более днём. Современный мир слеп. Я кричала и просила о помощи, но никто не обратил внимания ни на крики, ни на голого мерзавца, который гнался за мной несколько кварталов.

— Мне повторить? Проваливай, — тихо сказала я, сопроводив слова новым ударом в плечо.

Мужчина от неожиданности свалился на пол или потому, что не был пристёгнут. Все

беды происходят из-за глупости или алкоголя. В данном случае причиной послужило и то, и другое. Мужчина встал, даже не отряхнувшись, и сел впереди меня. Рядом с ним никого не было, и ему хватило наглости повернуться ко мне.

— Может, передумаешь? — спросил он, улыбаясь так широко, что я увидела его гнилые зубы. — Тебе понравится со мной...

Помимо зубов, у него ещё и душонка не первой свежести. Ненавижу вступать в бессмысленные споры с ограниченными людьми. Он заметил, что я собралась нажать на кнопку вызова охраны, и быстро покинул моё личное пространство. Шатаясь и бормоча себе под нос ругательства в мой адрес, мистер *Ишу Лёгкую Добычу* направился в другой конец салона. Надеюсь, он больше не будет никому докучать, хотя, может быть, составит компанию тем милым старушкам, которые по-прежнему обмениваются презрительными взглядами. Не желая наблюдать за последствиями конфликта, я отвернулась к запотевшему, как мои воспоминания, окну. Если не протереть его рукой, то не удастся увидеть, что творится снаружи. То же самое происходит с памятью. Если не освежать её, то меня настигнет туман, хотя порой лучше оставаться в неведении...

Заняться нечем. Касси проснулась и стала умываться. Оказывается, она всё это время мяукала, только я не слышала из-за звуконепроницаемой клетки. Полезная вещь. Пригодится для парочки животных вместо бункера на войне. Я бы спасла в первую очередь их, а не драгоценности, вещички, технику и документы. Страна пережила это страшное время в 2014 году. Тогда я привыкала к своему неизменяющемуся организму и свыкалась с мыслью, что Стефана не вернуть. Родители были ещё живы. Папе было семьдесят два года, а маме шестьдесят шесть, она тяжело переживала болезнь мужа. Я приехала к ним в Мираж летом 2015 года, в самый разгар гражданской войны, и получилось так, что он был одним из немногих городов страны, который не попал под раздачу миномётов. Я поехала туда на автобусе и видела столбы дыма, окутавшие небо. Повстанцы не зря стали поджигать леса, они знали, что синоптики обещали засуху, и не хватало пожарных, чтобы потушить огонь.

Я жила у родителей пару месяцев, пока всё не утихомирилось. Нам повезло с президентом. Он быстро всё уладил, организовав сопротивление против повстанцев. Они пытались добиться раскола страны, смены власти и якобы боролись за справедливость... За это время у папы случилось два сердечных приступа. Он не мог смотреть на то, как рушатся ближние города и поселения, как война уносит сотни человеческих жизней. Я бы не уехала из Миража, если бы знала, что больше не увижу папу живым. После его смерти в 2018 году мама начала терять зрение, и я снова вернулась в родительский дом, чтобы ухаживать за ней. Мне не приходилось пользоваться косметикой, чтобы выглядеть старше. Я наносила маскирующий макияж только перед выходом на улицу, где меня могли увидеть соседи.

В начале 2020 года я покинула родной город навсегда и сейчас даже не знаю, как выглядит мой дом. Вряд ли он развалился или сгнил, потому что я всё ещё сдаю его в аренду, и там постоянно проживают люди. Квартирный вопрос я доверяла родной сестре Стефана, а сейчас этим занимается её взрослый сын, который думает, что я своя же внучка. Он не видел меня на старых фотографиях, потому что мать Стефана отдала половину мне после его гибели, а после её смерти мне довелось забрать и остальные снимки, которые храню в шкатулке. Их немного, но достаточно, чтобы восстановить в памяти образ любимого.

Я из того времени, когда люди в автобусе сидели, сложа руки на коленях, и смотрели в окно. Сейчас, глядя в него, я успеваю улавливать только оттенки неба и деревьев. Не знаю, с

какой скоростью мы едем, но через час поезд уже будет в Мираже, о чём только что объявил электронный голос. Для всех пассажиров это время пролетит незаметно за просмотром фильмов в смарт-очках, за играми на портскрине и перепиской в социальных сетях. Нужно тоже чем-нибудь заняться, чтобы не быть белой вороной среди людей, пользующихся гаджетами, опыта работы с которыми я не имею. Остаётся только играть с кошкой. Касси смотрит на меня жалобным взглядом. В такие моменты мне хочется взмахнуть волшебной палочкой, чтобы кошка смогла рассказать мне, что её тревожит. Скорее всего, её утомило замкнутое пространство, впрочем, как и меня. Если бы у меня в запасе не было вечности, мне было бы жаль времени, потраченного на поездки в общественном транспорте.

Нужно было с собой хоть книгу взять, но я читаю только бумажные экземпляры. Они скоро будут стоить дороже мобильного телефона. После работы я иногда заглядывала в публичную библиотеку, в которой редко встретишь больше трёх человек. Раньше библиотекари отвечали за тишину, а сейчас они мечтают, чтобы в проходах между книжными полками звучал громкий смех. Настало время, когда даже пожилые люди не интересуются бумажными книгами, и я буду рада, если это в целях экономии. Если нет, то я глубоко разочарована в современном мире. Открой я сейчас книгу, на меня посмотрят, как на сумасшедшую. И будут правы. Я действительно сошла с ума в этом «цифровом» обществе.

Я просунула руку в открывающееся окошко контейнера, и Касси от радости стала тереться мордочкой о мою ладонь, при этом тихо мурлыкая. Так прошёл почти час. Когда электронный голос объявил, что пора готовиться к выходу, люди пчелиным роем ринулись к дверям. Мне спешить некуда, поэтому я стала рассматривать пассажиров. Пьяный мужчина, с которым у нас возникло расхождение в желаниях, встретился со мной взглядом, наверное, сам того не желая, и быстро отвернулся. Он нашёл другую жертву. Девушка с каштановой копной волос так же, как и я, не встала со своего сидения, дожидаясь остановки. Хоть один вменяемый человек. Неужели всем так нравится толпиться, распикивать друг друга локтями и выслушивать в свой адрес нелюбезные слова? Технологии оставили далеко позади культуру и мораль.

Мужчина продолжал сверлить новую пассивность взглядом, держась одной рукой за поручень, а другой — почёсывая подмышку. Теперь я не сомневаюсь в теории Дарвина, хотя мне приятней верить, что люди произошли от инопланетян. Наверняка, у них нет дурных манер, а мы только и можем называть себя «человек разумный».

Когда этот нетрезвый представитель человеческой расы стал звать впереди меня сидящую девушку, она на секунду оглянулась, и я узнала в ней известную модель Элину Роуз. Надо же, никогда бы не подумала, что дочь популярного экс-музыканта может разъезжать в общественных поездах. Если не ошибаюсь, ей уже около пятидесяти лет, а выглядит она моложе этого тридцатилетнего кавалера, который так и жаждет привлечь её внимание. Забавно наблюдать за человеком, который следит за действиями другого человека. Может, кто-то тоже смотрит на меня, и тогда цепочка становится ещё длиннее. Зря говорят, что в транспорте скучно. Никакие видеоигры не нужны, когда вокруг столько интересных индивидуумов. Те старушки снова ругаются, только на этот раз за место на автоматических ступенях, которые работают как эскалатор, помогая человеку спуститься с тяжёлыми сумками. Кстати, я уже и забыла про свой чемодан. Выйду последней, и не придётся искать его в багажном отделении, потому что он останется один.

Поезду даже не нужно сбавлять скорость, чтобы плавно остановиться, торможение происходит моментально. Через пару минут салон опустел, и я с высоко поднятой головой

вышла на магнитодорожный вокзал. Он ничуть не отличается от вокзала в Коннекте, я бы даже и не отличила. Несколько магнитных полос, параллельных друг другу, и столько же поездов, ждущих своего отправления. Небольшое здание, где люди могут перекусить и подождать свой рейс. Открытое поле и минимум деревьев, чтобы ничто не мешало обзору и движению.

Чтобы выйти в город, мне нужно миновать магнитные полосы, воспользовавшись переходным мостом, который тоже модифицирован по сравнению с его предками. Чтобы ленивые пешеходы не перебежали опасную дорогу, вместо ступеней, ведущих к мосту, соорудили широкий эскалатор. Это значительно снизило уровень аварий и повысило скорость перемещения пешеходов. Помню, как в детстве я боялась переходить через железную дорогу, как дрожали рельсы, когда приближался поезд, а стук колёс до сих пор звучит в ушах. От этой мысли мне стало не по себе, и я порадовалась, что сейчас всё по-другому.

Поднявшись на переходный мост, я заметила толпу, окружившую Элину Роуз. Даже в таком маленьком и спокойном городе, как Мираж, её атаковали фанаты. Она, бросив на пол чемоданы, раздаёт автографы юным девицам, подражающим её экстравагантному стилю, и фотографируется с ними. На ней кожаные обтягивающие брюки, туфли на высокой платформе и длинная полупрозрачная туника. Помню, это было модно лет сорок назад. Так одевались многие рок-звёзды. Я уже убедилась, что мода ходит по кругу и постоянно возвращается. Что раньше казалось смешным, вскоре становится любимой вещью в гардеробе. Это не про меня, потому что я давно не одеваюсь, как принцессы с обложек глянцевого журнала, ношу, что мне удобно. Правда, выбранные мною сегодня каблуки не совсем то, что нужно.

— Ева? Ева Смит? — спросила девушка у толпы разъярённых фанаток, а потом обратилась ко мне.

Представляю, как исказилось моё лицо, ведь такого поворота события я не ожидала. Я крепче сжала ручку контейнера с Касси, чтобы унять нервную дрожь.

— Нет, вы ошиблись! — резко ответила я, надеясь, что больше не придётся повторять.

Фанатки особо не расстроились и вернули своё внимание Элине. На её месте я бы давно схватила чемоданы и убежала без оглядки, пока девушки отвлеклись. Судя по её тяжёлому вздоху, который я слышала у себя за спиной, она солидарна с моим мнением.

Сойдя с эскалатора, я невольно посмотрела на мост. Элине ещё не удалось вырваться из цепких лап поклонниц. Кажется, толпа разрослась ещё больше. Вот почему я ушла из кино. Не хочу такой участи. Интересно, почему Элина приехала сюда одна. Я не слежу за жизнями знаменитостей, но помню, что она родом из другого города. Я это знаю, потому что мне до сих пор нравится музыка её отца и двух дядь. Могу предположить, что она приехала в Мираж за вдохновением, как это делают многие творческие личности. Здесь тихо и спокойно. Этот город не похож на все остальные, хотя что-то со временем могло измениться. Сейчас я это и узнаю. Пожалуй, обойдусь без услуг такси, боюсь встретить знакомого водителя. Я не готова снова увидеть, например, Винсента, к тому же ещё и повзрослевшего на десять лет. Мне кажется, он стал наглее, чем был.

Глава 7. Марс.

Возвращение домой спустя долгое количество времени

сравнимо с полётом на чужую планету.

Через двадцать минут ходьбы я оказалась возле дома, который сложно назвать своим спустя около полувека отсутствия. Мираж сложно назвать и тихой деревней, какой он был раньше, где паслись коровы, по утрам кричали петухи и росли белые берёзы. Сейчас это городок современного образца со всеми коммуникациями и развлечениями. Родительский дом находится на окраине, поэтому я по-прежнему буду жить в спокойном микрорайоне. Не в таком, как прежде, но мне здесь нравится. В посёлке можно увидеть только частные дома и несколько магазинчиков, которые мне нужно будет в скором времени посетить. Природу местным жителям, насколько я успела заметить, всё же удалось сохранить. Во дворах соседей встречаются даже экзотические деревья: пальмы, ананасы, бананы. Раньше мы выращивали клубнику, яблоки, помидоры и другие вкусные фрукты и овощи и радовались тому, что есть. Что ж, Мираж не перестаёт меня удивлять.

Не зря я выделяла съёмщикам деньги на поддержание дома в чистоте и порядке. Десятки семей жили здесь, пока я меняла квартиры и города. Сотни цветов успели расцвести и завянуть. Старые деревца сменились молодыми, моими любимыми грушами и абрикосами. В саду пахнет свежестью и жизнью. Природу не обмануть, здесь не место бессмертному существу.

Ворота были открыты, и я ступила на стриженный газон. За шумом своего сердца я сразу не услышала пения девушки, стоящей возле стойки с микрофоном на импровизированной сцене. Зато девушка заметила меня. Она улыбнулась мне, а я замерла, вспомнив знакомую мелодию и красивый текст группы, которая пользовалась популярностью по всему миру в начале двадцать первого века. Девушка собрала много людей в моём дворе, которые пришли послушать её вокал. Я бы назвала их взрослыми подростками. Они все как один обернулись посмотреть, что же послужило причиной улыбки девушки. Я почувствовала себя той самой инопланетянкой, от которой мне казалось, я якобы произошла.

Чтобы избежать излишнего внимания я присела на свободную скамейку, украшенную искусственными розовыми цветами, в последнем ряду, поставила возле себя чемодан и выпустила Касси на свободу. Она поблагодарила меня радостным «мяу» и отправилась разведывать новую территорию. Здесь есть на что посмотреть. Вокруг дома посажены розы разных сортов и цветов. В саду стоят двухместные качели, точно такие же, как были у меня в детстве. Сбоку дома находится прудик, украшенный декоративными камнями. В нём чистая вода и плавают кувшинки. Дом я узнаю с трудом, только его форма и расположение окон мне знакомы. Кто-то из жителей обшил крышу профнастилом кремового цвета и обновил кирпич, заменив стандартный красный на рельефный шоколадный. Здесь столько всего нового и прекрасного, что дом кажется мне чуждым и недостойным моего присутствия. Это дело не моих рук, и я не в силах обратить время вспять.

Спокойная песня в исполнении девушки с длинными чёрными волосами всё ещё звучит, а множество пар глаз уставились на меня, повернув головы в мою сторону. Певица из-за увлечённости музыкой не заметила этого мгновения, а мне оно показалось вечностью. Незнакомцы в ярких одеждах улыбнулись мне, как будто мы давно знакомы, и снова устремили свои взгляды на виновницу музыкального торжества. Судя по её сбившемуся дыханию, это далеко не первая песня за вечер. Я бы не сказала, что её голос настолько прекрасен, чтобы можно им восхищаться. Радует только то, что инструменты настоящие, как раньше. Парень со слащавой внешностью, аккомпанирующий девушке, крепко держит

акустическую гитару в руках. Его причёска напоминает мне былые времена, когда длинные волосы у парня были дикостью для общества. Сейчас это стало нормальным явлением. Люди, находящиеся здесь, похожи на представителей субкультуры, которая предполагала неординарные вещи и поступки, но вряд ли они вообще слышали об этом, просто видели подростков в старых журналах, чей образ скопировали.

Я так давно не слышала звуки живой гитары, что мне кажется, если закрою глаза, я улечу высоко-высоко и вряд ли вернусь обратно. Ещё одно отличие моего мира от современного — отсутствие настоящих концертов. Несколько лет назад я пошла на концерт какой-то популярной группы просто, чтобы отвлечься, забыться, насладиться музыкой, но вместо удовольствия я получила лишь негативные эмоции. Моему возмущению не было предела, когда я увидела музыкальные инструменты, выставленные на сцену скорее для красоты, чем для истинного назначения. Габариты барабанов сократились до минимума, гитары стали сенсорными и практически плоскими, а голоса — электронными. Современные слушатели в восторге от этого, а раньше исполнителя стыдили за то, что он поёт под фонограмму. Живая музыка гибнет на глазах. Виниловые пластинки стали элементом декора, как и проигрыватели, а компакт-диски позабыли вовсе. Сейчас я жалею о том, что за свои семьдесят два года не освоила ни один музыкальный инструмент. Каждый раз я обращаюсь к своим дневникам, чтобы вспомнить, на что же потратила все эти годы...

Я открыла глаза во время исполнения последних строчек песни. На постукивание моего каблука в такт мелодии никто не обратил внимания, хотя я немного не вписываюсь в здешнюю компанию. И парни, и девушки обуты в разноцветные кеды и одеты в обтягивающие джинсы и толстовки. В принципе, по погоде. Несмотря на явное расхождение между нами в одежде, я не стала объектом их изучения, как и парень, который пристально смотрит в мою сторону. Он не похож на всех остальных ни наличием длинной чёлки и начёса, ни манерой поведения. Он сдержан, его волосы не яркого цвета, а русого с серебристым оттенком. Его глаза не подведены чёрным карандашом. Его взгляд... Мне знаком этот изучающий взгляд. Кажется, у меня дежа вю. Подобное уже сегодня случилось и не обернулось ничем хорошим.

Парень сидит на первой скамейке, в трёх рядах от меня. Я нахожусь на безопасном расстоянии, к тому же до дома рукой подать. Незнакомец хотел мне что-то сказать, но зазвучала новая песня, и он отвернулся. Я не сбегу отсюда, пока он не станет чересчур навязчивым. Если учитывать тот факт, что это моя территория, молодому человеку придётся самому её покинуть.

— Наша следующая и завершающая песня называется «Сильной быть», — сказала певица. В отличие от своих слушателей, она не так тепло одета. На ней розовая футболка и пышная чёрная юбка, на ногах плотные серые колготки и высокие кеды. Что-то мне подсказывает, что это не сценический образ, а повседневный стиль. Смело. Её приятель одет скромней: серые джинсы и чёрная майка, обтягивающая худощавую, но рельефную грудь. Только сейчас я заметила, что он босой. Ему повезло, что под стульями расстелен ковёр. — Я хочу слышать ваши голоса! Раз, два, три!

*Не верил никто, что сможет она
Мир свой построить заново,
Но душу свою достала со дна
И по одной залатала раны.*

*Без повода все смеялись над ней,
Талант растоптать пытались...
От этого ей становилось больней
И замкнуться в себе оставалось.*

*Пройдут года, и вспомнит она,
Как боялась собственной тени.
Была счастлива только во снах,
Теряясь в мечтах и во времени.*

*Не поздно никогда руки опустить,
Назад вернуться к истоку реки.
Гораздо сложнее сильной быть
И вперёд идти, мнениям вопреки!*

Куплеты показались мне скучными в плане исполнения, а припев звучал более динамично, текст которого меня зацепил.

*Бывает, что сложно
Пережить те моменты,
Когда борешься с ложью
И мечтаешь о хэппи энде.*

*Нужно быть сильной,
Что бы вдруг ни случилось.
Беды станут лишь пылью,
А печаль словно приснилась.*

Девушка поблагодарила публику и удалилась в дом. На каком основании она туда пошла? Интересно, кто пригласил эту группу? Я никогда не слышала её прежде. Где мои жильцы?

— Поприветствуйте хозяйку этого прекрасного дома, — сказал светловолосый парень, подойдя к микрофонной стойке, ошарашив меня. Тот, который выделяется из толпы, в джинсах и чёрной кожаной куртке. Все зааплодировали, и я испугалась, что мой дом стал общежитием. — Прекрасная мисс, Вы не против, если мы продолжим вечеринку?

— Без проблем, — скучающим голосом ответила я. Надеюсь, современная молодёжь ещё так выражается. Судя по их довольным лицам, они меня поняли, и парень покинул сцену, сконструированную из ковра на лужайке.

Девушка вернулась из дома с ноутбуком и колонками в руках, гитарист помог поставить оборудование на стол. Толпа из шестнадцати человек (я успела их сосчитать, пока слушала песню) окружила парня с девушкой, и я осталась на лавочке одна. Ненадолго.

— Добро пожаловать домой, Ева, — сказал парень с улыбкой на лице, который только что выставил меня на всеобщее обозрение. Он сел рядом со мной. Я быстро встала и схватила свой чемодан, чтобы не выдать дрожь в руках.

— Откуда Вы знаете моё имя? — спросила я, медленно делая шаги в сторону дома.

Где Касси? Когда нужно, её нет рядом. Глупая кошка.

— Все знают. Эти ребята смотрят артхаусное кино, — ответил незнакомец. Я увеличила расстояние между нами. Парни стали заносить скамейки в дом, пока девушки во главе с певицей настраивали аппаратуру, и моему собеседнику пришлось встать.

— Молодцы, — вырвалось у меня. Это значит лишь одно: даже в собственном доме я не могу быть в безопасности. — Кино осталось в прошлом... Может, объясните, что здесь происходит?

— Вечеринка в честь годовщины совместной жизни Триш и Дилана. Ребята, которые сейчас выступали на сцене, — ответил парень. Со стороны мы, наверное, похожи на дуэлянтов. Я отхожу назад, он подходит ко мне, атакует меня словами. Пора прекращать церемониться с ним!

— Так они живут в моём доме? — спросила я, осматриваясь по сторонам в поисках Касси.

— А Вы разве не знали, кто платит Вам деньги? — по-прежнему улыбаясь, спросил парень.

Он адекватный? Что его так забавляет? Насколько я вижу, на накрытых столах нет спиртных напитков. Не стали бы взрослые люди прятать бутылки в траве. На вид им всем не больше двадцати пяти лет. Они мне во внуки годятся, особенно девушка с дурацким именем Триш и этот парень, который отчаянно пытается со мной флиртовать...

— Нет, меня это мало волнует, — ответила я. Пусть думает, что я меркантильная сука.

Я повернулась к парню спиной и пошла в дом. Высокие каблуки и тяжёлый чемодан не сочетаются с мягким газоном.

— Вы забыли контейнер, — сказал парень, сравнившись со мной. Какой же надоедливый. — Позвольте, я Вам помогу... Ясно, не позволяйте. Триш хотела познакомиться с Вами.

— Мне всё бросить и пойти к ней? Я устала и хочу побыть одна. Сделайте одолжение. Вы, кажется, собирались веселиться! — ответила я у порога в дом.

Во взгляде парня промелькнула обида. Он поставил на ступени контейнер, и из-за угла, как по зову, прибежала Касси. Она вся мокрая. Купалась в пруду.

— Привет, ныряльщица, — обратился парень к Касси, даже не подумав ответить мне на грубость, и присел, чтобы погладить кошку.

Я ухмыльнулась, представив, что Касси расцарапает незнакомцу руку, но её реакция была противоположной моим ожиданиям. Она разрешила себя погладить и почесать за ухом. Маленькая предательница! Заметив мой недовольный взгляд, она поднялась по ступенькам и потёрлась о мою ногу.

— Попросите Трейси разогнать гостей до полуночи, — попросила я, не удостоив парня взглядом, открыла дверь и впустила кошку в дом. — Мало ли, что придёт в голову соседям при виде развесёлой компании.

— Триш, — поправил меня собеседник и потянулся за контейнером, чтобы занести его в дом. Я опередила его действия и уже собралась захлопнуть дверь, но парень не переставал говорить. — Я один из Ваших соседей. Можете не беспокоиться, люди здесь равнодушны к шуму и вызывать полицию не станут.

— Зато я не равнодушна, — сказала я громче обычного. Хотя обычно я вообще так долго не разговариваю с людьми, особенно не по делу.

— Окей, я позабочусь, чтобы всё прошло спокойно...

Парень собрался сказать что-то ещё, но я против своей воли его перебила:

— Вы знаете название группы, песню которой исполнила девушка, когда я вошла?

— «Пятьдесят секунд до Плутона», если не ошибаюсь, — ответил парень, обрадовавшись, что я продолжила диалог.

— Ошибаетесь, — сказала я, вернув его на Землю. Он такой же, как и все. Не из моего времени. Не дожидаясь его ответа, я вошла в дом.

— Доброй ночи, Ева, — сказал парень. Остальные слова я не расслышала из-за двери, разделяющей нас.

Может, сейчас он поймёт, что я не настроена на общение. Обычно грубость срabатывает. Мужчины обидчивей и капризней детей. На них нельзя кричать, им нужно давать вовремя то, что они просят, им постоянно необходимо внимание. Ничего из перечисленного в мои планы не входит.

Первым делом я поднялась на второй этаж и зашла в свою комнату, которая простояла закрытой более сорока лет. Вру, я несколько раз просила сестру Стефана нанять рабочих, чтобы сделать здесь ремонт. Сейчас моя комната выглядит чистой и ухоженной, такой, какой я её помню, если только воспоминания о ней не являются ложными. Обычно я помню города, в которых бывала, квартиры, в которых жила, и лица людей, но со временем всё путается в голове, и я могу забыть какую-то деталь или заменить её на новую, и получается совершенно новый образ. Я веду дневники, чтобы окончательно не заблудиться в воспоминаниях. После того как приму душ, изложу на бумаге все сегодняшние события. Кто знает, какой из предстоящих дней станет последним...

Шум во дворе заставил меня взглянуть в окно, и я одёрнула штору нежно-голубого цвета. Касси, воспользовавшись случаем, запрыгнула на подоконник. Жаль, на нём нет цветов, которые она бы с радостью потрепала. На улице уже стемнело. Как долго я не видела открытого неба? Мираж не застроен высотками, по крайней мере, на окраине города, и меня это радует. Здесь можно дышать полной грудью и отдыхать от будничной суеты, поэтому сюда приезжают знаменитости. Мне кажется, здесь даже люди другие. Им плевать, кто ты и откуда, какого социального статуса и в чём одет.

Глядя на компанию, танцующую под моим окном, мне не хочется злиться. Я даже невольно стала пританцовывать в такт медленной акустической песне. Я не ошиблась в этих людях. Они действительно фанаты старого рока. В толпе бледных лиц я заметила загорелого незнакомца, который докучал меня своими речами. Он не танцует, а сидит за столиком и ковыряет вилкой в тарелке. Как назло, он поднял голову и увидел меня. В лучах прожекторов, который установили мои жильцы, лицо парня выглядит ещё идеальней, без единого недостатка, как будто над ним поработал лучший скульптор. Парень улыбнулся мне, и даже издалека я узнала эту улыбку, которую не хотела замечать пару минут назад. Он и раньше улыбался мне. Я не хочу в это верить, быстро задёргиваю штору и бегу в душ. Подальше от жизнерадостных людей, подальше от воспоминаний, нахлынувших на меня. Вселенная велика, и я смогу найти в ней местечко для себя. *Нужно быть сильной, что бы вдруг ни случилось...*

Глава 8. Детство Евы.

Детство — это маленькая война,
в которой побеждают сильнейшие.

— Зевс, ко мне! — скомандовала девочка, сидя на крыльце своего дома. Она, как всегда, коротала время в одиночестве. Её развлечением был только беспородный щенок, которого она приютила после долгих уговоров родителей.

Щенок послушно прибежал к хозяйке, захватив из дома свой резиновый мячик, а следом за ним вышел мистер Стюарт в сером лабораторном халате, чтобы подышать весенним воздухом.

— Пап, ты сделал камень? — спросила девочка, от радости вскочив со ступенек, и Зевс запрыгал вокруг её ног.

— Его сделала природа, точнее выражаясь, создала, а я лишь отшлифовал, как ты просила, — ответил мистер Стюарт без тени улыбки на лице.

Даже с дочерью мужчина не перестаёт быть учёным, погрязшим в работе. Он постоянно пропадает в лаборатории. Всю свою жизнь он посвятил химии, как и его жена — биологии.

— Спасибо, я повешу его на цепочку, — сказала девочка, перебирая пальцами своё сокровище.

Ева обнаружила этот шероховатый камень в парке несколько дней назад, когда гуляла с Зевсом. Она не могла сказать родителям, что он упал с неба вместе с проливным дождём, но ей хотелось носить камень как украшение. Если бы девочка не солгала отцу, что нашла его в траве, потому что её привлёк небесно-голубой цвет камня (при близком рассмотрении можно заметить белые вкрапления в форме облака), то мистер Стюарт стал бы расспрашивать дочь о случившемся, а ей было неприятно об этом вспоминать. Отец Евы не поверил, что девочка нашла камень размером с грецкий орех в парке, но ему не терпелось его изучить, поэтому не стал докапываться до истины. Он никогда не видел подобного минерала, который даже неопытный человек может отнести его к разряду драгоценных камней.

— Он раскрошился при обработке, — сказал мистер Стюарт.

Мыслями он уже был в лаборатории: ставил эксперименты и записывал результаты. Он мечтал стать вторым Менделеевым, вождеделел открыть что-то новое. Увидев камень, принадлежащий его дочери, он представил себя алхимиком и долго изучал состав, надеясь найти в нём что-нибудь необычное, ранее неизвестное миру.

— Поэтому он стал таким крошечным? — спросила девочка, подставив камень в форме капли лучам весеннего солнца.

— Да, — ответил мужчина, но девочка знала, что он лжёт. Она бы даже не удивилась, если бы вскоре нашла остатки камня на лабораторном столе отца. Он готов на всё ради славы, даже если придётся переступить через интересы родной дочери. Девочка сделала вид, что поверила. Она благодарна за то, что у неё осталась хотя бы часть необычной находки.

— Когда мама приедет? — спросила она, и мистер Стюарт заметно оживился.

На его лице редко можно было увидеть улыбку, но при упоминании его жены он всегда радовался, потому что она единственная, кто разделял его взгляды на жизнь, следовал за ним и восхвалял. Он хотел, чтобы и единственная дочь пошла по его стопам. Он закрывал глаза на то, что у неё нет стремления посвятить себя науке. В школе девочка любила писать сочинения и сочинять рифмы, а не решать математические примеры и изучать таблицу химических элементов. Мистер Стюарт ссылался на то, что его дочери всего тринадцать лет,

и она ещё мало смыслит что хорошо, а что плохо. Однажды за ужином он сказал, что не станет оплачивать её обучение в университете, если она поступит на гуманитарный факультет. Девочка пропустила это мимо ушей, не веря в то, что её отец действительно сдержит слово.

— На днях, — ответил он.

Мистер Стюарт не меньше дочери ждал приезда жены, ведь она привезёт из командировки новую информацию из мира науки, которую было сложно раздобыть в двадцатом веке. Если бы не его тёща, живущая в соседнем микрорайоне, он бы уже давно сошёл с ума наедине с любопытной дочерью. Её постоянно всё интересует по делу и без. Ей обязательно нужно влезть во взрослый разговор и затронуть такую тему, на которую у него нет ответов. Его пугало и то, что дочь редко выходит из дома, но не потому, что он хотел, чтобы она завела друзей, а потому, что хотел иметь больше свободного времени. Это не значит, что он не любил дочь, она была желанным ребёнком, просто он нуждался в личном пространстве и не мог себе позволить лишний раз погулять с дочкой в парке. Сейчас его спасает щенок, который отвлекает Еву, хотя мистер Стюарт терпеть не может животных. Они постоянно пугаются под ногами и гадят в саду.

— Она привезёт мне куклу? — спросила девочка. Новый вопрос вызвал раздражение у её отца.

— Ева, ты уже взрослая! — ответил он, ясно дав понять, что больше не намерен продолжать бессмысленный разговор.

— Ты говорил так, даже когда мне было десять, за три года ничего не изменилось, — захныкала Ева, но быстро взяла в себя в руки. Она знает, что слёзы ни к чему хорошему не приведут. Она никогда не видела, чтобы её мать плакала, потому что отец при малейшей ссоре запирается в своём кабинете и выходит оттуда только, чтобы поесть.

— У тебя были игрушки, сейчас они тебе ни к чему, — ответил мистер Стюарт. — У тебя у самой без пяти минут, как появятся дети, а ты хочешь играть в куклы.

— Какие... — Ева пришла в ужас от мысли о скорейшем взрослении.

Как сказать папе, что у всех девочек есть красивые куклы с множеством нарядов и мебели, а у неё только развивающие игры, пазлы и несколько плюшевых игрушек? У Евы были и куклы, но не такие, как у остальных. У них не гнулись руки, не расчёсывались волосы и не снималась голова. Девочки редко принимали Еву в компанию, потому что она была не такой, как они, и это причиняло ей боль. Детям не объяснишь, что она в этом не виновата, что у родителей не хватало денег на игрушки, что она хотела быть обычной девочкой... Даже дни рождения она справляла в кругу семьи. Ева радовалась, когда знаменательное событие выпадало на будний день, чтобы получить поздравления от одноклассников. Даже тогда она чувствовала себя не в своей тарелке, ведь остальные именинники приносили в школу угощения, а её родители не считали это нужным или забывали. Мама всегда пекла торт для неё, но Еве хотелось особенного праздника. С каждым годом она всё больше и больше понимала, что это невозможно. Дни рождения больше не доставляли ей радости, как раньше.

— Тебе не мешало бы прогуляться, — сказал мистер Стюарт и неуклюже потрепал дочь за косичку. — Мне нужно работать.

— Да, сэр, — ответила она, подумав: «Я только что гуляла, я каждый день гуляю. Одна». Папе свою обиду Ева не показала.

— Увидимся за ужином, — сказал мистер Стюарт и удалился в своё обиталище. Он избавился от дочери на весь день и предоставил её самой себе.

Ева не стала зря терять времени. Она сбегала в свою комнату на втором этаже и взяла из шкапулки серебряную цепочку, подаренную бабушкой на прошлый день рождения. Вернувшись на крыльцо, девочка увидела соседа, стоящего возле ворот, достаточно далеко от неё, чтобы слышать, что он ей говорит. Ева махнула ему рукой, чтобы мальчик зашёл во двор, а не стоял там, как незванный гость.

— Привет, — сказал он, приблизившись к крыльцу.

Мальчик достал из пакета косточки для Зевса и положил их в миску на ступеньки. Щенок завилял хвостом и принялся за еду. Ева восприняла это как очередной способ найти путь к её сердцу.

— Привет, Тони, давно не виделись, — сказала девочка и жестом пригласила соседа сесть на ступеньки.

Мальчик усмехнулся, но сарказм в словах подруги не заметил, потому что ему всегда мало времени, проведённого с Евой. Он уже навевывал её сегодня.

Тони живёт с родителями через несколько домов от дома Евы и часто видит её здесь, сидящую в одиночестве. Иногда он подглядывает за ней в окно, искоса посматривает на неё в школе, улыбается в столовой и угощает конфетами на переменах. Одноклассницы Евы посмеиваются над ней, потому что у них гораздо больше поклонников. Они давно ходят на свидания, а за Евой ухаживает один мальчик, и то, который младше её на два года. Ева чувствует все те ухмылки и насмешки, когда с ней поблизости Тони. Она видит в нём только друга и держит его на расстоянии.

— Мне просто было скучно дома, — сказал Тони. Он не солгал. У Тони растёт маленькая сестра, и родители заняты только ею. Ева знает об этом, поэтому позволяет ему приходить в гости.

— А ты уроки сделал? — спросила девочка, шурясь. Этот вопрос всегда задаёт ей отец, когда хочет отвлечь, но эта уловка никогда не срабатывает, потому что Ева всегда сразу после школы выполняет домашние задания. Она умеет распоряжаться временем.

— Весна запудрила тебе мозги, Ева, — сказал Тони, широко улыбаясь. — Сегодня же суббота!

— Правда? Я и забыла, — ответила девочка, но Тони понял, что она шутит. Ева никогда ничего не забывает.

— Что это у тебя? — спросил Тони, подвинувшись поближе к Еве, отчего та вздрогнула и стала пальцами перебирать кудряшки Зевса. Тони так и не понял, что заставило Еву занервничать: прикосновение к её кулону на шее или заданный вопрос.

— Не знаю, просто камень, — ответила Ева, даже не взглянув на Тони, и это ранило его.

Она никогда не смотрит ему в глаза, никогда не задаёт вопросов. Мальчик знаком с Евой уже несколько лет, с тех пор как он с семьёй переехал в Мираж, но её холодность не отталкивает его, а наоборот прельщает. Она не похожа на своих сверстниц. Она не играет в любовь и не носит маску взрослой леди, не устраивает вечеринки и не поддаётся общественному мнению. Пусть Ева никогда не станет дружить с Тони, он всегда будет восхищаться ею и наблюдать со стороны.

— Он принесёт тебе удачу и исполнит самое сокровенное желание, — ответил Тони, и глаза Евы округлились от удивления. — Я так думаю, — добавил он и обрадовался, что сумел заинтересовать девочку.

— Папа сказал, что в этом камне нет ничего особенного, — сказала Ева, продолжая играть с Зевсом. Он съел всё угощение, которое принёс Тони. — Почему я должна думать

иначе?

— У каждого человека должен быть талисман, — ответил Тони, уклонившись от вопроса. Ева сослалась на его малый возраст и желание понравиться.

— А у тебя он есть? — недоверчиво спросила она.

— Да, и я верю в его силу.

— Ты должен верить только в силу пятёрки, полученной в школе, — сказала Ева. Иногда сложно понять, шутит она или говорит всерьёз, но Тони никогда не обижается, каким бы колким высказывание ни было.

— Это единственное, что радует родителей, — ответил Тони, не отрывая взгляда от лица Евы. Впервые за всё время разговора она тоже взглянула на него и заметила, что мальчик расстроился.

— Понимаю...

— Мне пора, — скрипя душой, сказал мальчик и поднялся со ступенек.

Теперь он может наблюдать за Евой свысока. Она выглядит такой хрупкой и нежной, но он знает, какая сила скрывается внутри. Знает, как тяжело ей иногда бывает. Однажды вечером Ева не зашторила окна в своей комнате, и Тони увидел, как она плачет, сидя на подоконнике. Ему стало бы стыдно, если бы она уличила его в подглядывании, но она не замечала ничего вокруг. Её мысли летали где-то далеко, как будто она о чём-то сожалела или мечтала. Тони так и не разгадал причину её слёз, но и помочь ничем не мог, иначе бы Ева больше никогда не подпустила его к себе. Этот секрет он никому не откроет, ведь, сколько бы девочку ни унижали в школе, она никогда не показывала свою слабость. Гадкие слова в её адрес звучат недолго, потому что они отлетают от неё, как от бетонной стены.

Люди не любят сильных личностей, люди любят ломать и разрушать, но Ева не доставляет им этого удовольствия. Когда одноклассники сказали ей, что у неё широкие плечи, на следующий день она надела свитер с вырезом в форме лодочки, демонстрирующий её тонкую шею и ключицы. Когда сказали, что она картавит, Ева выступила перед всей школой с речью на конференции. Когда сказали, что она безвкусно одевается, Ева пришла в папиной рубашке и маминой юбке. Она прислушивается к мнениям окружающих, но не идёт у них на поводу, потому что знает, что кроме лжи, от них ничего не дождётся. Её забавляют новые высказывания и истории, которые сочиняют о ней. Она хочет показать, что выше этого, что не боится своих недостатков, хоть и обладательницей широких плечей, дефектной речи и старомодных вещей не является. Она плачет не от того, что люди ненавидят её, а от того, что не знает причины их ненависти. Зато Тони знает, видит вооружённым детским взглядом. Одноклассницы завидуют Еве. Она красива, умна и неприступна, чего зачастую не скажешь о них...

— Долг зовёт? — спросила Ева. Она улыбалась. Тони радовался таким моментам.

— Да, сегодня моя очередь гулять с сестрой, — ответил Тони, надеясь, что Ева предложит составить ему компанию.

— Малышке Хилари повезло, я бы тоже хотела, чтобы у меня был старший брат, — ответила она, представив эту картину. У неё была бы опора и поддержка. Никто бы плохого слова не посмел сказать в её адрес. — Мне повезло меньше, я единственный ребёнок в семье. Родители не хотят завести ещё одного.

— Поверь, это тебе повезло, — сказал Тони, удивлённый откровением Евы. Они редко подолгу разговаривают, и ему не хотелось прерывать этот тесный контакт.

— Ты не хотел сестрёнку?

— Я хотел собаку... — искренне ответил мальчик, что заставило Еву рассмеяться во весь голос.

— Вот почему ты подкармливаешь Зевса, — догадалась Ева, бросив щенку мячик. — Из-за твоей доброты он скоро станет кабаном.

— Твои родители будут рады съесть его на ужин, — пошутил Тони. Глаза Евы заблестели от обиды. Она представила Зевса, запечённого с картошкой и луком, отчего её затошнило. Иногда девочка не рада своей богатой фантазии.

— Я никому не позволю издеваться над животными! — ответила Ева. Её тон был резким, а голос — твёрдым. Тони лишний раз убедился, что она справится с любыми неприятностями на её пути.

— Прости, я же пошутил, — сказал Тони, и выражение лица девочки смягчилось.

— Тебе, кажется, пора, — напомнила Ева.

— Да, точно. Тогда пока. Увидимся завтра. — В последних словах Ева и не сомневалась.

— Пока, — ответила она, и мальчик нехотя развернулся в сторону выхода.

— Береги себя. — Он всегда говорит эту фразу на прощание.

Тони не мог стать её старшим братом, но может, сумеет стать другом. Подбадривая себя этой мыслью, он пошёл домой. Ева снова осталась наедине с собой, Зевсом и своим новым украшением на цепочке. Она вспомнила слова соседа и коснулась камня рукой. На подушечках пальцев она почувствовала лёгкое покалывание. Ева подумала, что это было самовнушением, и не обратила внимания на зуд. Она не придавала значения ещё одному факту. Если бы на улице было темно, а цепочка, подаренная бабушкой, немного длинней, то Ева смогла бы увидеть, как камень засиял белым светом под её пальцами.

Глава 9. Сердце.

Призраки прошлого мучают снова.

Сколько же в жизни было плохого?!

(из стихотворения Ольги Черных «Труп невесты»)

Я проснулась от того, что в гостиной бренчит акустическая гитара и поёт девушка. Вчера они гуляли до полуночи, а сегодня решили продолжить банкет? Так не пойдёт, ребятки. Я приехала в родной дом не для того, чтобы ходить с головной болью. Почему мне не везёт?

— Касси! — позвала я, но кошка не откликнулась ни в первый раз, ни во второй. Третьего шанса я не даю. Если она решила меня променять на кучку подростков, возмнивших себя представителями чёрно-розовой субкультуры, то я за себя не отвечаю.

Я начала свой день по привычному расписанию, которому следую уже много лет. Первым делом я приняла тёплый душ в ванной комнате на втором этаже. Хорошо, что она есть и на первом, иначе мне пришлось бы продезинфицировать комнату. Нужно вообще запретить соседям подниматься сюда. Здесь находится моя комната, моя ванная, мой чердак и спальня родителей, в которую я ещё не осмелилась зайти. На первом этаже достаточно места для двух человек: большая гостиная, кухня, спальня и веранда, где по утрам можно выпить чашку кофе. Именно так бы я и поступила, если бы не знала, что внизу меня поджидают местные жители. Они так и норовят накинуться на меня с расспросами: «Ева?

Вы та самая Ева? Почему Вы больше не снимаетесь в кино? Сколько Вам лет? Вы так здорово выглядите!»». Нет. Потому. Неважно. Спасибо.

Во второй пункт расписания входит завтрак, времени с которым я не собираюсь, даже несмотря на опасения. Я надела джинсовые шорты и длинную чёрную футболку, собрала волосы в пучок и накрашила глаза, при этом ни разу не посмотревшись в зеркало. Я знаю своё отражение наизусть. Была бы моя воля, я бы вообще не держала в своём доме это бесполезное стекло. Выходя из комнаты, я посмотрела в зеркало только для того, чтобы показать отражению средний палец. Смысл смотреть на себя, если внешность никогда не меняется? Конечно, я могу сменить причёску для разнообразия. Или лучше побриться на лысо? Неплохой способ отпугивания соседей. Боюсь, даже Касси меня не узнает. А вот и она! Премило играет с рукой девушки, имени которой я не помню. При виде меня кошка лениво спрыгивает с дивана и бежит ко мне, чтобы я её погладила. А вот и нет!

— Доброе утро! — сказала девушка, прекратив петь, когда я вошла в гостиную. Парень перестал играть и тоже пожелал мне доброго утра. Сегодня его глаза не подведены чёрным карандашом. Видимо, это был сценический образ, который, признаться, ему к лицу. — Как спалось?

Я должна рассказывать этой особе, как мне спалось? Никак! Я не вижу сны, я ненавижу спать. То есть я вижу их, но не такие, какие бы мне хотелось. Я никогда не видела во сне Стефана или родителей, никогда не видела себя в детстве. Я бы уже забыла, как раньше выглядела и одевалась, если бы не альбом с фотографиями. Я не сплю, а проваливаюсь в бездну. Иногда мне снится, что я больше не проснусь...

— Хорошо, — ответила я. У меня синдром недосказанности.

Девушка подумала, что я занята рассматриванием гостиной и не сочла мой короткий ответ за невежество. Хотя я и на самом деле изучаю новый интерьер, всё равно не горю желанием оставаться здесь с этой влюблённой парочкой. Они смотрят друг на друга так, будто единственные люди на планете, а гитара служит их тайным языком. Меня сейчас стошнит.

— Извините за вчерашнее, — сказала девушка, поправив чёлку, падающую на глаза. — Мы не думали, что Вы так скоро вернётесь. Оливер не предупредил нас...

— Не оправдывайся. — После этих слов лицо девушки исказилось от удивления. Она хотела вставить своё слово, но я её перебила. — Он не знал о моём приезде.

Никто не знал. Даже я. До самого последнего момента. Почему же эти двое так сильно нервничают? Они не рады, что с ними будет жить хозяйка дома? Или они боятся, что я выгоню их? Я ещё не решила, как поступлю.

— Если Вы приехали надолго, нам придётся покинуть дом? — спросила девушка, перебирая длинные чёрные волосы, собранные заколкой-бантом. Я знаю, о чём она думает. Она ненавидит меня. Я разрушила их любовную идиллию.

— Я обговорю с Оливером и дам вам знать, — ответила я, и девушка молча кивнула, сделав вид, что смотрит телевизор, а парень снова взял гитару и стал наигрывать быстрый мотив.

Оливер — племянник Стефана. Когда мать Оливера состарилась, я попросила его заниматься квартирным вопросом. Только их семье я могу доверить родительский дом. Не знаю, чем сейчас занимается Оливер и кем работает, но мне кажется, моих отчислений за посредничество ему хватило бы, чтобы прокормить себя. Я решила делить деньги пополам. Мне вполне хватало своей зарплаты, а деньги за аренду я собираю на смену документов.

Даже представить не могу, откуда у молодой пары в месяц берётся такая огромная сумма. Раньше дом снимали семьями, потому что он довольно вместительный, тем более в Мираже резко возросли цены на недвижимость. Это случилось, когда сюда стали приезжать знаменитости, как будто свет клином на них сошёлся.

— Что это? — спросила я, конкретно ни к кому не обращаясь, указывая на маленький белый камень каплевидной формы. Он висит на тонкой серебряной цепочке, которая обвила фарфоровую вазу, словно дамскую шею.

— Я думала, Вы знаете, — ответила девушка с извиняющимся видом. — Мы с Диланом недавно наводили порядок в подвале и нашли в старом комодe фотографию в рамке. Сверху лежало украшение. Я удивилась, что прежние жильцы не нашли эти вещи, наверное, до нас никто не заходил в подвал. Он нам понадобился, чтобы хранить там музыкальные инструменты...

— Кто был изображён на фотографии? — спросила я, не выдержав долгих объяснений.

Меня совершенно не волнует, что эти двое делали в папиной лаборатории, которую они переименовали подвал. Девушка права, никто раньше не заходил туда. Я давно распрощалась с его колбами и белыми халатами. Оставила только компьютер, где сохранились исследования родителей, и мебель. Я заперла дверь в лабораторию перед последним отъездом, чтобы больше никогда не нарушать покой в помещении, где мама с папой проводили основную часть времени. Мне казалось, что это место принадлежит только им, но новые жильцы моё мнение не разделили. Хотя и без них в доме хватало людей, которые могли счесть лабораторию за подвал или использовать как погреб. Этого я знать не могу.

— Девушка, очень похожая на Вас, — ответила певица. Что заставило её улыбаться? — Судя по потёртости рамки и качеству бумаги, на фотографии изображена Ваша бабушка. Взгляните сами, я оставила снимок на том месте, где его нашла.

Хоть что-то полезное сделала! Зачем же было подвеску трогать? Странные люди. Я коснулась пальцами камня и почувствовала знакомое покалывание. Нужно поискать в своих записях что-нибудь об этой безделушке. Не похоже, чтобы подвеска принадлежала маме, она носила исключительно золото, и то по праздникам.

— Можешь дать мне ключ от подвала? — обратилась я к девушке. Мне кажется, интеллект парня не слишком высок, чтобы заводить с ним разговор.

— Дверь не заперта, у нас и не было ключа от неё.

— Спасибо, — ответила я. Девушка уставилась на меня, не веря своим ушам, наслаждаясь моей любезностью. Последний раз.

— А как же завтрак? В холодильнике полно еды, — воодушевлённо сказала девушка.

Она думает, что я стану есть её стряпню? Или буду подбирать остатки вчерашнего банкета?

— Завтрак подождёт.

Окинув взглядом гостиную, я убедилась, что второй холодильник стоит на прежнем месте, в углу напротив камина. Интерьер практически не изменился, с тех пор как мама с папой последний раз сделали ремонт. Они расставили мебель идеально, раз никто из жильцов не стал менять положение вещей: диван стоит в центре с удобными креслами по бокам, на стене висит чёрный плазменный телевизор, справа от него — камин, за диваном — шкафы с посудой и два стеллажа с книгами (можно сказать, раритет). Окно с бархатными занавесками и портьерами располагается напротив входной арки. Гостиная не является угловой комнатой, поэтому окно здесь одно, но дневного света достаточно, чтобы осветить

немалую площадь. Над гостиной расположена комната родителей. Там два окна, и они тоже выходят на веранду. Моя комната находится над кухней, и окна выходят на соседние дома и главную улицу посёлка. Гостиная расположена прямо по коридору от входа, кухня — справа от неё, комната жильцов — слева, а уборная комната находится под лестницей в конце коридора.

Комнаты расположены так, что их объединяет коридор, и вход в каждую комнату отдельный. Планировка естественно тоже не поменялась. Единственное, что я успела заметить, так это новую мебель в гостиной и бытовую технику на кухне. Раздражает обилие цветов. Каждый жилец пытался подстроить дизайн под себя. Фиолетовые шторы, бежевый ковролин, чёрная мебель, красный диван. Представляю, что творится в спальне... На кухне я была вчера один раз, там всё выполнено в голубых оттенках. Никто не станет рушить плитку и постоянно менять бытовую технику под свой вкус. Приходится довольствоваться тем, что есть. Каждые несколько лет я выделяю съёмщикам деньги на замену микроволновой печи, чайника и других бытовых принадлежностей при условии, что жильцы не станут злоупотреблять современными новоротами. При желании они могут осуществить прихоть за свой счёт, а вещи, купленные за мои деньги, должны оставаться в доме. Нужно же мне здесь чем-то пользоваться, тем более у меня никогда не было собственной кухни из-за постоянных переездов.

Моё любопытство повело меня в папину лабораторию. Для этого мне пришлось повременить с завтраком и выйти из дома. Далеко идти не нужно. Небольшая пристройка, именуемая лабораторией, находится сбоку дома. По краям она заросла виноградом, поэтому незнающий человек с лёгкостью прошёл бы мимо, не заметив железную дверь, которую папа всегда запирает чуть ли не семью замками. Я редко бывала здесь, насколько помню. Папа любил работать в одиночестве. Эту привычку я переняла у него. Я с замиранием сердца повернула ручку, и она сразу поддалась, как будто ждала моего визита. Автоматически загорелся свет. Раньше только подъезды были оснащены индикаторами, реагирующими на человеческое тепло или движение. Сейчас эту систему используют даже в квартирах. Неудобна она тем, что днём её приходится отключать, чтобы не травмировать счётчик, иначе денег не хватит заплатить за электрическую роскошь.

В лаборатории я ожидала увидеть висящую паутину и кучу ненужного хлама, но мне открылась совсем иная картина. В помещении чисто и пахнет свежестью. Как и говорила Трейси (или не Трейси? Никак не могу запомнить имя соседки), здесь ждут использования музыкальные инструменты: две электрические гитары, одна акустическая, синтезатор и микрофонная стойка. Я часто останавливаюсь у витрин магазинов, чтобы посмотреть на гитары, которые уже не пользуются таким спросом, как раньше. Я даже хотела купить себе деревянную подругу, но подумав, что мне придётся кого-то просить научить меня играть на ней, я быстро передумала. Жаль, эта мысль не возникла, когда я встречалась с Брендоном. Большую часть своей жизни он был незрячим, зато обладал потрясающим слухом, что позволило ему освоить игру на барабанах и скрипке. Никогда не встречала столь разностороннего человека. Он умеет сочетать несочетаемое. Может, поэтому он назвал свою прекрасную дочь в честь женщины, разбившей ему сердце?

Я провела рукой по струнам, затем постучала по клавишам, чтобы немного успокоиться. Не мешкая, открыла шкафчик, где должна была лежать фотография. В гордом одиночестве здесь покоится изображение юной Евы. Я ли это? Нет сомнений, это моё лицо, моя фигура.

Только волосы у меня на фото короче и выкрашены в белый цвет. Я стою возле крыльца и машу рукой в камеру. На мне длинный свитер под горло и синие джинсы. Снег бьёт в лицо, но я улыбаюсь и выгляжу чертовски счастливой. Это моя внешность, но чужое душевное состояние. Я не помню себя такой. Эта девушка кажется мне незнакомой...

Любимому Стефану на память. С Рождеством тебя!

Ева Стюарт, 1998 год.

Узнаю свой почерк и несоединённые буквы в словах. Подпись чёрной ручкой в уголке фотографии вызвала у меня сухие слёзы. Я не могу плакать. Я разучилась, когда потеряла его, когда потеряла себя, когда переросла то время, когда мы были вдвоём. Стефана не вернуть, как и родителей. Не вернуть прошлое, когда я забегала в лабораторию на минутку, чтобы позвать папу обедать, затем ужинать, когда он не спешил идти домой. Не вернуть моменты, когда мама гладила меня по голове и говорила, как ей плохо одной без папы. Немая боль пронзает меня, и я не могу спрятаться от неё. Мне больше некуда бежать. Я забираю фото, потому что это ещё одна зацепка за прошлое, закрываю ящик и без оглядки покидаю подвал. Именно так теперь я буду его называть. Нет никакой лаборатории. Я, конечно, могла бы сидеть здесь часами, усердно представляя, что папа по-прежнему работает над своими проектами, представляя рядом с собой Стефана, но это было бы лишь иллюзией, игрой воображения... Возможно, мне стало бы легче, но тогда мне грозит провести остаток своих дней в психушке. Мне остаётся жить настоящим. К сожалению, я не знаю, какой вариант лучше. И тот, и другой сводят меня с ума.

Я позавтракала в комнате йогуртом, печеньем и чашкой растворимого кофе. Это всё, что я вчера привезла с собой из еды. Я могла воспользоваться предложением соседки и отведать её пищу, но меня бы стошнило прямо в тарелку от вида их милого хихиканья и постоянного пения. Радует, что они при мне не целуются.

Как бы мне ни хотелось, придётся ехать в город за продуктами и необходимыми средствами гигиены. Со своего мобильного я вызвала к дому такси и переоделась в удобные джинсы и тёплую рубашку. Хорошо, что у меня остались деньги на счету, потому что в доме стационарный телефон я не нашла. Его, наверное, отключили жильцы из-за ненадобности. Интересно, есть ещё люди, которые им пользуются? Я слишком отстала от жизни. По крайней мере никаких необычных гаджетов у своих соседей я не видела. Они сразу показались мне старомодными. Даже несмотря на это, я чувствую себя инородным организмом в отлаженном механизме. Я слишком лжива для этого дома, и с каждым днём мне придётся лгать всё больше и больше, если я собираюсь остаться здесь жить. Никто не должен привязаться ко мне. Если это вообще возможно.

Взглянув на фото, украденное (по-другому и не скажешь) из подвала, я вспомнила, что собиралась сделать. Это ещё одна причина, по которой мне следует отправиться в город. Я должна отдать то, что мне не принадлежит, как и эта фотография. Я не знаю, как она оказалась в лаборатории, если была адресована Стефану. Может, мы однажды поругались, и он со злости отдал её мне? Я такого не припоминаю, но это не исключено. Вряд ли я когда-нибудь разгадаю эту маленькую тайну. Чтобы создать хоть какой-то уют в старой новой комнате, я поставила рамку с фотографией на своём письменном столе рядом с дневниками и фотоальбомами. Вчера я успела разложить вещи в шкаф, а больше у меня ничего и не было.

Убрала ненужный чемодан под кровать на неопределённое время и спрятала контейнер подальше от Касси, чтобы не нервировать кошку. Кстати, она так и не пришла ко мне.

Услышав сигнал машины, я спустилась на первый этаж, не глядя в сторону гостиной. Наверняка, эти двое неустанно репетируют свои песенки, и мне не хочется лишний раз наблюдать за ванильными сценами. Таксист счёл, что я долго собираюсь и снова посигналил мне. Что за дурная привычка? Будь у меня плохое настроение, я бы отправила машину восвояси и вызвала другую. Водителю повезло, он обошёлся лишь испепеляющим взглядом и громким хлопаньем двери на заднем сидении. Ненавижу плохие манеры.

— В центр, на почту, — сказала я, и таксист кивнул, услышав место назначения.

Не исправил мою ошибку, значит не желает завязывать со мной диалог. Давно нет термина «почта», сейчас она называется Центром отправки и получения ценных бумаг и посылок. Как ни меняй название, почтамт не пользуется популярностью, как раньше. Письма больше никто не пишет и посылок не отправляет. А если и заказывают вещи из интернета, то пользуются доставкой на дом. Сейчас учёные пытаются изобрести портал, который из одного пункта назначения доставит тот или иной предмет в другой пункт быстро и качественно. Разработки стоят дорого, поэтому прогресса ждать долго, но, чувствую, как только учёным удастся добиться результата, людям срочно понадобится что-нибудь кому-нибудь отправить забавы ради. Таков современный менталитет. Изгоем считается тот, кто не испробует новую однодневную выдумку, о которой завтра никто и не вспомнит. Главное, что сегодня нужно истратить уйму денег и доказать всем, что ты герой. Разве во время моей «молодости» кого-то интересовали механические кисти, пишущие картину вместо художника? Или тушь, которая сама красит ресницы? Или холодильник с автоматической дверью? А игрушка, полностью копирующая повадки настоящих животных? Ручка, пишущая под диктовку, приводит меня в ужас, стоит только представить, какой шум стоит в учебном классе или студенческой аудитории. Новые изобретения доходят до абсурда ради отмывания денег. К чему этот пафос? Лучше бы занимались разработкой лекарства от онкологических заболеваний и СПИДа. А зачем? Проще отвлечь людей очередной безделушкой...

Устав думать о вещах, которые не в силах изменить, я стала со скучающим видом разглядывать дома соседей, хоть уже и видела их вчера по пути домой. Внешний вид посёлка изменился, но общая атмосфера спокойствия и уюта осталась прежней. Пожив во многих городах, я с уверенностью могу сказать, что лучше Миража нет. Чистые улицы, красивые пейзажи, ухоженные участки. Конечно, окраина города не сравнится с центром, где кипит жизнь, а воздух более загрязнён. Мне всё равно нравится этот город.

Грустно осознавать, что взрослые люди, живущие на моей родной Облачной улице, которых я знала в детстве, уже умерли. Их дети, скорее всего, тоже. Я чувствую себя виноватой перед ними за то, что могу видеть жизнь после их смерти. Как растут их внуки, как развивается город, процветает страна, набивает карманы правительство. Это несправедливо во всех отношениях. Природа ошиблась и не собирается менять своё решение. Несправедливо, что сейчас я еду в такси, живу, дышу, занимаю чьё-то место. Несправедливо, что люди, которых уже нет в этом мире, встретились со своими близкими там, на небесах, а я — нет. Не могу перестать думать о том, что я была за что-то наказана. Неужели хоть один страшный поступок может сравниться с бременем, которое я несусь?

Только я собралась перестать жалеть себя и взять волю в кулак, как в автомобильное окно я заметила весёлого парня с густыми светлыми волосами и стройным телом. Его дом не огорожен забором, и я могу видеть, как он играет с собакой на подстриженном газоне.

Золотистый ретривер приносит хозяину палку и просит, чтобы тот снова забросил её подальше. Если бы парень не повернулся лицом к дороге, я бы не узнала в нём вчерашнего собеседника, который наскучил мне своими разговорами. Он бросил взгляд на машину и быстро отвернулся, потому что пёс стал облизывать его руку. Это произошло так быстро, что парень не увидел бы меня, если бы даже стёкла автомобиля не были затонированы. Я обернулась, чтобы рассмотреть собаку, но мы уже повернули на другую улицу, ведущую в центр города. Парень не соврал. Он живёт через дорогу от меня, левее на три дома. Впрочем, мне всё равно.

Мираж отличается от городка из моих воспоминаний. Раньше здесь не было высотных домов разнообразных форм и цветов. Даже это местечко прогресс не обошёл стороной. Правда, по пути на почту я встретила только один «умный светофор». Это говорит о небольшой численности населения по сравнению с мегаполисами, в которых я жила прежде. Здесь скрываться будет гораздо сложнее, но пока мой азарт одерживает победу над страхом быть узнанной кем-то, кто знал меня много лет тому назад. Вероятность этого ничтожно мала, потому что я редко завожу новые знакомства, тем не менее нельзя забывать об осторожности. Я пыталась вообще отказаться от общения с людьми, но собственное отражение и разговоры с самой собой быстро наскучили. Хотела завести попугая, но меня остановила боязнь его скорой смерти...

— Приехали, — сказал водитель, протянув руку в салон.

Что за наглость? Я вложила в его мозолистую ладонь свою карточку и злость. В ответ мужчина не открыл мне дверь (хоть это ему стоило лишь нажатия кнопки) и не пожелал счастливого пути. Я бы на его месте поступила точно так же. Хорошо, что он не потребовал с меня оплату в двойном размере. Я ввела пароль на считывающем аппарате и названную водителем сумму, после чего получила карточку обратно. Я положила её в сумочку и вышла из машины, не закрыв за собой дверь.

Мираж ничем не отличается от остальных городов страны, разве что размерами. Здесь всё немного меньше: здания, цены, население, суэта. Это прельщает далеко не всех. Большинство жителей интересуется престиж и масштабы. Так было всегда: и десять лет назад, и двадцать, и сто. Человеческая сущность неизменна. А как бы я рассуждала, если бы Стефан был жив? Возможно, мы бы поженились и обзавелись детьми. Я стала бы мыслить, как все нормальные женщины, желающие счастья себе, мужу и детям. Я сидела бы дома с дочкой или сыном, готовила вкусные обеды и ждала Стефана с работы. Мы бы жили в центре Миража, где и познакомились, поближе к детскому садику и школе. Мы были бы счастливы... и уже бы умерли. Наши дети сейчас бы нянчили внуков, если бы... Если бы смерть не забрала Стефана. Если бы жизнь не сыграла с моим организмом злую шутку. Я каждый день придумываю сценарии совместной жизни со Стефаном, но никогда не смогу их экранизировать из-за отсутствия главного героя...

— Осторожно. — Чужой голос эхом повторился над моим ухом.

Я пошатнулась. Чьи-то руки схватили меня за плечи, не позволив мне упасть. Увлёкшись своими мыслями, я не заметила, как подошла к ступенькам, ведущим к зданию почты, и споткнулась.

— Что Вы себе позволяете? — требовательно спросила я, когда подняла голову и увидела незнакомое мужское лицо, обрамлённое разноцветными дредами. Какой бы год ни был, всегда будут парни, похожие на плохо одетых девушек. И этот один из них. Его

металлические серьги в форме звёздочек и розовая толстовка окончательно выбили меня из колеи. — Уберите. От меня. Свои руки.

— Я всего лишь не дал Вам упасть, — оправдался парень и с недоумевающим видом пошёл прочь, несколько раз обернувшись в мою сторону, при этом бросая на меня виноватый взгляд.

Может, он действительно не из тех парней, которые при удобном случае трогают девушек, но любой, кто касается меня хоть пальцем, автоматически попадает в этот список!

Не желая и дальше портить себе настроение, я поднялась по мраморным ступенькам, и открывающиеся двери встретили меня с распростертыми объятиями. Не такой мне запомнилась почта. Раньше, когда бабушка просила меня заплатить за коммунальные услуги, я по часу стояла в очереди, а то и больше, особенно если какой-нибудь старушке придётся уступить своё место. Иногда мне становится себя жалко, когда я перечитываю старые дневники. Я и слова против сказать не могла, лишь бы не ввязываться в спор. Я молча соглашалась с тем, что мои одноклассники уходили домой, а мне приходилось дежурить в классе с такой же дурочкой, как я. В любой очереди я всегда надеялась на удачу, но это было раньше. Сейчас на почте более цивилизно. Здание изнутри похоже на корпорацию, какую часто показывают в фантастических фильмах. Серебристые стены, зеркальные потолки, стеклянные перегородки между диспетчерами и сотрудниками, электронные доски вместо бумажных объявлений и порядковые талоны вместо криков: «Кто здесь крайний?». Может, мне повезло, но людей сегодня мало, и почти все они ждут свои посылки, а мне нужно в отдел отправки. Для этого я взяла талончик в автомате. Ждать не пришлось, меня сразу вызвали к окошку.

Девушка за стеклом предложила мне сесть в пластиковое кресло в форме тарелки. Я не мешкая согласилась, иначе отказ был бы показателем дурного тона.

— Ваше удостоверение личности, пожалуйста, — попросила девушка.

Её внешность не соответствует моим воспоминаниям о сотрудниках почты. Раньше здесь работали женщины средних лет в простой одежде, а эта девушка далека от сложившегося портрета сотрудника. Её белокурые волосы не собраны в тугий пучок, а распущены и волнами струятся по плечам. На ней серебряная блузка, как и на всех других сотрудниках, под тон стенам, как будто работники являются элементом декора.

Я протянула девушке свой паспорт. Она посмотрела на мою фотографию, потом на меня, потом снова на фотографию и заулыбалась.

— Вы так молодо выглядите, — сказала она.

— Это старая фотография. — Мой ответ девушку явно не устроил.

— Я не о фото. Я имела в виду, что для тридцати одного года у Вас прекрасная кожа и фигура.

— Походы в салон красоты дают отличные результаты, как оказалось, — сказала я, переводя тему в шутку. Вообще-то эта леди вместо того, чтобы подсчитывать мой возраст, должна предоставить мне услугу.

— Не подскажите название? — совершенно искренне спросила девушка.

По ней видно, что на свою внешность она тратит всё своё свободное время и, кажется, больше ни о чём другом и не думает. Типичная блондинка, хоть я и не сторонница стереотипов.

— Я спешу. Может, перейдём к делу? Вы ещё слишком молода для операций, — сказала я, но эти слова ничуть не обидели девушку. Даже наоборот, она ещё шире заулыбалась и

стала поправлять причёску. Я закатила глаза, но от радости она этого не заметила.

— Конечно. Чем могу помочь?

— Мне нужно отправить посылку в другой город, только я не знаю точного адреса. Это возможно? — спросила я и протянула девушке маленький запечатанный коробок. Никто не должен увидеть, что там лежит. Это будет наш с Бренденом секрет. Как раньше. Он удивится, когда получит именно кольцо, которое он мне однажды подарил. Помолвочное кольцо я естественно не приняла.

— Это уже давно не является проблемой, — ответила девушка. Давненько я не пользовалась услугами почты. На самом деле я знаю адрес, но надеюсь, что он сменился, и я его не узнаю. — Назовите имя и фамилию адресата. Я найду адрес в системе.

— Брендон Хайд. Город Коннект.

Не прошло и минуты, как девушка, довольная собой, сказала, что нашла адрес Брендона. Он оказался единственным жителем Коннекта с таким именем и фамилией.

— Желаете знать место его проживания и род деятельности? Вы, наверное, давно не виделись... — сказала девушка. Любопытство тоже входит в пакет почтовых услуг?

— Нет, спасибо, — ответила я. Мой сомнительный тон не убедил девушку, и я повторила, что не хочу ничего знать. Я не вправе лезть в личную жизнь человека, который всячески пытался меня забыть, хоть мне бы и хотелось узнать о нём побольше.

— Тогда заполните анкету, где нужно вписать Ваше имя, обратный адрес и сообщение для получателя посылки, — сказала девушка, удивившись, что я не настолько любопытна, как она полагала (по себе, как говорится, людей не судят). Если бы мне нужно было связаться с Бренденом, я бы воспользовалась интернетом.

— Пожалуй, сообщение ни к чему, — твёрдо сказала я. — Этот человек предупреждён о посылке.

Да и что я ему напишу? «Брендон, прими это кольцо в знак моей дружбы, передай его своей дочери и береги малышку!» Что за чушь? Или написать, как сожалею о том, что не пригласила его на чашку кофе вчера? Прошли всего сутки с момента нашей встречи, а такое ощущение, что целая вечность. Нет, я не стану прикреплять письмо. Мы не дети. Он поймёт, что я хотела ему сказать. Он всегда понимал меня без слов.

— Хорошо, — согласилась девушка и сама подписала конверт, затем вернула мне паспорт и дала чек. — Распишитесь здесь и здесь. Завтра адресат получит посылку.

Я расписалась на чеке, оплатила сумму, указанную в нём, и поблагодарила девушку.

— Удачного дня, — сказала она и отвлеклась на следующего клиента.

Я кивнула и вышла из здания, от которого рябит в глазах и болит сердце. Представляю лицо Брендона, когда он получит свой подарок обратно... В очередной раз я думала лишь о своём спокойствии, но я должна была вернуть то, что мне никогда не принадлежало. Его кольцо и чувства.

***

У меня возникло желание бежать. Не помню, когда я в последний раз занималась спортом, но бег доставил мне невыносимое удовольствие. Я побежала по центральной аллее, обгоняя спешащих прохожих. Им есть куда спешить, поэтому они экономят своё время, а я бегу, чтобы разогнать сердце. Пусть оно выпрыгнет из груди, чтобы в этот момент я почувствовала себя по-настоящему живой. Я бегу, волоча за собой сумку, словно девчонка,

опаздывающая на урок. Я никогда никуда не опаздывала, но хочу представить это чувство. Чувство важности, необходимости и причастности. Я бегу, сбавляя темп, вспомнив, как мы с Бренденом заводили интеллектуальные беседы и были счастливы, даря друг другу своё внимание. Мы редко дурачились и разбавляли диалоги весельем. Брендон всегда был серьёзен, и меня устраивало это, но я ничуть не жалею, что оборвала все нити, связывающие меня с ним. Так будет лучше для него. Для меня. Я бегу, чтобы забыть о боли в груди, но она только нарастает и сбивает с ног.

Я останавливаюсь на перекрёстке и пытаюсь сориентироваться, где нахожусь. Строение улиц осталось прежним, поэтому мне не составляет труда найти ближайший гипермаркет, в который я собираюсь зайти. Мне срочно нужно в уборную. Пот ручьём бежит по лицу, и я опускаю голову, чтобы никто не видел моих покрасневших щёк. Я пробежалась всего около ста метров и быстро устала. Раньше такого не случалось. Я не робот. Мне даже нравится ощущать боль в животе и ногах. Приятно быть живой.

Войдя в «комнату для девочек», первым делом я посмотрела на себя в зеркало, чтобы поправить выбившиеся пряди волос. Насчёт красных щёк я ошибалась. Моё лицо бледное, как у вампира, и это не совпадает с моим внутренним состоянием. Кажется, я горю изнутри. Опёршись ладонями о раковину, я рассмотрела лицо на более близком расстоянии. От этого оно румяней не стало. Немного отдышавшись от волнения и пробежки, я ополоснула щёки водой, вымыла руки и вышла из уборной. Отмечу, что современные туалеты не издают неприятный запах, даже наоборот, здесь пахнет ягодами, но я не изменяю себе и продолжаю быть брезгливой, поэтому надолго здесь не задерживаюсь.

Ненавижу шопинг, но мне нужно запастись едой и бытовой химией. В посёлке, где я собираюсь жить (своим домом снова я пока назвать его не могу), есть магазины, но там меньше выбора, и каждый день их посещают мои соседи, с которыми я не хочу лишний раз пересекаться. В юности я мечтала о дне, когда у меня появится парень, который будет встречать меня из магазина и забирать неподъёмные пакеты. Я бы не отказалась от робота-помощника, но сейчас у меня нет работы, чтобы без удара на накопленный бюджет его приобрести. Тем более я потеряла к машинам интерес в то время, когда пыталась найти с ними общий язык. Мне просто необходим мужчина, который будет подвозить меня, куда я попрошу, и носить тяжёлые сумки. Это прозвучит эгоистично, но у меня уже был Брендон. Он делал всё, что бы я ни попросила. Именно поэтому сейчас чувствую себя обязанной и виноватой перед ним. Вдобавок ко всему он меня любил. Или мне казалось, что любил...

У меня внезапно закружилась голова, но это не должно стать преградой между мной и ещё не купленными продуктами. Я миновала поток людей, спешащих по магазинам торгового центра, и направилась в супермаркет, взяв корзинку. Решётчатые корзины на колёсиках заменены на так называемую тачку. В её основе лежит простой самокат, только пользоваться ею нужно задом наперёд. Нужно встать на площадку для ног и взяться за руль, который предназначен для управления тачкой. На нём всего четыре кнопки: влево, вправо, вперёд и стоп. Неудобность этой усовершенствованной корзины состоит в том, что людям невысокого роста необходимо каждый раз спускаться с площадки, чтобы взять тот или иной продукт и положить его в контейнер большой вместимости, находящийся впереди руля. Плюс ко всему тачка создаёт ещё большую толпу, нежели раньше, зато старушки прекрасно справляются с управлением, и им не нужно ходить пешком по нескончаемому гипермаркету. Помимо этого новшества при входе можно взять обычную корзинку с ручкой, и я выбрала именно её, потому что меня некому встречать из магазина...

Я, наверное, похожа на робота, запрограммированного ходить по магазинам за покупками. Хватаю с полок продукты, бросаю в корзину и никогда не задерживаюсь, чего не скажешь об остальных девушках. Все как одна по несколько минут читают состав, проверяют срок годности, рассматривают обёртку, нюхают... Я тоже такой была. Много лет назад, когда мне не надоедало есть одни и те же блюда, пить одинаковые напитки, готовить полезную еду. Сейчас я тоже полуфабрикатами не питаюсь, которые, кстати, уже не пользуются популярностью. Зачем ими травиться, если изобрели комбайн, в функции которого входит даже разделывание курицы. Ни одна мультиварка не сравнится с ним. Хотя у меня её и никогда не было, я знаю, что в неё, в отличие от современного комбайна, нельзя было закинуть нечищенные овощи, чтобы, к примеру, сварить борщ. Техника идёт в ногу со временем, учитывая интересы, как продвинутых юзеров, так и ленивых домохозяек.

Подойдя к кассе, я заметила, что моя корзинка набита до краёв. Три пакета мне обеспечено. Передо мной стоят парень с девушкой и мило беседуют друг с другом, пока считывающая полоса сканирует их покупки. Не думала, что новая покупательская система добралась и до Миража. Даже здесь не могу чувствовать себя в своей тарелке. Особенно, когда кассирша глазеет на тебя от нечего делать! Зачем вообще оставили эту должность, если машина сама просканирует товары?

— Спасибо за покупку, ждём вас снова, — не переставая улыбаться, сказала кассирша влюблённой паре. Вот зачем нужна эта должность! Иначе без этой фразы мой день будет унылым. — Добрый день. Заpackовать Ваши покупки или пожелаете сделать это самостоятельно?

Она ещё и выбор мне предоставила. Какая прелесть. Я предварительно выложила все продукты на считывающую полосу (она всё такая же чёрная, как и раньше), чтобы металлическая клешня (выглядит ужасающе, ещё бы кожей обтянули) просканировала каждый предмет.

— Спасибо, как-нибудь сама, — ответила я, и улыбка на мгновение исчезла со смазливом лице молоденькой кассирши. Небось порадовалась, что ей не придётся делать это вместо меня. До чего же все обленились!

Раньше я хорошо ладила с роботами, и этот навык мне пригодился. Мы с клешнёй отлично сработались вместе. Она «пробивает» товар, при этом компьютерный голос называет его цену, после чего я забираю его со считывающей полосы и кладу в пакет. Во-первых, человек должен заниматься физической работой, а во-вторых, занимаясь фасовкой, я избежала несколько минут ничегонеделания. Жаль, кассирша всё ещё не поняла, что я не тот покупатель, которому нужно улыбаться. Я всё ещё не понимаю, что она здесь делает, если компьютер даже назвал сумму моей покупки.

— Будете расплачиваться карточкой или наличными? — спросила кассирша, тем самым ответив на мой немой вопрос.

Я молча протянула ей банковскую карту, чем окончательно стёрла улыбку кассирши. Неужели она привыкла, что люди должны улыбаться ей в ответ? Получив карточку обратно, я взяла пакеты и направилась к выходу. Сексуальной мою походку не назовёшь, если ходьбу на полусогнутых от тяжести ног вообще можно назвать походкой...

Одурманенная свежим воздухом, я стала терять сознание. Такого никогда не случилось прежде, и я не знаю, как себя вести. В глазах стало темнеть, в висках застучало, лицо снова покрылось испаринами, голова закружилась, ноги подкосились, пакеты выскочили из ослабленных рук. Я поняла, что упала, когда вместо лиц прохожих я стала видеть их ноги, а

вместо зданий — холодные ступени.

— Ева... Ева! — позвал мужской голос.

Иногда у меня возникает желание взять пистолет и застрелить первого человека, который обратится ко мне по имени...

Парень понял, что я не откликнусь и подбежал ко мне. Я потёрла виски и открыла зажмуренные глаза. Я упала в паре метров от спуска по лестнице. Вроде не ушиблась. Последний раз разбивала коленки в детстве.

Одной рукой я закрыла глаза, а другой показала парню, что хочу ещё посидеть. Спустя несколько минут он помог мне встать, и я чудом снова не упала. Никогда раньше не находилась в предобморочном состоянии. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую». Парень избежал лишних проблем. Когда моё зрение постепенно вернулось, взгляд сфокусировался на изумрудных глазах, которые я недавно видела, но не обратила внимания на их необычный оттенок и радостный блеск.

— С Вами всё в порядке? — Типичных вопросов не избежать.

— А что, не видно? — ответила я вопросом на вопрос, даже не пытаюсь скрыть своё раздражение. Я отдернула его руку с плеча и всем своим видом дала понять, что ко мне не стоит приближаться.

— Вы могли бы быть повежливее с человеком, который только что собрал все Ваши покупки, — сказал парень с улыбкой на лице. Как же меня тошнит от этой кривой линии в виде изогнутых губ! Все вокруг улыбаются, как идиоты, ещё и без причины.

— Забыл сказать, что спас мне жизнь, и я должна быть благодарна за это! — Я вспыхнула то ли из-за плохого самочувствия, то ли из-за того, что этот парень увидел меня в таком состоянии. Чтобы отвлечься, я стала взглядом искать свои пакеты. Их и правда нет, но хорошо, что при падении сумочка осталась висеть у меня на плече.

— Даже не собирался, — обиделся парень. — Пакеты уже в багажнике. Позвольте довести Вас до дома?

Я хотела воспротивиться, но раз уж мой багаж загружен в машину, то сэкономлю деньги на такси. Я кивнула, и парень открыл мне переднюю дверь белой машины. Я хотела сесть назад, но он сказал, что там занято. Мне показалось, что он снова смеётся надо мной, но спорить не стала и села вперёд. Какие-то несколько километров разделяют меня с домом, поэтому я смогу потерпеть присутствие этого навязчивого молодого человека, который ещё утром гулял со своей собакой у себя во дворе.

— Может, заедем в аптеку? — предложил он, когда выехал на дорогу.

Что я там куплю? Таблетки от обморока? Сообразив, что сказал глупость, парень добавил, что имел в виду лекарство, нормализующее давление. Никогда их не принимала и не собираюсь.

— Ты следил за мной? — спросила я, проигнорировав его вопрос.

— Когда мы успели перейти на «ты»? — спросил он, искоса поглядывая в мою сторону.

— Я старше и имею право называть *тебя*, как угодно. Не переводи тему.

Я демонстративно отвернулась к боковому окну, чтобы полюбоваться современной архитектурой города. Я часто смотрела фотографии в интернете, поэтому знаю, что особо ничего не изменилось. Длинные улицы, несколько парков и фонтанов. Главной достопримечательностью города является большая каменная фигура девушки, сидящей на облаке, которую мы только что проехали. В детстве я любила смотреть на песочные часы в руках девушки, светящиеся ночью, и воображать, почему время для неё остановилось. Мне

казалось, что когда-то девушка была настоящей, а злая ведьма превратила её в камень. Моя любимая версия звучит иначе: девушка спустилась на облаке с небес, чтобы напомнить людям о ценности времени. С таким же успехом я могу сесть рядом с ней и рассказывать прохожим свою печальную историю...

— Нет, я приехал в город по делам, — ответил парень. Я уже и забыла о его присутствии.

— Утром не было похоже, что ты собираешься куда-то, и ты даже не переоделся в соответствии с «делами». — Я не подумала, что этого говорить не следовало.

— Я... Постой, это ты следишь за мной! — ответил парень, после чего засмеялся.

Впервые за последнее время чужой смех ласкает мне слух. Я быстро отогнала эти мысли прочь и попыталась выкрутиться из неловкой ситуации.

— Снова перевёл тему. Я первая задала вопрос.

— Нет, я не следил за тобой. Имею же я право выехать в город так же, как и ты. Если я встретил тебя здесь, это ещё ничего не значит...

— Зачем ты оправдываешься? — спросила я, довольная тем, что поставила парня в неловкое положение.

Он молчал несколько секунд, поражённый моим вопросом, и мне показалось, что сейчас он высадит меня из машины. Было бы обидно добираться домой пешком, находясь от него всего на полпути.

— Ты спросила, а я ответил. Я не оправдываюсь. — Интонация парня немного изменилась, и голос сейчас звучит уже не так радостно, как в первые минуты нашего общения.

— Снова оправдываешься, когда говоришь, что не оправдываешься.

— Кажется, сейчас у *тебя* должна болеть голова, а не у меня! — не выдержал он и прибавил скорость. Если бы я умела водить машину, уже давно бы выхватила у вспыльчивого парня руль.

— Смерти моей хочешь? — спросила я, посмотрев на него впервые за всю поездку.

Он выглядит напряжённым, судя по побелевшим костяшкам пальцев, которые крепко вцепились в руль, но лицо не выражает никаких эмоций. Его прямой нос, пушистые ресницы, обрамляющие веки, густые брови и губы в форме перевёрнутого сердечка образуют эффектный профиль, какому позавидовала бы любая девушка. Он заметил, что я разглядываю его, и немного расслабился. Мне стало неловко, и я снова перевела взгляд в другую сторону.

— Что за глупость? — спросил он, и я не поняла, что он имеет в виду: мою смерть или разглядывание его лица.

— То, что ты не умеешь водить машину, считаешь глупостью?

— Ты о чём? — непонимающе спросил он.

— Разве нужно объяснять, что ты обгоняешь машины и не следишь за дорогой?

— Мы долго будем общаться с помощью вопросов? — спросил он, очевидно забавляясь ситуацией.

— До тех пор, пока ты не объяснишь, каким образом очутился возле меня пару минут назад!

— Хорошо, — согласился он и сбавил скорость. Решил провести со мной больше времени или испугался, что с такой, как я, легко можно попасть в аварию? — Мой пёс поранил лапу сегодня утром. Ты, кажется, видела, как я с ним гулял. Случайно? Или

наблюдала с балкона в бинокль?

— Тот милый ретривер? — Я проигнорировала его вопрос, поскольку меня волнует только здоровье невинного существа. — Что ты с ним сделал?

— Можешь успокоиться? Он лежит на заднем сидении, слушает наш бред и желает поскорей выйти из машины, чтобы не быть свидетелем диалога двух сумасшедших!

Этому парню повезло, что я переключила своё внимание на дремлющую собаку.

— Как его зовут? — спросила я, поглаживая пса по гладкой длинной шёрстке. Мне пришлось отстегнуть ремень безопасности, чтобы наклониться к нему, и автоматизированная система стала мне приказывать вернуться в исходное положение.

— Джонни, — ответил парень. Я почувствовала, как он сверлит мою спину взглядом. Пусть заткнёт свой компьютер, я не отвернусь от ретривера.

— Депп?

— Ты только одного Джонни знаешь? — спросил он и, словно прочитав мои мысли, отключил электронный голос, требующий возвращения моего тела в нормальную позу.

— Мне достаточно знать одного, чтобы вечно им гордиться, — ответила я. Тепло заструилось по венам от мысли о великолепном актёре и от маленького сердечка, бьющегося под моей ладонью.

— Так ты его знаешь? — Этот парень шутит или издевается?

— Его все знают! — ответила я в надежде, что он наконец от меня отстанет.

— Я просто подумал... Ты снималась в кино и, быть может, знакома с ним лично, — предположил он.

В его словах есть доля правды. Если бы я продолжила сниматься в кино, то бы ходила по различным фестивалям, хотя даже там редко можно было встретить мистера Деппа. Он не был частым гостем подобных мероприятий, и это одна из причин, по которой я всегда считала Джонни настоящим профессионалом. С него можно смело брать пример. Он полностью отдаётся работе и перевоплощается для роли.

— Это в прошлом. К сожалению, я не успела воспользоваться подобной привилегией.

— Ты меня не помнишь? — спросил парень, и я вздрогнула от его нежного тембра голоса.

Испугавшись вопроса, я глубже зарыла руку в шерсти собаки. Джонни открыл глаза, и мы встретились с ним взглядом. Он совершенно не против, что я вторглась в его личное пространство. Перебинтованная лапка больше не дрожит, и я перестала массировать её. Джонни посмотрел на меня с благодарностью, отчего наша невидимая связь стала крепче.

— А должна? — спросила я, не поворачиваясь к парню.

— Я был подростком, ты не узнаёшь меня, наверное, — с горечью в голосе сказал он. Былого тепла как ни бывало из-за лезвия по сердцу. Ощущение того, что мне знакомы эти изумрудные глаза, не покидало меня, и интуиция в очередной раз не подвела. — Я Кай Райтон, мы встречались на съёмочной площадке фильма «Рельсы судьбы», я помогал своему отцу.

Это было почти десять лет назад, то есть моя память уже не должна хранить подобные воспоминания, но они обрушились на меня тяжёлой стеной. Тот мальчик, который постоянно пытался заговорить со мной. Мальчик, который никогда не оставлял меня наедине с навязчивым партнёром по фильму — Винсентом. Мальчик, который смотрел на меня влюблённым взглядом. Этот мальчик сидит передо мной в образе мужчины, красивого и крепкого. Его тело изменилось, но взгляд остался прежним.

— Сколько тебе лет? — Это единственный вопрос, который волнует меня на данный момент. Я готова стать желе, чтобы просочиться сквозь щели и выбраться отсюда незамеченной.

— Двадцать пять. В последний раз мы виделись девять лет и десять месяцев назад, в последний съёмочный день фильма. — Кай конкретизировал дату, как будто хотел показать, что считал не только месяцы, но и дни, и может спокойно их назвать.

Почти десять лет. Для парня этот срок имеет гораздо больше значения, чем для меня. Съёмки фильма закончились как будто вчера. После премьеры я переехала из Анджелеса в Коннект, чтобы начать новую жизнь. Не думала, что кто-нибудь, не считая репортёров, напомнит мне о прошлом, что кто-то вообще вспомнит о нём. Меня пугает, что этот зеленоглазый мальчик знает обо мне больше, чем положено. Ещё вчера он дал понять, что знает меня, но я не думала, что настолько близко. Как я сразу не догадалась, что видела его прежде? Как могла не узнать этот голос, который почти не изменился, и преданный взгляд? Я слишком увлечена тем, что не замечаю никого вокруг. Если бы я сразу поняла, кто этот парень, возможно, сразу уехала бы из Миража. Так что мне мешает сделать это прямо сейчас? Любопытство, за которое я осудила блондинку, работающую на почте.

— Почему ты сразу не представился? — спросила я требовательным тоном. Джонни воспринял это на свой счёт и отвернулся от меня. Я хотела почесать его за ушком, но машина резко остановилась. Мы подъехали к моему дому.

— Тебе это было, мягко говоря, неинтересно, — ответил Кай, — а сейчас у меня появилась такая возможность, хотя ты и не спрашивала.

— Точно, — согласилась я.

Резкий ответ ничуть не удивил парня. Иногда мне кажется, что люди воспринимают мою грубость как должное. Я годами училась быть такой, как бы этому ни противостояла.

— Я помогу донести твои пакеты, — сказал Кай, открывая мне дверь и подавая руку.

Я, погруженная в свои мысли, не заметила, когда парень вышел из машины. Откуда такие манеры? Он или хорошо воспитан, или хорошо притворяется.

— Ты уже помог, — ответила я и вышла, не приняв его руку.

Парень не растерялся. Достал из багажника мои покупки, поставил их возле ворот и снова предложил помочь. Мне кажется, если бы ворота были открыты, он бы не спросил моего позволения и молча бы отнёс пакеты к порогу дома. Может, мне только так кажется. Мужчины умеют быть примерными для видимости. Строят из себя джентльменов, а потом показывают свою дьявольскую сущность. Пора бы мне усвоить этот урок и убрать с глаз пелену.

— Ты точно в порядке? — поинтересовался он, нарушив неловкую тишину, нависшую над нами. Я открыла ключом ворота, взяла пакеты и мысленно надела маску пренебрежения.

— Да, спасибо.

— Рад был помочь, увидимся, — сказал парень и сел в машину.

Я, не попрощавшись, закрыла за собой ворота. Пусть думает, что последнее слово осталось за ним.

К моей радости, дома никого не оказалось, кроме Касси. В гордом одиночестве я перекатила холодильник из гостиной на кухню и загрузила его своими продуктами. Маленькие колёсики на дне холодильника (производители стали сообразительней) позволили сделать это без труда. Кухня просторная, здесь хватило бы места ещё для

нескольких холодильников, к тому же мне не придётся лишний раз появляться в гостинной.

Яблоки испортились, когда сумки упали на асфальт, но Кай почему-то не выбросил их. Я обрезала лишнее и сделала сок. Раз я имею право на бытовую технику в доме, почему бы им не воспользоваться. Из купленных овощей и мяса приготовила борщ. Этой кастрюли хватит мне на неделю. Сварила гречневую кашу и сделала из фарша котлеты. Касси прибежала на запах и первая попробовала мою стряпню. Снэки и сладости я убрала в отдельный шкафчик и разложила гигиенические принадлежности в ванной комнате на втором этаже. Кое-какие вещи я купить забыла, но, думаю, это не проблема. Я могу приобрести их в местном магазине.

Остаток вечера я провела в своей спальне, лёжа на кровати. Касси спала у меня на груди. Не зря говорят, что кошки чувствуют твою боль. Касси почувствовала, как болит моё сердце. Не знаю, что послужило причиной, и выпитая таблетка не помогла.

Мне нравится, что Кай так добр к своей собаке. Он позволил Джонни лежать в дорогой машине, не поленился отвезти его к ветеринару... Это говорит о его великодушии, но мне не нравится, что Кай был добр и ко мне, потому что я не в силах ответить ему тем же. Никогда. И не только ему.

Кай. Я запомнила его имя. Зачем он представился мне? Почему помог? С этими мыслями и мурлыканьем под ухом я заснула.

Глава 10. Горькая правда.

Я ненавижу спать. Сон отнимает много времени.

Я ненавижу время, потому что мне некому его посвящать.

Заголовки местных газет гласили: «Брендон Хайд пытался избавиться от своих дорогостоящих искусственных глаз. Этот поступок он объяснил тем, что не хочет видеть мир без неё! Кто же та таинственная незнакомка, из-за которой программист из Коннекта чуть не лишился зрения?».

Я покупала эти злосчастные газеты с изображением Брендона в полный рост и рвала их на мелкие кусочки, потому что статья разрывала мне сердце. Фотографию я оставляла себе. В ящике у меня организовалась целая стопка вырезок. Я выбросила их все перед отъездом в Мираж, кроме одной, которую забрала с собой...

— Ева, вернись! Я не хочу видеть мир без тебя, — пытался сказать мне Брендон своим отчаянным поступком, но я не вернулась.

Я в его машине. Его печальное лицо вперемишку со злостью и обидой смотрит на меня украдкой в зеркало заднего вида. Та песня, которую он поставил на повтор, чтобы задеть мои чувства, была нашей любимой. Мы всегда слушали её, когда проводили время вместе. Брендон знал, что я не притворяюсь, что я действительно не узнала его. Он верил в мои рассказы, что я не старею, а если и сомневался, то убедился в этом, когда увидел меня. Я никогда не изменюсь, никогда не увижу Брендона снова. Никогда. Никогда...

Я проснулась в холодном поту. Касси открыла глаза вместе со мной и уткнулась мордочкой мне в шею. Её мокрый нос немного взбудрил. Меня больше напугало не то, что я видела во сне, а то, что он вообще мне приснился. Конечно, обрывистые картинки сложно назвать сном, но даже подобной роскоши я давно лишилась. Это не похоже на правду.

Возможно, разыгралось моё болезненное воображение. Вчера я много думала о Брендоне, а сейчас сознание подкинуло мне ещё парочку воспоминаний. Инцидент с глазами, который получил огласку на весь Коннект, я хотела бы поскорей забыть, но, видимо, невозможно стереть из памяти тот ужас, причиной которого была я. Там, где я, там и разрушение. Может, для этого мне была дарована долгая жизнь? Мне не нравится быть причиной хаоса. Мне не нравится, но я всё же встаю с кровати и собираюсь навестить Оливера, чтобы решить дальнейшую судьбу соседей по дому.

Умывшись, надев легинсы и тунику и позавтракав омлетом, я вышла из дома, в котором было тихо, как в музее. Невежливо тревожить людей ранним утром, но Оливер говорил, что я могу прийти к нему в любое время. Ещё бы он мне так не сказал. Получение половины моей прибыли — не самая пыльная работа.

Оливер оставил мне свой адрес. Если я не ошибаюсь, его дом находится на следующей улице в сторону выезда из посёлка. Здесь так спокойно, что я довольствуюсь тишиной, к которой быстро привыкаешь после шумного Коннекта. Чтобы перейти дорогу, не нужно опасаться, что станешь свидетелем столкновения машины с силовым полем на светофоре. Здесь, в посёлке, ездят только местные машины, поэтому никогда не бывает пробок, по крайней мере, так было раньше.

Кто-то уже не спит. Из дома, отделанного бардовым кирпичом, раздаётся музыка в стиле рок. Этот дом кажется мне знакомым. Он без забора, а во дворе много цветов и садовых фигур. Я повернула голову, чтобы на ходу рассмотреть элементы декора. Этот дом притягивает внимание, и он принадлежит Каю. Не успела я об этом подумать, как ко мне подкрался пёс с длинной золотистой шерстью. Он встал на задние лапы и радостно завилял хвостом. Его лапа больше не перевязана. Я улыбнулась псу и погладила по голове. Он стал скулить и бегать вокруг меня. Я попыталась его остановить, но он счёл это за игру и забегал ещё быстрее, отчего у меня закружилась голова.

— Джонни! — крикнул мужской голос, который невозможно забыть. — Домой, парень. Ты перебудуешь всех соседей!

— Ты своим криком сам всех перебудуешь, — пробурчала я себе под нос и присела на корточки, чтобы быть с Джонни на одном уровне. — Беги домой.

Пёс смотрел то на меня, то в сторону окна, откуда раздался голос. Кай кричал из дома, поэтому мне нужно поторапливаться, пока он меня не заметил. Я похлопала Джонни по спине, подталкивая его к дому. Он последний раз поставил мне лапы на колени, и я встала.

— Джонни! — громче повторил Кай, и пёс побежал к хозяину. Если я и хотела остаться незамеченной, то у меня это явно не получилось. Кай вышел на крыльцо и протянул руки к псу, чтобы потрепать его за ухо. Я испугалась, что он будет ругать собаку за непослушание, но Кай и не собирался этого делать, зато маленький пушистый засранец предал меня, посмотрев в мою сторону. Кай застал меня за подглядыванием их дружеской сцены. — Доброе утро, Ева! Снова следишь за мной?

— Утро добрым не бывает, — выдавила я в ответ, развернулась на пятках и продолжила свой путь.

Парень что-то крикнул мне вслед. Неужели каждый день мне придётся встречаться с этой дружной парочкой? Ладно с Джонни, я люблю животных, но вот с Каем... Нужно будет найти обходной путь, чтобы не проходить мимо их двора. Дом Кая стоит в метрах сорока от пешеходной дорожки, и этого расстояния достаточно, чтобы парень не разглядел меня из окна. Чего я так боюсь? Не проще ли перейти дорогу и идти по другой стороне, чтобы

вообще исключить возможность нашей встречи? Карта посёлка крестообразной формы проста: две линии домов, между ними проезжая часть, а по бокам от неё вымощены пешеходные дорожки. Я живу в самом центре, и у меня есть возможность выехать в город через любую из двух улиц. Оливер живёт в верхней части посёлка, если руководствоваться картой, а Кай — между нами. С другой стороны, к Оливеру я иду первый и последний раз, поэтому мне не придётся ломать голову над поиском обходного пути.

Пока я размышляла об устройстве посёлка, уже дошла до пункта назначения. Дом номер 27, огороженный красным кирпичным забором. Всё верно. Нажала на звонок, но не успела связаться с Оливером, как металлическая дверь распахнулась. Ко мне подошёл мужчина в чёрном костюме и предложил свою руку, от которой я вежливо отказалась. Не сказав больше ни слова, он проводил меня по зелёному газону до входных дверей, где меня ждал Оливер. Я видела его на фотографии, поэтому сразу узнала. На вид ему не больше сорока, хотя его настоящий возраст — пятьдесят четыре года. Я тщательно изучила его биографию, прежде чем довериться родительский дом, хоть он и приходится Стефану родным племянником. Конечно, Оливер знает его только из рассказов матери. Стефан умер, так и не дождавшись сына сестры, которая забеременела через несколько лет после трагедии. Не представляю, как ей удалось родить здорового ребёнка после пережитого стресса...

— Ева? Рад Вашему визиту! — Оливер поприветствовал меня пожатием руки. Он бы не узнал меня, если бы вчера вечером я не предупредила его о визите, написав сообщение. — Не думал, что Вы так скоро посетите Мираж. Проходите в дом.

Оливер выглядит немного смущённым, не думаю, что разбудила его. Он одет в отглаженные синие брюки и льняную чёрную рубашку с галстуком. Не у многих так официально начинается утро. Меня посетило такое чувство, что он ждал кого-то, а я всё испортила. Возможно, он ожидал увидеть на моём месте молоденькую блондинку, которая явилась сюда, чтобы скрасить его одиночество. Я знаю, что Оливер разведён, но у него есть дочь. Может, он ждал её? В любом случае я должна поскорей закончить наш ещё не начатый разговор. Мне некомфортно находиться в чужом доме, который окружает охрана. Я не была предупреждена об этом. Нужно было встретиться на нейтральной территории...

Оливер заметил моё волнение и пригласил пройти вместо гостиной на кухню. Я села на высокий стул, обитый кожей, и представила, как нелепо выгляжу в простой одежде на фоне дорогого интерьера. Даже хуже, чем девушка, предложившая мне чашку кофе, которая, по всей видимости, является гувернанткой. Я не отказалась, лишь бы чем-то занять руки. Пока Оливер что-то искал в настенном шкафу (сам?) я осмотрелась по сторонам. Кухней это помещение сложно назвать. Здесь нет ни плиты, ни разделочного стола, ни посуды, только длинный деревянный стол, стулья, несколько шкафов, барная стойка и телевизор, занимающий почти всю стену.

— Сладости в Вашем распоряжении, — сказал Оливер, вернувшись на место за столом напротив меня, и поставил хрустальную вазу с печеньем, конфетами и пряниками. — Если следите за фигурой, могу предложить диетический йогурт или фрукты.

— Нет, спасибо, — ответила я, и мои слова почему-то заставили Оливера улыбнуться.

Что-то в нём есть знакомое, что-то от Стефана. Манера поведения? Флирт? Улыбка? Да он чертовски похож на покойного дядю, я заметила это ещё на фотографии, поэтому боялась встречи с ним! Боялась, что брошусь бедному (если судить по материальному положению, то богатому) мужчине на шею в поисках тепла, которого мне так не хватало. В поисках Стефана. Этого не случилось, у меня даже не возникло такого желания. Оливер не в моём

вкусе, хоть он и перенял некоторые черты лица Стефана. Разрез глаз, но не голубой цвет. Улыбку, но не форму губ. Осанку, но не спортивное телосложение. Манеру говорить, но не тембр голоса.

— Простите, что не сообразил. Такую фигуру ничем не испортишь. Угощайтесь, — сказал Оливер без тени смущения, глядя мне прямо в глаза и приглаживая кончиками пальцев седеющие волосы. Я не нарушила зрительный контакт. За долгие годы общения с мужчинами я научилась скрывать свою слабость, которая им нравится в женщинах. Последние дни обещали сломать меня, но вернулась прежняя я, сильная, холодная, готовая ответить на колкость.

— Вы правы, — согласилась я и демонстративно развернула самую большую конфету.

Официантка (или как сейчас принято называть девушек, работающих на богатого дядю?) подросла вовремя, и я запила шоколадное лакомство обжигающим кофе. Нарочито посмотрела на Оливера и почувствовала возбуждение с его стороны. Этот кабель пытается заигрывать со мной? Думает, что облизывание его тонких губ меня соблазнит? Думает, я отдамся ему за угощения?

— Давно Вы вернулись в Мираж? — спросил Оливер, отпивая свой кофе и продолжая сверлить меня взглядом. Всё-таки зря я не надела обтягивающее платье с глубоким треугольным декольте (хоть и показывать мне особо нечего), но я знаю, что для мужчин размер груди — не самый главный показатель сексуальности. Нужно утереть нос этому дон Жуану.

— На днях, — ответила я, не сумев сосчитать их количество. Вчера я была в городе, значит приехала позавчера. Какая разница? Да и неудачной ксерокопии Стефана дату моего приезда знать необязательно.

— Рад познакомиться с Вами лично. Вы прекраснее, чем я себе представлял, — сказал он. Я бы солгала, если бы ответила ему взаимностью.

Когда младшая сестра Стефана состарилась (ей сейчас восемьдесят один год), мне пришлось иметь дело с Оливером. Для этого я познакомилась с ним заочно и обсудила условия сотрудничества по телефону. Это было пару лет назад. Оливер, как и все остальные мои знакомые, думает, что я внучка самой себя. Его матери, Сиене, я представлялась своей дочерью, только поэтому она согласилась мне помогать. Мы были подругами до смерти Стефана. Я несколько раз отправляла ей свои фотографии в гриме, где выгляжу правдоподобно на соответствующий возраст. Сейчас Сиена думает, что я умерла, а моя внучка Ева Таймерли с помощью Оливера сдаёт в аренду старый дом. Лишь бы самой не запутаться, кем я себе прихожусь. Оставшиеся старики в Мираже могут помнить меня юной, но в случае подозрений можно сослаться на их маразм.

— Чем старше женщина, тем краше, — солгала я.

С годами мы не становимся прекрасней. У нас появляются враги по имени Морщины и Седина. Они давно должны были познакомиться со мной.

— Вы хотели поговорить по поводу продления нашего контракта? — В голосе Оливера послышалась надежда на то, что я пришла не только за этим. Стефан тоже любил посматривать на симпатичных девушек, но никогда не делал этого в моём присутствии. Ему бы я простила даже измену, останься он живым. Я в лице Евы полувековой давности. Не знаю, как поступила бы сейчас.

— По поводу расторжения. Не знаю, на какой срок я вернулась домой, но пока не нуждаюсь в Ваших услугах, — сказала я, акцентировав внимание на последнем слове.

Оливер не привык оказывать услуги, он привык к власти. Пусть не забывает, что работал на меня. Разорвав с ним контракт, я обрекаю себя на поиски другого человека в случае моего переезда из Миража, но у меня больше нет желания иметь с Оливером что-то общее. К тому же, вряд ли я снова смогу сдавать в аренду свой дом, пожив в нём уже несколько дней. Мне будет проще его продать.

— Что ж, в таком случае наше сотрудничество можно считать завершённым, — сказал Оливер, и по его лицу сложно понять, задело ли его это или нет, — но можно образовать новое. Вы уже решили, чем будете заниматься здесь?

— Да, — снова солгала я, лишь бы не продолжать этот пугающий разговор. Родственник Стефана что-то хотел предложить мне? Вполне предсказуемо.

— Жаль. То есть я рад, что у Вас есть занятие, но жаль, что мы не сможем работать вместе.

Он так говорит, будто мы с ним больше, чем знакомы. Что-то в его взгляде заставило меня продолжить разговор, хотя уже могла встать и уйти. Может, мне не дало сдвинуться с места его желание заинтересовать меня? С каких пор я иду у мужчины на поводу? Стефан, отражающийся в его глазах, велит мне остаться ещё ненадолго. Это моя слабость, но я не готова проводить время с ювелирным магнатом ради чувства удовлетворённости. Возможно, я вижу в нём Стефана, но это иллюзия, игра сознания.

— А чем *Вы* занимаетесь? — спросила я, пообещав себе, что это последний вопрос. Мне просто любопытно узнать, отчего же я якобы отказалась.

— С Вами я был агентом по недвижимости, — сказал он подмигнув. Теперь я поняла, почему он выглядит моложе своих лет. Его лицо не настоящее, оно пропитано «уколами молодости». — Помимо этого у меня есть свой бизнес. Я владею сетью ювелирных магазинов.

— Тогда нам с Вами точно не по пути, — отшутилась я, лишь бы избавиться от его пристального взгляда. Решил от шоколадных конфет перейти к золоту? Пусть знает, что я не фанатка этих побрякушек. — Я работаю с животными.

— Ветеринар? — спросил Оливер без тени презрения, которое я ожидала услышать в его голосе. Наверное, обрадовался, что нам точно не по пути.

— Да.

— Что ж, мне придётся заполнить свой двор кошечками и собачками, чтобы почаще видеться с Вами, — ответил он, и я не поняла, шутка это или нет.

От таких людей можно ожидать чего угодно. Например, ради своей выгоды он может заразить беззащитных животных. От этой мысли Оливер стал мне ещё более неприятен. Я не успела вставить своё колкое замечание. Дверь в кухню открылась. Девушка, которая несколько минут назад принесла нам кофе, усадила за стол старика между мной и Оливером. Таким образом новый гость возглавил стол. Он поставил свою трость возле стула и пробурчал себе под нос: «Я бы справился и сам». Я в этом сомневаюсь. Он стар, как я. Поняв это, я занервничала, ведь этот человек мог жить в Мираже с рождения. Проклятие.

— Тони, познакомься, это...

— Ева! — вскрикнул пожилой мужчина, рассматривая меня так пристально, словно я экспонат. Моё сердце застучало быстрее, угрожая мне вырваться из груди.

— Вы знакомы? — удивился Оливер. Мне показалось, что старик немного занервничал.

— Я был знаком с бабушкой этой прекрасной девушки, её звали Ева! Я не мог не узнать в ней её, они похожи как две капли воды, — сказал старик.

На нём дорогой костюм, у него ухоженные руки и лицо. От него не воняет немытостью. Я не помню его. Может, это отец Оливера?

— Эту прекрасную девушку тоже зовут Ева, — ответил Оливер. Теперь на меня устремлены две пары глаз. Мужчины совсем забыли о рамках приличия.

— Меня назвали в честь неё, — громко сказала я, чтобы эти двое вспомнили, что я не объект изучения в конце концов! И что меня угораздило задержаться здесь? Теперь придётся как-то выпутываться из неприятной ситуации.

— Ева, это Тони Фоллен, двоюродный дедушка Триш, девушки, которая живёт в Вашем доме, — поспешил объяснить Оливер, потому что старик, кажется, потерял дар речи. Меня это пугает. Ещё немного, и он набросится на меня, как Джонни полчаса назад.

Получается, этот Тони знал меня лично. Что за спектакль с участием моей «бабушки»? Нужно разузнать об этом, но не при Оливере. Загвоздка лишь в том, что я не помню никакого Тони. Может, о нём что-то говорится в моих дневниках, но я недавно перечитывала их и не видела, чтобы это имя упоминалось. Может, этот Тони был настолько ничтожным, что я ничего не упомянула о нём, или наоборот...

— Моей внучке и её молодому человеку понадобилось здесь жильё, — сказал Тони, — и она попросила меня помочь ей. Родители Триш разбились в автокатастрофе, когда она была малышкой, и поэтому росла с моей младшей сестрой Хилари в Мираже. Триш перебралась несколько лет назад ко мне, когда её бабушка умерла, но, повстречав Дилана, она решила, что пора жить отдельно. Я не мог ей отказать, и Оливер посоветовал поселиться в доме Стюартов, к тому же, на тот момент он пустовал.

Почему Тони оправдывается? Хотел разжалобить меня? А кому сейчас легко? Оказывается, Оливер активно занимался порученной ему работой (он своего не упустит), раз «посоветовал дом Стюартов». Это Сиена рассказала ему о моей семье. Он заинтересовался? Возможно ли такое, что Оливер чувствует ко мне то же, что чувствовал Стефан?

— Что ж, если Вы несёте за девушку ответственность, то должны знать, что скоро ей придётся искать новое жильё, — сказала я, ожидая, что Тони рассердится, но этого не произошло, зато меня рассердил тот факт, что я с первого раза запомнила его имя.

На старом лице Тони отражается благодарность, а во взгляде — спокойствие. Обычно родственники иначе реагируют на плохие новости. Это настораживает.

— Она была готова к этому. — Голос старика не кажется противным, даже наоборот. — Они с Диланом всё это время копили деньги на покупку квартиры.

Мне открываются новые подробности о моих соседях, но это мне не так интересно, как давняя связь старика со мной, если она вообще была. А если не было, то как же тогда Тони мог узнать о моей «бабушке»? Разве что Оливер рассказал ему обо мне. Я запуталась...

— Я сама поговорю с молодыми людьми и дам им время на поиск нового жилья, — сказала я, поддерживая отстранённую тему. — Чем они занимаются, если не секрет? В наше время нелегко приобрести квартиру.

— Они профессиональные музыканты, — ответил Оливер за Тони. — Вы не слышали их песен в интернете? Они не так популярны, как хотелось бы, но в сети можно найти информацию об их группе.

— Я не смотрю телевизор и не интересуюсь современным творчеством, — ответила я в надежде обидеть Тони, чтобы он отвёл от меня пристальный взгляд.

— У них действительно хорошие песни, — сказал Оливер, разворачивая очередную

конфету. Я ограничилась одной.

— Боюсь, это не повлияет на моё решение об их выселении, — честно ответила я. Оливер пожал плечами и достал из внутреннего кармана пачку дорогих сигарет. Он закурил одну и предложил старику, но тот отказался, глядя на меня. Я отодвинулась подальше от мужчин. — Как Вы этим дышите?

— Вы не слышали об индивидуальных кислородных фильтрах воздуха? — удивился Оливер и задрал голову, чтобы я смогла увидеть его ноздри.

Зрелище не из приятных. Я ожидала увидеть волосы в носу, но вместо этого увидела белую сеточку, похожую на фильтр в водяном кране. Мне не нужно было объяснений, чтобы понять, для чего нужны эти штуки.

— Это всё равно что заливать алкоголь в уши, — не удержалась я, и Оливер засмеялся. Тони ещё громче.

— Отличное чувство юмора! Вы мне нравитесь, — сказал Оливер, подняв вверх большой палец, на котором я заметила золотой перстень с чёрным камнем.

Я хотела ответить: «А Вы мне нет», но он встал из-за стола, выбросил сигарету в мусорное ведро (поздно строить из себя примерного мальчика) и сказал, что скоро вернётся. Неужели подарит мне парочку фильтров для носа? Я бы посмеялась, но не сейчас. Это мой шанс, чтобы уйти, не попрощавшись, но внезапная реплика Тони заставила меня остаться.

— Где сейчас Ваши родители и бабушка, Ева? — Моё имя старик произнёс с приторной нежностью. Никто раньше не задавал мне таких вопросов. У меня нет подготовленной истории, поэтому придётся импровизировать.

— Бабушка умерла, а родители никогда не жили здесь, только сдавали свой дом. — Надеюсь, мой ответ был убедительным и не вызовет новых вопросов.

— Последний раз я видел Вашу бабушку, когда она ухаживала за своей ослепшей матерью, — сказал Тони. Он, наконец, перевёл взгляд с меня на стену, как будто вспоминал то, о чём говорит. — Она избегала встречи со мной, а я пытался поговорить, спросить, не нужна ли ей моя помощь... Внешне Ева была молода, а внутренне — измотана жизнью. Я чувствовал, что ей нелегко. После смерти матери она уехала, и я понял, что больше никогда не увижу её.

Эта история вызвала жалость к Тони. Он не выдумывает. Так всё и было. Он видел меня в гриме. В то время я ни с кем не общалась, не здоровалась, не вела соседские беседы. Моё внимание было приковано к маме. Всё живое во мне медленно умирало. Я не замечала никого вокруг. Старик не лжёт, и я прониклась его словами, хоть и не показала это внешне. Я научилась держать эмоции взаперти. Научилась не плакать при людях.

— Она в самом деле больше никогда не возвращалась сюда, — сказала я и на этот раз не соврала. Моя бабушка (то есть я) приехала сюда позавчера, чтобы снова оплакать свою потерю, но этого Тони знать необязательно.

— Ева рассказывала Вам обо мне? Мы дружили в детстве, учились в одной школе.

— Да, — соврала я, потому что старик нуждается в этой лжи.

По его морщинистым щекам потекли слёзы. Он не мог выдумать общение со мной, я просто не помню его. Не помню нашей дружбы, но чувствую, что Тони говорит правду. Мне стало жаль старика, как бывает жаль только умирающих животных на моих руках...

— Твой заказ готов, Тони, — сказал Оливер, войдя на кухню с маленькой коробочкой в руках, тем самым нарушив наш неловкий разговор.

Я благодарна напыщенному бизнесмену за его бестактность. Мне не придётся

продолжать говорить на неприятную тему. Я заметила слёзы Тони и Оливер, наверное, тоже, когда вручал ему коробочку, обтянутую красным шёлком. Интересно, что за заказ? Я не спрошу об этом, потому что пообещала себе не быть любопытной. Это не моё дело.

— Спасибо, вовремя, — сказал Тони, небрежно спрятав коробочку во внутренний карман пиджака.

— Всегда рад помочь. — В разговоре с Тони Оливер не возвышает себя, а относится к нему с почтением, хоть и общается на «ты». Может, они и правда родственники? — Что случилось? Ева ведь не могла обидеть тебя...

— Нет, что ты! — ответил старик, немедленно стерев нахлынувшие эмоции с лица, защищая меня. — Мы говорили о её бабушке, и я вспомнил свою первую любовь...

Любовь? Что, чёрт возьми, произошло между мной и Тони? Я не помню его! У меня был только один парень в прошлом. Это Стефан!

— И единственную, — продолжил Оливер, — я не знал, что ею была бабушка Евы. Похоже, обольщать мужчин — это их семейный дар.

«Да что ты знаешь о моём даре!» — в мыслях обратилась я к Оливеру. Что он имеет в виду, говоря о единственной любви?

— Да, Ева, у меня никогда не было жены, — сказал Тони. Кажется, улыбка больше никогда не вернётся на его старое лицо. Возможно, в молодости он был симпатичным. Даже если и так, его красота не оставила отпечаток в моём сердце. Я чувствую себя немного виноватой перед ним. — Но я не считаю это проклятьем, Оливер. У меня были близкие люди. Сестра, племянница, теперь Триш. Все эти женщины заменили мне одну единственную.

Ни я, ни Оливер не посмели перебить Тони с расспросами. Мне захотелось домой, чтобы спрятаться под одеялом и больше никогда не встречаться со своим прошлым в лице пожилого человека, который знает что-то, чего не знаю я.

— Я не хотел обидеть тебя, — оправдался Оливер, но Тони не похож на ранимого человека. Если он на протяжении всей жизни любил одного человека, его можно назвать сильным и отчаянным одновременно. Мы с ним похожи, не так ли?

— Забудь, — сказал Тони и обратился ко мне, — Вы останетесь здесь или пойдёте домой?

И что я должна ответить? Конечно, я не останусь здесь, но и говорить, что пойду домой, тоже не собираюсь. Вдруг он увяжется за мной? Этого я не вынесу. Не сегодня.

— Хочу пройтись по магазинам в городе, — ответила я. Умение лгать тоже приходит с возрастом.

— Тогда позвольте мне проводить Вас до выхода, — сказал Тони и встал, опёршись о свою трость. Я видела такие в магазинах. Ещё одно полезное изобретение. Трость основана на гидравлическом механизме, что позволяет человеку опираться на неё, не чувствуя своего веса под рукой. Недешёвая вещица, но полезная.

— Да, конечно, — нехотя ответила я.

Мне хочется поскорей остаться одной. Слишком много времени я провела в компании незнакомых людей, слишком много лишних слов произнесла.

Оливер, как хозяин дома, проводил нас Тони до ворот. По пути я старалась не смотреть по сторонам. Не хочу запоминать эти хоромы, не собираюсь сюда возвращаться.

— Было приятно познакомиться с Вами, — сказал Оливер, взяв мою руку в свою, мокрою и тяжёлою. — Если я Вам понадоблюсь, дайте знак.

— Пренебреженно, — ответила я, вырвав руку и спрятав её в карман туники. Я не смогла до конца сыграть роль обольстительницы, не утёрла нос богатому слизняку, и всему виной Тони. Под его преданным взглядом я не могу сосредоточиться. Может, это и к лучшему.

Оливер попрощался с Тони, ворота за нами закрылись, и я осталась со стариком наедине.

— Мне тоже было приятно увидеть Вас, — сказал Тони, убирая трость за спину. Ему, вероятно, неловко выглядеть в моих глазах старым и беспомощным.

— Не нужно обращаться ко мне на «Вы», — попросила я и добавила волшебное слово «пожалуйста».

— Когда я говорю «Вы», имею в виду и твою бабушку тоже, — ответил Тони и неловким движением поправил свои седые поредевшие волосы.

— Тогда тем более не стоит говорить так. — Я не хотела быть грубой, но пришлось. Это уже доходит до фанатизма.

— Как скажешь. Ева тоже была до жути упрямой. Хотя, что я говорю, ты и сама прекрасно знаешь это, — сказал он, и уголки его губ на мгновение поднялись. Может, это была игра света, потому что глаза Тони были всё ещё печальными.

— Нет, не знаю. С бабушкой всегда можно было договориться! Мне пора...

— Береги себя, Ева, — сказал Тони и резко повернулся ко мне спиной, не дожидаясь ответа.

Что-то мне подсказывает, что мы ещё встретимся, поэтому не хочу дразнить судьбу. Я не стала говорить ему «до свидания» и молча пошла в противоположную сторону. Плевать, что нам с Тони было по пути.

Я побежала, не оборачиваясь ни на старика, ни на дом Оливера. Зачем я вообще явилась сюда? Сообщить о прекращении сотрудничества можно было и по телефону. Мне пришлось обогнуть весь посёлок, чтобы добраться до дома. Касси встречала меня на крыльце. Из окон доносилась громкая музыка. Не хочу верить в то, что она действительно прекрасна, и стараюсь не слушать.

— Простите, что нарушаю ваш покой, — сказала я соседям, ворвавшись в гостиную. Парень перестал играть на гитаре, а девушка — петь. У меня возникло чувство, что я застала их за чем-то более личным, чем просто за занятием музыкой. Может, для них это не только способ заработка денег. — Вы можете оставаться здесь до тех пор, пока не найдёте для себя подходящий вариант.

Может, я буду жалеть о вырвавшихся словах, но чувствую, что только так я смогу загладить вину перед Тони, неясную для меня и ощутимую для него. Он любит свою внучатую племянницу, и я в силах сделать что-то хорошее для неё и её парня, но не в силах отвечать им вежливостью.

— Спасибо, Ева, — обрадовалась девушка. — Оливер сказал, что мы копим деньги на собственное жильё? Мы не задержимся надолго.

— Тогда удачи вам, — сказал я, не ответив на вопрос. — Продолжайте репетировать, вам это необходимо.

Две пары глаз удивлённо уставились на меня. Я легко могу прочитать их мысли по одному лишь взгляду: «Еву подменили или наша музыка настолько ужасна, что нам нужно больше репетировать?». Я взяла Касси на руки и поднялась к себе в комнату, оставив ребят

одних.

Что заставило меня позволить этим влюблённым пожить в моём доме? Благодаря им стены пропитаны музыкой. Она всегда спасала меня, как и книги. Я не интересуюсь современной электронной музыкой, но эта ласкает мой слух, потому что она живая. Может, причина не только в музыке? Может, я просто не хочу снова оставаться в одиночестве?

Это не может долго продолжаться! Я не хочу стать свидетельницей их смерти через много лет. Чтобы предотвратить эту боль, мне необходимо продолжать оставаться грубой и холодной. Оставаться той Евой, которой я всегда была. Все эти годы я возводила вокруг себя ледяной забор, и он не может рухнуть в одночасье из-за людей, играющих музыку моего сердца. Я должна меньше времени проводить с ними. Должна оградить себя также и от Кая, который может послужить причиной пожара в моём ледяном замке.

Вместо того чтобы думать об утопичном будущем, я открыла коробку с накопившимися дневниками и посвятила целый день их изучению. Ключевые слова для поиска: Тони и голубой камень. Оба слова я встретила в самом первом дневнике, который начала вести с момента поступления в университет. Я не вела записи раньше не только потому, что память у меня была хорошей, и в них не было необходимости, но и потому, что мне нечего было в них писать. С появлением Стефана жизнь стала насыщенной и яркой.

«Соседский парень Тони ужинал с нами на Рождество. Мои родители пригласили его. До сих пор думаю, что меня заинтересует скучный подросток. Надеюсь, Стефан не будет ревновать, когда узнает. Хотя, как можно ревновать меня к парню, которому я с детства не давала надежд на близкие отношения?».

7 января, 1998 год.

Имя Тони было употреблено лишь один раз. Я упомянула его, когда приехала домой на зимние каникулы, но этой информации достаточно, чтобы понять, что старик не врёт. Я никогда не замечала его. В моих мыслях был только Стефан, как и на страницах дневника. Его имя выделено красной ручкой или обведено сердечком. Я была отчаянно влюблена. Сейчас эта любовь живёт во мне, но уже не развивается, как раньше. Я люблю воспоминания о Стефане и боюсь их забыть. Вот почему дневники так важны для меня. Они хранят то, что я давно потеряла.

«Перед отъездом в общежитие я оставила папе свой камень на цепочке в надежде, что этот жест заставит его сменить гнев на милость. Я отдала ему камень в качестве талисмана, потому что помню, как он заинтересовал папу несколько лет назад».

17 августа, 1997 год.

Больше о загадочном камне, который приглянулся папе, в дневниках не упоминалось, значит я больше не видела его. Раз отец мне его не вернул, то неудивительно, что «талисман» лежал в заброшенной лаборатории, как будто ждал меня столько лет... Когда я взяла его в руку, почувствовала, как знакомое тепло растеклось по венам. Связан ли камень с моим даром? У меня, по крайней мере, появилась цель пребывания в этом доме, хранящем приторно-сладкую энергетику. Как долго я смогу терпеть соседство музыкантов? Ответ очевиден. До тех пор, пока мне не надоест слушать их песни.

Весь день соседи отсутствовали. Я видела в окно, как они уехали куда-то на своём

недорогом автомобиле, несоответствующем статусу участников, хоть и малоизвестной, но рок-группы. За это время я успела сварить себе на кухне кофе несколько раз. Под вечер ребята вернулись. Обычно я закрываю звуконепроницаемую дверь в своей спальне, чтобы не быть свидетельницей интимных разговоров, но сегодня оставила её приоткрытой, чтобы послушать песни из их репертуара. Они так часто репетируют, что я удивляюсь, когда они успевают находить время друг для друга.

Несколько раз они исполнили медленную песню «Сегодня, завтра и вчера» (я услышала название из их разговора). Акустическая гитара сейчас не в моде, и это огромная ошибка человечества. Голос и звуки струн идеально дополняют друг друга. Не нужны дополнительные инструменты, чтобы наслаждаться песней. Ничего не отвлекает слух. Слова льются из уст девушки так гармонично, как будто она была рождена для того, чтобы петь, а не говорить. Если текст песни принадлежит ей, то она достойна похвалы от такого заядлого скептика, как я. Может, слова не настолько красивы, как хотелось бы, но они олицетворяют мои переживания. Я прониклась уважением к этим людям. Они поют о том, чего я не могу произнести вслух.

*Сегодня счастье в дверь постучалось,
В него поверить мне нелегко.
Я не хочу, чтоб день промчался,
В один миг не позабыть его...*

*Я не знаю, что будет завтра.
Наш мир так хрупок и одержим.
Мне решать, где ложь, где правда,
Во что верить и как жить.*

*Вчерашних нет давно событий,
В дневник историй они вошли.
На корабле миллиард открытий
Встречи ждёт с судьбой вдали.*

Когда в доме стало тихо, я прокручивала в голове этот текст. Даже во сне я слышала припев: «Нужно жить сполна всегда. Сегодня, завтра и вчера!».

Глава 11. Дар Евы.

Так просто бывает: находишь, теряешь...

— Чем займёшься сегодня, Ричард? Как я выгляжу? Тебе нравится мой новый шарфик? — спросила Ева, кружась по комнате.

— Хороший! Хороший! — ответил Ричард, и девушка закружилась быстрее, размахивая шарфом, воображая себя восточной принцессой.

— Потанцуй со мной! — попросила Ева, но Ричард не сдвинулся с места. Девушка подошла к нему сама. Ричард сидел на подоконнике спиной к окну. Мартовские лучи солнца освещали комнату Евы. Проснувшись, первым делом девушка раздвинула шторы, чтобы

впустить в дом весну, которую она ждала на протяжении затяжной зимы. — Тогда спой, не будь занудой.

— С днём рожденья тебя! — повиновался Ричард и несколько раз пропел слова песни, после чего закружился вокруг своей оси, как балерина в музыкальной шкатулке.

На Еву нахлынула лёгкая тоска. За шестнадцать лет родители ни разу не зашли утром в её комнату с тортом, украшенным свечами, чтобы разбудить праздничной песней. Она никогда не требовала дорогих подарков, никогда не просила устроить вечеринку с кучей друзей, ей лишь хотелось внимания и искренних поздравлений в этот день. Сейчас Ева спустится вниз, и, конечно, родители поздравят её, но не так, как она себе раньше представляла. Она не подаст вид, что обиделась, поблагодарит за стол со сладостями маминого приготовления и за подарок, который она сама себе заранее выбрала. Не обидится на то, что папа после завтрака закроется в своей лаборатории, а мама найдёт для себя другое более важное занятие, чем провести время с дочерью. Они дадут Еве денег и предложат пройтись по магазинам. Она так и сделает, но ничего не потратит, а положит деньги в копилку на случай, если родителям надоест откупаться от неё. У девушки будет в запасе определённая сумма, чтобы потом купить понравившуюся вещь. Ева надеялась, что родители вместо денег станут дарить ей чуточку больше любви и заботы.

Еву радовало, что её день рождения выпал на выходной, и ей не нужно наряжаться в школу и притворяться самой милой девушкой на свете (а ведь в детстве ей именно этого и хотелось), как это делают одноклассницы. Парни устраивают им сюрпризы и говорят комплименты. Ева была бы рада их получить, но она делала что-то не так, вела себя как-то иначе, раз не купалась во внимании. Она не носила мини-юбки и кофточки с откровенным вырезом, а это автоматически делало её неприметной и неинтересной для одноклассников. Мальчики устроены так, что даже если у страшненькой девочки есть большая грудь, эта девочка безоговорочно станет объектом обожания. Ева каждый день замечает раздевающие взгляды парней, устремлённые на старшеклассниц, и это её пугает. Особо привлекательных девиц прижимают к стенке, чтобы собственноручно проверить их формы, и, кажется, девушек это ничуть не смущает. Наоборот. Гордость бегущей строкой горит на их запудренных лицах. Ева с отвращением наблюдала за подобными картинками, тем самым сделав себя ещё более незаметной для окружающих. Она не хотела быть одной из них, не хотела взрослеть.

Она боялась, что все люди испорченные и извращённые. Боялась начинать отношения с парнями, потому что они не надёжны и могут поставить на твоей репутации клеймо. Этими опасениями Ева ни с кем не делилась из-за отсутствия подруг, но если бы они у неё и были, всё равно бы не поняли. Замкнутый круг. Родителям Ева говорила, что у неё хорошие отношения с одноклассниками, чтобы они не расстраивались по пустякам. Они не знали, что их дочь гуляет одна, когда говорит, что идёт гулять с друзьями. Ева всегда была особенным ребёнком. Другие девушки скорее врут, что гуляют сами, нежели расскажут родителям правду о том, что у них связь с двадцати пятилетними байкерами или татуированными рокерами.

— Спасибо за поздравления, мой маленький принц, — сказала Ева и подставила Ричарду палец, чтобы он сел на него. Попугай радостно зачирикал, и девушка погладила его красно-жёлтые крылья. — Вовремя ты выучил эту песню.

Родители подарили Ричарда Еве на день рождения три года назад, когда тот ещё был птенцом, со словами: «Теперь тебе будет, кому задавать вопросы, и тебе никогда не будет

скучно дома». Девушка прекрасно понимала, с какой целью родители подарили ей попугая. Они не любили расспросы и любознательность Евы. Сначала девушка разозлилась, ведь она хотела в качестве подарка красивую куклу, но вскоре полюбила пернатого друга гораздо больше, чем полюбила бы желанную Барби. Ричард быстро научился говорить простые слова, такие как «привет», «хороший», «птичка», но самая большая заслуга Евы, как учителя — слово «люблю». Она долго повторяла его Ричарду. Сочетание этих звуков оказалось сложным для произношения, но девушка справилась с задачей и была рада услышать заветное слово, которое казалось ей волшебным. Со временем Ричард научился говорить целое словосочетание «я люблю тебя». Ева позаимствовала эту фразу у плюшевых игрушек. Ей нравилось нажимать на их мягкие животы, но куда приятней слышать слова любви от птички, нежели от синтепона с пластмассовыми глазками.

В первый год жизни в доме Стюартов Ричард заболел. Ева была ещё недостаточно взрослой, чтобы понять, что сквозняк может навредить птице. В её обязанности входили только уборка за питомцем, кормление и общение с ним, а о внешних факторах должны были позаботиться родители. Ричард захворал, как человек, и Еве было больно смотреть на больную птицу. Он мало ел, постоянно чихал, и его лапы были холодные, как лёд. До болезни он никогда и ни у кого не сидел на руке, только на голове, но сразу же улетал, почувствовав, что его пытаются переманить поближе. Его было сложнее приручить, чем волнистого попугайчика, Ричард — более крупный и развитый. Во время болезни Еве так отчаянно хотелось притронуться к питомцу, что она постоянно просовывала руку в клетку, потому что это не удалось даже ветеринару, которого вызвала мама Евы на дом, чтобы вылечить птицу. Врач лишь пожал плечами и сказал, что Стюарты зря потратили его драгоценное время.

Ева думала, что ей вскоре придётся проститься с полюбившейся птичкой, как через несколько дней попыток ей всё-таки удалось посадить Ричарда к себе на руку. Он покорно устроился на запястье хозяйки, обхватив его одной лапкой, а другую поджал под себя. Ева выпустила попугая из клетки, чтобы он не умирал взаперти. Она намеревалась до последнего ухаживать за ним. Девочка поила Ричарда из пипетки и по одному зёрнышку клала ему в клюв. Когда попугай оказался у Евы на руке, девочка заметила слабое голубое свечение, исходящее от её кожи. Попугай под воздействием света стал медленно приходить в себя, пока Ева тихо плакала, наблюдая за этой картиной. Через пару минут Ричард распушил перья и зачирикал, а девочка продолжала удивляться происходящему. Ни одна живая душа не узнала случившемся. Ева подумала, что произошло чудо. Так и было, но она ещё не подозревала, что сама являлась причиной этого волшебства.

С того дня Ричард никогда не болел и не боялся Еву. Они стали лучшими друзьями, если такие отношения вообще возможны между девочкой и попугаем. Ева сочла исцеление Ричарда за чудесную случайность и не думала, что это может повториться снова. На щенке Зевсе, который на тот момент не был болен, она не могла проверить свою гипотезу.

Спустя полгода после выздоровления Ричарда Ева по привычке сидела на крыльце и раскладывала пасьянс. Клетка с попугаем висела рядом с домом на яблонево́й ветке, чтобы Ричард мог побыть на свежем воздухе, а Зевс бегал по двору за мячиком, который ему бросала хозяйка. Девушка забыла, что каждую субботу почтальон приносит Стюартам выписанные научные журналы, и не пристегнула пса на поводок. Каждый раз он бежит к воротам, чтобы на улице поиграть с разносчиком газет. Так случилось и в этот раз. Зевс, как

по зову судьбы, пролез под воротами и заскулил. Ева ждала, что он с минуты на минуту прибежит с журналом в зубах, но так и не дождалась. Она подошла к калитке, чтобы выйти со двора, открыла дверь и увидела Зевса. Он бегал вокруг собаки среднего размера, корчащейся от боли на мокром от крови асфальте. Ева никогда так громко не кричала, но сделала это, о чём сразу же пожалела. На её крик прибежала мама и испуганно села рядом с дочкой. Рыдания Евы невозможно было остановить. Собака умирала на глазах.

— Что случилось? — спросила миссис Стюарт.

От этого вопроса Еве захотелось закричать ещё громче. «Неужели она не видит, что случилось?» — подумала она, в мыслях злясь на маму, но спокойно ответила:

— Зевс заскулил, когда выбежал к почтальону. Я пришла сюда и увидела на дороге собаку. Её сбила машина. Мама, вызывай ветеринара! Она умирает...

— Ни машины, ни почтальона не было, когда ты вышла? — с удивлением в голосе спросила мама.

Ева явно отвлекла её от домашних дел. На ней был махровый халат и тапочки, а в руках — тряпка для вытирания пыли. Уборке она уделяла один день в неделю из-за большого количества работы, поэтому эти обязанности в основном выполняла Ева. Ей нравилось быть хорошей дочерью и хотелось, чтобы её ценили.

— Кто признается в убийстве бездомного животного? Мама, пожалуйста, вызови врача... — слёзно попросила Ева, но она знала, что врач не поможет. У собаки был разорван живот и сломана задняя лапка. Она потеряла много крови и подкатила глаза.

Девушка молилась, чтобы животное не чувствовало боли, и была рада, когда мать наконец ушла в дом, забрав из почтового ящика журнал, который Зевс впервые не выхватил из рук почтальона.

Ева с максимальной осторожностью взяла собаку на руки, а Зевс, как верный охранник, побежал следом за хозяйкой. «Неужели в животных больше сочувствия, чем в людях? — подумала Ева, глядя на дрожащего Зевса и вспоминая спокойное лицо матери. — Если бы умирал Зевс, она бы отреагировала точно так же». Собака не была тяжёлой, и девочка без труда перенесла её на площадку за своим домом, чтобы никто не смел их потревожить.

Ева чувствовала, как из животного утекает жизнь, как медленно бьётся его сердце, как дрожит маленькое тельце и сочится кровь из рваной кожи. Коричневая шерсть испачкалась в крови, пыли и слезах девушки. Она знала, чем всё кончится, и проклинала неосторожного водителя. Ева села на колени с собакой в руках. От прикосновений девушки животному становилось легче. Зевс облизывал закрытые глаза собаки, как будто это не даст ей умереть.

— Пожалуйста, живи, пожалуйста, — шептала девушка.

Одной рукой она массировала повреждённую лапу собаки, а другой — гладила живот. Это казалось Еве безумием, но она помнила, как исцелила Ричарда. Несколько минут она продолжала свои движения, и голубое свечение на ладонях было доказательством того, что задумка сработает...

Ева, обессиленная и заплаканная, снова пошла к воротам, где её уже ждала мама. Она увидела в руках дочери картонную коробку из-под обуви и собралась вернуться в дом, чтобы отменить вызов врача.

— Она бы всё равно не выжила, милая, ты же понимаешь это? — Миссис Стюарт обрадовалась, что её слова не заставили Еву расплакаться. Без того красные от слёз глаза дочери причиняли ей боль, но она ничем не могла помочь. — Что ты собираешься делать?

— Достоинно похоронить. Уведи Зевса в дом, — тихо сказала Ева и, не глядя на мать,

вышла со двора.

— Не вини себя, — сказала миссис Стюарт дочери вслед, но помощи не предложила. Собственноручно похоронить собаку казалось ей обыденным делом, а может, она подумала, что Еве помогут друзья.

Сейчас воспоминание об этом неприятном случае вызвало бы у Евы лишь улыбку, потому что она знает, что Хэппи живёт где-то в Мираже. Этим именем девушка попросила назвать спасённую собаку в приюте для бездомных животных в надежде, что кто-нибудь заберёт оттуда прекрасное создание. Еве казалось, что она никогда не забудет, как у неё на глазах затягивалась рваная рана на животе Хэппи, как срасталась её сломанная лапка, каким благодарным взглядом одарила её собака на прощание... Ева сморгнула слёзы радости и спустилась вниз с Ричардом на руке, где именинницу ждут родители и взрослый Зевс. Девушка сразу забыла былую обиду о нехватке внимания и поспешила в объятия к любимым.

Глава 12. Параллели.

Какова вероятность, что наши судьбы пересекутся?

Меня разбудил собственный урчащий живот. Вчера я ничего не ела, кроме шоколадной конфеты в доме Оливера и йогурта, который буквально залила в себя вечером. Я так голодна, как никогда не была за свои восемь с лишним десятков лет. Судя по горящим глазам Касси, она бы тоже не отказалась от завтрака. Кошка проявила уважение, не разбудив меня раньше моего организма, хотя, может, я не услышала её тихое мяуканье. Сегодня мне ничего не приснилось. Это наводит меня на мысль, что вчерашний сон о Брендоне я выдумала.

Переодевшись из пижамы в серо-голубой спортивный костюм и умывшись, я спустилась на первый этаж, чтобы плотно позавтракать. Запаса моих продуктов от силы хватит на пару дней, поэтому мне нужно снова ехать в город. Когда я проходила мимо гостиной, встретила взглядом с Диланом. Он когда-нибудь расстанется с гитарой?

— Доброе утро, — сказал он, наигрывая какую-то мелодию.

— Доброе, — ответила я.

Дилан — один из немногих парней, не проявляющих ко мне какого-либо интереса. Радует, что остались мужчины, которые не способны изменить любимой девушке. Кстати о Триш. Она моет посуду, что-то тихо напевая. Как мне показалось, в такт мелодии, которую играл Дилан. Увидев меня, девушка заулыбалась и немного смутилась.

— Мы только что позавтракали. Я и для Вас приготовила запеканку, — сказала Триш, указывая на сковороду. Не зря я сразу почувствовала приятный аромат творога.

— Спасибо. — Я не смогла отказаться от тёплой запеканки, но в следующий раз такого не повторится. Я стала сдавать позиции. Чтобы реабилитироваться, я холодно добавила: — Не обращай ко мне на «Вы», я едва старше тебя.

Да, на каких-то шесть десятков. Должна же я была к чему-то придраться.

— Договорились, — ответила Триш, ничуть не обидевшись. — Мы с Диланом сейчас поедem в город. Тебе что-нибудь нужно? Мы заедem в супермаркет.

— Я как раз собиралась за покупками, но раз ты настаиваешь, — согласилась я.

Триш закрыла воду в кране и повернулась ко мне. До этого момента она говорила со мной в полуобороте. Сейчас я могу рассмотреть её макияж: густо подведённые чёрным

карандашом глаза, бледно-розовые тени и такого же оттенка помада. На её светлой коже это смотрится слишком ярко, но по сравнению с остальными современными девушками, у Триш банальный макияж. Глаза уже мало кто подводит чёрным цветом или рисует стрелки, мода на это давно прошла. Сейчас чаще встретишь девушек с леопардовым узором на веках или с изображением крыльев бабочки. Такой макияж наносится специальными тенями под трафарет, поэтому не занимает много времени и стал целым направлением в искусстве. Написать картину на коже можно в домашних условиях, но я даже не пыталась. Лучше использовать бумагу для полёта фантазии.

Кого только не встретишь на улицах мегаполиса. Раньше мода диктовала девушкам образы и одежду, а сейчас девушки сами её создают. Невозможно уследить тенденцию, какая вещь является популярной. Люди стали непохожими друг на друга, к чему всегда и стремились.

Триш импонирует мне тем, что она не пытается выделиться, а остаётся собой. Может, она видела в старых журналах этот стиль, который, кстати, ей к лицу. Длинные чёрные волосы и косая чёлка, тканевые банты, множество браслетов на руках, чёрный и розовый цвета, преобладающие в одежде, обтягивающие джинсы и кукольные платья. Всё это мы уже видели, но Триш сумела объединить элементы, и в целом они смотрится гармонично. Также меня удивляет отсутствие на её теле татуировок. Сейчас их делает каждый второй из-за безболезненности процедуры. Рок-звёзды всегда привлекали к себе внимание именно неординарными изображениями, но этим уже никого не удивишь. Каждый может позволить себе трансформацию и трансплантацию тела. Люди стали похожи на кучку разноцветных клоунов, но хотелось бы мне посмотреть, как они будут выглядеть лет через двадцать (говорю уже, как мама). Новое поколение найдёт для себя другие причуды, но вскоре решит придерживаться строгого классического стиля. Я могла бы получить премию за открытие новой гипотезы. Я бы назвала её «Возвратность на круги своя».

— Тогда напиши список необходимых продуктов, к вечеру мы всё привезём, — сказала Триш, вытерла руки о полотенце, достала из заднего кармана чёрных джинсов блокнот с ручкой и протянула мне.

— Этим ещё кто-то пользуется, кроме меня? — спросила я, имея в виду канцтовары. Триш пожалала плечами и улыбнулась. Её ребяческий оптимизм заразителен.

Даже дети в школах пишут на планшетах. Мне всегда было интересно, зачем их вообще учат прописным буквам. Деграция нации. Надеюсь, что моя ранее выведенная гипотеза распространяется и на образование.

Я наугад открыла блокнот и увидела аккуратный курсивный почерк. На одной из страниц написано стихотворение с исправлениями и заметками «припев», «куплет» и поняла, что это песня. Оказывается, девушка пишет их сама. Чтобы не показывать свою заинтересованность, я нашла пустую страницу и составила список: сливочное масло, хлеб, овсяное печенье, шоколадные конфеты, фрукты, овощи, курица, мука, молоко.

— Ты не уточнила, какие фрукты и овощи ты любишь, — сказала Триш, прочитав заказ. Пирсинг в нижней губе подчёркивает не сползающую с лица улыбку. Что делает девушку счастливой?

— Любые. Бери на своё усмотрение, — ответила я.

Не понимаю людей, которые капризны в еде. Тем более сейчас, когда продукты стали максимально натуральными и качественными. Новый президент поднял на ноги производство страны. Ранее заброшенные заводы, пастбища и фабрики снова

функционируют и кормят всё население страны. Это большой шаг вперёд. Неизвестно, как долго продержится их работа, поэтому нужно употреблять все предложенные витамины.

— Хорошо, можешь на нас положиться. — В голосе девушки ни капли иронии. Почему она помогает мне? Может, по просьбе Тони? Я сразу не подумала об этом...

— Сейчас принесу свою карточку. — Не хочу пользоваться их обоюдной добротой.

— Мы уже уезжаем, я оплачу сама, — сказала Триш и поспешила к выходу. — Хорошего дня, Ева.

Что? Сама? Это уже перебор. Я в оцепенении не смогла вымолвить ни слова. Девушка растворилась в коридоре. Я хотела догнать её, но меня отвлекла Касси. Она стала тереться пушистой головой о мою ногу. Первым делом я всегда кормлю кошку. Кусок в горло не лезет, когда я знаю, что Касси голодна. Я положила ей в миску кусочки куриной грудки с гречневой кашей. Она радостно замурлыкала и приступила к завтраку. Для себя я сделала омлет с помидорами и сварила кофе с корицей. От запеканки всё же решила отказаться, какой бы вкусной она ни казалась.

— Ева, — крикнул знакомый мужской голос. Я раздвинула шторы и взглянула в окно. Дилан. Неужели я ошибалась в нём, и он решил воспользоваться отсутствием Триш, чтобы пофлиртовать со мной? — Тебе на пороге оставили посылку. Принести?

Хоть и Дилан стоит метрах в пяти от окна, его голос прозвучал приглушённо из-за высокопрочных стёкол. Я кивнула ему, давая понять, что услышала, затем покачала головой (нелепая череда движений, напоминающая движения игрушечных собак на приборной панели автомобилей) в знак того, чтобы парень не утруждался. Дилан помахал мне на прощание и сел за руль чёрного автомобиля. Через пару секунд из дома вышла Триш и присоединилась к парню, напоследок взглянув на меня и указав рукой на порог. Если бы я знала, что она задержалась дома, я бы дала ей деньги. Неудобно получилось. Я проводила их машину взглядом и вышла на улицу, чтобы посмотреть, что же меня ждёт на ступеньках.

Теперь понятно, что вызвало радость у ребят. Не думала, что кто-то может оставить мне на пороге посылку. Я взяла коробку, обернутую серебристой бумагой, и закрыла за собой дверь. Налив себе кофе и положив омлет в тарелку, чтобы он остыл, села за стол, поджав под себя ноги, и аккуратно развернула коробку. Она небольшая, но в ней хватило места для плитки шоколада, флакончика духов и кисти крупного винограда в целлофановом пакете. Также я обнаружила маленькую самодельную открытку, на обложке которой чёрной ручкой написано моё имя. Внутри тем же красивым почерком написан текст:

Ева!

Твоё имя постоянно звучит в моих мыслях с того самого дня, как я увидел тебя на съёмочной площадке. Не сочти меня чересчур навязчивым, но мне хотелось сделать для тебя что-нибудь приятное.

Плитка молочного шоколада напоминает мне цвет твоих волос, бордовая роза во флаконе — цвет твоих губ, а веточки винограда — цвет твоих глаз.

Не сочти меня и чересчур наглым за просьбу встретиться с тобой в субботу! Никакого ужина при свечах и шампанского, хоть и встречу я предлагаю в своём доме. У меня есть кое-что, что хотел бы показать тебе. Ты можешь сразу уйти, но, пожалуйста, дай мне шанс. Позволь увидеть тебя и получише узнать. Не спеши с ответом. Дай знать, когда примешь решение.

Р. С. Джонни без ума от тебя. Если бы Денп был знаком с тобой, он испытывал бы то же самое.

Не нужно было подписи, чтобы понять, кто оставил мне подарок. Кай. Где он брал уроки обольщения девушек, родившихся в двадцатом веке? Его слова ненавязчивы, а их грамотное употребление говорят об образованности (не каждый парень знает, как правильно пишется слово «чересчур»). Никогда не получала подобных писем. Брендон умён, но не романтичен. Манера изложения письма принадлежит моему веку, а не этому. Никто сейчас не сравнивает девушку с розой, шоколадом и уж тем более с веточкой винограда, даже поэты. Никто не пишет «не сочти», «позволь» и «не спеши с ответом». Может, просто я давно не общалась с мужчинами и не знаю, как они заманивают девушек в постель? Может, Кай решил поиграть в Шекспира? Рыцаря? Принца? Кого угодно, только не в современного парня, которого интересуется только женское тело, а не внутренний мир. Не понимаю, какие цели он преследует. Это пугает меня. Зачем мне встречаться с ним? Что он хочет показать мне? И какой я должна дать знак? В мои планы не входила интрижка с юным парнем, намерения которого мне неясны.

Любопытство ещё никто не отменял, и я достала духи из упаковки. Это новинка, которую я видела только в рекламе. В прозрачном круглом флаконе спрятана алая роза, упомянутая Каем в письме. Она не сморщилась и не потеряла яркий цвет, как будто выросла в этом сосуде, чтобы радовать девушек своим приятным ароматом. Ещё не понюхав воду, я уже уверена, что она прекрасно пахнет. Я открыла золотистый колпачок в форме сердца, чтобы проверить свою интуицию, и поднесла флакончик к носу. Я не ошиблась. Лёгкий аромат свежих роз пленил меня. Не люблю, когда дарят букеты, мне нравится смотреть на растущие цветы в саду. Теперь мне нравятся и эти духи. Жалко понапрасну их брызгать. Они кажутся мне особенными и единственными в мире. Как этому зеленоглазому парню удалось меня удивить? Я не должна была ему это позволить, но, несмотря на свои внутренние противоречия, надушилась розовой водой. Жидкость во флакончике вспенилась, после чего пузырьки медленно осели на лепестки розы. Это не только вкусный аромат, но и отличный антидепрессант. Удивительная вещь.

Вспомнив об остывающем омлете, я приступила к еде. Касси составила мне компанию, усевшись на стул рядом со мной. Роза не даёт мне покоя. Она напоминает мне сказку о красавице и чудовище. Заколдованное существо лелеяло цветок в стеклянном сосуде, как собственную жизнь, потому что она зависела именно от этой розы. С каждым годом лепестков на ней становилось всё меньше и меньше. Чудовище могло выжить, только если кто-то по-настоящему полюбит его. Что, если я и есть чудовище? Что, если я снова стану живой, когда кто-то влюбится в меня?

Мои дурные мысли прервал звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Я доела последний кусок омлета и поставила тарелку в раковину. Мельком взглянула в окно, не подходя к нему, чтобы убедиться, что это не Кай. Я бы не выдержала столь скорой встречи. На пороге моего дома стоит знакомый старик, и этот факт поверг меня в не меньший шок, если бы я увидела во дворе пингвина. Выдержу ли я встречу с Тони? Уж его увидеть я точно не ожидала. Я распустила волосы, ранее заплетённые в косу, и перекинула их со спины на грудь, чтобы максимально скрыть черты лица. Тони не должен цепляться за мою внешность, как за спасательный круг. Если память ему не изменяет, то он прекрасно помнит мою «бабушку»

молодой. Он не настолько глуп, чтобы поверить, что я как две капли воды на неё похожа, но и не настолько умён, чтобы докопаться до истины.

— Доброе утро, — сказала я, открыв дверь. Вместе со стариком пришла прохлада, и коридор наполнился ослепительным светом с улицы.

— Доброе утро, Ева. Не разбудил? — спросил старик, пряча за спиной трость, как в прошлый раз.

Я бы попросила Тони не делать этого, но меня отвлекла татуировка на его дряблой руке. От локтя до запястья простирается чёрное ветвистое дерево с одним-единственным яблоком и змеем. Не нужно иметь высшее образование, чтобы понять смысл этого изображения. Помимо татуировки, которая меня жутко смутила, я заметила следы от иголок. Старый наркоман? Маленькие синяки на сгибе руки Тони выглядят почти так же отвратительно, как и татуировка. До сих пор не могу привыкнуть к старшему поколению, у которых остались шрамы в ушах от «туннелей», следы от пирсинга и побледневшие татуировки. В молодости тебе сносит крышу, и ты не думаешь о последствиях.

— Нет. Войдёте в дом? — спросила я. Тони кивнул и принял приглашение.

Для своего возраста он неплохо выглядит и, судя по чистой одежде и отсутствию неприятного запаха, следит за собой. Только хромота и седина выдают его преклонные годы.

— Каждый день мне делают уколы, чтобы бороться с сахарным диабетом, — сказал Тони, заметив, что я всё ещё изучаю его правую руку. Зачем же тогда он надел рубашку с коротким рукавом? Утро сегодня холодное. Вязаная жилетка сверху вряд ли спасает от пронзительного ветра. Тони хотел, чтобы я обратила внимание на синяки. Или на татуировку?

— Надеюсь, Вы не об этом пришли поговорить, потому что я лечу животных, — сказала я, и морщины на лбу старика поползли вверх. Мои слова прозвучали слишком грубо, и я сама пожалела, что произнесла их.

— В смысле? — уточнил Тони, глядя на меня с ног до головы. Я повернулась к нему спиной и повела в гостиную.

— Я ветеринар.

— Твоя бабушка мечтала стать журналисткой, — сказал он, присаживаясь на диван.

— Причём здесь она? — Неужели я делилась с ним своими мечтами?

— Просто вспомнилось... — ответил старик, осматриваясь по сторонам.

Представляю, каким любопытным он был в молодости. Озорной блеск сохранился в его карих, почти чёрных, глазах. Такое ощущение, что за морщинами и опытом прожитых лет скрывается ранимый мальчик, нуждающийся в ласке и понимании. Это не удивительно, ведь Тони никогда не был женат.

— Вы, может, хотите чашечку чая или чего покрепче? — спросила я, чтобы перевести тему. Хоть и «покрепче» у меня нет, я просто предложила ради приличия.

— Спасибо, я только что позавтракал, — ответил старик и продолжил рассматривать меня. — Присядь.

Я не осмелилась сесть рядом с Тони. Мне кажется, он видит меня насквозь. Я села в кресло напротив, положив ногу на ногу, и, чтобы занять руки, обхватила ими коленку.

— О чём Вы хотели поговорить? — спросила я, иначе он никогда не приступит к разговору, а мне не очень бы хотелось весь день провести с ним. Как назло, Касси где-то пропала. Хотела бы я быть на её месте.

— Хотел показать несколько фотографий твоей бабушки, — ответил Тони.

Я прекрасно помню, как она выглядит! Чего он добивается? Неужели думает, что я скрашу последние годы его жизни? От одной только мысли об этом мне становится не по себе.

— Наверняка, я уже видела их, — сказала я, хотя в глубине души мне не терпится поскорей взять фотографии в руки. Тони достал из внутреннего кармана ламинированные снимки и протянул их мне.

На первой фотографии изображена я на фоне родительского дома. Во дворе лежат сугробы, но на мне надет только тёплый свитер, широкие джинсы, домашние тапочки и варежки. Снимок похож на тот, что я нашла в ящике папиной лаборатории, только здесь я на несколько лет младше, волосы заплетены в две косички и торчат в разные стороны. Рядом со мной стоит мальчик чуть ниже меня в похожей одежде и в красном колпаке на голове. Он улыбается во весь рот, а я просто смотрю в объектив. Возле нас с высунутым языком лежит Зевс. При воспоминании о любимом псе у меня защипало глаза. Он умер, когда я училась на третьем курсе университета. Столько слёз было пролито на мой дневник, когда я писала об этом, потому что винила себя в его смерти. В тот момент меня не было рядом, и я не могла облегчить страдания Зевса. Уехав в общежитие, чтобы учиться в университете, я оставила его дома с родителями, а Ричарда забрала с собой. На удивление, попугай прожил на несколько лет дольше Зевса, но Ричарда я тоже не спасла от неминуемой участи. Я могу вылечить больное животное, но подарить вторую жизнь, к сожалению, не в силах.

— Мы вместе праздновали Рождество, — пояснил Тони, заметив моё замешательство. Это сыграло мне на руку. Пусть думает, что я ничего не знаю о далёком прошлом «бабушки». Я на самом деле забыла о существовании мальчика Тони в своей жизни, а он, оказывается, бывал на семейных праздниках. — Её родители хотели устроить детскую вечеринку, поэтому пригласили меня и ещё нескольких девочек из школы, но они не пришли. Я видел, что Ева неловко себя чувствует в нашей маленькой компании, состоящей из её родителей, бабушки и меня. Всеми силами я пытался развеселить её, но стоило мне вручить ей подарок, как Ева расцвела.

— Что же Вы ей подарили? — спросила я, не отрывая взгляда от фотографии.

Так странно говорить о себе в третьем лице, хоть и раньше мне уже приходилось это делать, но сейчас всё иначе. Другое ощущение. С помощью Тони я узнаю то, чего не написано в моих дневниках, то, что скрывает моя память. Я помню ту рождественскую вечеринку, как и все остальные семейные праздники, но не помню присутствия на них Тони.

— Она мечтала о кукле. — В голосе Тони прозвучала гордость. Он должен был смеяться надо мной, ведь далеко не все тринадцатилетние девочки мечтают об игрушках.

— Это была Барби с гнущимися руками и ногами в красивом розовом платье? — спросила я, борясь с эмоциями. Её звали Лили, я даже забрала её в общежитие. Мне казалось, что это подарок родителей.

— Да! — обрадовался Тони. — Ева сохранила куклу для внуков?

— Конечно. Я любила её старые вещи. Недавно наводила порядок на чердаке и нашла эту куклу. — Очередная ложь. Я не была на чердаке и давно не видела куклу, но должна же я была как-то объяснить вспыхнувший в голове образ. Вот только как объяснить факт подмены воспоминаний самой себе?

Тони ничего не ответил, а может, я не услышала, потому что продолжила смотреть фотографии. На следующих четырёх снимках изображены мы с Тони в одно и то же время года, в один тот же день — день моего рождения. С каждой фотографией я выглядела

взрослее, а Тони практически не менялся. Мальчики созревают позднее девочек. Когда у меня появилась грудь, у Тони ещё не выросла щетина. Когда Тони обнимал меня за талию, я улыбалась в камеру, делая вид, что не знаю рядом стоящего парня.

— Сколько Вам здесь лет? — поинтересовалась я, показав на последнюю фотографию, где мы с Тони вдвоём. Она отличается от остальных тем, что мы сидим дома за столом, а не стоим на улице. Видимо, в тот день была плохая погода (в марте мог выпасть мокрый снег), и мы решили сфотографироваться дома вместе с праздничным тортом, на котором красовалась цифра семнадцать.

— Пятнадцать, — с сожалением ответил Тони, и я сразу поняла причину его односторонней симпатии. Мне не хотелось встречаться с мальчиком, который младше меня на два года, хоть он и был довольно симпатичным. Каштановые волосы, правильные черты лица, худощавое телосложение и обворожительная улыбка. При желании он мог бы завоевать сердце любой девушки. — Это был последний день рождения Евы, на который меня пригласили...

— Она же уехала учиться... — почти оправдываясь, сказала я.

Разве можно было быть такой стервой? Из-за меня симпатичный парень превратился в одинокого старика с больным сердцем и уродливой татуировкой, обозначающей запретный плод и искушение.

— И влюбилась, — продолжил за меня Тони. Да, я влюбилась в Стефана. Он послужил причиной ведения моих дневников. Я хотела запечатлеть каждый момент, проведённый с любимым. — Она всегда приезжала домой на каникулы. Я приходил к ней, но все темы разговоров сводились только к Стефану. Родители Евы смотрели на меня извиняющимся взглядом, ведь втайне от Евы они всегда говорили мне, что хотят видеть в качестве жениха дочери не Стефана, а меня. Я лелеял мечты об этом, думал, что это мимолётное увлечение Евы, что вскоре она увидит, насколько сильно я её люблю. Мне хватило несколько встреч со Стефаном, чтобы понять, что он был груб по отношению к Еве. Она была слепа, ходила в розовых очках. Я видел, что Стефан падок и на других девушек. Я пытался сказать об этом Еве, но это только испортило наши хрупкие отношения. Мы стали реже встречаться. Когда мисси Стюарт, твоя прабабушка, приглашала меня на ужин, Ева закрывалась в комнате и не желала ни с кем разговаривать. На втором курсе она окончательно отдалилась от меня. Я пошёл на отчаянные меры. Стал воровать письма с фотографиями из почтового ящика семьи Стюарт, которые Ева отправляла Стефану из дома на каникулах. Я делал это не только потому, что хотел расстроить их отношения, а в большей степени потому, что хотел иметь рядом с собой хоть малую часть Евы. У него было всё, а у меня только фотографии. Я принёс их тебе.

Я не смела дышать, пока Тони вспоминал своё прошлое. Хоть я и была частью его жизни, мне никогда не понять, какую боль он испытал. Я потеряла своих близких, и дыра в сердце не затянется никогда, а Тони потерял то, что никогда не имел. Он жил мечтой и живёт до сих пор. Я вижу, как он смотрит на меня, ищет прежнюю Еву, но не находит. Я стала другой. Жёсткой. Чёрствой. Одинокой. Я не могу заменить ему ту Еву, о которой он говорит.

— Бабушка действительно любила Стефана, и её нельзя в этом винить. Мне очень жаль... — Думая о найденной фотографии, адресованной Стефану, я долго не могла найти подходящие слова, но от них Тони вряд бы стало легче.

— За кого она вышла замуж? — спросил старик, который навсегда запомнится мне

влюблённым мальчиком с фотографии. Кажется, этот вопрос терзал его всю жизнь, а я не знаю, что и ответить.

— За мужчину, который её любил, — снова соврала я, ведь Ева, то есть я, никогда не выходила замуж. Вся эта история — ложь. Я лгу ради спокойствия Тони, которого у него никогда не было.

— Конечно, я знал, что иначе быть не могло, ведь у неё родились дети, а потом прекрасная внучка, которую назвали в честь неё, — сказал Тони, глядя в пол и хмурия брови, как будто не верит в то, что говорит. Надеюсь, я ошибаюсь. Надеюсь, мне удалось его убедить.

О том, что у Евы родились дети, а потом и внучка, знал весь Мираж. Я позаботилась с распространении этой новости, чтобы подготовить себе почву для возвращения в родной город. Я не знала, когда этот момент настанет и сколько поколений мне придётся переждать, но вот он настал, и мне всё ещё приходится врать.

— А когда Вы виделись с бабушкой в последний раз? — Настала моя очередь задавать вопросы. Мне интересно, какой была наша с Тони последняя встреча, потому что я совершенно её не помню, и в дневниках нет ни слова о моём соседе.

— На похоронах у её матери, — ответил Тони. Эти слова дались ему с трудом. Его руки, сложенные на коленях, задрожали, но он не обратил на них внимания и продолжил рассказ. — Когда миссис Стюарт заболела, Ева ухаживала за ней. Я искал встречи, но Ева выходила на улицу лишь по необходимости. Она была замкнута и ни с кем не разговаривала. Её словно подменили. Она долго не могла оправиться от потери Стефана, потом — отца. Я боялся, что уход матери она не переживёт. Сразу после похорон Ева уехала, и я больше никогда не видел её. Сейчас передо мной сидит её точная копия, и я рад, что не стал искать Еву, не стал мешать её браку. Я молча любил и молился, чтобы с ней всё было в порядке. Только одно мне интересно до сих пор, почему на похороны матери она не привезла детей и мужа? Я бы хотел познакомиться с ними.

— Дедушка сидел с моей мамой и дядей, потому что они были слишком маленькими, чтобы присутствовать на похоронах, — на ходу сочинила я. Не могу же я сказать, что этих людей никогда и не существовало вовсе.

— Скажи мне, она правда умерла? — после долгой паузы спросил Тони.

Мне стало нехорошо. Даже паршиво. Комок подступил к горлу. Он спрашивал меня об этом при первой встрече, но адекватно отреагировал на ответ, поэтому я не думала, что когда-нибудь Тони повторит душераздирающий вопрос. Почему Тони решил уточнить? Я этого не вынесу!

— Да, — ответила я, и впервые за десятки лет дала волю эмоциям при человеке, которого я едва знаю. Зря я не выгнала его сразу. Зря позволила лезть ко мне в душу. Зря я только что похоронила часть себя...

Я нервно вытерла слёзы полотенцем, которое лежало на журнальном столике, и взглянула на Тони. Мой ответ ранил его куда сильнее, чем меня. Он стал задыхаться и глотать ртом воздух. Я никогда не попадала в подобные ситуации, но знаю, что нужно дать человеку воды.

— Выпейте, — сказала я, прислоняя стакан к губам Тони. Он сделал несколько глотков и взял стакан у меня из рук. Ему неловко выглядеть больным и старым, но должно быть неловко *мне* за то, что я насквозь забыла о его существовании. — Как Вы?

— Уже лучше, спасибо, — ответил Тони. К его бледному лицу постепенно вернулся

румянец, и руки перестали дрожать. — Я должен был почувствовать, что её не стало, но наша связь так давно оборвалась, что я не смог... Мне казалось, что она будет жить вечно...

— Вам нельзя нервничать, — сказала я. Кажется, он бредит. Пока он окончательно не сошёл с ума, нужно разузнать о последней фотографии в его стопке, подписанной на обороте моим подчерком. Это один из снимков, который был предназначен Стефану, где я уже естественно без Тони. На фотографии я сижу в своей комнате и шлю воздушный поцелуй, но сейчас меня волнует не изображение. — Расскажите мне об этом камне на цепочке.

— Ева нашла его в парке, после чего попросила папу сделать в камне дырочку, чтобы повесить на цепочку. Это был её талисман. — Тони словно произнёс заученную речь. Вряд ли он лжёт, но явно что-то недоговаривает. Я показала ему на камин, где висит подвеска с камнем. — Да, это тот самый камень с фотографии.

— Почему я не видела его у бабушки? Она не должна была его снимать, раз Вы утверждаете, что камень был её талисманом.

— Она отдала его отцу, — ответил Тони, снова не солгав. Эту информацию я недавно вычитала в дневнике, но мне нужны подробности.

— Камень приносил удачу? — спросила я.

Вопрос застал Тони врасплох. Он посмотрел на меня так, будто не верит своим ушам, будто я не знаю чего-то важного.

— Можно и так сказать, — ответил он, и в его глазах мелькнула необъяснимая надежда. — Ева никогда не упоминала о нём?

— Никогда.

— Это так похоже на неё, — ответил Тони. — Тогда ты носи его. Может, тебе удастся разгадать секрет камня.

— Вы же были друзьями. Неужели бабушка не поделилась с Вами этим секретом? — спросила я, надеясь вывести Тони на чистую воду. Хотя, судя по отсутствию записей о нём в моих дневниках, я вряд ли вообще делилась с ним.

— Нет, — ответил он и снова побледнел. — Мне пора.

— Уже? — спросила я, вставая с кресла. На секунду мне показалось, что Тони изменит своё решение, но он взял трость и направился к выходу из гостиной.

— Пойдите, — сказала я ему вслед. Он обернулся. — Заберите фотографии. Они много значат для Вас.

— Чуть позже ты поймёшь, что и для тебя они являются ценной вещью, — сухо ответил Тони, но всё же взял у меня фотографии. В этот момент на своей руке я почувствовала его кожу, наощупь сравнимую с пергаментом. Я вздрогнула и пообещала себе больше никогда не прикасаться к Тони.

— Можно ещё вопрос? — спросила я, и Тони кивнул, продолжая хромать по коридору. — Вы знаете Кая?

— Райтона? — уточнил Тони. Я кивнула, вспомнив, что Кай является сыном известного продюсера. — Я дружил с его дедом, пока он не ушёл на тот свет. Что ж, я рад, что ты обзавелась друзьями.

Рассказывать или нет? Как Тони воспримет это? Ещё час назад я бы ответила твёрдое «нет» на вопрос Кая в письме, но сейчас... Тони знает его семью. Он искренне рад за меня. Может, это знак судьбы, впервые данный мне?

— Вы не могли бы передать от меня Каю «да»? — рискнула я.

— Сразу, как только увижу его, — пообещал Тони. Я думала, он начнёт углубляться в суть моего сообщения и задавать лишние вопросы, но недооценила старика. Тони бросил на меня прощальный взгляд и зашагал к выходу. — Береги себя, Ева.

— И Вы себя, Тони.

Он пошёл по мраморной дорожке с высоко поднятой головой, держа в руке фотографии, которые когда-то предназначались Стефану. Тони оказался бережливым. Как я.

Я вернулась в гостиную, когда он скрылся за воротами. Как по волшебству, Касси запрыгнула мне на колени и по привычке уткнулась мордочкой в мою ладонь.

— Ты где была, предательница? — спросила я, потрепав кошку за ухо. — Тебя никогда нет рядом, когда ты нужна. Может, тебе не нравится Тони? Добрые старички не могут обидеть, Касси. Не стоит его бояться!

Кошка, как всегда, ничего не ответила, и я снова осталась наедине со своими мыслями. Слова о Тони, скорей, были обращены не к Касси, а к себе самой. Я хочу верить, что мальчик, который питал к прошлой версии меня романтические чувства, не причинит мне зла, что мне нечего бояться. Мальчик давно стал дедушкой, и, глядя на Тони, я вижу себя. Так я должна была выглядеть сейчас. Старой, измученной, одинокой и преданной своему прошлому. Разве я не такая? Разве сейчас я не должна быть рядом с Тони? Мы бы могли быть вместе, но судьба распорядилась иначе. Я увижу смерть всех тех, кто встретится на моём пути...

Я села в такую же позу, в какой сидел Тони пару минут назад, запрокинув голову на спинку кресла и закрыв глаза, чтобы прокрутить в голове наш недавний разговор. Почему я не выгнала старика, когда он намекнул, что Стефан не любил меня? Я была на грани нервного срыва, но если бы я сорвалась, Тони заподозрил бы неладное, ведь не каждая внучка будет злиться на подобные вещи. Но я, чёрт возьми, не внучка! Я девушка, парень которой не был серьёзен по отношению к ней. Так сказал Тони. Почему я подумала об этом только сейчас? Почему даже после этих слов я не могу ненавидеть ни Тони, ни Стефана? Почему я позволила защитной маске упасть с моего лица? О чём я только думала, когда ответила Каю «да»?! Если Тони слишком стар для меня, а Кай — молод, какова вероятность, что я проживу свои дни в одиночестве?

Глава 13. Призвание.

Любовь к животным настолько сильна,
что иногда затмевает любовь к людям.

Мяуканье котёнка за окном не даёт мне покоя. Я затыкаю уши, чтобы не слышать его жалобный плач. Это уже не первый раз, когда я пытаюсь взять бездомное животное в дом, чтобы искупать и покормить. Исход всегда один и тот же. Мама просит выгнать животное на улицу и велит больше никогда не приводить дворняг, потому что мне есть, о ком заботиться. Я не виновата, что на улице полно бездомных животных, которые, как и Зевс с Ричардом, нуждаются в уходе. Я не виновата, что маленький комочек шерсти кричит под моим окном, чтобы хоть кто-нибудь заметил его и позаботился.

Я борюсь с желанием спуститься вниз к котёнку, но как бы я ни старалась, у меня ничего не получается. Закрываю Зевса в своей комнате, потому что знаю, он будет рычать на малыша, и бегу к холодильнику. Наливаю в блюдце молока и крошу туда хлеб. Подхожу к

двери. Мяуканье становится громче, как и стук моего сердца. Котёнок скребёт коврик на ступеньках. Я набираю в лёгкие побольше воздуха и осторожно открываю дверь. Малыш прекращает мяукать и карабкается вверх по моей ноге. Блюдец с едой отвлекает его внимание и сокращает дистанцию между мной и котёнком. Я наблюдаю, как он с жадностью лакает молоко, и улыбаюсь. Это всегда приносит мне радость.

Когда котёнок стал облизывать тарелку, я поднялась с пола и собралась уйти в дом. Малыш с благодарностью на меня посмотрел и начал умываться. Я знала, что не смогу наблюдать за всем этим! Задерживаюсь на крыльце. Котёнок облизывает мою руку. Его усики щекочут кожу. Я даю волю чувствам и в ответ на нежности глажу котёнка. Он чуть больше моей ладони. Его белая шерстка электризуется под пальцами. Моё прикосновение делает его счастливым, хоть он и не болен. Мой дар не имеет к этому отношения. Котёнок нуждается в тепле и заботе, которую я не могу дать ему. Конечно, теоретически могу, если уговорю папу построить малышу домик, чтобы тот жил у нас. Не понимаю, почему в собственном дворе я не имею права завести котёнка, тем более я не прошу купить мне дорогого и породистого, а прошу приютить беззащитного и бездомного.

— Ева, опять ты облизываешь кошек! Хочешь подхватить лишай? — Внезапно появившаяся мама нарушает мою идиллию с котёнком. Она же была с папой в лаборатории, когда я выходила на улицу...

— Что случится, если я немного с ним побуду? — спрашиваю я, не выпуская котёнка из рук, продолжая прижимать его к груди.

Он уснул у меня на руках. Как я могу бросить его сейчас? Мне плевать на блох и лишай. Своим прикосновением я давно убила все эти болезни, но не могу же я признаться в этом маме. А надо бы. Может быть, тогда она бы позволила мне забрать котёнка.

— Я отнесу его соседям, может, они захотят забрать его, — говорит мама, глядя на меня сверху вниз. Под этим властным взглядом только сумасшедший не согласится с её словами.

Я встаю с колен, но не отдаю маме котёнка, а продолжаю прижимать к себе. Он мурлыкает во сне и надеется на мою помощь. Я могла бы закатить истерику, но это бесполезный способ, несколько раз проверенный.

— Ты всегда так говоришь, но я ещё не видела ни одно животное, которое кормила, у наших соседей! — Я говорю как можно тише, чтобы не разбудить малыша, но стараюсь, чтобы голос звучал уверенно.

— Может, просто они не выпускают своих питомцев на улицу, чтобы Ева Стюарт не нянчилась с ними?

— Тогда в этот раз я сама распоряжусь судьбой котёнка. — Я ставлю маму перед фактом, и это ничуть её не удивляет. Наши мнения часто расходятся. — Я отдам его Тони, уж его родители не запретят мне навещать Снежка!

— Отличное решение, милая, — сказала мама, заправив мне за ухо прядь волос, выбившуюся из хвоста. — Передай им от нас с папой привет и возвращайся к ужину.

Я киваю и бегу к воротам, пока мама не передумала, потом замедляю шаг, вспомнив, что котёнок всё ещё спит. Не знаю, согласится ли Тони на мою авантюру, ведь у него есть маленькая сестра, у которой вполне может быть аллергия на шерсть, и вряд ли родители позволят ему приютить котёнка. Если даже он не заберёт Снежка, мы сможем отдать его в хорошие руки. Я знаю, Тони поможет. Он всегда помогает мне. По пути к нему домой я смахиваю слёзы, чтобы они не намочили беззащитного малыша...

Я просыпаюсь от того, что в комнате стало слишком светло. Уже утро. Касси лежит рядом со мной. Кто-то укрыл меня одеялом. Триш. Они с Диланом вернулись домой и увидели меня спящей в гостиной. Я не помню, как вечером уснула за просмотром телевизора. Он работал для фона. Ненавижу тишину. В дверь кто-то постучал, как будто услышав мои мысли. На мне вчерашняя одежда, у меня взлохмаченные волосы и сонное лицо. Не думала, что в таком виде я когда-нибудь с кем-нибудь заговорю.

— Войдите, — сказала я, приняв сидячее положение.

— Уже проснулась? Доброе утро, — сказала Триш. В ответ я лишь кивнула. Она медленно подошла к креслу и села рядом со мной. — Мы купили всё, что ты просила. Я не могла оставить продукты на столе, поэтому убрала их в твой холодильник. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Спасибо. Правильно сделала, — ответила я. Не горю желанием говорить о продуктах. Единственное, чего я хочу, так это умыться холодной водой и не вспоминать о вчерашнем дне, но открытый блокнот не позволяет мне забыть. — Сколько я вам должна?

— Пустяки. Почему мы просто не можем помочь тебе? Это ведь не сложно. В следующий раз можешь поехать за покупками с нами, — сказала Триш, привлекая к себе проснувшуюся Касси.

Пушистая предательница побежала на зов и улеглась рядом с девушкой, чтобы та почесала её за ушком. Касси никогда не позволяла себя гладить чужим людям. Может, потому что раньше она не встречалась с ними...

— Спасибо, в следующий раз я сама. Раз ты такая упёртая, я вычту эту сумму из вашей оплаты за следующий месяц, — настояла я, думая, что эти слова обрадуют девушку. Она ведь ради приличия сказала, что не нуждается в возврате денег, но я не могу так поступить с молодой парой, если даже они начинающие рок-звёзды, которые, должно быть, неплохо зарабатывают.

— Уж не знаю, кто из нас более упёртая, — осторожно сказала Триш, не глядя мне в глаза (кстати, они у неё светло-голубые, как будто стеклянные).

Из разговоров с ней я поняла, что она неглупая девушка. Её речь отличается от речи современной молодёжи. Каждый второй сказал бы «фигня» вместо «пустяки», а забытая частичка «уж» для большинства обозначает лишь разновидность змей.

У меня больше не нашлось слов, и я развела руками, давая понять, что разговор окончен. Девушка аккуратно поставила Касси на пол и встала с кресла. На несколько секунд она задержала взгляд на моём блокноте, который лежит на журнальном столике, и неловко спросила:

— Можно взглянуть?

Я пожала плечами и кивнула. Ещё неделю назад я бы не позволила и близко подойти к моим личным вещам. Эта девушка вызывает доверие, и меня это пугает. Зачем ей читать моё стихотворение? Вчера я потратила полвечера на его написание. У меня давно не было практики в поэзии, и именно творчество моих соседей в совокупности с недавними событиями вдохновило на создание рифмы.

Триш взяла блокнот, и я затаила дыхание. По её губам и по памяти я могу прочитать стихотворение, давшееся мне с трудом. Оно пропитано не проявленными мною эмоциями и болью резких перемен.

Где-то.

*Нет в мире места, где я хочу остановиться,
Где смогу осуществить свою мечту...
Жаль, мне не успеть всего добиться,
Но я перепишу судьбу и минусы учту.*

*Я город видела, в котором не бывала,
Во сне он даже лучше в сотни раз.
Как там живу я часто представляла
И сочиняла фантастический рассказ.*

*Есть в мире место, где сердце будет чаще биться,
Где-то рядом, а может далеко...
Мне в этом королевстве побывать ещё случится,
Вот только я не знаю названия его...*

— Это ты написала? — спросила Триш с улыбкой на лице.

Чему здесь радоваться? В стихотворении говорится о неопределённости и несбывшейся мечте. Мой пронзительный взгляд испортил девушке настроение. Она должна понять, что играет с огнём, задавая мне подобные вопросы.

— Да.

— Я просто хотела сказать, что он удивительный. Я бы даже рискнула спросить, не продашь ли ты на него авторские права? Дилан написал бы музыку к тесту, — протараторила девушка.

Она действительно думает, что я бы согласилась? Журналисты больше никогда не упомянут обо мне в своих дешёвых статейках!

Я скинула с себя одеяло, встала с дивана, взяла Касси на руки и забрала у девушки блокнот. Она явно не ожидала такой реакции. Думала, я проглочу её лицемерную похвалу. Думала, что подружилась со мной. Какое безрассудство!

— Ещё раз спасибо за покупки, — сказала я и вышла из гостиной, оставив ошарашенную девушку в одиночестве.

Чтобы сегодня больше не сталкиваться с соседкой, я в спешке приготовила на кухне завтрак из оставшихся продуктов. Взяла поднос с кофе, овсяной кашей и бутербродами с сыром к себе в комнату, предварительно покормив Касси. Остаток дня я планирую провести, спрятавшись в своём коконе. Сегодня пятница, и мне нужно подумать, как вести себя завтра. Духи и нетронутая шоколадка на моём столе послужили доказательством того, что подарок Кая мне не причудился, что парень не шутил, приглашая меня на свидание, и что я поспешила с ответом. Остаётся надеяться на забывчивость или ревность Тони...

Я не должна была этого делать, но не удержалась и попробовала молочный шоколад, который передал мне Кай. Я попала, как глупая рыба на удочку, проглотив наживку. Зачем я вообще открыла эту коробку? Как будто сама не могу купить себе чёртов шоколад! Я годами не принимала подарков от Брендона. Исключениями были только самодельные

механические открытки и его мелкие изобретения. Даже кольцо я ему вернула, а подарок от малознакомого парня приняла безоговорочно. Я сделала скидку на его подростковый фанатизм. Узнав о том, что этот Кай присутствовал на съёмочной площадке моего последнего фильма, я сразу должна была прекратить наше общение. О чём я только думала? Он помнит меня такой, какая я сейчас. Через пару лет он станет замечать, что я не меняюсь. Я устала прятаться, но у меня нет другого выхода. Я не могу себе позволить долгого пребывания в Мираже. У меня есть немного времени в запасе, и его должно хватить, чтобы успеть разгадать тайну моей затянувшейся молодости и вспомнить то, что поможет мне во всём разобраться. Я даже не знаю причину появления дара исцеления животных. Я проклинала его во время пребывания Стефана в больнице. Я не могла спасти его. Мой дар не распространяется на людей. Я только облегчила страдания Стефана, но сейчас даже не уверена, что это действительно было так, что он говорил мне правду. Ненавижу себя за беспомощность.

Триш, хоть и разозлила меня своим предложением продать ей стихотворение, напомнила мне, что пора возвращаться к заработку денег. Искусство — запрет для меня в плане основного вида деятельности. Может, стоит вспомнить о филологе, живущем внутри меня? Что мне светит? Преподавание в университете? На этом крест. Мне нужна работа, которая не будет акцентировать внимание на мне, как на личности. Долго сидеть дома я тоже не смогу, потому что совсем скоро постоянный источник дохода исчезнет. В моих интересах не прогонять Триш и Дилана на другую квартиру, хоть я и пообещала им несколько месяцев проживания, всё равно не могу переступить через себя. Я знала, что в Мираже будет сложно, но не думала, что начну привыкать к людям, живущим здесь. К людям, которые ожидают от меня чего-то хорошего, которые так или иначе теперь связаны со мной...

В свете утреннего диалога я забыла об очередном сне, приснившемся мне. Всё-таки родные стены пошли на пользу. Это было воспоминание из детства о котёнке, к которому я привязалась так сильно, что эмоции ощущались даже во сне. Если бы я начала раньше вести дневник, то могла бы точно узнать, что Снежок был в безопасности, что Тони приютил его. Конечно, прошло уже много лет, и котёнка давно нет в живых, но мне было бы спокойно на душе, если бы я знала, что он прожил счастливую жизнь.

Если я стала видеть сны (меня больше ничего не удивляет), нужно воспринять это как намёк. Только намёк на что? Животные всегда являлись неотъемлемой частью моей жизни. В знак подтверждения Касси прыгнула на кровать, и громким мурлыканьем дала понять, что ждёт, когда я присоединюсь к ней и почешу за ушком. Я исполнила её желание. Касси стала чаще нуждаться в ласке, ещё год назад я бы подумала, что мою кошку подменили. Мы стали нуждаться друг в друге.

Ради здоровья животных я готова тратить уйму времени, но не ради своего. Уже несколько дней моё сердце выпрыгивает из груди, а я продолжаю заливать в себя кофе. Если меня спросят, в чём смысл моей жизни, я отвечу, что в лечении животных. Это моё предназначение. Правда, иногда я боюсь, что стану дамочкой, которую безумно боятся дети, что начну вычёсывать блошек и ловить голубей. От меня будет вонять немытостью, мой дом заполнят кошки и собаки, а я буду жить в папиной лаборатории. Жуть какая...

Лаборатория! Касси открыла глаза от моего радостного вопля, который, надеюсь, не услышали драгоценные соседи. Как я раньше не догадалась? Я могу продолжить работу ветеринара. Сначала я хотела устроиться в клинику, где Кай лечил Джонни, но снова

привязываться к чему-то или к кому-то мне не хочется. Я могу лечить на дому. Мне не нужно будет никуда ездить, не придётся никому подчиняться. Лицензия врача у меня есть, останется только купить необходимые медицинские инструменты, которые будут для вида находиться в моём импровизированном кабинете. Будет несложно убедить людей оставить своего питомца на несколько часов (большую часть времени я буду просто играть с животным), чтобы я смогла позаботиться о пациенте в одиночестве. Для особо привередливых клиентов придётся устраивать спектакль, брать в руки инструменты и эмитировать операцию, как я делала в ветеринарных клиниках. У меня уже есть опыт, и это не будет большой преградой. Главное, чтобы вообще оказались те самые клиенты. Не ради денег. Ради спасения.

На протяжении многих лет, в каком бы городе я ни жила, я посещала приюты для животных, но помогала им не денежными средствами, а едой. Всем известно, что пожертвования в фонд помощи животным тратятся совершенно на другие нужды. Я снабжала приюты кормом и заботой. Работники смотрели на меня, как на спятившую, когда я просила, чтобы мне разрешили подойти к каждой клетке, к каждому вольеру. Я не могла пойти домой, пока не прикоснусь к каждому бездомному животному. Я не могла забрать всех, тем более я всегда жила на съёмных квартирах, но моё прикосновение к бедняжкам вселяло уверенность, что они по крайней мере будут здоровы. Оставалось только надеяться, что на каждого зверька найдётся хозяин. Любовь к животным не давала огоньку в моей душе погаснуть. Если мне удастся работать в Мираже, то эта работа уже ждёт меня, иначе я сгнию здесь. Лечение животных — это то, чем я занималась почти всю свою никчёмную жизнь.

Весь вечер я составляла прайс-лист, воодушевившись предстоящей работой. Для этого пришлось вспомнить расценки, которым я никогда не придавала значения, в ветеринарной клинике, где я совсем недавно работала. Меня не волновала цена, но сейчас, когда я собираюсь открыть свой ветеринарный кабинет, она должна играть немаловажную роль хотя бы потому, что клиенты должны быть осведомлены.

Я долго ломала голову и в итоге установила цены на различные виды лечения, уменьшив их почти в два раза. Я воспользовалась своим запылившимся ноутбуком, чтобы напечатать прейскурант цен. Я мало смыслю в дизайне, зато уверена, что написала предоставляемые услуги без единой ошибки. Сделать баннер оказалось намного сложнее, но всё это время Касси лежала у меня на коленях, морально поддерживая меня. Я пересмотрела кучу вывесок в интернете, чтобы сделать что-то похожее. Реклама — основная составляющая часть успеха. Я не стала изошряться, делать светящиеся и дисплейные вывески. У меня получился квадратный коллаж: домашние животные на бледно-голубом фоне с надписью посередине «Пушистый рай». Останется только распечатать баннер на плотном материале и повесить его на двери папиной лаборатории, в которой я днём предварительно навела порядок и попыталась создать рабочую обстановку.

Глава 14. Выше звёзд.

Во всей галактике нет уютнее места,
чем рядом с любимым человеком.

У меня сердце в пятки ушло, когда раздался стук в дверь. Хорошо, что Триш и Дилан не

вернулись домой к этому времени. Утром они подвезли меня до города, а сами поехали в звукозаписывающую студию, где работают над новым музыкальным альбомом. Я купила инструменты для своей миниатюрной клиники, несколько картин с изображением животных и белую скатерть, чтобы спрятать под ней папин рабочий стол. Не знаю, что на меня нашло, но я заглянула в один вещевого магазин, где купила фиолетовую тунику с розовыми брызгами на ткани. Она показалась мне подходящей для сегодняшнего свидания, которое в итоге принесёт мне лишь разочарование. Фиалковый цвет напоминает мне прежние глаза Брендона, напоминает, что я больше не имею права на ошибку.

Вчера вечером Кай написал мне на мобильный телефон сообщение, что зайдёт за мной в пять часов вечера. Я собиралась ответить, что передумала, но неумелая дизайнерская работа меня настолько утомила, что я заснула с телефоном в руках на своей кровати, и проснулась в той же позе, так ничего и не ответив. Было глупо отступать, особенно после того как я купила эту обтягивающую тунику.

Услышав стук, Касси первая побежала к двери, сбивая меня с ног. Я сделала вид, что не слышу или занята, и, как порядочная леди, открыла дверь, выдержав паузу. На пороге, опёршись о лестничные перила, моего выхода ждал Кай в клетчатой зелёной рубашке, чёрных обтягивающих джинсах и высоких кожаных кедах. Дерзкий образ совершенно не сочетается с его милостивой внешностью. Он больше похож на принца из детских сказок о любви, чем на рокера из музыкальных клипов. Его светлые локоны, обрамляющие скулы, так и манят, чтобы накрутить их на палец. Кто же этот парень? Сладкий романтик, пишущий девушке письма и оставляющий подарки под дверью, или коварный оболъститель, который так и норовит разбить хрупкое девичье сердце?

— Откуда у тебя мой номер телефона? — первым делом спросила я, застав парня врасплох.

Кай поднял руки на уровень лица, показывая, что не станет сопротивляться. Я встала в дверном проёме, положив руку на бок, давая понять, что не сдвинусь с места, пока он не ответит на мой вопрос.

— Когда я встретил Тони, он передал мне твой ответ вместе с номером, который ему, наверное, дал, Оливер. Они старые друзья. А как, по-твоему, нужно было сообщить тебе с времени и месте? — Кай поменял позу и засунул руки в карманы в ожидании моей реакции.

— Это уже не имеет значения, — сказала я и отправила кошку домой, чтобы запереть за собой входную дверь.

— Кстати, привет. Ты шикарно выглядишь! — сказал Кай, одарив меня восхищающимся взглядом, от которого у меня мурашки пробежались по спине.

— Привет. Не могу сказать того же о тебе, — ответила я, не сумев скрыть улыбку.

Кай сощурил глаза и ухмыльнулся, посмотрев на меня сверху вниз. Я всегда считала себя высокой, но Кай выше меня на полголовы. Сегодня я могу отдаться мимолётным эмоциям и почувствовать себя беззащитной девчонкой, какой была много лет назад. Почему бы и нет? Рано или поздно спектакль закончится, а я окажусь за кулисами. Будем считать, что сегодня мой звёздный час.

— Ты, наверно, думала, что мы пойдём в клуб? Твой внешний вид так и кричит об этом, — не без иронии подметил Кай.

Он имеет в виду мои серебряные легинсы и белые туфли, в которых я приехала в Мираж. Не думала, что когда-нибудь оденусь в это снова.

— Я всё ещё могу передумать, — сказала я, слегка ударив парня локтем в бок, который

оказался твёрдым как камень. Кай времени зря не теряет. Не удивлюсь, если у него дома есть целый спортивный комплекс. Может, ему нужно быть в форме, чтобы получать главные роли в папином кино?

— Я шучу. Ты просто удивишься, когда окажешься в месте, которое я хочу тебе показать, и, кстати, вступишь в общий фон, — сказал Кай и подал мне руку, чтобы я могла легко спуститься по лестнице на высоких каблуках. Для этих целей существуют перила, но от помощи я не отказалась.

Спустившись, я отпустила его руку, хотя словосочетание «брезгливо выбросила, как пропавший фрукт» в данной ситуации подойдёт больше.

— Это плохо или хорошо? — спросила я, едва успевая за быстрым шагом Кая. Он вообще понял, что я имею в виду моё слияние с фоном?

Мы покинули территорию моего дома. В этот момент меня почему-то не волнует, что кто-то из соседей может увидеть меня с Каем, ведь они не знают, что мне восемьдесят два года, и что я должна ходить под ручку с Тони. Вместо этого я играю на чувствах молодого парня, который то и дело пытается мне угодить.

— Вы так ограниченно мыслите, мисс? Хорошо и плохо, чёрное и белое, добро и зло. Скоро сама всё увидишь, — выкрутился Кай. Я хотела съязвить, но вместо этого произнесла более глупые слова:

— Какой цветок тебе напоминают мои губы сегодня?

Кай замедлил шаг и взглянул на меня. Я заметила смятение на его лице. Может, его письмо было неискренним, было лишь наживкой, которую я проглотила...

— Тоже розу, только розовую, прости за тавтологию, — ответил он без нотки сарказма.

Я почувствовала, как мои щёки покраснели, и остаток пути мы преодолели в неловком молчании. Не знаю, что во фразе Кая мне понравилось больше: сравнение моих губ с розой или наличие в лексиконе слова «тавтология».

Как только мы подошли к дому Кая, Джонни выбежал нам навстречу, высунув от радости язык и виляя пушистым хвостом. Я опустилась на корточки (насколько мне позволяли каблуки) и обняла пса. Он положил мне лапы на плечи и подобрался языком к моему лицу, но хозяин прикрикнул на него, и Джонни отступил. Кай помог мне встать, и мы троём вошли в дом.

— Почему ты не запираешь двери? — спросила я, сообразив, что Джонни самостоятельно выбежал из дома на улицу, заметив нас.

— Я вышел всего на пару минут. Что могло случиться? — удивился Кай.

И правда, что могло случиться? В посёлке живёт больше пятисот человек, и из них нашлась бы парочка воришек, желающих взглянуть на богатое содержимое дома Кая. Кстати, я не ошиблась, когда представляла тренажёрный зал. Он находится в подвальном помещении, я заметила беговую дорожку в окне, когда присела, чтобы поздороваться с Джонни.

— Да уж, — ответила я, заворожённая интерьером. Мы прошли мимо гостиной, выполненной в фиолетовых тонах, с дубовой мебелью цвета горького шоколада. Кай не шутил, когда сказал, что я впишусь в интерьер, благодаря цвету своей туники и волос. — Куда мы идём? Может, останемся здесь?

— Ты думаешь, я выкрал тебя, чтобы посмотреть телевизор и жевать попкорн?

— Почему бы и нет? Ты сейчас напоминаешь мне типичного маньяка. У меня ещё есть

время передумать и вернуться домой?

Кай прищурил глаза и близко подошёл ко мне. Это произошло так неожиданно, что я не успела сделать шаг назад. Он застал меня врасплох.

— Можешь начинать звать на помощь, красавица, — прошептал Кай. Я почувствовала его тёплое прерывистое дыхание на своём ухе. И зачем я собрала волосы в пучок?

— Возьми трубку, — сказала, обрадовавшись телефонному звонку. Кай отошёл от меня и посмотрел непонимающим взглядом.

— Я не курю, — ответил он. — Разве я похож на гусеницу из «Алисы в стране чудес»? Я давно так не смеялась. Громко и от души. Смехом я боялась продлить свою без того долгую жизнь. От этой мысли мне стало ещё смешнее.

— Если только на маньякогусеницу! — сказала я, отойдя подальше от Кая, чтобы посмотреть на него в полный рост и представить сидящим на огромном цветке и соблазняющим юных особ с дымящейся трубкой во рту.

— Рад, что у тебя хорошее настроение. Можно узнать, что так развеселило принцессу Несмеяну?

— Издеваешься? — спросила я. Ещё немного, и я согнусь пополам от нахлынувшей истерики.

— Прости, железной леди неприятно, когда её называют принцессой? — спросил Кай, подхватив мой смех. Джонни прибежал на громкие звуки и залаял в унисон с нашими голосами.

— Что ты несёшь? — спросила я, вспомнив, что в сказке была царевна Несмеяна, а не принцесса.

— Ничего. Ты же видишь, мои руки пусты, — ответил Кай, явно не понимая, о чём речь. Во мне проснулся филолог, и я вспомнила, что некоторые слова уже давно не употребляются в том значении, в каком употребляю их я. Мне не следовало забывать об этом.

— Говоря о трубке, я имела в виду «ответь на звонок». Ты не слышал такого выражения?

— Ага, я не читал старые книги и не смотрел фильмы, в которых мог бы услышать подобные фразы. Ева, я же пошутил! У тебя красивый смех, зря ты скрываешь свои эмоции. И, кстати, я не слышал, как звонил телефон. Пока я с тобой, меня ни для кого нет.

Я выдохнула с облегчением. Мне повезло, что Кай знаком с устаревшими выражениями. С ним я забываю, кем являюсь. Впредь нужно быть осторожной. Выдохнув, я тут же напряглась и снова прокрутила в голове последнюю фразу Кая.

Он понял, что ответить мне нечего, и попросил следовать за ним. Я всё ещё могу отказаться от предложения, но не делаю этого. Любопытство берёт верх над разумом, и я захожу в комнату, в которую меня привёл Кай. Не знаю, на что он рассчитывал, но я оценила сюрприз. Ничего более прекрасного и захватывающего я ещё не видела.

На меня обрушилась целая галактика. Она поместилась в небольшой комнатке. Не знала, что в моде домашние планетарии. За свою жизнь я бывала в нескольких, но всё, что видела прежде, блекнет по сравнению с пейзажем, который предстал передо мной сейчас. Планеты разнообразных цветов нависают у меня над головой. Я сразу узнала в них Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Землю, на которую больше нет желания возвращаться. Особенно красивы кольца Сатурна, на которые хочется забраться. Они так близко, что можно легко коснуться рукой. Я стала кружиться вокруг себя,

рассматривая небесные тела. Они повсюду. Слева, справа, напротив, сверху. Мне не хватает скафандра для полного погружения в космическое пространство. Я чувствую необъяснимую родственную связь с этими планетами. Они представлены в необычном свете. Похожи на свежие вишни, плавающие в густом йогурте. Такое чувство, что они вот-вот вырвутся из атмосферы. Если бы я обладала художественными навыками, я бы немедленно написала картину, запечатлев на холсте, как прекрасен Млечный путь, невероятны звёзды и красива туманность...

— Что это? — шёпотом спросила я, когда у меня перестала кружиться голова.

Боюсь, что Кай разочарует меня, скажет, что это иллюзия, что звёзды на самом деле не так красивы, что я больше никогда не вернусь сюда.

— Объёмная комната. Тебе нравится? — спросил Кай, всё-таки меня разочаровав.

Не в силах больше кружиться, я села на паркетный пол, жалея, что он не покрыт звёздной пылью или упавшими метеоритами.

— Невероятно, — ответила я и только сейчас заметила, что Кай сидит возле меня с пультом в руке. — Как такое возможно?

— Стены и потолок завешены белыми полотнами, а по углам стоят проекторы, видишь? — Кай рукой указал на местоположение приборов, которые заставили меня поверить в реальность происходящего.

— Мне бы хотелось думать, что мы летим на космическом корабле и смотрим в иллюминатор, — сказала я, удивившись своему мечтательному голосу. Не могу отказать себе в удовольствии полюбоваться открытым космосом и яркими цветами, в которые окрашены планеты.

— Так и есть. Не потеряй сознание сейчас, — сказал Кай и нажал несколько кнопок на дистанционном пульте.

Не зря он меня предупредил. Космос ожил. Небесные тела стали вращаться вокруг своей оси, а затем по кругу. Комната превратилась не просто в космический корабль, она превратилась в мою мечту, в мою слабость. Перед нами открылась новая галактика, названия которой я не знаю, наверное, потому что она вымышленная. Привычные планеты сменились новыми, непохожими друг на друга. Розовая с фиолетовыми пятнами надолго останется в моей памяти. Стоило мне отвести от неё взгляд, как Кай повернул моё лицо обратно, чтобы я увидела, как увеличивается планета, при этом ярко светясь. Она больше похожа на сферический шар, который вот-вот взорвётся. Так и произошло. С потолка посыпались искры. Я стала ловить их руками. Поняв, что это очередной обман зрения и что выглядят мои движения, как минимум, глупо, я оставила попытки.

— Фантастика, — задыхаясь от радости, произнесла я. Давно не испытывала такие сильные эмоции.

— Это всё создано программой. На экран можно добавить те или иные элементы, изменить настройки под свой вкус. Смотри, это мой любимый режим, — сказал Кай и снова воспользовался пультом.

Он бы разбогател, если бы продавал людям билеты на пятиминутный сеанс в своей волшебной комнате. Или я настолько отстала от жизни, что космосом над головой уже никого не удивишь?

Я не знала, чего ожидать от «любимого режима» Кая, но когда он его включил, я пришла в восторг. Представив, что сижу не на пледе, а на ковре-самолете, я полетела сквозь звёзды. Они с бешеной скоростью проносятся мимо, что я не успеваю сосчитать, сколько раз

небо поменяло цвет. Сначала оно было иссиня-чёрным, а сейчас стало нежно-розовым. У меня начинает кружиться голова от переизбытка впечатлений. Кай, видимо, заметил это, и звёзды стали замедлять ход, а вскоре вовсе остановились.

— Могу провести тебя через чёрную дыру, — предложил Кай, — но сначала давай поедим.

— Думаю, хватит на сегодня. Спасибо, от фруктов не откажусь, — ответила я, глядя на поднос, который всё время стоял за нашими спинами. Он заполнен нарезанными апельсинами, киви, яблоками, грушами, бананами и белым виноградом. Откуда он знает, какие фрукты я люблю?

— Угощайся. На кухне нас ждёт запечённая утка, овощной салат и картошка фри.

— Как часто ты готовишь? — спросила я, взяв кисточку винограда. Не отказалась бы от киви и апельсина, но Кай не позаботился о влажных салфетках.

— Всегда. — Кай произнёс это таким видом, будто стыдится своих кулинарных пристрастий.

Его самостоятельность говорит о том, что у него давно не было ни девушки, ни горничной. Отсутствие прислуги меня радует. Он не похож на зажавшегося Оливера, который только и думает о том, как бы поскорей удовлетворить свои первичные потребности.

— А как часто ты приходишь сюда? — Сколько вопросов я уже задала? Кай улыбнулся и откусил яблоко.

— Немного реже, чем готовлю, — ответил он и лёг на правый бок, подперев свободной рукой голову, при этом не отрывая от меня пристального взгляда. Его волнистые локоны обвили ладонь. В свете звёзд его глаза похожи на изумруды. Нас разделяет металлический узорчатый поднос и страх попасться в ловушку парня, который предугадывает мои желания. Мне стало неловко, и я, чтобы ненадолго отвлечься, сменила позу, поджав под себя колени и облокотившись на левую руку. Она почти коснулась волос Кая. Надеюсь, он не заметил, что моя рука покрылась мурашками. — Я прихожу сюда, чтобы отдохнуть от работы, подумать.

— И о чём ты здесь думаешь? — Ничего не могу с собой поделать и продолжаю задавать вопросы.

Может, Кай подсунул мне забродивший виноград? Меня охватила эйфория из-за того, что наше свидание стало похоже на пикник, сопровождающийся не будничным разговором, а чем-то более личным. Я уже привыкла к звёздной панораме, и мерцание почти не отвлекает моё внимание. А жаль. Именно из-за них я назвала мой визит к Каю свиданием.

— О том, что хочу жить вечно, чтобы узнать, чем всё кончится. Наша Вселенная безразмерна, а может, и нет. Мне бы хотелось стать свидетелем угасания Солнца или пришествия инопланетян, или войны миров, или...

— Это невозможно, понимаешь? — Его слова меня напугали. Как он может желать того, что разрушает меня? Нельзя допустить, чтобы эта дурная мысль поселилась в его голове. — Кем ты работаешь?

— Пишу сценарии фильмов, — ответил Кай, снова откусив яблоко.

Я могла бы сразу догадаться, что он пошёл по стопам отца, который был продюсером последнего фильма с моим участием.

— Тогда понятно, откуда взялись такие мысли. Ты фантазёр, — сказала я, положив на край подноса объединённую кисточку винограда, и взяла грушу. Можно оправдать своё молчание жеванием и успеть подумать над ответом за это время.

— Думаешь, так легко быть фантазёром? Человек, снимавшийся в кино, должен знать, что искусство — дело тонкое, — сказал Кай, сам не понимая, что бросил мне вызов.

— А что ты знаешь об искусстве? — Сейчас посмотрим, настолько ли Кай духовно просвещён, как хочет показаться. — Кто твой любимый художник?

— Айвазовский, — не мешкая ответил Кай и как будто не заметил иронию в моих словах.

— Дай угадаю, чем тебя зацепило творчество Ивана Константиновича...

— Здесь и гадать нечего, мне нравится, как передано море на его холстах, — перебил меня Кай.

За дуру меня принимает? У меня было восемь десятков лет, чтобы прочесть биографию каждой выдающейся личности за все эпохи. От одиночества меня спасали искусство, кино, литература и музыка, и Каю не удастся так быстро разрушить мой мир.

— Да ладно? — спросила я, скептически подняв бровь. Он идиот, если думает, что я куплюсь на эту чушь. Пусть и не все знают Айвазовского, но кто слышал о нём, в курсе, чем он знаменит.

— Глядя на его морские пейзажи, чувствуешь свободу, которой порой так сильно не хватает. — Кай говорит с таким серьёзным лицом, что я ему почти верю. Неожиданно он встаёт и подходит к самому большому проектору и что-то вводит на сенсорной панели. Звёзды быстро сменились другим пейзажем. Потолок и все полотна, кроме того, к которому я сижу лицом, погасли, и свет в комнате померк. Кай вернулся на своё место рядом со мной и улыбнулся, увидев, что я снова удивлена. — Эта картина называется «Облака над морем. Штиль». На первый взгляд она может показаться невзрачной. Только море, облака и несколько чаек над водой.

— Спасибо, я вижу, — не выдержала я.

Мне тоже нравится эта картина. Кай издевается надо мной? Никогда не думала, что меня так сильно будут раздражать общие интересы с человеком.

— Оттенки серого и жёлтого погружают меня в глубокое детство, — продолжает Кай, всматриваясь в картину. Его глаза потускнели вместе с комнатой. — Моя семья жила в приморском городке. Помню, как сидел на берегу с мамой и ждал, когда папа приплывёт обратно. Он любил далеко заплывать, а я постоянно боялся, что его съедят акулы, или у него сведёт ногу, и он не сможет вернуться. Папа пообещал мне, что будет плавать только в штиль, но я был мал и не понимал, что это не может спасти его, например, от судороги. Его обещание вселяло в меня уверенность, и я знал, что папа никогда не умрёт, вот только с мамы такую же клятву я не взял.

— Что с ней случилось? — спустя пару секунд нависшей тишины спросила я и положила веточку от груши на поднос. На другом краю лежит такая же, только от яблока Кая.

— Самолёт, в котором она летела к папе на съёмочную площадку, рухнул, — ответил он, не отрывая взгляда от моря на картине. Оно напоминает Каю годы, когда его семья была в сборе, когда семья Райтонов была счастлива. — Мне было одиннадцать, и я винил себя в её смерти. Если бы я решил отправиться с мамой, она бы не села в тот самолёт. Мы бы поехали на поезде, потому что она заботилась о моей безопасности, а я предпочёл остаться дома, чтобы не пропускать уроки в школе... Через пару лет мы с папой переехали в Мираж.

Мы не встретились с Каем раньше, потому что я уехала из Миража ещё до его рождения, и познакомились только на съёмках «Рельсы судьбы». Может, это и есть судьба? Тогда я не

замечала влюблённого мальчишку, а сейчас даю ему шанс. Он откровенен со мной, и я боюсь, что буду вынуждена разочаровать его.

— Мне жаль твою маму. — Мои слова прозвучали ничтожно, но я не знаю, что ещё можно сказать, когда человек выворачивает наизнанку свою душу.

— Я скучаю по ней. И папа. Он больше не женился. Не может найти женщину, которая будет любить его так же сильно, как мама, но я пообещал ему, что моя жена будет на неё похожа. А в нашей семье принято сдерживать обещания, — сказал Кай и взглянул на меня. Он выбрал не ту девушку и скоро в этом убедится. — Съешь ещё что-нибудь. Может, принести сок? Я забыл его в холодильнике.

— Спасибо, пока не хочется, — ответила я.

Мне нужно было подобрать подбадривающие слова, но Кай вряд ли нуждается в них, раз сам перевёл тему. У него сильный характер. Когда я уже перестану считать плюсы Кая? Он пошёл в отца. Я думала, что Дастин женат, раз не пристаёт к молоденьким актрисам, но он просто не хотел пользоваться своим статусом. Благородно.

— Тогда покажу тебе ещё одну картину, которая мне нравится, — сказал он, и тихое серое море сменилось бушующими волнами и единственным просветом в тёмном небе. Комната стала освещаться ещё меньше, что я почти не вижу, какого цвета моя туника или глаза Кая. — «Сотворение мира. Хаос». Завораживает, правда? Начало всех начал. Жаль, что мы можем только предполагать, как всё было на самом деле, как зародилась жизнь на Земле, но может, узнаем, чем всё кончится.

— Мы можем только узнать, чем кончится наше собственное существование, а не существование всего человечества, — возразила я.

Неужели он в это верит? Единственное, что мы увидим, так это свет в конце тоннеля. Если повезёт.

— Ладно, не будем спорить. Лучше скажи, кто твой любимый художник?

Я рада, что Кай направляет разговор в нужное русло, иначе споры о жизненном предназначении и философские рассуждения быстро вывели бы меня из себя. Раз молодой человек застал меня врасплох, сказав, что любит художника конца девятнадцатого века, настала моя очередь удивлять:

— Зачем писать картины, если можно сфотографировать?

— Тогда зачем читать книги, если можно посмотреть фильм? На тот случай, если люди окончательно обленятся, я оставлю после себя парочку достойных внимания кинолент. Так ты ответишь на вопрос? Я вижу, что ты шутишь.

— Я не отдаю предпочтение конкретному художнику, — ответила я. Кай поймал мой взгляд и вздёрнул бровь. Только сейчас, когда он заправил волосы за ухо, я заметила, что у него пирсинг. Кольцо в брови у двадцатипятилетнего парня — это норма. Не удивлюсь, если его спина и торс покрыты бессмысленными татуировками. Сейчас каждый самовыражается, как может. — Мне нравятся работы в определённом жанре, неважно кто их автор. Например, когда у меня соответствующее настроение, мне близко острое индивидуальное восприятие и переживание романтизма. Когда мне хочется забыться, я выбираю сюрреализм. Он выражает идею существования за пределами реального, этого иногда не хватает в обыденной жизни. Абсурд, грёзы и сны, изображённые в работах сюрреализма, помогают мне найти себя. Глядя на картины Сальвадора Дали, чувствуешь себя нормальной, потому что мне бы не пришли в голову такие идеи даже под большим количеством алкоголя. Картина «Постоянство памяти» близка мне по духу. Она проста, не каждому бы приглянулась, но есть определённая магия в

расплавленных часах и отсутствии акцентов. Если бы я была художницей, то писала бы именно в этом жанре. Отстранялась бы от осознанного творчества, воплощала бы на холсте самые безумные образы своего подсознания, которые когда-то видела во снах. И третий жанр, который меня привлекает, — футуризм. Здорово, что художники-футуристы осмелились разрушить культурные стереотипы, особенно в прошлом веке, когда ещё не было сегодняшней техники и урбанизма. Они видели, каким будет наше будущее. Отчасти благодаря их идеям сейчас развивается наука. Что-то я разговорилась...

— Продолжай, мне интересно! — сказал Кай. — Я никогда не интересовался этими жанрами, но обязательно пополню ими свою электронную галерею. Мы можем вместе с тобой обсуждать картины за чашкой чая.

— Давай лучше вернёмся к твоей теме. — Я поспешила уйти от ответа, поскольку знаю, что не смогу отказаться от этого предложения. Только с Бренденом я говорила об искусстве, и он приобщил меня к футуризму. Мне кажется, что я предаю друга, делясь его знаниями с Каем. — Ты говорил, что оставишь после себя достойные киноленты. Совсем не мания величия. Над чем ты работаешь? Думаешь, сможешь удивить придиричивую публику?

— Фантастикой, например, никого не удивишь, а я пишу сценарии о простых судьбах. Недавно состоялась премьера фильма «За кадром», я работал над ним несколько лет. — Кай поменял лежачую позу, а я так и осталась неподвижной. Он сел напротив меня, поджав колени к груди, и положил на них голову. Невидимая сила не позволила мне отодвинуться.

— Дай угадаю, — сказала я, чтобы разрушить интимную обстановку, — оно снято на зелёном фоне с минимальными затратами о том, как нелегка жизнь актёров.

— С чего ты взяла, что на зелёном фоне? — удивился Кай. Впервые он выглядит обиженным.

— Так создаются все фильмы. От настоящего кино остались только актёры, и то, они скоро будут заменены роботами. Железяке же не надо платить гонорары и выполнять дурацкие прихоти.

— Печальный опыт? Мне казалось, вся съёмочная площадка хорошо с тобой обходилась, когда ты работала с папой. Не считая только того выскочку Винсента... — Грусть сменилась на ревность, а потом на безупречном лице Кая снова засияла улыбка. — Вот почему ты перестала сниматься. Тебе не нравится искусственное кино, созданное без декораций и полностью обработанное в компьютерной программе. Я снимаю по старинке. Ты ошибаешься, если думаешь, что все киностудии осовременились.

— Да, именно поэтому я согласилась сыграть в «Рельсах судьбы», и это была моя последняя роль, — соврала я, чтобы подлить масла в огонь.

Мне нравится следить за тем, как быстро меняется настроение Кая. Не могу же я ему сказать, что я снялась, чтобы поставить точку на своём прошлом, что выбрала артхаусное кино, которое априори было обречено на провал, чтобы мною больше не интересовались зрители, чтобы все забыли актрису Еву Смит. Я хотела лишний раз убедиться, что не гожусь на эту роль, что у меня другой путь, что я никогда не смогу заниматься тем, что мне нравится. Лечить животных и быть незамеченной — это всё, что мне необходимо.

— А ты не хотела бы продолжить карьеру актрисы? — спросил Кай, прищутив глаза, словно пытаясь заглянуть внутрь меня. Рука, на которую я опиралась, затекла, и я села в такую же позу, как и он.

— А ты не хотел бы сняться в немом кино? Мне нравится, когда ты молчишь, — сказала я, неожиданно для самой себя.

Кай, не ответив на колкость, сел на колени и потянулся к моим рукам, сложенным под подбородком. Он медленно взял их в свои руки, но не так, как это обычно делают остальные мужчины, обвивая женские пальчики ладонями. Нет. Кай нежно обхватил мои запястья и стал поглаживать изображение песочных часов большим пальцем одной руки и крыльев — другой. Я глубоко вдохнула, собираясь накричать на Кая, но что-то остановило меня. Тоска по человеческим прикосновениям? Или симпатия?

— Надеюсь, они что-то значат для тебя, потому что ты не должна портить свою безупречную кожу, — сказал Кай, и его лицо оказалось на уровне моего. Если бы он только знал, насколько символичны эти картинки.

Я открыла рот, чтобы возразить по поводу безупречности кожи, как Кай неожиданно (видимо, для нас обоих) накрыл мои губы своими. Его пальцы нашли мои. Свободной рукой он провёл по моим векам, чтобы закрыть их. Коснулся щеки. Его сердцебиение отдалось в моей груди. Кай стал покрывать поцелуями моё лицо. Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на звёзды, но забыла, что их давно нет на потолке, только картина сотворения мира «висит» напротив нас. Кай воспринял мой жест за намёк, и стал целовать шею. Его дыхание участилось, и ладонь, которая сжимает мою, стала влажной. Я не помню, чтобы Стефан так отдавался мне, чтобы был так нежен со мной. Я вообще не помню подробностей нашей интимной жизни, но по крайней мере, читала в дневнике, что он всегда был напорист, а его поцелуи были глубокими. Даже Брендон, которому я один раз позволила поцеловать себя после бутылки спиртного, не был так чуток. Скоро эти воспоминания сотрутся из моей памяти и останутся только воспоминания о мягких поцелуях Кая. Ненадолго. Я забуду и об этом...

Меня как будто ошпарило кипятком и окатило ледяной водой одновременно. Что мною движило, чёрт возьми?!

— Мне нужно идти, — сказала я, отталкивая от себя Кая. Моё дыхание тоже сбилось. Свет в его глазах потух, и я, чтобы не стать свидетельницей драматической сцены, поднялась с пола и направилась к выходу.

— Я что-то сделал не так? Прости, не знаю, что на меня нашло, — сказал Кай, и я остановилась возле двери, не в силах оглянуться, чтобы посмотреть на него. Он сам не желал этого поцелуя, раз стал оправдываться.

— Ничего. Виноват Космос! — Получай ответ, Кай Райтон.

Я повернула ручку, чтобы выйти в гостиную. Хорошо, что выход на улицу находится рядом, иначе я бы заблудилась.

— Если ты думаешь, что я хотел использовать тебя, ты ошибаешься, — сказал Кай мне вслед, но за мной не пошёл.

Неужели я хотела услышать за спиной стук его шагов? Плевать. Нужно поскорей выбросить это из головы. Почему я не могу использовать свой склероз, когда заблагорассудится?

Джонни вместо хозяина проводил меня до порога, я не удержалась и погладила его по голове. Мне нравится этот пёс, и у меня больше не будет возможности поиграть с ним. Закрыв за собой дверь, я без оглядки побежала в сторону дома, чувствуя на себе тяжёлый взгляд, как будто Кай наблюдает за мной из окна. Может, это всего лишь разыгралось моё воображение.

Я только что целовалась с ребёнком, который постоянно искал встречи со мной на съёмочной площадке. Не знаю, сколько времени длился поцелуй, но, открыв глаза, я увидела

лицо, наполненное радостью и надеждой. Когда я оттолкнула Кая, оно помрачнело, словно кто-то выключил свет в его сердце, кто-то растоптал его чувства. Это был не кто-то, а я. Что он нашёл во мне? Кай и Снежная королева. Весьма иронично. Так или иначе, мне суждено разлететься на миллиарды льдинок, а не растаять от любви.

Если бы не прельщающие разговоры о кино и искусстве, я бы не позволила себе зайти настолько далеко. Если бы не открывшийся мне Космос и хаос из разноцветных планет, я бы не потеряла самоконтроль. Если бы не эти нежные руки и зелёные глаза, всё было бы иначе...

Зачем открывать человеку душу, если он рано или поздно растопчет её? Зачем делать шаг навстречу, если его всё равно никто не оценит? Я не хочу растрчивать себя на тех, кто рано или поздно уйдёт из моей жизни.

Я снова и снова мысленно повторяю эти три предложения, которые должны остепенить меня. Я смотрю на непривычно бледно-голубое небо (после космического пространства оно кажется мне чужим) и вспоминаю единственную фразу, которая порождает во мне новые страхи: *«Пока я с тобой, меня ни для кого нет»*. Кай не из тех парней, кто обещает подарить целый мир. Он дарит Вселенную, которую я не могу принять.

Глава 15. Разряд.

Кричи, когда никто не хочет тебя слышать.

Кричи, если больше нет способов унять свою боль.

Вчерашнее воскресенье ушло на подготовку моего нового рабочего места. Дилан помог мне с вывесками, которые я распечатала в типографии. Он развесил их на воротах и дверях бывшей папиной лаборатории. Триш занялась рекламой моего ветеринарного кабинета. Она напечатала листовки и раздала всем соседям, не потрудившись узнать, есть ли у них дома питомцы или нет, и оповестить жителей нашего посёлка, чтобы они приводили ко мне и бездомных животных, которых я буду лечить бесплатно. Триш, наверное, сочла это за продуманный маркетинговый ход, но я делаю это в бескорыстных целях. Хочу полностью посвятить себя работе, чтобы не сидеть днями напролёт без дела и не ходить больше на свидания, которые заканчиваются плачевно. Триш и Дилан посчитали иначе. Они заговорщицки улыбались мне, когда я вернулась домой от Кая. Увидев моё подавленное лицо, они не стали спрашивать, что послужило причиной грусти, или поняли, что это не их ума дело. Второй вариант кажется мне наиболее разумным. Мы даже не друзья, хоть я и многим им обязана за поездки по магазинам и помощь в создании ветеринарного кабинета. Странно то, что они и слышать не хотят о вознаграждении. Иногда мне кажется, что Тони платит внучатой племяннице, чтобы она обхаживала меня.

Сегодняшнее утро началось с крепкого кофе и развешивания картин с изображениями природы и животных в моём новом кабинете. Не обошлось и без участия Касси, которая то и дело крутилась у меня под ногами, чувствуя конкуренцию в лице будущих пациентов. Я, взяв кошку на руки, присела на пару минут в кожаное кресло, чтобы оценить проделанную работу. Помещение пока мало напоминает настоящий ветеринарный кабинет, но уже меньше похоже на научную лабораторию. Для видимости в центре комнаты стоит операционный стол, рядом — этажерка с инструментами, бинтами и шприцами, а на стене

возле окна висит полочка с игрушками для животных, несколькими видами кормов и мисками. Хорошо, что папа предусмотрел раковину в углу комнаты, она здесь как нельзя кстати. Всё готово к приёму маленьких посетителей. Вместо дивана для ожидания хозяев, я занесла сюда только кресло для себя, ведь по моему плану посетители не будут находиться в кабинете во время лечения.

Стоило мне ненадолго расслабиться, как Касси подскочила от громкого женского крика и последовавших за ним мужских ругательств. Триш и Дилан. Вслед за Касси я выбежала во двор и стала свидетельницей неприятной сцены. Триш лежит на коленях в дверном проёме без сознания. При падении она, видимо, пыталась ухватиться за перила, потому что её рука лежит на них. Повезло, что дверь была открыта нараспашку и не помешала при падении, иначе девушка могла бы удариться головой о металлическую ручку, хотя сложившуюся ситуацию вряд ли можно назвать удачной. Голова Триш склонилась к груди, и за чёлкой невозможно разглядеть её лица, которое, надеюсь, не пострадало. Её длинные шелковистые волосы рассыпались веером по рукам. Меня затрясло от ненависти к человеку, сотворившему это с Триш, которая сейчас похожа на куклу, в спешке оставленную на полу. Мои руки невольно сжались в кулаки, и, повернув голову, я увидела причину ужасного происшествия.

От неожиданности я сразу не заметила, что Дилан держит незнакомую девушку за локти, заведённые за спину. Виновница не вырывается, а лишь ухмыляется и сверлит взглядом лежащую на полу Триш. Всё произошло так быстро, что Дилан в растерянности не проверил пульс своей девушки, а схватил преступницу. Вместо него это сделала я, пройдя мимо их разгорячённых тел. Дилан взглянул на меня, и я кивнула, давая понять, что с Триш всё в порядке. В относительном порядке. Он кивнул мне в ответ и повёл незнакомку в дом, не прилагая для этого никаких усилий, потому что та не сопротивлялась. На месте, где стояла девушка, в траве остался маленький блестящий предмет. Я подобрала его и положила в карман джинсов.

Через пару секунд Дилан вернулся, чтобы взять Триш на руки и отнести в гостиную. Он сделал это с такой нежностью, о какой в данный момент я бы и думать забыла. Парень осторожно положил девушку на диван и накрыл тёплым одеялом. На Триш было короткое домашнее платье, и я подумала, что Дилан хотел прикрыть её ноги, но, подойдя к ней, поняла, что её знобит.

— Разве я не говорила вам, что нужно запирать ворота и открывать их только знакомым людям? — спросила я без грубости в голосе, с какой хотела, а скорей с материнской заботой, хоть сейчас и не время для нравоучений. Я и сама-то блокирую входные ворота только на ночь. И почему мы ленимся соблюдать меры предосторожности? Ведь это так просто — нажать на кнопку в коридоре, и дом под защитой! Кстати о предосторожности. — Дилан, ты не мог бы проследить за мерзавкой? Позже мы решим, что с ней делать. А я пока осмотрю Триш.

По выражению лица Дилана я поняла, что он совершенно не хочет подчиняться и бросать девушку, но я уже села на край дивана, не желая слушать возражений. Видимо, вспомнив, что у меня медицинское образование, парень нехотя направился на кухню. В запасе есть пара минут, пока между Диланом и незнакомкой не вспыхнет новый конфликт.

Я сэкономила время на поиске места «поражения», потому что его нельзя было не заметить. Оно оказалось на шее Триш. Я убрала из-под её головы громоздкую подушку, и девушка тихо застонала от боли. После моего прикосновения к её шее губы Триш сомкнулись, и веки перестали трепетать. С утра она не успела нанести макияж, и нечему

было скрыть бледность кожи.

Триш напомнила мне Белоснежку, только лежащую не в стеклянном гробу, а на обычном диване, и ждущую не принца, а музыканта, который спасёт её от злой ведьмы. Я любила читать в детстве сказки. Надеюсь, у этой тоже будет счастливый конец. В подтверждение моих мыслей лицо Триш стало приобретать краски, а своей ладонью, лежащей на шее девушки, я ощутила привычное покалывание, которое говорит о том, что это максимум, что я могу сделать для девушки. Мне удалось слегка унять её боль, как когда-то я сделала то же самое для Стефана...

— Эта гадина не хочет объясняться, я вызываю полицию, — сказал Дилан, вошедший в гостиную. Не думала, что он может быть настолько злым, но когда он посмотрел на Триш, его голос смягчился. — Как она? Я совсем голову потерял. Когда это произошло, нужно было сразу звонить в «скорую».

— Успокойся, она приходит в себя, — ответила я и поспешила убрать руку с шеи девушки, как будто меня застали на месте преступления. — Думаю, ей понадобится сон, а не доктор. Триш ударили сильным электрошокером, у меня был такой...

— Ева, зачем тебе понадобился...

— Ева? Так *ты* Ева?! — обвиняющим тоном спросила незнакомка, перебив Дилана. Ей хватило наглости войти в комнату, в которой лежит её ни в чём не повинная жертва. Кажется, я начинаю понимать, что здесь происходит.

Я встала с дивана, уступив место Дилану. Касси свернулась клубочком возле них. От сумасшедшей девицы меня отделяет каких-то несколько метров.

— По-твоему, это игрушки? — Я достала из кармана электрошокер и со всей силой швырнула его на паркетный пол. От улики остался лишь корпус и осколки. Незнакомка засмеялась, и я поняла, какую глупость только что совершила. У нас теперь нет доказательств. Ничего. Я разберусь с ней сама. Собравшись с духом, я постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно. — Какого чёрта ты явилась в мой дом?

— Какого чёрта ты пишешь письма моему мужу? — Гадина (как выразился Дилан) сложила руки на груди, приняв оборонительную позу. — Меня зовут Кейтлин Хайд. Не так я представляла нашу встречу.

Хайд. Жена Брендона. Глядя на её голубые волосы под цвет глаз мужа, можно было сразу догадаться. У неё стрижка короче, чем у Дилана, но это не делает её менее женственной. Аккуратные черты лица. Стройная фигура. Надменный взгляд. Брендон никогда не умел выбирать девушек. Хорошим парням всегда достаются стервы. И одна из них явилась сюда, чтобы отомстить мне за единственное письмо. Без текста. Я отправила только кольцо. Эта девица точно спятила. У неё уже есть ребёнок. Не подобает матери вести себя таким образом. Не знаю, сколько ей лет, но выглядит она молодо, хотя не мне судить о возрасте. На ней короткая кожаная куртка, обтягивающие брюки из такого же материала и высокие ботинки. Все вещи чёрного цвета, кроме футболки. Она голубая. Девушка как будто только что с фотосессии. Не поверю, что моя посылка привела её в другой город. Абсурду подобно.

— Что? Причём здесь моя девушка? Ревность крышу снесла, что бросаешься на людей без разбора? — Новая волна ярости охватила Дилана.

Удивляюсь, как он ещё не набросился на девушку, причинившую боль Триш. Или на меня. Мне никогда не удастся заглядить перед ним вину. Сегодняшний случай навсегда изменил моё отношение к нему. Дилан проявил себя как настоящий мужчина. Внешность

порой бывает обманчивой.

— Дилан, прости. Побудь с Триш, я поговорю с ..., — сказала я, кивнув в сторону жены Брендона, не в силах обратиться к ней напрямую. — Скажи, если что-то понадобится.

Дилан поймал мой извиняющийся взгляд, и я увидела, как он поборол в себе желание сказать что-нибудь гадкое мне или нагрывавшей девице. Для него сейчас важнее здоровье любимой. Я перед ним в долгу за то, что он дал мне возможность поговорить с женой Брендона, прежде чем её заберут в полицию. Хотя я и разбила электрошокер, Дилан был свидетелем нападения. Мне нужно только поговорить, а он пусть сам решит, как поступить с мерзавкой.

— А я уже обрадовалась, что у Евочки появился парень, но ей, увы, не повезло, — с наигранным драматизмом произнесла жена Брендона.

— Слушай, заткнись и иди за мной, если не хочешь неприятностей, — сказала я, взяв ситуацию под контроль.

Ещё одно слово из её уст, и Дилан вспылит, а этого мне хочется меньше всего. Он нужен Триш. Снова извинившись перед ним, я закрыла за собой дверь. Уже хорошо, что он ничего не бросил мне в спину. Впервые по моей вине кто-то пострадал, к тому же не просто кто-то, а девушка, которая всегда желала мне добра, а я так гадко себя с ней вела. Эта ситуация изменит моё отношение и к Триш в лучшую сторону. Чувство вины не сожрёт меня.

Я повела нежеланную гостью на кухню, где своим диалогом, который обещает перерасти в громкий конфликт, мы не потревожим спящую Триш.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? Эту штуку я носила с собой, чтобы защищаться от уличных придурков, а ты применила её к девушке, не потрудившись узнать её имени! Чокнутая! — Наедине с ней я дала волю эмоциям.

Она, не обратив внимания на мой гнев, села на стул и взяла печенье из вазы. Смотря на девушку сверху вниз, я увидела не монстра, а любящую жену, которая всеми силами пытается сохранить семью, но бить током людей — это уже слишком. Нет оправдания грязному поступку. Я прогнала прочь свою жалость, которую обычно испытываю только к животным, и села напротив.

— Да, мне жаль бедняжку, она пострадала из-за тебя. — Последние слова она почти выплюнула мне в лицо.

Она взяла печенье не для того, чтобы съесть, а для того, чтобы крошить его на стол. Таким образом она, наверно, пытается успокоить нервы, ведь её даже не смутила шоколадная глазурь.

— Какова твоя цель? Допустим, на её месте была бы я. И что? Тебе стало бы легче? — требовательно спросила я, хотя заранее знала ответ.

Конечно, ей стало бы легче. Её бы непременно посетило чувство удовлетворения. На миг. Она бы почувствовала себя королевой, способной причинить конкурентке боль, но это бы не спасло её от собственных страданий, которые привели её сюда.

— Я думала, ты живёшь одна. Подождала бы, пока ты очнёшься, наслаждаясь тишиной и покоем, а потом отдала бы письмо, — призналась девушка.

Любовь сделала её безумной, заставила пойти на отчаянный шаг. Только любовь, которая достаётся огромным трудом, способна на такое. Мне снова стало жаль девушку. Сначала я подумала, что она обладает сильным характером, что она чем-то похожа на меня, но сейчас понимаю, что она слаба, и её поступок — тому доказательство. Всё это мне

следовало произнести вслух, но вряд ли слова соперницы заставят эту девушку покаяться, хоть и соперницей я уже давно не являюсь.

— Так Брендон не получил его? — спросила я, глядя девушке в глаза. Она и не подумала отвести взгляд. Собирается бороться до последнего. Или мне показалось? Её чуть ли не трясёт. От ненависти ко мне. — Кортни, ответь мне.

— Он получил. Ох, как получил! Вместе с письмом он получил новую порцию депрессии и тоски по идеальному образу, который он годами представлял в своей голове. Всё это время я пыталась занять твоё место, а ты решила, что можешь в любой момент снова вернуться в его жизнь! — Девушка стала повышать голос, но ни один мускул не дрогнул на моём лице. Она глубоко заблуждается, если думает, что вызовет у меня негативные эмоции. Ей не помешала бы хорошая пощёчина, чтобы прийти в себя, но я никогда не сделаю этого. Девушка встала со стула, опёрлась ладонями о стол и почти легла на него, чтобы быть ближе ко мне. У меня возникло желание бросить ей в рот оставшееся печенье, которое она не успела раскрошить. — Я и так позволила ему назвать нашу дочь в честь выскочки, которая чуть не довела моего мужа до самоубийства. Хорошо, что он встретил меня! Я годами восстанавливала его состояние, залечивала раны. Не смей даже думать, что я позволю тебе забрать его у меня! И никакая я не Кортни. Меня зовут Кейтлин! Сложно запомнить? Или помимо обольстительной внешности Бог забыл подарить тебе мозги?

Мне ничего не осталось, кроме как засмеяться. Кейтлин от неожиданности опустилась на стул и закрыла лицо руками, как будто принимая поражение. Я подумала, что она сейчас заплачет. Так бы, наверно, и произошло, если бы её пальцы не были в крошках. Она быстро убрала ладони, чтобы оттряхнуть их друг о друга, но забыла о лице. На нём остались следы глазури, похожие на остатки косметической маски, отчего мне стало ещё смешнее. Интересно, шоколад полезен для кожи? Увидев, что Кейтлин покраснела, я прикрыла рот рукой и попыталась унять истерический смех. Сделав глубокий вдох, я взяла пачку влажных салфеток из шкафчика и протянула её Кейтлин. Пока она избавлялась от результатов своих пошатанных нервов, я налила в чайник воду и по старинке поставила его на газовую плиту, чтобы вода подольше закипала. Как раз этого времени хватит для окончания напряжённого разговора.

— Прости, Кортни... Кейтлин. Ты неправильно меня поняла, — сказала я, вернувшись на своё место. Сама не знаю, что сейчас имела в виду: письмо или реакцию на усыпанное крошками лицо. Кейтлин убрала салфетки подальше от себя, делая вид, что пару минут назад не была причиной моего смеха. — Я не собиралась вмешиваться в его жизнь, просто посчитала нужным вернуть подарок...

Я запнулась на слове «подарок», потому что Кейтлин с недоверием закатила глаза, улыбнулась правым уголком губ и закивала, передразнивая меня, чем напомнила волнистого попугайчика.

— Брендон не посчитал, что это «просто»! Я знаю, что вы виделись недавно, он случайно обмолвился об этом. И для тебя это всё просто?

— Это была случайная встреча. Я думала, что он таксист, мне нужно было попасть на вокзал, — сказала я, понимая, как нелепо звучат слова. С какой стати я вообще оправдываюсь перед ней? Мне это напомнило разговор с мамой, когда я в чём-то провинюсь, а это, по её мнению, случалось часто, особенно когда я поступила в университет. Об этом твердят записи в моих дневниках, но я не помню, чтобы мы сильно ругались. — Это не повод, чтобы врывать в мой дом и бить током незнакомую девушку!

— Если бы я знала, как ты выглядишь, поверь, не промахнулась бы! — скопировала мой грубый тон Кейтлин. — Брендон не показывал мне твои фотографии.

— У него их не было, — сказала я, чтобы успокоить ревнивицу, но мне это вряд ли удалось, хоть и за долгие годы практики я научилась отлично лгать.

У Брендона были мои снимки, но теперь понятно, почему он не показывал их жене. Я бы не удивилась, если бы она наняла частного детектива, чтобы тот побольше разузнал обо мне, а потом присылала бы мне письма с угрозами, или сама, как ищейка, шаталась бы по огромному Коннекту с моим изображением в руках. Представив эту картину, я еле подавила смех. Забавный денёк.

— Возьми, — сказала Кейтлин, протянув мне конверт, который вытащила из внутреннего кармана куртки. Это не то письмо, что я отправляла. Его написал Брендон. Когда девушка поняла, что я не хочу брать конверт, она вздумала меня шантажировать. — Или ты хочешь, чтобы я сама прочитала вслух?

Это задело мои чувства, и я взяла письмо. На конверте нет марок, ведь в роли почтальона выступила Кейтлин. Брендон вообще знает, что его жена преодолела длинный путь, чтобы вручить мне его сокровенные мысли? Сомневаюсь. Чтобы покончить с чувством вины, я стала читать текст, написанный аккуратным почерком на акварельной бумаге (не с шероховатой стороны). Брендон всё ещё помнит о моей слабости к искусству и неприязни к электронным письмам.

Ева!

Хоть ты и не написала ни строчки, я не могу проигнорировать твой поступок. Я приберегу это кольцо для своей дочери. Когда-нибудь она станет такой же смелой, рассудительной и сильной, как ты. Я буду гордиться ею, ведь моя малышка спасла меня от тоски по тебе.

Прости, что был холоден с тобой и уехал, толком не попрощавшись. Спустя некоторое время я пожалел об этом. Нужно было узнать твой контактный телефон, поинтересоваться твоей жизнью, но ты была категорична, и я понял, что разговор не состоится. Если быть предельно честным (прости за шаблонные выражения, ты же знаешь, я не силён в обращении со словами), мне было больно, когда ты сделала вид, что не узнаёшь меня. Мы оба знаем, по какой причине ты повела себя именно так. А ведь я не верил тебе, когда ты говорила, что вскоре забудешь меня. Не хотел верить.

Остается только пожелать тебе удачи и поблагодарить за счастливое время, проведённое с тобой, ведь ты не дала мне возможности сказать это раньше. Надеюсь, мы ещё встретимся, и я смогу познакомить тебя с семьёй. Неважно, сколько лет мне будет. Ты всегда можешь обратиться ко мне. Мне не следовало переступить дозволенную черту. Мы бы до сих пор были бы лучшими друзьями...

Грустно снова расставаться, но я вынужден заканчивать письмо. Высокий уровень сентиментальности вызывает у тебя отвращение, а я хочу, чтобы ты запомнила меня здоровомыслящим мужчиной. В свою очередь, я запомню тебя такой, какая ты есть. Твои изящные руки, дарящие тепло, загадочная улыбка, которая редко появляется на фарфоровом лице, и карие глаза, в которых можно заблудиться. Ты навсегда останешься прекрасной, и я желаю тебе с умом использовать эту данность.

Будь счастлива каждый прожитый миг!

Брендон,
9 апреля 2062 год.

И этот человек говорит, что не умеет обращаться со словами!? Я с трудом сдержала нахлынувшие слёзы то ли радости, то ли печали. Он тонко описал то, что произошло между нами. Я всегда боялась, что он откроет мою тайну, но о ней не знает даже его жена. Такой друг бывает один на миллион. Я не ошиблась в парне с длинными волосами и новым стилем, к которому мне было бы сложно привыкнуть. Как бы он сейчас ни выглядел, Брендон остаётся Брендон. Моим преданным другом, которому я всегда желала только счастья, как и он мне.

«Ты навсегда останешься прекрасной, и я желаю тебе с умом использовать эту данность». Любой человек, который прочитал бы это предложение, подумал бы о внешней красоте, но мы с Брендонем знаем, что речь идёт о затянувшейся молодости. Он не упустил возможности напомнить мне о нашем секрете, о том, что однажды я доверилась ему. Он испытывает меня, но больше не надеется на отношения между нами. На любовные отношения.

— Какая нормальная жена будет терпеть это?! — Кейтлин вернула меня в реальность, а ведь я уже почти забыла о присутствии неуравновешенной девушки.

— Здесь нет ни одного слова, которое могло бы вызвать твою ревность, — ответила я, аккуратно положив письмо в конверт и сомневаясь в правоте своих слов.

Я, может, не вижу романтического подтекста, а Кейтлин один только факт написания письма причиняет невыносимую боль, иначе бы она не явилась сюда. Сегодня по иронии судьбы тринадцатое число, и я не могу перестать думать о том, что всего пару дней назад Брендон написал мне письмо, но долго не решался его отправить. Как бы то ни было, это не оправдывает мерзкий поступок его суженой Мальвины.

— Ты сама в это веришь? — спросила она, вздёрнув бровь. Я поймала себя на мысли, что заметила между нами некоторые сходства: мимика, жесты, манера говорить. Откуда она могла знать всё это? За годы жизни с Брендонем она успела изучить не только его, но и меня. Зная его, я уверена, что он не переставал сравнивать жену со мной, а, глядя на Кейтлин, я могу сказать, что она делала всё, о чём он её просил, лишь бы угодить ему. — Видела бы ты, сколько черновиков лежало в мусорном ведре. Я даже не постеснялась прочесть каждый. В окончательном варианте он не написал и половины того, что хотел. Одна только интерпретация твоего имени выводят меня из себя. Евочка. Так зовут мою дочь, поэтому я не могу ненавидеть её имя. Всё ради Брендона. Терплю тебя ради него! Кто согласился бы на такую жизнь? Да, он говорит, что любит меня, но только, чтобы не обидеть. Он любит нашу дочь, я это вижу. Иногда мне кажется, что он ушёл бы от меня, если бы не она...

— Не говори так! — Одновременно с моим голосом засвистел чайник, выступая в роли рефери между мной и Кейтлин. Я от неожиданности вздрогнула, но быстро совладала с собой и подошла к плите, чтобы налить чай.

— Не говорить как? — спросила Кейтлин спокойным тоном, явно пытаясь вывести меня из себя. Я не повернулась к ней, чтобы ответить, потому что это явно не последнее, что она хочет сказать. — Ты думаешь, я безумна? Когда ты влюбишься, станешь такой же, особенно, когда твою любовь будут воспринимать как должное. Думаешь, я не прихватила запасной электрошокер? Не боишься, что в любой момент я могу ударить и тебя? Ради

своего счастья я способна на многое. Когда мы только познакомились с Бренденом, я собиралась заменить свою здоровую руку протезом, чтобы он не чувствовал себя инвалидом, «киборгом», как ты любила его называть. Он не позволил мне это сделать, и тогда я поняла, что у меня есть надежда на совместное будущее. А что ты сделала для него? Не понимаю, что он в тебе нашёл. Эгоистичная дрянь. С шикарными волосами и идеальной фигурой. Да, ты красива, но внутри тебя пустота!

Отвлёкшись, я пролила кипяток на разделочный стол. После слов Кейтлин «эй, что с тобой?» я поняла, что произошло, и стала вытирать воду, поставив чайник, чтобы он ненароком не полетел в любительницу потрепать языком. В очередной раз удивляюсь своей выдержке и терпению. Старею.

— Пусть так, если тебе будет легче, — спокойно ответила я, наконец разливая кипяток по кружкам, принадлежащим Триш с Диланом. От мысли о раненой девушке сердце закололо, мешая мне сосредоточиться на разговоре.

— Какая покладистая, нужно взять на заметку. — Кейтлин так тихо это сказала, что это было больше похоже на мысли вслух, и я пропустила слова мимо ушей. — Я всё вытерплю, но меня мучает один вопрос. В письме Брендон написал «мы оба знаем, по какой причине ты повела себя именно так», имея в виду твоё отстранённое поведение, и «я не верил тебе, когда ты говорила, что вскоре забудешь меня». Что это значит? В каждом черновике сохранялись эти слова.

Я боялась, что именно их она и заметит. Как мне объяснить, что забываю давние события, и что Брендон скоро окажется вычеркнутым из моей жизни? Я стала забывать, как он выглядит, но стоило увидеть его снова, как многие воспоминания вернулись, потому что прошло недостаточно времени для полного стирания. Я при каждой нашей встрече говорила ему, что могу забыть об этом дне, но Брендон не хотел в это верить, что и подтвердил в письме. Как я должна это объяснить?

Чтобы выиграть немного времени, я достала из холодильника шоколадку, открыла упаковку, разломала на плиточки, поставила кружки на стол и размешала в чае сахар. Кейтлин наблюдала за каждым моим движением, готовая в любой момент сорваться и силой потребовать ответ.

— Прежде чем оставить его, я сказала, что больше не появлюсь в его жизни, ведь так будет лучше для нас обоих. Сказала, что забуду его, чтобы ни у кого не возникло желания возобновить отношения, — ответила я с наивностью (на какую только способна) в голосе. Кажется, этот ответ вполне устроил Кейтлин, и она кивнула.

— Ты собираешься отвечать на письмо? — спросила она после нескольких глотков чая. К своему я не притронулась.

— Понравилось быть почтальоном? — Не могу же я отпустить её без дозы юмора.

— Уж лучше я буду свидетелем этого письма, чем буду сидеть дома и ждать, когда оно придёт и изменит отношение мужа ко мне. — Слово «муж» Кейтлин нарочито выделила, как будто я претендую на место в его сердце.

— Если ты намерена рассказывать ему о своём визите сюда, то скажи ему, что у него по-прежнему отвратный вкус в выборе женщин, и, конечно, передавай привет и наилучшие пожелания. Я же сказала, что больше вас не потревожу. Извини, если это задело твои ранимые чувства. Будь настороже, надень на Брендона поводок и обучи командам. — Слова полились с невероятной скоростью, и мне с трудом удалось их остановить. Долго я терпела оскорбления.

Кейтлин явно не ожидала такого ответа, и она не успела ничего ответить (а нашлись бы подходящие слова?), как в коридоре послышался топот. Моя первая мысль: Триш стало хуже, и Дилан бежит сюда, чтобы сообщить об этом. Я вздрогнула. Любое осложнение будет на моей совести.

— Ева! Я уже пару минут жду, когда кто-нибудь выйдет. Дверь была открыта, и я сам... — Кай не закончил предложение, потому что я вскрикнула от увиденного.

Он держит в руках большой чёрный комок шерсти, завёрнутый в тёплое клетчатое одеяло, местами пропитанное кровью. Забыв о Кейтлин и ужасных мыслях, которые посетили меня пару секунд назад, я бросилась к животному, чтобы узнать причину кровотечения. Кай отпрянул от меня и покачал головой.

— Тяжёлый, — сказал он и направился к выходу. — Слышал, ты открыла клинику, идём туда. Пожалуйста.

— Не клинику, а ветеринарный кабинет, — ответила я, едва успевая за Каем. По пути я заглянула в гостиную, чтобы предупредить Дилана. — Если Триш уже лучше, проследи за мегерой, я скоро вернусь.

Дилан выпустил руку девушки и встал с дивана, чтобы пойти на кухню. Мне стало стыдно, что я нарушила их идиллию, но произошёл экстренный случай.

— Куда идти? — спросил Кай, когда мы вышли на улицу. Я махнула рукой на папину лабораторию и побежала вперёд, чтобы открыть дверь.

— Что произошло? — запыхавшись, спросила я и включила свет в кабинете. Первый пациент прибыл. Чёрт. — Не ты ли навредил бедному животному, чтобы увидеть меня?

— Издеваешься? — не без обиды ответил вопросом на вопрос Кай. Да, он вряд ли бы на такое пошёл, чем я только думала. — Мы гуляли с Джонни во дворе, и я заметил, как на дороге дерутся собаки. Увидев моего крепыша, одна убежала, а этот пёс остался. Он и пострадал. Я сразу побежал к тебе.

— Дай его мне! — потребовала я на повышенных тонах. Он слишком много говорит, теряя драгоценное время.

Я подошла к Каю и забрала у него дрожащий свёрток. Я забыла обо всём на свете, когда развернула одеяло и увидела открытую кровоточащую рану на животе у собаки. Пудель оказался меньше, чем я предполагала. Одеяло упало на пол, обнажая моего маленького пациента. Он заскулил, дёргая задними лапами от боли. Стоило мне только положить его на стол и продезинфицировать рану, как рваная кожа стала затягиваться на моих глазах. На глазах Кая. Я забыла об осторожности. Забыла, что должна рассчитывать свою силу. Забыла, что не должна вызывать подозрений...

— Что... Что это было? — спросил Кай. Я почувствовала его приближение.

Не трудно было догадаться, что он имеет в виду голубое свечение, исходящее от моих ладоней, и попыталась спрятать руки в шерсти собаки, которая перестала скулить и уснула. Ничего не вышло, потому что шерсть слишком коротка, а я слишком глупа, раз совершила непростительную оплошность. Если бы Кейтлин не вывела меня из себя, ничего бы подобного не произошло. Недолго длился мой самоконтроль.

Мне страшно оборачиваться и смотреть Каю в глаза. Он, должно быть, видит во мне монстра. Я могу сослаться на «тебе показалось» или «ты сошёл с ума», но кого я обманываю... Ему не показалось, и не ему снесло крышу от переизбытка эмоций.

— Уходи, — сказала я, продолжая поглаживать худое тельце собаки. Хлопанья дверью не последовало. — Проваливай. Немедленно!

Парень оказался сообразительным, третий раз повторять не пришлось. На его месте бы сбежала сразу после увиденного. Убедившись, что в комнате только я и пудель, дала волю накопившимся слезам. Ева Таймерли ещё никогда не была так унижена и застигнута врасплох.

Глава 16. Взрослая жизнь Евы.

Перемены не всегда бывают желанны,
но с течением времени они обычно приносят радость.

Для семьи Стюарт 1997 год выдался переломным. Ева покинула родительский дом после окончания школы и переехала в городское общежитие при университете гуманитарных наук, чтобы выучиться на филолога. Выбор профессии Евы и послужил причиной конфликта между ней и мистером Стюартом. Отец был категорически против бесперспективной специальности и пророчил Еве низкооплачиваемую работу в школе. Его мало волновала тяга дочери к изучению родного языка. На протяжении всей её жизни он представлял, что дочь пойдёт по его стопам, займётся научными исследованиями, составит ему компанию в лаборатории, но не приложил для этого никаких усилий. У Евы за семнадцать лет научной жизни родителей появилось только отвращение к этому роду деятельности. Её пугала нехватка времени, рутина и помешательство на колбах, увеличительных стёклах и белых халатах.

В конце августа близкие люди Евы собрались в доме Стюартов, чтобы проводить её во взрослую жизнь. Тони подарил ей новую клетку для попугая Ричарда, потому что старая начала ржаветь. Ева закрывала глаза на симпатию со стороны подростка, а он продолжал строить планы на совместное будущее. Хоть он и тяготел к физике и математике, после окончания школы собирался поступать в тот же университет, в какой едет учиться Ева, чтобы быть ближе к ней, защищать её и поддерживать. Он, как никто другой, знал, что ей сложно найти общий язык с новыми людьми. Тони прекрасно понимал, что за два года всё может поменяться, но надеялся на визиты Евы домой, где он сможет с ней пообщаться, и на свои визиты к ней. Ждала она его или нет, Тони не знал, но он был её единственным другом в школе. Он с нетерпением ждал, когда у него наконец появится щетина, чтобы выглядеть старше Евы. Может, тогда девушка посмотрит на него по-новому, а пока ему оставалось довольствоваться только дружескими беседами и редкими встречами.

Последний год в школе Ева посвятила вступительным экзаменам, потому что отец напрочь отказался оплачивать учёбу, как бы миссис Стюарт его ни уговаривала. Тони думал, что это временная отстранённость Евы. Она волновалась за дальнейшую судьбу, изо всех сил старалась выучить всё, что может попасться в экзаменационных билетах. Её бабушка видела старания внучки и пообещала помочь деньгами, если понадобится, но Ева попросила её потратить накопления на ремонт кухни, потому что решительно настроилась сдать все экзамены на пятёрки. Ожидания оправдались. Ева самостоятельно поступила на филологический факультет. Бабушка сделала косметический ремонт, а на оставшиеся деньги купила Еве мобильный телефон, который был только у богачей, чтобы внучка всегда была на связи, ведь в общежитии с этим проблемы. Также она предлагала оплачивать съёмную квартиру, но Ева отказалась, в чём бабушка и не сомневалась.

— Розы, год за проживание в общежитии ровняется месяцу в съёмной квартире, —

ответила Ева бабушке, которую с детства называла по имени. Розалин всегда казалась внучке молодой, и у девушки язык не поворачивался назвать её бабушкой.

Розалин — мама миссис Стюарт. Дедушка Евы умер незадолго до её рождения. Розалин всегда говорила, что за смертью следует рождение, и что Ева предстала дедушке в образе ангела на небесах. Еве всегда казалось это странным, но бабушке она об этом не говорила, не хотела обижать, но и утверждать, что не встречалась с дедом, тоже не могла.

Розалин всегда была любимой бабушкой не только потому, что родители папы Евы жили далеко и редко навещали внучку, но и потому, что Розалин была её лучшей подругой. Девочка всегда могла поделиться с ней своими переживаниями и тайнами. Розалин стала первым человеком, узнавшим о даре исцеления, и унесла тайну внучки в могилу. Ева не сомневалась в бабушке, рассказывая о своей особенности. Они обе всегда были уверены друг в друге.

Единственным человеком, у которого было приподнятое настроение во время праздника в честь Евы, была Розалин. Она рассказывала смешные истории гостям, вспоминала, какой хорошенькой малышкой была её внучка и какой прелестной девушкой стала. Еву всегда смущали подобные разговоры, но в этот вечер она радовалась, что благодаря им праздник не был испорчен. Несколько раз Розалин бросала на папу Евы злобные взгляды, когда тот поднимал тему о нищете, в которой будет жить дочь. Он сразу же замолкал и выходил из гостиной. Жена постоянно возвращала его к гостям и просила вести себя интеллигентно, как и полагается учёному.

Мистер Стюарт не мог смириться с выбором дочери до самого окончания института, пока не понял, что материальное положение далеко не самая важная ценность в жизни. В день отъезда Евы он ещё не знал, что через несколько лет он будет молиться, чтобы она не попала в психиатрическую клинику после смерти Стефана, о котором мистер Стюарт тоже ещё не имел ни малейшего понятия.

На следующий день после праздника машина, загруженная вещами Евы, стояла за воротами в ожидании девушки. Настало время прощаться. Провожало Еву четыре человека: родители, бабушка и Тони. Ей было тоскливо покидать родной дом, но мечта звала её, и попугай Ричард отправлялся вместе с хозяйкой в путешествие под названием взрослая жизнь.

— Папа, не сердись на меня, — попросила Ева, стоя вместе с ним на пороге дома. Отец отказался выходить за ворота, сославшись на плохое самочувствие, но Ева прекрасно понимала, что причина заключается в другом. — Тебе всегда нравился мой кулон, возьми его.

— Спасибо, — помешкав, ответил мистер Стюарт и взял из рук дочери тот самый камень, который несколько лет назад он обточил, а затем проделал отверстие для цепочки.

Ева не увидела, как у Тони, стоящего у неё за спиной, округлились глаза, когда она отдала свой талисман. Он удивился её подарку, ведь девушка, не снимая, носила кулон уже четыре года. Было очевидно, что она дарит его отцу в знак крепкой любви, который он принял с безразличным лицом. Мистер Стюарт уже давно знал, что ничего примечательного и интересного в этом камне нет, даже если тебе его дарит на прощание родная дочь.

— Обними её, Остин, — тихо сказала миссис Стюарт. Ева, хоть и не слышала слов матери, заметила её хмурый вид.

— Миранда, почему бы тебе не составить компанию Розалин? — притворно улыбаясь,

предложил мистер Стюарт.

Со стороны это было похоже на невинный разговор любящих людей, как будто недопонимания не оставили трещину в семье. Какими бы ни были разногласия мистера и миссис Стюарт, их всё ещё связывала любовь, и они прислушались друг к другу. Миранда пошла к воротам, позвав Тони с собой и обняв его за плечи. Мальчик стал женщине практически родным сыном за то время, которое он проводил в доме её семьи.

Остин переминался с ноги на ногу, пока его жена и Тони не скрылись за грузовиком с вещами Евы, а потом по-медвежьки обнял дочь. Она знала, что когда-нибудь отец поймёт и примет её выбор. Девушка уткнулась в папин махровый халат, вдохнув запах сигарет и кофе, и не сдержала слёзы, которые никогда не умиляли мистера Стюарта. Он был закалён наукой и экспериментами, где нет места эмоциям и сентиментальности. Иногда Ева удивлялась, как он мог завоевать сердце мамы, потом вспоминала, что это их и сблизило.

— Тебе, кажется, пора, — напомнил Остин и выпустил дочь из объятий. Ева по его лицу поняла, что он хочет ещё что-то сказать, но гордость не позволила.

— Пока, папочка. Я постараюсь приехать на выходных, — ответила Ева и, опустив голову, пошла вслед за мамой и Тони, чувствуя, как тяжёлый груз вины давит на её хрупкие плечи.

Ева всегда стремилась угодить родителям, быть прилежной ученицей и хорошей помощницей, но сегодня она впервые пошла наперекор, и эта мысль постепенно стала придавать ей сил.

***

В обязанности водителя не входит разгрузка вещей, но родители не предусмотрели этот факт, поэтому Еве самой пришлось выгружать свои коробки из грузовика. На неё с интересом смотрели люди, проходящие мимо общежития, но никто не остановился, чтобы помочь хрупкой девушке. Вытащив из машины третью коробку, Ева села на бордюры, чтобы перевести дух. Она ужаснулась, представив, что её придётся тащить вещи на четвёртый этаж, где она будет жить.

К Еве, словно услышав её мысленную мольбу о помощи, подошёл парень. Он направлялся в общежитие налегке. На нём были синие джинсовые шорты и белая футболка, подчёркивающая летний загар. Его танцующая походка и величественный взгляд кричали о лёгкости и самоуверенности, а коротко стриженные тёмные волосы и отсутствие щетины — о несогласии с обществом, ведь большинство парней в девятых годах предпочитали носить причудливые причёски и усы.

— Могу я помочь красивой девушке? — спросил парень, возвышаясь над Евой и заслоня ей обзор на грузовик.

— Если ты не занят ничем другим, — робко ответила она, пожалев, что не обратилась к парню на «Вь», поскольку он показался ей старшекурсником.

Парень молча развернулся к машине и выгрузил оставшиеся коробки, потом сказал водителю, что тот может уезжать. Ева, набравшись храбрости и забыв о неопытности общения с парнями, подошла к незнакомцу. Девушка заметила, что они с ним одинакового роста, но это её не смутило.

— Куда их отнести? — спросил он и показал на коробки, которые расставил в ряд вдоль побеленного бордюра.

Ева подчеркнула для себя, что этот парень слов на ветер не бросает и серьёзно относится к любому делу. На шута, как многие другие сверстники Евы, он не похож. За короткое время знакомства она даже не видела его улыбку.

— Ты правда собираешься это сделать? — спросила она.

Ева не привыкла к любезностям со стороны одноклассников. Один Тони мог предложить ей свою помощь, но его здесь нет, и девушка даже рада, что сможет отдохнуть от его постоянных преследований.

— Разве это сложно? Но сначала назови своё имя, я же должен знать, к кому сегодня пойду на чай, — сказал парень, улыбнувшись одним уголком губ, отчего у Евы приятно кольнуло в груди. Прямолинейность парня не разочаровала её.

— Ева.

— Стефан. Приятно познакомиться, — ответил парень и протянул Еве руку. Она, чуть поколебавшись, пожалала её. — Я, кстати, пошутил насчёт чая. Сейчас отнесу твои вещи.

Ева придержала входную дверь, чтобы Стефан без труда мог с коробкой в руках войти в общежитие. Ева назвала ему номер комнаты, и он попросил ждать на улице и охранять вещи. Она проводила его изучающим взглядом и вытерла вспотевшие ладони носовым платком, который она всегда носит в кармане, затем пальцами расчесала волосы и улыбнулась своему отражению в окне. Стефан вернулся на улицу через пару минут, тихо смеясь, и Ева поймала себя на мысли, что этот парень нравится ей всё больше.

— У тебя нервная соседка, — сказал он, остановившись возле Евы. — Заорала, как бешеная, когда я вошёл в комнату. Тебе нужно было её предупредить, а то, боюсь, она сейчас запрет дверь и никого не впустит.

— Я её даже не знаю...

— А, первокурсницы. Поздравляю с началом первого учебного года!

— Спасибо, — Ева убедилась, что парень старше её, но не знала, на сколько. — А ты на каком курсе?

— На втором. Хорошо сохранился, да?

— Не знаю, — засмеялась Ева. — Неужели разница в один год слишком ощутима?

— Я шучу. Ладно, пойдём знакомиться с истеричкой. Подожди, только занесу остальные вещи внутрь, чтобы у тебя ничего не украли.

— Я забыла Ричарда... — вспомнила Ева, мысленно ругая себя за безрассудство. Стоило только симпатичному парню появиться на горизонте, как она потеряла над собой контроль, а это только первый день её новой жизни.

— Так ты приехала не одна? — Лицо Стефана стало недовольным. Наверняка, он привык быть единственным.

— О, это мой попугай! — сказала Ева, и Стефан снова оживился. — Он остался в клетке на переднем сидении. Я хотела его забрать, после того как вытащу коробки, а ты сделал это сам и отпустил водителя...

— Прости, сейчас мы всё исправим. Твоей новой подруге придётся нас подождать. Я знаю, где находится гараж этих водителей. Будем надеяться, что мужик больше никуда не поедет.

— Что бы я без тебя делала... Спасибо! Это далеко?

— В паре минут езды на автобусе.

Стефан, как и собирался, занёс коробки с вещами в общежитие и попросил комендантшу за ними присмотреть, после чего они с Евой отправились на поиски Ричарда.

Вернулись домой они к вечеру, зато с попугаем и обретенной дружбой, которая быстро переросла в любовные отношения.

Спустя несколько месяцев после знакомства Ева продемонстрировала Стефану свой дар исцеления на очередном бездомном котёнке, который встретился на её пути. Парень не скрыл удивления и даже отвращения и попросил больше никогда не использовать при нём дар. Ева, в силу тёплых чувств к Стефану, выполнила его просьбу. Она понимала, что её способности кажутся парню ненормальными, неправильными и аномальными, но в глубине души верила, что он просто оберегает её от неприятностей, которые могут произойти, если кто-нибудь ещё узнает о даре. Девушка ошибалась. Стефан всегда стремился быть во всём лучшим и не мог даже мысли допустить, что Ева может быть кому-то полезной, кроме него.

Глава 17. С одной планеты.

Сложно радоваться удачам другого человека и сопереживать проблемам. Если ты искренне счастлив за кого-то, будь уверен, он твой настоящий друг!

Возвращаясь в дом спустя пару часов безмолвного монолога с собой, я желала, чтобы Кейтлин покинула не только мою кухню, но и город. В противном случае злость будет вымещена на ней. Бедный пудель уже пострадал от моего плохого настроения. Когда он проснулся, я убедилась, что пёс здоров, накормила его и выпустила на улицу. Он убежал без оглядки, словно почувствовал во мне врага, а ведь я хотела оставить его жить во дворе.

— Ты вернулась, — сказал приятный женский голос, который я не надеялась сегодня услышать.

Я сняла кеды и увидела на пороге Триш. Её здоровое лицо утихомирило мои дурные мысли, и одновременно с этим я поняла, насколько вымоталась. Мне место в маленькой комнате наедине со злостью и даром, который когда-нибудь погубит меня, если уже не погубил... Я с осторожностью взглянула на Триш, пытаюсь прочесть по её выразительным глазам, рассказал ли уже Кай ей и Дилану, что я ведьма, чудовище или что-нибудь ещё в этом духе. Не знаю, какие сказки сейчас читают детям на ночь.

— Уснула в кресле с раненым пуделем, — ответила я. Оправдалась. Как унижительно.

Триш приняла мою ложь, и на её лице я не заметила ни следа отвращения, которое должно было появиться после рассказа о моём даре. Кай пока ничего не сказал, но как долго будет молчать? Это же сенсация. Так и вижу заголовки газет: «Талантливый сценарист обнаружил у экс-актрисы дар исцеления». Вижу себя в исследовательском центре, где на мне будут ставить эксперименты, пока я не потеряю рассудок. Меня будут использовать. В этом варианте будущего виновата только я.

— Есть настроение поболтать? — спросила Триш.

На ней то же платье, что и было днём в момент удара током. Взглянув на него, меня уколола совесть. Я не замечаю никого, кроме себя. Не замечала, пока в моей жизни не появились эти музыканты.

— Если только пару минут, — ответила я и мысленно отругала себя за бестактность. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, уже гораздо лучше. Всё в порядке. — Другого ответа я и не ожидала.

Триш вошла в гостиную с приглушенным светом, и я последовала за ней. Меня ждал включенный телевизор, Дилан с гитарой, спящая Касси, по которой я уже успела соскучиться, и поднос с овсяной кашей, гренками и какой-то жидкостью в термокружке. Еда сейчас как нельзя кстати. На кухне сегодня я бы вряд ли появилась.

— Она ушла? — почти требовательным тоном спросила я. Мне нужно быть мягче, хоть это и противоречит моим принципам. В противном случае я и правда превращусь в монстра.

— Да, — успокоила меня Триш и села рядом с Диланом на диван, а я устроилась в кресле, поджав под себя ноги. — Ты, наверно, проголодалась. Я уже несколько раз подогревала кашу, но, надеюсь, чай ещё не остыл. Хочешь чего-нибудь ещё?

— О, тебе не стоило так волноваться, — сказала я, но Триш махнула рукой, как будто для неё приготовить еду для виновницы её пошатанного здоровья — пустяк. Мне стало стыдно, что я должным образом не позаботилась о девушке, когда она была без сознания. И будет стыдно снова, потому что я давно не ела в компании, но ничего не могу поделать с голодом. — Спасибо. Вы уже поели? Я не могу жевать и говорить в присутствии людей, у которых рот ничем не занят.

Дилан оторвался от игры на гитаре и засмеялся, Триш подхватила его звонкий смех. Не знаю, что их так позабавило, но могу понять, что сегодняшний день выдался тяжёлым, и им нужна разрядка.

— Я принесу себе кофе и чего-нибудь сладенького, — отозвался Дилан.

— Прости меня, — сказала я, не узнав свой голос, сразу как Дилан оставил нас с Триш наедине.

Я посмотрела ей в глаза, ища в них обиду, ненависть или хоть что-то, что заставило бы меня немедленно собрать вещи и покинуть дом. Плевать, что он является моей собственностью. Если на его пороге творятся непростительные вещи, я не имею морального права оставаться здесь. Я долго размышляла о побеге всё это время, проведённое в кабинете, но так и не решилась, не убедившись, что Триш здорова.

— Ты ни в чём не виновата, — попыталась заверить меня Триш, но будь я на её месте, уже бы давно рвала и метала. — Я ничего не почувствовала, правда.

— Если потребуется оплатить визит к врачу, только скажи...

— Перестань, я тебя не узнаю, — сказала Триш и, поймав мой удивлённый взгляд, поспешила объясниться. — То есть я мало тебя знаю, но первый раз вижу такой...

— Какой? — спросила я как можно мягче.

— Подавленной, одинокой и заботливой, — ответила девушка и придвинула ко мне журнальный столик, на котором стоит поднос с нетронутой едой.

— Разве это так заметно? — спросила я, улыбнувшись, наверное, впервые за весь день, не считая инцидента с Кейтлин. Кстати о ней. — Если бы не жена моего друга, всё было бы в норме.

— Так ты не уводила у неё мужа?

Вопрос Триш застал меня врасплох, и я принялась за кашу, в которой мелко нарезаны бананы и яблоки. Девушка улыбнулась, нахмурила брови и посмотрела на меня из-под чёлки, словно следователь. Или мы стали понимать друг друга, или её забавит моё поведение.

— Нет, что ты, конечно, нет! Мы общались несколько лет назад и с тех пор не встречались больше. Тогда у него ещё не было и намёка на жену, — сказала я и мысленно добавила: «Лучше бы этого намёка и не появлялось».

— Эта девушка устроила такую драму, и я подумала, что на это должны быть веские

причины...

— Сколько тебе лет, Триш?

— Двадцать два, — ответила она, не сообразив, какое это имеет отношение к теме разговора.

— Поверь, стоит разменять третий десяток, как ты уже находишься под угрозой развала брака. Ни одна женщина не станет искать вескую причину, чтобы избавиться от соперницы, — сказала я. Глаза Триш расширились. Такое чувство, что она никогда не задумывалась о простых вещах, хотя по её разговору можно сделать вывод, что она неглупая девушка. — Конечно, у тебя в запасе есть несколько лет, чтобы предотвратить подобную ситуацию.

— Дилан не способен на подлость и измену, — с уверенностью в голосе сказала Триш, и вместо ответа я пожала плечами, доедая свою кашу, которая оказалась вкусной.

— Типичные девочки, обсуждающие мальчиков в их отсутствие, — с улыбкой на лице сказал Дилан, только что вошедший в гостиную с бисквитным рулетом, шоколадными конфетами и двумя чашками кофе на подносе. Эти двое совершенно не следят за фигурой и умудряются оставаться в отличной форме.

— Иногда девочкам надоедает находиться сутками напролёт со своими рассудительными мальчиками, — ответила Триш в шутливой форме, и я поняла, что это их обычная манера общения друг с другом. Дилан сел рядом с девушкой и поцеловал в макушку. Между ними явно слово на букву Л.

— Дилан, я хотела и перед тобой извиниться, — сказала я. Он удивлённо вскинул брови, которые затерялись в его чёрных прямых волосах. Триш легонько толкнула его локтем в бок, и он вернул лицу обычное выражение. — Твоей выдержке можно позавидовать. Спасибо, что не продолжил скандал и...

— Не парься, — перебил меня Дилан, за что я ему благодарна, и взял кусок рулета, судя по запаху, с клубничной начинкой. Я не устояла и тоже протянула руку к лакомству. — В тот момент я думал только о самочувствии Триш. Мне нужно было выкрутить Кейтлин руки за то, что она так поступила с ней, но меня охватила такая паника, что я не мог ничего сделать...

— Ты повёл себя правильно и по-мужски, — сказала я. О том, что мерзавка не заслуживает внимания, я вслух не произнесла. — Когда она ушла? Я думала, что успею дать ей пинка под зад.

— Минут через сорок после тебя, — ответила Триш, — дождалась, когда я очнусь.

— Весьма благородно с её стороны, — съязвила я.

— Странная девушка, не спорю, — сказала Триш, — но она подобрела, после того как ты ушла. Успокоилась. Попросила прощения и стала расспрашивать о наших увлечениях. Я такая болтушка, что не смогла не рассказать о нашей с Диланом группе.

— Как она называется? — спросила я, сделав очередной глоток тёплого чая. — Ваша группа,

— «И так далее», — ответила она, и мне не потребовалось объяснений, чтобы понять, что это сокращение их имён, если произнести как «И т. д.». Коротко и со вкусом.

— А зачем она спрашивала? — удивилась я.

Если бы не моё угнетённое состояние, я бы не позволила этой Кейтлин сидеть у меня дома, как ни в чём не бывало, и расспрашивать ребят об их личных делах. Даже я себе такого не позволяю. Беспардонная у Брендона жена.

— Хотела загладить вину, — ответила Триш. Мне нравится в Дилане то, что он немногословен и не влезает в женские разговоры. — Она пригласила нас в студию на съёмки какой-то телевизионной программы, где она работает. Кейтлин ищет интересные сюжеты о мире искусства и рассказывает о них зрителям.

— И вы, конечно, согласились? — спросила я, не решив, какой хочу услышать ответ.

— Пока нет, она оставила нам свой номер телефона, — сказала Триш, почему-то смущаясь. — Если тебе неприятно, мы не будем с ней связываться.

— Глупости! — сказала я, ошарашенная её словами. Как в этой ситуации можно думать о моей симпатии? — Вам это необходимо, как начинающей группе. Если дама предложила это не на эмоциях, а всерьёз, то стоит воспользоваться приглашением. Я не шучу.

— Думаю, она была искренна в своих намерениях, — ответила Триш, перебирая волосы. Она не притронулась к кофе и конфетам. — Спасибо за понимание. Кстати, на прощание она сказала, что вернётся сюда только на твою свадьбу. Мне кажется, она имела в виду Кая в качестве жениха.

Я почувствовала, как лицо заливается краской, и поспешила наклониться к столу за очередным кусочком рулета, чтобы волосы скрыли смущение. Касси, как всегда, спит, когда мне нужно отвлечься, но даже она бы не поверила, что я не нервничаю.

***

Когда я вернулась в свою комнату, мне невыносимо захотелось взять плеер и устроиться на подоконнике, ни о чём не думая, потому что вряд ли я вскоре засну. Я открыла окно, впустив в комнату свежий апрельский воздух и села, вытянув ноги. Касси свернулась у меня на коленях. Мы стали реже проводить время вместе. Когда у меня прибавится работы в ветеринарном кабинете, она точно будет ревновать. Если мне хватит сил вернуться на эту работу после сегодняшнего случая, если мне вообще хватит сил смириться с тем, что Кай видел процесс лечения...

Я включила спокойную музыку, где отчётливо слышен каждый инструмент и нежный голос вокалиста, и стала покачивать головой в такт. Сейчас мне не хочется о чём-либо думать, представлять, что было бы, если бы сегодня не произошла драка между собаками. Хочется просто отдохнуть и посмотреть на окрестности посёлка со стороны. Почти во всех домах ещё горит свет. Я заметила, что здесь мало кто ложится спать до полуночи. Работающие мамы занимаются домашними делами, после того как уложили спать детей, а папы ждут, когда их жёны управятся, чтобы скоротать вместе ночь. Пенсионеры смотрят сериалы по телевизору. Интересно, остались ещё бабушки и дедушки, которые играют в лото, домино, шахматы? Раньше все старики собирались во дворе и сидели за столом до позднего вечера. Игры плавно переходили в обсуждение местных жителей, а потом — в пение старых песен. Какая бы из меня вышла бабушка? Компанейская и понимающая, которую любят внуки, или замкнутая и сварливая, которую местные дети обходят стороной?

Удивительно, что моя память хранит в себе воспоминания о каждом уголке Миража, в котором мне приходилось побывать, но не обо всех людях, с которыми я общалась. Разве Тони заслужил быть неузнанным после того, что ему пришлось пережить? Какой он меня помнит? Что во мне могло заинтересовать его так сильно, что он не обзавёлся семьёй? Вряд ли я готова знать это. Пусть моё прошлое останется под замком, как и будущее, которое сложно представить счастливым. Вспомнив, что я пообещала себе ни о чём не думать,

закрыла глаза и погрузилась в мир нот и рифмы.

Я так давно не обновляла плейлист на своём плеере, что, кажется, он не воспримет всерьёз песни Триш и Дилана, но стоит попытаться. Хочу послушать их записи. Иногда я прохожу мимо гостиной и слышу, как они репетируют. При первой встрече я недооценила вокальные способности Триш. У неё профессионально поставленный голос, который приятно слушать. Не зря Кейтлин позвала их на шоу. Это зацепило моё собственное достоинство, и я не могла уступить ей уважение музыкантов и по совместительству соседей по дому. Я вспомнила, что Триш понравилось моё стихотворение «Где-то». Она хотела купить права на текст, но я сказала себе, что творчество не продаётся. От своих слов я не отказываюсь, но право на подарок ещё никто не отменял. Триш обрадовалась, и они с Диланом при мне стали подбирать мелодию к стихам. Вдохновившись их энтузиазмом, я вспомнила, что у меня есть ещё одно стихотворение, подходящее по тематике их будущего альбома. Я написала его во времена визитов в магазины роботехники.

Однажды я представила себя киборгом, но не таким, как Брендон. Киборгом до мозга костей. Со своим телом, но с искусственным разумом. Сейчас это звучит не так утопично, как раньше. Учёные вполне могли лишить меня скверного характера и хаотичных мыслей, например, путём вживления микрочипа, проживи я ещё пару десятков лет, чтобы использовать мой дар в «благих намерениях». Пока я здраво мыслю и отдаю отчёт своим действиям, подарила стихотворение «Плоть и металл» группе «И так далее», на которую я возлагаю большие надежды. Вечером я переписала текст из своей тетради в блокнот Триш, вспомнив школьные забавы делиться друг с другом стихотворениями и цитатами.

Плоть и металл.

*Я плоть и металл, чужая среди вас.
Механизм внутри, снаружи человек.
Хотела бы я жить, но полумертва,
Хотя существовать могу и целый век.*

*Не плачу и не сплю, вслух не говорю.
Нет, чем я, смелей, ярче и верней.
Внешностью своей любого покорю,
Я могла бы стать мечтою всех парней.*

*Эмоций лишена. Не люблю в ответ.
Вряд ли я смогу программу изменить...
В том, что у меня своих мыслей нет,
Остаётся лишь создателей винить.*

Сначала я думала, что дарю им стихотворение, чтобы загладить свою вину за утренний инцидент с Кейтлин, но когда я услышала свои строки в исполнении Триш под аккомпанемент гитары Дилана, сразу изменила своё мнение. Триш написала припев для песни, состоящий из четырёх строк, но их достаточно, чтобы выразить суть и дополнить мои мысли.

*Зачем мне показали,
Какой я быть могла бы?
Лицо нарисовали,
Святое всё забрали...*

Пусть я буду жалеть, но сегодня я прониклась симпатией к этим ребятам. Во-первых, невозможно устоять перед людьми, которые так серьёзно относятся к своей музыке, отдаются ей без остатка, во-вторых, с ними приятно находиться рядом, а в-третьих, Кассандре они нравятся. Возможно, через много лет я снова приеду в Мираж и познакомлюсь с их детьми, потом с детьми их детей, но уже не в образе Евы Таймерли, а какой-нибудь почитательницы творчества группы «И так далее», пока не разомкнётся бесконечный круг...

Глава 18. Притяжение.

Стоит только позволить лучу света проникнуть
в твоё замёрзшее сердце, как оно разгорится пылким огнём.

Не знаю, как долго я просидела с закрытыми глазами, но за это время я успела послушать альбом группы, которую раньше все презирали, а сейчас считают банальной, ведь длинными крашеными волосами и подведёнными глазами уже никого не удивишь, даже если это стиль парня. Вокалисту уже больше семидесяти лет, как и его брату-близнецу (музыканту группы), но они не перестают меня удивлять своей тягой к музыке и внешним обаянием. Когда они были на пике популярности, мне удалось взять у них автографы. Это было в начале двух тысячных, и я искала себя, разъезжая по концертам с разными неординарными компаниями. Когда читаю об этом в дневнике, чтобы освежить память, не могу поверить, что это была я. Сейчас меня силой не затащит в фан-зону или на танцпол, и я с трудом представляю, как выкрикиваю имя вокалиста, сливаясь с тысячами других возбуждённых голосов...

Когти Касси вонзились в мои джинсы, возвращая меня из мира грёз в реальность. Этот жест может означать только одно: кошку что-то напугало. Или кто-то. Я открыла глаза, выдернув наушники, и увидела перед собой лицо Кая. У меня чуть дар речи не пропал. Я вовремя вспомнила, что сижу на подоконнике, и схватилась руками за его край. Потом опустила ноги на пол, взяла Касси и прижала к груди, как будто она защитит меня от незваного гостя.

— Прости, что напугал, — сказал парень и без разрешения сел на моё место, свесив ноги. Он увидел, что я смотрю на его носки. — Я оставил обувь внизу. Входя в дом, принято разуваться.

Его извиняющаяся улыбка вызвала бы у меня умиление, и я бы посмеялась над его объяснением, если бы он не ворвался в мою комнату и не напугал меня, чёрт возьми! Пульс пришёл в норму только сейчас. Что бы я делала, если бы это оказался грабитель? Я бегло осмотрелась по сторонам в поисках тяжёлого предмета, но ничего не нашла, кроме ноутбука, стула и стеклянного флакончика с духами на столе. Я толком не успела обустроить комнату. А стоит ли? Розовые духи. Кай тоже заметил их и улыбнулся.

— Ты не мог найти другой способ, чтобы поговорить? Или что ещё ты хотел? Убить

меня, пока я сплю, чтобы не мучилась? — спросила я, не сдвинувшись с места. Не позволю этому назойливому молодому человеку спуститься на пол, хотя какое это имеет значение, если он и так в моей комнате.

— Вряд ли бы ты стала меня слушать, если бы я вошёл через дверь, — ответил Кай.

— Может, стоило хотя бы попытаться? — спросила я, повысив голос. Похоже, этот день никогда не кончится. — Как ты вообще оказался во дворе? Я лично закрывала ворота.

— Дилан открыл мне, потому что ты не слышала, как я звонил. Когда я увидел тебя на подоконнике, решил сделать сюрприз.

— Забраться в окно посреди ночи ты называешь сюрпризом? — Мой грубый тон напугал даже Касси, и она спрыгнула на кровать, а я так и не сдвинулась с места. Буду стоять напротив незваного гостя, пока он не уйдёт.

— К особенной девушке должен быть соответствующий подход, — ответил он.

Как бы я ни пыталась отвести взгляд, Кай всё равно находит мои глаза. Почему это так сильно раздражает?

— Хочешь сказать, ты отрастил крылья, чтобы прилететь на второй этаж? Если это не так, можешь проваливать. Ты напугал меня, придурок!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Пляшущие в глазах Кая огоньки выдали, что его рассмешили мои слова. Он сдерживает смех, чтобы не разозлить меня сильнее, а я, чтобы уличить его в этом, включила настольную лампу. С появлением света я разглядела голубую толстовку Кая, которая на вид кажется плюшевой, и чёрные джинсы, рваные на коленях, но кривой ухмылки так и не дождалась.

— Не совсем так, но я подготовился. Взял из дома вакуумные присоски для рук, предназначенные для лазания по бетонным и кирпичным покрытиям. Они остались у меня после ремонта. Хотел надеть латексный костюм, но не смог придумать себе псевдоним и решил обойтись без маскарада.

В этот раз Кай не смог сдержать смех, а я не смогла лишиться себя возможности представить его в образе какого-нибудь супергероя. Он должен нервировать меня, а не смешить!

— И где они? — спросила я.

Если бы я произнесла слово «присоски», меня бы взорвало от смеха, но мне нужно сохранять серьёзный вид. Так легко Каю больше не удастся завоевать моё расположение. Если уже не завоевал...

— Присоски? — он пропел это слово, испытывая моё терпение. — Я забыл их научное название. Рабочие, которые покрывали крышу моего дома, говорили так. Просто эти штуки похожи на вантуз. Они круглые с кольцом в центре, которое удобно надевать на руку. Дилан откровенно заржал, когда увидел их, и посоветовал воспользоваться приставной лестницей, которую вытащил для меня из гаража. Настала моя очередь для стёба, потому что на этой лестнице я попал бы прямоком в больницу с переломом поясницы. Такую я видел только у дедушки: деревянную, без дополнительной опоры и стоп-площадки. Хорошо, что она высокая, длины хватило ровно до второго этажа. Присоски сделали своё дело, и вот я здесь, несу чушь о недостатках древней лестницы, которая чудом не раскрошилась подо мной.

Это папина лестница. Да, точно его. Он никогда не нанимал рабочих, а сам всё ремонтировал. Мне стало любопытно, как раритет выдержал Кая и позволил ему взобраться сюда. Я вплотную подошла к окну, не обращая внимания на манящий запах сладкого парфюма, исходящего от Кая, и взглянула на его изобретение. Кай надел «браслеты»

присосок (даже мысленное произношение этого слова меня раздражает) на два деревянных конца лестницы, а резиновые основы прилепил к стене. Он прав, длины лестницы хватило только до подоконника. Я попробовала пошатать её, но ничего не вышло. За счёт креплений она устойчиво держится. Правда, расстояния между лестницей и стеной едва хватает, чтобы обхватить поручни и поставить ногу на ступеньки.

— Ты можешь это запатентовать, — изучив увиденное, сказала я и отошла от окна, случайно коснувшись напряжённого тела. Моё любопытство чуть не привело меня в объятия Кая.

— Этот приём давно пользуется популярностью. Сходи в строительный магазин и не такое увидишь, — сказал Кай, застигнув меня врасплох. Я думала, лестница и через сто лет останется лестницей.

— Плевать на мир строительных материалов. Что привело тебя сюда?

— Не мог забыть гадкое поведение, — ответил он, и мне невыносимо захотелось вытолкать его (причём через окно) на улицу, чтобы катился куда подальше. — Всё ещё чувствую себя виноватым, что оставил тебя наедине со страхом быть преданной. Придя домой, я подумал, что мне померещилось, что ты не вылечила прикосновением ладони раненую собаку, но Джонни не давал мне покоя и бегал вокруг меня, пока я не вспомнил... В ветеринарной клинике мне сказали, что его лапа будет заживать несколько дней, но спустя пару часов Джонни уже носился по двору за бабочками. Теперь понятно, почему ему потребовалось гораздо меньше времени на реабилитацию. В тот день ты ехала с нами в машине, я не мог забыть те минуты общения с тобой... И сопоставил факты. Всё сошлось. Ты обладаешь даром, о котором никто не смел и мечтать, я уж точно. Поразмыслив немного, я представил, что ты обо мне подумала, и как скверно себя чувствовала. Я пришёл убедиться, что ты в порядке.

В комнате повисла продолжительная тишина. Я не могла подобрать нужные слова, чтобы выразить, как я себя чувствую. Филолог называется. Кай уже собирался уходить, я поняла это по его отчаянному взгляду, и что-то заставило меня продолжить разговор.

— Ты даже не можешь себе представить, каково это — жить в постоянном страхе, что твоя тайна будет раскрыта.

— Представляю. Ещё как. Каждый раз, когда я плачу над фильмами, боюсь, что это увидит кто-нибудь из моих коллег или из прессы. Когда встречаюсь с другом в городе, боюсь, что меня выставят геем. Когда ем в кафе, боюсь, что на очередном снимке я буду выглядеть изголодавшейся свиньёй. Когда вижу тебя, боюсь, что больше мне не представится такого шанса...

— Это не аргумент, — прервала я, иначе монолог Кая продолжался бы бесконечно, а я не уверена, что хочу знать подробности его остальных страхов. — Если что-то из перечисленного случится с тобой, ты сможешь продолжить жить, как и жил до этого, а я жить как прежде не смогу. Если кто-нибудь узнает о том, на что я способна, со мной будет покончено.

— Боюсь, ты права, — согласился Кай. Он надел капюшон и опустил голову. Теперь тень скрывает его лицо. — Общество боится того, чем никогда само не овладеет, чего нельзя купить за деньги или обменять на собственную душу. Раз ты пошла на риск, открыв своё дело, хочу попросить тебя быть осторожней. Я в восторге от твоего дара, но остальные могут воспринять его неправильно. Кто-нибудь ещё знает?

Он не испугался меня, не сделал из полученной информации сенсацию. Он

восхищается. Может, если я на подсознательном уровне не стала скрывать свой дар от посторонних глаз, то эти глаза вовсе не посторонние? Может, я доверяю Каю, как не доверяла Брендону? Может, это и подкупило меня? Когда Брендон узнал о моей способности, он твердил, что я должна пользоваться ею только в крайних случаях и исключительно дома. Кай лишь только просит быть осторожнее.

Он в восторге.

Я польщена.

— Нет, больше никто, — ответила я. Зачем Каю знать о том, что я ещё с кем-то делилась своей тайной? Тем более Брендон не подозревал о моём даре, пока я сама не решила показать ему.

— Спасибо за доверие, — сказал Кай и посмотрел на меня из-под капюшона.

— Это была случайность, не обольщайся, — ответила я, и Кай снова устремил свой взгляд в пол.

Его настроение меняется в зависимости от моих слов. Насколько глубоки его чувства? Теперь я могу расшифровать смысл записи в дневнике о съёмках фильма «Рельсы судьбы». Я упомянула Кая, потому что меня задело трепетное отношение подростка.

Он словно прочёл мои мысли и медленно опустился с подоконника. Я подумала, что он сядет рядом со мной, и в этот момент задержала дыхание, чтобы совладать с собой, но Кай сел напротив. На ковролин. Я испугалась, что сейчас стану свидетельницей мужских слёз, но я снова не предугадала действий Кая.

— Можно тебя кое о чём спросить? — Он любит задавать вопросы. Остаётся только гадать, какой будет на этот раз.

— Прежде подумай, ведь пустые слова только отнимают время, — ответила я, сразу пожалев о том, как холодно прозвучала эта фраза. И почему я сама не думаю, а раздаю советы о том, как лучше и что лучше?

Вместо того чтобы задать вопрос, он встал на колени в двух шагах от меня. Неужели он серьёзно воспринял мои слова? Никто и никогда не принимал передо мной такую позу. Унизительно, когда молодой парень встаёт на колени перед женщиной, которая может над этим только посмеяться. На самом деле Кай не выглядит униженным, потому что я опустилась на колени рядом с ним. Всем своим видом он дал понять, что не ожидал от меня подобных действий. Я сама от себя этого не ожидала, но не могла же я так просто наблюдать за ним свысока.

— Что ты... — начал он, но я, коснувшись своих губ указательным пальцем, попросила его замолчать.

— Никогда больше не делай так, — сказала я. Свет полной луны за спиной Кая позволил мне разглядеть его лицо. Он не похож на слабого человека, это я заметила давно. Он пришёл сюда, не боясь быть отвергнутым. — Ты вынудил меня почувствовать себя властной женщиной, какой я не являюсь, поэтому хочу, чтобы ты почувствовал наше равенство.

Последний раз (впрочем, и единственный), когда мы сидели в темноте, наш невинный разговор закончился поцелуем. Сейчас ситуация более напряжённая, особенно когда я думаю о том, что Касси смотрит мне в спину. Кай тоже чувствует между нами искру. От волнения он спрятал руки в карманы толстовки, а я, вспомнив, что сижу в пижаме, сложила руки на груди, чтобы хоть как-то прикрыть полупрозрачную майку.

— Я знал, что ты не та, кем хотела казаться. Помню, какой холодной и неприступной

ты была на съёмочной площадке...

— Словно Снежная королева? — продолжила я за него.

Кай тихо усмехнулся и едва заметно сократил расстояние между нами.

— Не зря тебя так называли. Если верить сказке, Снежная королева пленила Кая, чтобы тот жил в её дворце...

— Она разлучила его с Гердой, — снова перебила его я.

Мои необдуманные слова отнимают не только время, но и часть собственного достоинства. Так дешёво намекнуть на ревность могла только я.

— Не было никакой Герды, сказки иногда лгут, — ответил Кай, и я заметила, как его колени оказались немного ближе ко мне. Он только что признался, что никого не любил?

— Не боишься, что моё сердце осталось таким же ледяным? — спросила я, не зная куда деть руки. В итоге разомкнула их. Поза со скрещенными на груди руками, которую я приняла пару минут назад, только подтверждала слова о властности.

— Я предполагал, что так будет, но на самом деле всё иначе. Ты сама притворяешься Снежной королевой, пытаешься доказать кому-то, а может, и самой себе, что ты чертовски эгоистична и скупа на эмоции, которые иногда против воли рвутся наружу. Пару раз ты чуть не убила меня своим враждебным взглядом. Научилась этому на сцене?

Последние слова Кай произнёс с улыбкой на лице, отчего у него образовались ямочки на щеках, и я не смогла разозлиться, а ведь хотела.

— Я и правда выгляжу такой ужасной? — спросила я.

Первый раз я задумалась над своим образом, который создавала годами. Все верили, что это моё истинное лицо, и только Кай разглядел меня настоящую, если во мне вообще есть что-то настоящее.

— Ты ужасно прекрасна, — ответил он, и между нами осталось полшага, которые можно сократить за долю секунды.

— Не очень удачный оксюморон, — сказала я.

— Суть же ты поняла, — ответил он, наверняка подумав, что я сейчас встану и прогоню его. Он уже был свидетелем быстрой смены моего настроения. Возможно, он удивляется тому, как мне вообще удаётся продержаться без оскорбительных слов и *враждебных* взглядов.

— Тебе нужна принцесса, а не злая ведьма.

— Ты же королева, забыла? Можно без «снежной». Или ты думаешь, что такой, как я, не достоин королевского внимания?

Он так искренне отзывается обо мне, что в дрожь бросает. Нужно быть полной идиоткой, чтобы не поверить в его слова, чтобы не заметить его обаяние и привлекательность. Бывает, что смотришь на человека и сомневаешься в его красоте, а Кай прекрасен со всех сторон.

Я ничего не ответила, потому что собралась не словом, а делом доказать, чего достоин Кай. Мой завершающий шаг окончательно сблизил нас. Теперь я с новой силой ощутила запах приятного парфюма и шампуня. Сочетание сладости и ментола свело меня с ума. Нет смысла игнорировать неземное притяжение, которое существует между нами. Оно было с самого первого дня моего приезда в Мираж, но мне казалось, если Земля держит Луну на приличном расстоянии, то и я смогу. Я заблуждалась.

Не боясь быть отвергнутой, я сняла с Кая капюшон и сделала то, чего давно хотела. Пропустила его мягкие волосы сквозь пальцы. Потом снова. Кай, перед тем как прийти ко

мне, принял душ, судя по прямым локонам, которые ещё не до конца высохли и не успели завиться. Никогда раньше не думала, что меня так сильно будет волновать мужская причёска...

Кай сначала стоял неподвижно, боясь развеять миг нежности, нахлынувшей на меня. После того как я коснулась его щеки, перебирая шелковистые волосы, он вынул руки из карманов и прижал меня к себе. Мне стало неловко от мысли, что Кай касается моей почти обнажённой талии, и стыдно, что позволила ему сделать это, но оба чувства сразу испарились, когда Кай улыбнулся, и его глаза заблестели. Это не похоже на поведение победителя, завоевавшего награду и тут же опустившего руки. Это похоже на поведение воспитанного парня, который годами шёл к своей мечте, и когда она оказалась в его руках, он делает всё возможное, чтобы её не упустить.

Одной рукой я обняла его шею, а другой стала гладить щёку. Кая вдохновили мои прикосновения, и он снял заколку с моих волос. На секунду я представила, как он наматывает их на кулак и тянет вниз, чтобы причинить мне боль, и уже хотела выбежать из комнаты, но почувствовала с какой нежностью Кай гладит мою спину и успокоилась.

— Это не лучший момент, и ты просила меня хорошо подумать, прежде чем сказать, но я хочу предложить тебе стать моей девушкой. — Кай так неожиданно нарушил тишину, прошептав мне на ухо эти слова, что я испугалась.

Не думала, что современные парни предлагают девушке встречаться, как это было заведено раньше. Думала, максимум на что они способны — написать о симпатии в социальной сети, рассчитывая на взаимность. Я в очередной раз убедилась, что Кай другой, и нужно дать разумный ответ, пока этот парень в образе дерзкого ангела окончательно не вскружил мне голову.

— Я соглашусь на нескольких условиях, — ответила я. Мой голос прозвучал хрипло — никогда не умела говорить шёпотом. — Тебе будет сложно принять их. Это больше похоже на игру по правилам, чем на любовные отношения. По моим правилам. Если ты согласишься по ним играть, то я стану твоей девушкой.

Ещё никогда не слышала столь дипломатичных разговоров о взаимоотношениях парня и девушки. У меня были припасены эти слова на случай, если я вдруг потеряю разум и решу с кем-нибудь сблизиться. Этот случай настал, и, кажется, Кай ничуть не удивлён моему странному ответу. Чем меньше он будет задавать вопросов, тем лучше для нас обоих. Он и так уже знает обо мне слишком много. Может, знание Кая о моей тайне подтолкнуло меня к нему. Может, страх упустить парня, в руках которого, хоть и косвенно, находится моя судьба. А может, желание быть нужной. Хочется верить, что дело именно в его чувствах, которые я не хочу затаптывать в грязь, а ведь когда-то сделать это придётся...

— Я готов к оглашению списка, — сказал Кай, не отдаляясь от меня. Тёплое дыхание на моей шее мешает думать.

— Позже, — не контролируя свой голос, ответила я и обхватила ладонями лицо Кая. Пальцами обвела брови, задержавшись на серебряном колечке, провела по закрытым векам, спустившись к носу идеальной формы, потом к приоткрытым губам.

Любой другой не стал бы терпеть мои детские заигрывания и быстро перешёл бы к делу. Не могу понять, по какой причине Кай позволяет трогать его в тех местах, до которых парням нет никакого дела. Из уважения ко мне? Или ему просто нравится это?

— Твои пальцы волшебны, — прошептал Кай, в который раз прочитав мои мысли. Из-за того, что его глаза закрыты, он обратился к моей макушке. — Как будто луч солнца ласкает

лицо.

Зря он это сказал. Я потянула его к себе за подбородок и поцеловала. Не так осторожно, как он меня первый раз в объёмной комнате. Жадно. Настойчиво. Быстро. Застигла его врасплох. Я подумала, что Кай оттолкнёт меня и скажет, что я чересчур навязчива, и уйдёт. Вместо этого он спрятал свою руку за моей спиной под майкой, а другую — в волосах на затылке. Каким бы порядочным Кай ни был, он остаётся парнем со своими потребностями и желаниями, но я знаю, что он не позволит себе ничего лишнего, пока я сама на это не намекну.

Наш страстный поцелуй продолжался, пока у меня не затекла шея, ведь мы всё ещё стояли на коленях. Кай заметил, что мне некомфортно и сел. Теперь я оказалась выше его. Вместе с ним опустились и его правая рука с моей спины на поясницу. От неожиданного прикосновения у меня вздрогнул живот, и я тоже села, последовав примеру Кая. Всё это время ноги были напряжены. У меня хрустнули колени, тем самым нарушив романтическую атмосферу. Как и следовало ожидать, у Кая это вызвало улыбку, но он не стал шутить по этому поводу, а только погладил мои колени круговыми движениями. Иногда его чрезмерная забота пугает. Как будто я хрустальная, а он может меня разбить...

Между нами возникла молчаливая пауза, и чтобы Кай снова не сделал мне комплимент, я придвинулась к нему. Секунды не прошло, как мы продолжили целоваться. На этот раз не пылко, а изучая друг друга. Наши нежные прикосновения иногда сопровождались едва слышным шёпотом Кая. Он называл меня своим солнцем. Не знаю, как долго мы ещё просидели на полу. Нахождение с Каем сравнимо с повтором любимой песни. Никогда не надоедает.

— Думаю, тебе пора, — сказала я, оторвавшись от поцелуя, иначе это никогда не закончится. Чем больше времени я провожу с Каем, тем сильнее схожу с ума. Ещё не решила, нравится мне это или нет.

— Да, что-то я задержался, — как всегда, выкрутился он, и это заставило меня улыбнуться. Непривычно чувствовать свои губы без присутствия на них его губ.

— Куда ты собрался, человек с присосками? — спросила я, пытаюсь сохранять серьёзный вид, когда Кай поцеловал мою руку, как истинный джентльмен, и направился к двери. — Уходи, как пришёл. Или ты хочешь, чтобы я перестала верить в твои крылья?

— Но Дилан меня всё равно видел, — замешкался Кай, потом решил уступить и сел на подоконник, свесив ноги наружу. И правда, Дилан знает, что Кай здесь, но мне почему-то захотелось сказочного завершения. Игра началась. — Надеюсь, ты не забудешь о своём обещании.

— А ты о своём, — сказала я, пересев на кровать и глядя на Кая. Он кивнул и стал спускаться по лестнице.

Когда я услышала, как Кай спрыгнул на траву, подошла к окну и помахала рукой на прощание. Он послал мне воздушный поцелуй, поставил лестницу к крыльцу и, прежде чем скрыться за воротами, несколько раз обернулся, чтобы подарить свою улыбку.

Я залезла под одеяло, прокручивая в голове каждое мгновение. Я бы подумала, что мне всё это приснилось, но Касси была свидетельницей всего, что происходило в спальне. Она легла возле меня и уткнулась головой в плечо.

— Теперь будешь припоминать мне это, да? — спросила я у неё. Она замурчала в ответ и уснула.

Я пролежала почти до рассвета, уставившись в открытое окно, как будто Кай решит

вернуться обратно и сказать, что жалеет о произошедшем. Может, сегодня я совершила огромную глупость, согласившись на отношения с ним, а может, это то самое решение, которое я давно должна была принять. Я столько лет была одна, что одной ночи хватило, чтобы заполнить эту пустоту. Из-за тревожных мыслей я долго не могла заснуть, и слова Кейтлин о нашей с Каем свадьбе не давали мне покоя.

Глава 19. Всепоглощающая любовь.

Мечтать. Любить. Отрываться от Земли.
Лететь навстречу фантастическим мирам.
Быть вдвоём. Жить каждым мгновением.

За десятки лет ведения дневников у меня накопилось множество памятных записей, и впервые я взяла перерыв. Со дня появления Кая в моей спальне прошло ровно пять месяцев. Мы провели вместе остаток весны, целое лето, и только сегодня, тринадцатого сентября, я решаюсь написать обо всех произошедших событиях. Я не писала о них не потому, что не была уверена, хочу ли в будущем вспомнить эти моменты, а потому, что у меня просто не было времени на формальности. Не было времени у человека, который всю свою жизнь делал всё что угодно, лишь бы это время скоротать!

Сомневаюсь, что для Кая эти пять месяцев прошли мимолётно, как для меня, ведь по сравнению с восемью десятками лет эти несколько месяцев кажутся ничтожными (по количеству дней, а не их содержанию). Кай думает, что между нами всё серьёзно, хотя первое время я держала его на расстоянии и напоминала об игре по моим правилам, на которую он согласился, но потом грань стёрлась, и я уже не знала, где играю, а где испытываю настоящие чувства. Сейчас, проведя самое запоминающееся, активное и насыщенное лето, я стала думать о боли, которую причиняю Каю, держа своё бессмертие в тайне от него. Уверена, он бы принял это как должное, ведь несколько месяцев он, как и обещал, не задавал мне вопросов о моём прошлом, о смене моего настроения и о планах на будущее. Я пресекала все его попытки разговоров на эту тему, потому что он не должен знать о моём прошлом, о постоянной сердечной боли, и о том, что у нас нет совместного будущего. Прежде чем поставить точку, хочу вспомнить все подробности, чтобы через несколько лет в полном одиночестве перечитывать, как сильно я была счастлива...

С появлением Кая в моей жизни я стала намного мягче, хоть и тщательно пыталась скрывать это изменение, чтобы люди не привыкали к моему хорошему отношению, ведь вскоре мне придётся разочаровать их. Тем не менее, я не могла отказать себе в приятном общении и стала больше времени проводить с Триш и Диланом. Я наконец узнала, что полное имя моей соседки — Тринити. Она рассказала, что её мама была без ума от трилогии «Матрица», а Триш не хотела, чтобы её постоянно сравнивали с героиней фильма, поэтому сократила своё имя. Тринити она остаётся только для родителей и Дилана, хотя мне тоже нравится её полное имя. Также я узнала, что ребята в прошлом году окончили университет. Триш получила управленческое образование, а Дилан — юридическое, чтобы быть менеджером и адвокатом своей музыкальной группы. Внешность обманчива, так сразу и не скажешь, что рок-музыканты вообще могут иметь образование и разбираться в чём-то ещё, помимо музыки. Триш и Дилан заслуживают похвалы. Они не возлагают больших надежд на доходы от музыки и в случае утраты к ней интереса (в чём я сомневаюсь) могут устроиться

на работу по специальности, но пока денег им хватает. Почти год они работают над новыми песнями и арендуют мой дом с помощью гонорара за предыдущий альбом под названием «Любовь. Сны. Душа. Мечты», который я уже послушала. Полюбившаяся мне песня «Сильной быть» как раз из него.

Я прониклась творчеством группы «И так далее» и рада, что смогла внести свой вклад, подарив ребятам свои стихотворения «Где-то» и «Плоть и металл». Триш и Дилан вдохнули в строки жизнь, написав музыку и создав подходящую по настроению аранжировку. Песню «Где-то» на репетициях они исполняют дуэтом под акустику и говорят, что студийная запись будет такой же. Не думала, что Дилан умеет петь. У него это неплохо получается, мне нравится его бархатный баритон. Триш владеет игрой на гитаре и немного на барабанах, поэтому им не нужно приглашать других музыкантов, чтобы записать новый альбом «Любовная фантастика». Эти ребята дополняют друг друга. Им на двоих всего сорок шесть лет, но их амбициям и таланту может позавидовать такая старуха, как я.

Кай тоже любит их музыку, поэтому мы часто собирались у меня в гостиной, чтобы послушать песни Дилана и Триш. Я даже была не против того, чтобы иногда приходили их друзья. Это напоминало мне атмосферу начала двадцать первого века. Не думала, что когда-нибудь снова окажусь в подобной компании. Триш ещё не было на свете, когда была актуальна чёрно-розовая палитра и страсть к выражению эмоций, но она читала литературу, отражающую суть тех лет, и написала песню «Помню то время», которую я всегда прошу исполнить. Тексты куплетов, хоть и простые, но берут за душу и переносят в прошлое...

*Ты помнишь, как сидели мы
На крыше вместе под луной
И представляли те миры,
Куда отправимся с тобой?*

*Свой дневник я украшала
В сердечках именем твоим.
Глаза и губы рисовала
Красками, что ты дарил.*

*Ты помнишь, как гуляли мы
И танцевали под дождём?
Как напевали рок-хиты?
Нам было весело вдвоём!*

*Тебе стихи я посвящала,
А ты мелодии дарил.
Сама судьба нам завещала
Вместо двух путей один!*

Медленный припев, исполненный на высоких нотах, тоже не оставит слушателей равнодушными.

Помню то время, как мы мечтали

*Не спать до рассвета, и как плакали сквозь смех.
Ты был моей первой любовью. Тогда мы не знали,
Что эти чувства сохраним навек.*

Мы с Каем находили и другие, не менее полезные занятия. Летом у него был не слишком загруженный для режиссёра график. Он иногда посещал со своим отцом кинофестивали и премии в столице, поэтому ему приходилось отлучаться на пару дней, но я никогда не ездила с ним в Анджелес, как бы он ни уговаривал. Во-первых, не хочу, чтобы Дастин знал о наших отношениях, во-вторых, моё появление на подобных мероприятиях вызовет вопросы у репортёров, в-третьих, не хочу возвращаться в город, из которого сбежала десять лет назад. Кай не мог понять истинной причины моих отказов, но, помня об обещании обходиться без лишних вопросов, он их не задавал. Когда он отсутствовал, я всё своё время проводила в ветеринарном кабинете, который стал пользоваться успехом среди местных жителей. Вместо большой прибыли лечение животных приносит море удовольствия.

Каю нравится наблюдать за проявлением моих способностей, он даже стал в некотором смысле контролёром. В свои выходные дни он приходит ко мне на работу и следит, чтобы я держала себя в руках при виде больного животного и не проявила дар при людях. Его забота держит меня в тонусе. Кай берёт с собой ретривера, и Касси больше не ревнует меня к пациентам, ведь у неё появился большой брат. Эти двое постоянно резвятся во дворе, а я только успеваю фотографировать их. Иногда даже забываю, кто из них пёс, а кто кошка. Касси не заботит разница в размерах, она играет с хвостом Джонни, как с собственным, а он смотрит на неё преданным взглядом и прощает все шалости. Не зря говорят, что питомцы похожи на своих хозяев. Наши с Каем отношения напоминают отношения между Джонни и Касси. Со стороны, наверно, выглядит так, что я играю с Каем, а он прощает мне капризы. С самого начала я и хотела такой формат отношений, но потом поняла, что обманываю саму себя. Я привязалась к Каю с непреодолимой силой, которая погубит нас обоих...

— Ты когда-нибудь лечила котопёсиков? — однажды спросил меня Кай, когда мы наблюдали за общением Джонни и Касси.

— Извращенец, — смеясь ответила я. — Нам нужно ограничить их встречи!

Каждую свободную минуту мы были вместе, и я даже не стала скрывать это от Триш с Диланом, но на улице мы вели себя, как простые знакомые, чтобы не давать соседям лишнего повода для сплетен. Дай Каю волю, и он будет кричать о чувствах ко мне всему миру. Однажды он признался мне в любви (так трогательно и искренне), но я попросила его больше никогда не произносить эти слова. Он не удивился моей просьбе и сдержал обещание. Мне всегда казалось, чем чаще человек слышит признания в любви, тем больше он зависим от другого человека.

Не нужно говорить о чувствах, когда обоим хорошо друг с другом, как было нам. Мы с Каем лежали на полу в моей спальне и слушали музыку, деля наушники и любимые песни. Мы сидели вместе в кресле и читали одну книгу. Ничто так не сближает. Нам открывался целый мир, который можно обсуждать часами. Мы часто спорили о литературных жанрах.

— Все сейчас читают только постнеоклассику! Разве ты исключение? — в один из

вечеров сказала я Каю, после того как в шутку предложила ему прочитать какой-нибудь лёгкий детектив пропиаренного писателя. — Как филолог, я могу утверждать, что современные люди хотят поменьше букв и побольше экшена.

— Я, как и ты, люблю литературу прошлого века или начала нынешнего, и это не мешает нам оставаться современными! — ответил Кай, после чего я перевела тему, лишь бы не касаться современности и моей нелюбви к ней из-за духовной и культурной деградации.

Мы расширяли границы познания в искусстве, сидя в объёмной комнате Кая и рассматривая картины различных стилей и художников, начиная от классицизма и заканчивая современным кибер-артом. Мы черпали знания и эмоции друг от друга, находили точки соприкосновения во всём, что нас окружает. Никогда я не чувствовала себя такой значимой для человека, который мне тоже не безразличен.

— Это фовизм! — настаивал Кай, когда мы обсуждали понравившуюся картину.

— Это вылитый дадаизм, не спорь! Ты младше меня и глупее, — спорила я. Слова о разнице в возрасте вырвались у меня лишь один раз и с той минуты не давали мне покоя.

— Я бы не спорил, если бы не знал наверняка. Почему тебе так сложно признаться в том, что ты не права? Если дадаизм является предшественником твоего любимого сюрреализма, это не значит, что он должен присутствовать на всех картинах.

— Ты прочитал описание этой картины в интернете, болтун?

— Да, я же знал, что сегодня ты выберешь именно её и специально выписал характеристику в блокнот. Просто я немного разбираюсь в этих направлениях, в отличие от Вас, милая леди, но кое в чём Вы правы. Дадаизм и фовизм объединяет отрицание ранее признанных стандартов в искусстве. Двойка вам, Таймерли!

Шутки Кая не давали мне сосредоточиться, и в итоге я сдалась, согласившись с ним. Дома, воспользовавшись интернетом, я убедилась, что картина, как и сказал Кай, относится к фовизму. Этот жанр отличается выразительностью простых форм и интенсивными цветами. Как я могла спутать его с дадаизмом, в основе которого лежит принцип разрушения образности и бессистемность? Это направление чаще всего выражается в коллажах, и оно действительно близко к сюрреализму. Хоть я и старше Кая, он ничуть не глупее.

По ночам, когда небо было ясным, мы забирались на крышу дома Кая и смотрели на звёзды в настоящий телескоп. К своему стыду, раньше я никогда «вживую» не видела этот прибор. Как оказалось, он таит в себе множество интересных возможностей. Сама бы я в жизни не разобралась, как обращаться с телескопом. Кай открывал на планшете электронную карту неба с координатами тех или иных звёзд, галактик или планет, вводил эти данные на дисплее телескопа и быстро находил интересующее нас небесное тело. Раньше это делалось в ручную, буквально пальцем в небо, а сейчас можно посмотреть на что угодно и практически на любой отдалённости от Земли, нужно только знать точное название объекта. Невероятно, насколько техника становится всё совершенней и совершенней.

— Хочешь взглянуть на Гаргантюа? — спросил Кай, после того как мы изучили

галактику Туманность Андромеды и несколько созвездий.

Это был наш третий сеанс, как говорит Кай, «звездосмотра». Из-за его выдуманных словечек постоянно страдают мои уши, но мне нравится.

— Ты знаешь, как это слово пишется? — спросила я.

— Шутить? Я даже не помню, что оно обозначает.

— Похоже на какое-то заклинание. Какое оно имеет отношение к Космосу? — Я никогда не упускала повод, чтобы поспорить с Каем.

Он стал бить себя в грудь и повторять загадочное «гаргантюа», отчего на меня обрушился истерический смех, потом я вспомнила, что соседи, наверное, спят и попыталась смеяться тише.

— Я случайно не вызвал дождь?

— Тебе бубна не хватает. Перестань, я сейчас лопну! Так откуда ты знаешь это слово?

— Понравилось? — спросил Кай, собираясь снова повторить это забавное слово. Я закрыла ему ладонью рот, чтобы больше не слышать шаманский жаргон. Он воспользовался моментом и притянул меня к себе, чтобы жадно поцеловать. Похоже, это заклинание вызывает не дождь, а кое-что другое. — Ты не дала мне договорить, совратительница!

— Что ты сказал, вождь племени сумасшедших? — передразнила я. От моего бывшего строгого тона не осталось и следа, но Кай всегда знал, когда нужно остановиться и словесно, и физически.

— Ладно-ладно, я же шучу. Это слово употреблялось в одном интересном фильме об относительности времени и космических путешествиях, и почему-то оно мне вспомнилось. Поищем?

Мы стали читать в интернете значение слова «гаргантюа» и узнали, что это вымышленное название чёрной дыры массой в сто миллионов раз больше Солнца, природа которой, как и следовало ожидать, не доказана.

Расстроившись, что не сможем увидеть Гаргантюа, мы спустились в дом и включили тот самый научно-фантастический фильм, о котором вспомнил Кай. Более впечатляющего кино на эту тему я ещё не видела.

С Каем я забыла о разделении дня и ночи, потому что каждому времени суток мы находили применение. Свой организм я знаю, он не изнашивается, не считая сердечных недугов, а вот как Каю хватало сил оставаться в тонусе и появляться на мероприятиях, даже не представляю. Я могу в любом виде предстать перед своими животными, а ему нужно привести себя в порядок, ведь за ним наблюдает вся страна, когда он выходит «в свет».

Настоящее ночное небо мы чередовали с искусственным, которое находится в объёмной комнате Кая. Если я когда-нибудь попаду в рай, он не сравнится с тем, что создал для меня парень с фантастической душевной организацией. Вместо того чтобы отблагодарить его и написать романтическое стихотворение, я вдохновилась космической атмосферой и написала стихотворение «Как бы мог выглядеть рай», которое подарила Триш и Дилану для их альбома.

*Представь себе Туманность Андромеды,
Масштабы впечатляют, разве нет?*

*Смотри, как падают кометы,
Пролетая мимо красочных планет.*

*Хоть на миг от Земли ты оторвись,
Расправь крылья и в Космос окунись.
О притяжении забудь, взлетая ввысь,
Закрой глаза и к звёздам прикоснись.*

*Бесконечность может раем нашим стать,
Покорив своими тайнами сердца.
Нам не придётся больше плакать и мечтать,
Мы будем во Вселенной солнечно мерцать!*

Помимо искусства, литературы, музыки, Космоса и животных нашей общей темой было кино. Кай рассказал о своём недавно снятом фильме «За кадром», который основан на реальных событиях и чувствах режиссёра. Он принёс мне фильм на диске, помня, что я люблю старые вещи. Не знаю, где Кай его нашёл, дисков нет в продаже уже лет двадцать. Я с радостью его приняла, хоть и моим главным условием было — никаких подарков. Отказ от диска был бы равносителен плевку в душу, а я и так не балую Кая хорошими поступками.

Мне не понадобилось объяснений, чтобы понять, о ком этот фильм. То, как Кай изобразил меня в своей киноленте, разбудило во мне чувство вины. Актриса, сыгравшая меня, кардинально отличается внешне. Она эффектная блондинка с загорелой кожей и ногами от ушей. Типичная кинозвезда. Скорей всего этот образ был неслучайной задумкой Кая. Он создал его намеренно, чтобы люди не догадались, о ком в действительности идёт речь, ведь зритель и не должен знать, что история основана на реальных событиях. Девушка, изображающая меня на экране, надменна, холодна и эгоистична. Она играет актрису, снимающуюся в дорогом кино (Кай знает, что я снималась только в артхаусном). В неё влюбляется режиссёр, и она, узнав об этом, на несколько лет исчезает из киноиндустрии. Парень терзает себя догадками, почему его возлюбленная бросила карьеру, и ищет девушку по всей стране.

Мне понравилась идея фильма и то, как он снят. Актриса переехала в маленький городок, а режиссёр и не подозревал, что она может там быть, зато он обыскал все места, которые девушка любила. История показана от лица парня, который тоже внешне отличается от настоящего Кая. Сцены его путешествия по стране чередуются с воспоминаниями девушки об этих местах, как будто они чувствовали друг друга на расстоянии. В итоге режиссёр отчаялся, но однажды актриса пришла к нему на кастинг нового фильма, объяснив своё исчезновение поиском себя. Закончилась история диалогом актрисы и режиссёра:

— Я в игре? — спросила она.

— Ты в моей жизни, — ответил он и велел съёмочной команде сделать перерыв.

Кай говорил мне, что по-разному представлял себе нашу с ним встречу, но в фильме решил оставить именно этот вариант, потому что актриса действительно всё это время занималась собой, своим духовным самосовершенствованием, после чего вернулась обновлённой и готовой к отношениям. Так Кай оправдал моё исчезновение. Я была польщена его верой в меня. Прежде чем высказать своё мнение, я пересмотрела фильм

дважды, и мы обсудили его около недели назад.

— Почему ты никогда не говорил мне, какая я гадкая? — спросила я у Кая.

— Потому что ты не гадкая.

— Поведение твоего персонажа говорит об обратном, а эта девушка, как я понимаю, изображала меня.

— Нужно же было подрамматизировать, — ответил он, беря меня за руку, наверное, чтобы я ею не замахнулась. — Я просто хотел показать, что люди чувствуют себя рядом с ней слабыми из-за её энергетики...

— И надменного взгляда! Эта девушка ужасна. — Я впервые увидела себя со стороны, и Кай знает, что моё мнение сложно изменить.

— Неправда.

— Коллеги улыбались ей, а за спиной поливали грязью.

— Так все делают, — сказал Кай, пытаясь прекратить поток моего негодования.

— Этого я и добиваюсь! Ограничиваю общение с людьми, хамлю им, чтобы они не приближались ко мне.

— Я знаю и поэтому боюсь, что то же самое ты сделаешь по отношению ко мне. — Кай впервые признался в этом, и я вздрогнула, ощутив ещё большую связь с киноверсией меня.

— Верь в счастливый конец, — сказала я, вместо того чтобы ещё тогда поставить точку.

Кай всегда был откровенен со мной, а я ни разу не сказала ему, что отчаянно нуждалась в нём все эти годы. Я не знала, что именно он будет рядом, но всегда хотела, чтобы со мной был такой милый, отзывчивый, любящий человек. Эти качества идеальны для меня, не говоря уже о чувстве юмора, привлекательности и обширном кругозоре Кая. Я забываю о сердечной боли, когда он рядом, поэтому не принимаю таблетки. Я не узнаю себя, когда мы вместе. Мне жаль разочаровывать его, но я должна, иначе наша игра в любовь никогда не кончится, и с каждым днём будет всё больше с ним расстаться.

Если бы вчера Кай не поздравил меня с днём рождения, возможно, я бы ещё некоторое время не вспоминала о разнице в возрасте, которая с каждой минутой становится всё больше и больше. Я и представить не могла, что Кай найдёт в интернете мою фальшивую дату рождения — 12 сентября 2030 года. Мне стоило быть более предусмотрительной. Я, конечно, подыграла Каю, чтобы не обидеть и не выглядеть идиоткой, но лучше бы я пожертвовала своей гордыней и во всём призналась, чем испытывала сейчас чувство вины. Получается, Кай думает, что мне исполнилось тридцать два года, то есть разница между нами в семь лет, и он по-прежнему хочет познакомить меня с отцом, который тоже знает о моём возрасте. Кому это понравится?

Кай пришёл вчера утром в мой ветеринарный кабинет, удивившись, что я нахожусь на рабочем месте в свой день рождения. Он надел мою любимую серебристую рубашку с короткими рукавами и чёрные джинсы. Если бы я была слепой, возможно, сказала бы ему, что он ошибся с датой, но одного только взгляда на него хватило, чтобы промолчать. Кай подарил мне корзину разного шоколада, песочные часы и обещание, что он никому не скажет о моём дне рождения. Первый и третий подарки я с удовольствием приняла, а второй... Я не заслуживаю такой драгоценности размером с мою ладонь. Никогда не

разбиралась в ювелирных изделиях, но эта вещь бесподобна. Часы выполнены в винтажном стиле. Две опоры, соединяющие стеклянный сосуд, сделаны в форме ангельских крыльев из белого золота. Сосуд заполнен переливающимся песком, которым можно любоваться бесконечно. Подставки сделаны из розового золота. На верхней (или нижней, смотря как поставить часы) выгравировано моё имя, а на нижней (или верхней) — имя Кая. Мне кажется, это был намёк на равенство между нами, о котором я постоянно твердила.

— Тебя нравится? — спросил Кай, боясь, что я верну ему подарок. — Я вспомнил о твоих татуировках. Ты никогда не говорила об их значении, но подумал, раз тебе нравится смотреть на песочные часы и крылья, пусть они у тебя будут.

— Они чудесны! — ответила я, обняв Кая. У него на теле нет ни одного изображения, и мне стыдно, когда он говорит о моих. — Спасибо! Тебе не стоило тратиться, ты же знаешь, я не люблю подарки.

— Не говори ерунду, это принесло мне огромное удовольствие. Я сам придумал дизайн. Сначала хотел сделать часы маленькими, чтобы ты смогла повесить их на цепочку, но не был уверен, что ты станешь носить подвеску, а так они смогут стоять на твоём столе и напоминать обо мне.

— Как здорово, у тебя изысканный вкус! — сказала я, сообразив, что Кай обратился к Оливеру за помощью в создании подарка. По крайней мере в округе больше нет ни одного владельца ювелирной сети.

Весь день и вечер «моего рождения» мы провели вместе. Я приготовила вкусный ужин, пока Тринити и Дилана не было дома, чтобы они не заподозрили праздничную атмосферу. Мне бы не хотелось обманывать ещё и их. Мы отнесли еду в мою комнату, зажгли свечи, включили приятную музыку и говорили обо всём, кроме моего возраста. Кай ушёл после полуночи, довольный проведением нашего романтического вечера, а я полночи не могла уснуть, то и дело переворачивая часы с одного дна на другое, думая о том, что вряд ли когда-нибудь смогу ответить на чувства Кая взаимностью, на заботу — заботой. Вряд ли я смогу устроить для него запоминающийся день рождения, потому что Кай уже отпраздновал его третьего апреля. За два дня до годовщины смерти Стефана, за три дня до моего возвращения в Мираж...

Сейчас я собираюсь написать обо всех событиях в дневник, чтобы каждый раз я перечитывала и представляла, какой могла бы быть моя жизнь, но никогда не станет.

Глава 20. Бездна.

Люблю ненавидеть и ненавижу любить.

Как я и ожидала, ночь выдалась тревожной. Мне снова стали сниться какие-то картинки, обрывки воспоминаний из детства и ухмыляющееся лицо Стефана. Я уже ничему не удивляюсь, но впервые за столько лет увидеть Стефана оказалось для меня испытанием. Вчера, заполнив личный дневник, я пошла на кладбище, чтобы загладить вину. Раньше я регулярно ходила на могилу Стефана, разговаривала с ним, делилась своими переживаниями, но когда уехала из Миража, это стало невозможным. Где бы я ни находилась, Стефан всегда оставался в моём сердце.

Впервые я молчала, придя на могилу. Чувствую, что предаю Стефана, общаясь с Каем, но я больше не могу обманывать себя. Стефана уже нет в живых больше полувека, и моя вера в его воскрешение давно угасла. Я принесла ему цветы и прикрепила на памятник бабочку, которая осталась от его костюма после аварии. Пришло время вернуть её хозяину, как бы тяжело мне это ни далось. Уходя, я сказала «прости», а мысленно добавила «И прощай», потому что не знаю, когда теперь смогу сюда вернуться, и есть ли в этом смысл. Придётся объясняться с Оливером, если он увидит меня на могиле Стефана, ведь он его племянник. Каким бы придурком этот ювелирный магнат ни был, он не даёт порости травой месту, где захоронен его дядька, которого он даже не видел.

Навестив Стефана, я отправилась на поиски родительских могил. За годы моего отсутствия кладбище изменилось до неузнаваемости. Оно настолько расширило свои границы, что становится страшно. Страшно не за себя, а за людей, которые постоянно пополняют ряды усопших. Мне всегда было жутко здесь находиться, и я бы хотела, чтобы Кай пошёл со мной, но это сопровождалось бы очередной ложью. Я не смогла бы ему сказать, что иду к родителям, ведь его бы смутили даты на памятниках, и пришлось бы лгать, что это мои прабабушка и прадедушка. Мой дискомфорт не стоит того, чтобы снова обманывать Кая.

Я пошла к родителям одна и рассказала им всю правду, начиная с загадки дара исцеления и затянувшейся молодости, заканчивая отношениями с Каем и прощанием со Стефаном. Я говорила об этом так долго и так тихо, сидя между маминым и папиным надгробиями, что, кажется, даже птицам, сидящим на ветках дерева, наскучила моя речь, и они улетели прочь, оставив меня одну. После смерти мамы я посадила здесь китайскую розу, которую она обожала. У нас во дворе росло много разных цветов, но розовое дерево было маминым любимым. Из его веточки на кладбище выросло молодое деревце, которое цветёт несколько раз в году и радует мамину душу. Папе вчера я принесла коробку со стеклянными колбами, которые нашла в его лаборатории. Закопала их под деревом. Давно нужно было это сделать.

Выплакавшись и вывернув свою душу наизнанку, я получила освобождение, за которым пришла. Не знаю, как бы восприняли родители мой выбор, но я его уже сделала и менять не намерена. Попрощавшись со Стефаном, я поняла, что в таком же плену, как держал меня он, я держу Кая. Несправедливо после своего ухода завещать человеку муки и страдания и обрекать на одиночество. Я желаю Каю другой судьбы, и чем раньше я уйду, тем лучше, но прежде мне нужно попрощаться ещё с одним человеком.

Я привела себя в порядок после вчерашних терзаний и морально подготовилась к сегодняшнему дню, насколько это было возможно. Триш и Дилан сегодня дома, но мне удалось уйти незамеченной, или они просто позволили это сделать. Когда ребята вчера увидели мои заплаканные глаза, я ясно дала понять, что не собираюсь обсуждать причину слёз и ушла в свою комнату, как всегда это делала. До отношений с Каем. Вернулась прежняя Ева, только не злая и холодная, а пустая и подавленная. Возможно, это даже новая версия меня.

Я сразу взбодрилась, как только вышла на улицу. Не люблю осень, но, к счастью, лето ещё предьявляет свои права. Я слышала, как ночью лил дождь, отбивая ненавязчивый ритм по крышам домов и выступая для меня в роли колыбельной. Сейчас только радуга и мелкие лужицы напоминают о ночном представлении. Я недолго стою на крыльце, подставляя лицо

солнцу, закрыв глаза и представляя, что мне снова семнадцать, и моя жизнь только начинается. Вспоминаю ухмыляющееся лицо Стефана, понимаю, что игры кончились, выхожу со двора и иду по дороге, которая десятки лет назад была истоптана моими следами и следами Тони.

Солнце продолжает меня радовать, и я сбавляю шаг, чтобы насладиться теплом. Имеет ли право нежиться в его лучах существо, понапрасну отнимающее чужое время и не ставящее ни во что своё? Я вернулась к истокам реки, снова зову себя ошибкой природы. Если я всё ещё жива, возможно, у меня есть шанс стать лучше, уйти в тень. Я опускаю голову и, не глядя по сторонам, иду к Тони с пакетом в руках. Триш сказала, что её дядя в последнее время неважно себя чувствует и не выходит даже в магазин, поэтому я купила еду, которую он любит: творог, бананы, гречневую кашу и мармеладные конфеты. Ужаснее меня друзей на свете нет. Всё детство провести с Тони и не помнить, что он любит, это всё равно что не знать. Я даже не потрудилась записать о друге несколько строк в дневнике. У меня на уме был только Стефан.

Через несколько минут я уже была возле дома Тони и первым делом в глаза мне бросились ухоженный сад и две канарейки в клетке, подвешенной на ветке яблони. Когда лимонно-жёлтые птички защибетали, на меня нахлынула тоска по Ричарду. У меня в мыслях мелькнули не простые фотографии попугая, которые я часто просматриваю, а живые воспоминания, как будто отснятые на старую киноплёнку, туманные и прерывистые.

— Хочешь, подарю одну? Ты понравилась этим малюткам, — раздался мужской голос за моей спиной.

— Вы меня напугали, — ответила я, обернувшись и увидев Тони. Триш не сказала мне, что он больше не пользуется тростью. Он сидит в инвалидном кресле.

— А кого ты ещё ожидала увидеть в моём дворе? — спросил Тони.

Ему приходится щуриться из-за яркого солнца, чтобы смотреть на меня, но это не мешает ему улыбаться. Он заметно состарился за полгода, которые я его не видела, совсем исхудал, но даже за глубокими морщинами можно разглядеть доброе ребяческое лицо, а в угольно-чёрных глазах — озорство.

— Я собиралась позвонить в дверь, но отвлеклась на птичек. Не ожидала, что Вы сами выйдете.

— Этот космолёт может отправить меня даже на Луну, — сказал Тони, указывая на своё кресло, сделанное по новейшим технологиям и позволяющее больному не только передвигаться самостоятельно, но ещё и обладающее массажными функциями и трансформирующееся для лежачей позы. Читала об этом, когда интересовалась био-глазами Брендона. — Я не собираюсь сидеть дома, когда вокруг столько прекрасного. Или ты уже поставила на старике крест?

— Нет, что Вы, — ответила я, наверное, густо покраснев. Вдруг стало стыдно, что я забыла о Тони. Он больше не искал встречи со мной. Между нами снова встал другой мужчина. Я должна была навестить Тони раньше. Я не знала, что он сам не может прийти ко мне. Продолжаю искать своему равнодушию оправдание. — Я принесла Вам вкусности. Триш передала, что придёт к Вам завтра.

— Наверно, она ещё сказала, что старый хрыч сидит в четырёх стенах и не может даже выйти в магазин? — спросил Тони и оказался прав. Он полностью цитировал слова племянницы, она только не употребила это грубое слово «хрыч» и произнесла фразу с заботой в голосе, а не с упрёком. — Можешь не отвечать, я всё вижу по твоим глазам.

Посидим здесь или пойдём в дом?

— Нужно убрать некоторые продукты в холодильник, — ответила я, и Тони ловко развернул кресло в сторону дома. — Возьмём с собой канареек? Они могут замёрзнуть.

— Возьмём. Твоя бабушка всегда выносила попугая в клетке во двор, чтобы он мог почувствовать себя наполовину свободным, и я беру с неё пример, — сказал Тони, не оборачиваясь в мою сторону, а я не стала его догонять, чтобы не видеть грустное лицо.

Он никогда не забудет её. Меня. Много раз приходилось говорить о себе в третьем лице, но Тони не заслужил этой лжи, хоть я и не помню нашей дружбы.

Тони показал мне кухню, хотя я на подсознательном уровне знала, где её искать. Пока я разбирала пакет с покупками, который принесла, надеялась увидеть здесь что-то знакомое, ведь в детстве мне, наверное, часто приходилось бывать в гостях у Тони. Воспоминания на меня не нахлынули, скорее всего потому, что дизайн и интерьер дома неоднократно менялись. Тони идёт в ногу со временем. Кухня оснащена современной бытовой техникой и заставлена новой мебелью, как, наверное, и остальные комнаты. Во мне снова заиграла совесть. Чем ещё было заниматься одинокому человеку, как Тони, если не ремонтом?

— Моя мама часто делала нам свой фирменный омлет, — вспомнил Тони, когда я убрала продукты в холодильник и села за круглый стол напротив старого друга.

— Здорово, — ответила я, не зная, что ещё сказать.

— Я говорю о нас Евой, — сказал он. Со сложенными руками на коленях Тони выглядит беспомощным, но его взгляд говорит об обратном. Он уверенный и настороженный.

— Я поняла. — На самом деле я ничего не поняла.

— Ты ведь пришла с какой-то целью, я прав? — с надеждой в голосе спросил Тони.

— Хотела Вас проведать. — Я практически не соврала.

— Почему не пришла раньше? Я мог бы уже сто раз умереть.

— Не говорите так! — Мне стало не по себе.

— Я стар, Ева. Мой век подходит к концу, а твой только начинается, — сказал он без должной печали в голосе.

Что-то в словах Тони заставило меня содрогнуться. Он не плачет, как при нашей первой встрече в доме Оливера, но я чувствую, что его душа обливается кровью из-за меня.

— Чем Вы занимались в молодости? — спросила я, чтобы сменить тему. Этот вопрос давно следовало задать.

— Окончил тот же университет, что и Ева, потом остался там преподавать студентам литературу, — ответил Тони. Его взгляд устремлён на меня, но мыслями он находится не здесь. Вспоминает прошлое. Наверное, когда находишься между небом и Землёй, остаётся только вспоминать свою прожитую жизнь, представлять, какой она могла бы стать, но уже никогда не станет, анализировать и подводить итоги. — Я работал в сфере образования много лет. Студенты были моими детьми. Я перестал преподавать три года назад, когда понял, что больше не смогу в полной мере передавать свои знания. Да и молодёжь не горит желанием иметь дело со стариками.

— Почему Вы не создали семью? — Лучше бы я спросила что-нибудь о прозе или поэзии!

— Ждал Еву. — Другого ответа я от Тони и не ожидала услышать. Что-то есть между нами общее. — Мне нравилось быть ей верным, любить её одну. После окончания

университета я отчаялся, потому что мы совсем перестали видеться из-за смерти её Стефана, и у меня были мимолётные увлечения. Ни одна женщина не затмила её. Я всегда мечтал о детях, но так и не испытал радости отцовства. Богу виднее.

Что он только что сказал? Он был верным Еве, то есть мне, лелеял годами свою любовь, строил из себя жертву и в итоге остался один. Мы определённо похожи. То же самое делала и я, пока не поняла, что самобичевание ни к чему хорошему не приведёт. Есть только одно отличие в наших чувствах: объект вожделения Тони был жив, а мой — мёртв. Если учитывать то, что доступ к его возлюбленной был закрыт, то отличий между нашими чувствами и вовсе нет.

— Глупо кого-то винить, Бог здесь не при чём. Можно было воспитать чужого ребёнка, — сказала я, о чём сразу пожалела.

Когда я произнесла эти слова, глаза Тони перестали выглядеть стеклянными. Он вернулся в реальность и почему-то тихо рассмеялся. Мне не стоило заводиться, но тема детей ранит до глубины души. Как я могу осуждать кого-то, когда сама не взяла на себя ответственность взять малыша из приюта?!

— Ты ещё мало знаешь о жизни. Ни одна моя любовница не забеременела, а это уже о чём-то говорит. Может, я плохо старался, потому что в моих мыслях всегда была Ева. Женщины из вашего рода умеют разбивать мужские сердца.

Я сделала вид, что на меня напал приступ кашля. Хоть и Тони мой ровесник, я не намерена затрагивать интимные темы.

— Возвращаясь к Стефану... — Я постаралась с максимальным равнодушием произнести имя бывшего парня. — Если он Вам не нравился, не смущает ли Вас общение с его племянником?

— Оливер даже не был с ним знаком, — ответил Тони, не удивившись, что я этим интересуюсь, как будто ждал этот вопрос. — Нельзя судить людей по их родственникам. Вспомни мои слова, если засомневаешься, стоит ли общаться с Тринити.

— У меня нет причин, чтобы о ней или о Вас думать плохо.

Когда употребляю слово «плохо», сразу вспоминаю Кая. Он был прав. Я действительно ограничено мыслю. Хорошо и плохо. Старый и молодой. Любит и не любит.

— Ты бы изменила мнение обо мне, если бы я назвал тебе эти причины... — Тони собирался что-то ещё сказать. Я видела, как он борется с собой, но не стала на него давить, подумав, что ничего важного он не скажет. Не вижу смысла ворошить прошлое, даже если и на самом деле у меня были основания, чтобы забыть о Тони.

Не зная, чем заполнить нависшее над нами неловкое молчание, я задала вопрос, который мучил меня на протяжении нескольких месяцев.

— У Вас был котёнок по имени Снежок?

— Откуда ты знаешь о нём? — Тони мой вопрос абсурдным не показался, он даже обрадовался, услышав знакомое имя.

— При... — Чуть не вырвалось, что мне это приснилось. Значит, сон, который мне снился несколько раз, правдив и подтверждает наше с Тони давнее общение. Осталось только выкрутиться из сложившейся ситуации и довериться своим обрывочным воспоминаниям, что я действительно принесла Снежка в дом Тони. — При каких-то обстоятельствах бабушка мне рассказала, что однажды попросила Вас приютить котёнка.

— Надо же, она помнила об этом! — Радостное выражение лица Тони говорит о том, что, если бы неинвалидная коляска, он пустился бы в пляс от того, что его возлюбленная

вспоминала о нём. Ложь делает его счастливым. Ева, которую он помнит, никогда и никому не говорила о нём, даже в своих дневниках.

— Он долго прожил у Вас? — спросила я. Всё-таки сон был воспоминанием.

— Около восьми лет. Он умер не от старости, его потрепала собака. Я не смог уберечь даже кота. Я скоро умру, так же, как и он, только меня потрепала жизнь. — Тони сказал о своей смерти таким обыденным тоном, как будто её приближение ничуть его не пугает.

— Пожалуйста, не говорите так... — попросила я. Забытый друг улыбнулся и развёл руками, мол, все мы будет там.

— Снежок захоронен у меня во дворе под деревом, на котором висела клетка с конорейками.

— А Ева часто навещала его, когда окончила школу и уехала учиться в город? — Я отвлеклась на клетку с птицами, оставленную в тёмном коридоре, и совершила недопустимую ошибку в своей речи. Надеюсь, Тони пропустит моё имя мимо ушей. Шанс на миллион.

— Только первый год, да и то редко. После смерти Стефана дела стал обстоять ещё хуже. Ева, хоть и вернулась в родительский дом, её перестал интересовать даже любимый кот. Вскоре Снежок умер. Я сообщил ей об этом, думал, общая потеря нас сплотит, но она скорбела по парню, и я больше никогда не видел её улыбающейся. Кстати, почему ты называешь бабушку по имени?

— Так у нас было заведено, — протараторила я заранее подготовленный ответ.

Отчасти я не солгала. Я звала свою бабушку Розалин по имени. Всё-таки Тони обратил на это внимание. Он цепляется за каждое слово, когда речь заходит о Еве. Мне его жаль, как не было жаль ни одного человека за последние годы. После смерти Стефана я замкнулась в себе и даже представить не могла, с какой силой Тони желал мне добра. Мне не было ни до кого дела. Я пряталась ото всех, даже от единственного друга, который сейчас сидит передо мной. Пряталась от друга, которого вскоре потеряю.

— Мне жаль, что Вы потеряли связь с ней, — сказала я с искренностью, на которую была способна. Я и сама поверила в это, только глупая улыбка в конце фразы всё испортила.

— Зато я снова её обрёл, и ради этого стоило жить, — сказал Тони и неожиданно подъехал ко мне на кресле, чтобы взять меня за руку. Я не успела поверить в реальность происходящего, как Тони поднёс мою ладонь к сухим губам и небрежно поцеловал, после чего вернулся на своё прежнее место, оставив после себя приятный запах одеколona и чувство смятения. — Ева любила животных, а ты их лечишь. Ева разбила мне сердце в начале пути, а ты собрала его в конце. Если бы ты надела её одежду и выкрасила волосы в другой цвет, ты была бы моей Евой. Если бы у меня не было старых фотографий, которые я могу сравнить с тобой, то я бы подумал, что запечатовал и выдаю тебя за мою Еву, но у меня есть доказательства. Ты не изменилась, теперь мне всё ясно.

— Мне не здоровится, извините, я пойду. — Я стала чаще говорить правду. У меня сильно закололо в груди.

Что, если Тони не бредит? Он вроде не похож на умалишенного. К сожалению. Осознав всю суть происходящего, я вскочила со стула и направилась к выходу.

— Это я виноват в твоих вечных страданиях... — сказал мне Тони тише, чем говорил обычно. Он поехал за мной на своём кресле и быстро догнал.

— Простите, мне нужно на свежий воздух. Может, Вам стоит принять лекарство? Кажется, Вы не в себе. — Я сказала это так мягко, как только могла, чтобы не обидеть Тони

и не спровоцировать у него сердечный приступ. Я не вынесу очередного чувства вины.

— Я всегда любил тебя! — признался Тони, не обращая внимания на мои слова.

— Вы меня не за ту принимаете. Простите, что разбудила Ваши воспоминания. Берегите себя, Тони, — сказала я, последний раз глядя на старого друга, собрала свою волю в кулак и вышла из дома, страдальческую ауру которого я больше не смогу терпеть.

— Не уходи, — выкрикнул Тони, спеша за мной по зелёной траве.

Я не обернулась, но на пару секунд остановилась, не в силах бросить человека, который хватается за меня, как утопающий за соломинку. Тони коснулся рукава моей джинсовой куртки, снова и снова повторяя «не уходи», и дал волю слезам. Никогда в жизни не слышала, как плачет взрослый мужчина. Это самый ужасный звук, сравнимый со скрипом заржавевшей двери и плачем ребёнка. Невыносимое сочетание. Он на грани нервного срыва. Испугавшись, что Тони встанет с кресла и причинит мне физическую боль, я отёрнула руку, тем самым причинив душевную боль ему. Я не спасательный круг. Злость иногда полезнее, чем жалость.

Я подошла к воротам, оставив Тони далеко позади. Обернулась, чтобы убедиться, что он снова не поедет за мной, и увидела, как он опустил голову на колени и накрыл её руками, пропуская сквозь пальцы аккуратно подстриженные белоснежные волосы. Я закрыла за собой калитку, но бегство не спасёт меня от отвратительных воспоминаний. Картина плачущего старика в инвалидном кресле будет постоянно вспыхивать в памяти. Из-за меня. Имя Тони обозначает «неоценимый». Нужно в словарь имён внести поправку: неоценимый Евой Таймерли.

Боль в сердце, которая не беспокоила меня уже несколько дней, неожиданно проснулась, и я, схватившись за грудь, опустилась на бетонный пол, приняв такую же позу, как и Тони за воротами, разделяющими нас. Хорошо, что я закрыла за собой калитку. Она не оснащена автоматикой, поэтому Тони придётся открыть её вручную. В таком состоянии он вряд ли соберётся искать меня. Если что, я успею убежать. Меня охватила такая паника, что я надеюсь, Тони останется дома.

Чёрт. Я сразу не поняла смысл его слов. Он понял, что я — это я. Как? Чем я выдала себя? Он сказал, что сравнивал фотографии со мной. Хочется кричать матом во всю плотку. Разве могла я ожидать от старичка такой внимательности? Мне удавалось водить вокруг пальца людей с более высоким интеллектом, но дело совсем не в этом. Тони не лгал, когда говорил, что любил меня, не смотря на любовниц и прочие соблазны. Он знает меня от и до. Все мои привычки, черты лица, манеру общаться. Меня это пугает. Это не он беспомощен, а я. Ничего не могу поделать с его зависимостью. По-другому никак не назовёшь, если только — старческое помешательство. Я недооценила его. Он всё знает. Он видит меня насквозь. Я на протяжении всей своей жизни боялась общения с незнакомыми людьми, а стоило бояться одного единственного разговора с Тони, который подчистую меня выдал. Это не бред без пяти минут потерявшего рассудок старика. Это осмысленный вывод. Это его последняя встреча с первой любовью.

Я закрыла глаза, утопая в слезах, которыми меня заразил Тони, и мысленно казнила себя за решение снова вернуться в родительский дом. Это было ошибкой, нелепым заблуждением, что я смогу обрести здесь себя. Все карты раскрыты, но неизвестно, кто в этой игре жертва: я или двое брошенных мужчин, которые унесут мою тайну бессмертия в могилу? Кай и Тони не знали, во что ввязались, а я позволила им это сделать, одному — в детстве, а другому — сейчас.

— Она пьяна? — Я расслышала эти слова даже за шумом своего сердцебиения.

Хотела бы я посмотреть женщине, которая это произнесла, в глаза. Чувствую, как она стоит надо мной, разглядывает, думает, почему я сижу на полу, как будто ей больше нечего будет вечером обсудить с мужем (если он у неё есть) за ужином.

— Может, наркоманка? — предположила другая женщина, после чего послышались удаляющиеся шаги.

Мне захотелось рассмеяться этим леди в лицо, но из-за нарастающей боли в груди мне и дышать удаётся с трудом. Разве не омерзительны их мнения? Разве этого недостаточно, чтобы считать людей ничтожным стадом?

Подняв голову с колен, я увидела кота, трущегося о мои руки. Из-за плотных рукавов я не почувствовала его прикосновения. Кот явно бездомный и раненый. Под левым глазом блестит кровавое пятно, от которого меня затошнило, но животному нужна моя помощь, и я попыталась успокоиться. Я прижала к себе кота, скривившись от вида его разодранной мордашки и, осмотревшись по сторонам, начала годами отработанный процесс лечения. Рана быстро затянулась под моей ладонью, излучающей свет. Через пару часов боевое ранение зарастёт шерстью, и кот будет как новенький. Он благодарно потёрся о мою руку, и я, поддавшись нежностям, стала гладить кота. Рассказывала ли я Тони о своём даре? Я даже не знаю, насколько ему доверяла и насколько мы были близки.

— Давай, беги, — сказала я, удивившись своему серьёзному тону, который уже давно не слышала из своих уст, и оттолкнула от себя кота.

Он несколько раз пытался возразить и вернуться ко мне, но я поднялась с пола и оставила удивлённого кота одного. Злость полезнее, чем жалость! Он не пошёл за мной, остался вылизывать щёку, вдруг ставшую здоровой.

Я подняла голову, как утром, в надежде, что солнце снова меня взбодрит, но погода переменилась. На небе больше нет радуги, оно затянулось мрачными тучами. Сентябрь не терпит радости и тепла. Он навевает депрессию и серые дождливые будни. В нём сгорают последние надежды и лживые слова. Тони погрязнет в болоте отчаяния и воспоминаний. Я не спасательный круг.

Глава 21. Первые отношения Евы.

Только отчаянный мечтатель в кружке с чаем может увидеть целую галактику.

После долгих уговоров Стефан согласился в качестве подарка на предстоящую годовщину отношений подарить Еве знакомство с её родителями. Сам он рос с матерью, и для него полная семья является диковинкой, которую он не хотел познавать. Отцы не вызывали у него недоверие, особенно отцы его девушек. Они постоянно носятся со своими дочурками, запрещают им гулять допоздна и ходить по клубам. Стефан старался избегать знакомства с родителями своих пассий, потому что его отношения не были долговременными, а врать людям в глаза, что бесконечно влюблён и готов жениться, он не хотел, ведь именно эти слова положено говорить на подобных мероприятиях. Стефан решил сделать исключение из правил ради Евы, девушки, в которую он влюбился, но не желал это чувство признавать и принимать. Первое время он даже пытался избавиться от гнетущей влюблённости, поскольку боялся потерять горячо любимую свободу. Скромная

первокурсница вошла в его сердце так же быстро, как он пьянеет после пол-литра пива.

После окончания первого курса Ева собрала вещи и вместе со Стефаном поехала домой, где их ждали её родители. Девушка часто рассказывала матери о своём парне по телефону. Миссис Стюарт предупреждала дочь, что первые отношения обычно заканчиваются плачевно, что Ева будет страдать, и девушка воспринимала эти слова не как заботу, а как нежелание матери видеть дочь взрослой. Ева попросила больше не говорить об этом, пообещав родителям познакомить их со Стефаном, чтобы у них отпали сомнения по поводу несерьёзности его намерений. Родители радостно восприняли эту новость и решили устроить семейный ужин, на который по старой традиции пригласили бабушку Розалин и друга детства Тони. Присутствие мальчика для Евы не было сюрпризом, и чтобы не обидеть родителей, она не стала выражать своё недовольство их решением.

Ужин прошёл в накалённой обстановке. Ева пыталась со всеми завести беседу, чтобы члены её семьи перестали разглядывать Стефана, а Тони — её саму. За то время, которое она не видела друга, находясь в общежитии, он немного подрос, но всё ещё оставался мальчишкой, который никогда не догонит Еву в развитии. Она всячески игнорировала его письма, которые он передавал через её родителей, с просьбой взглянуть на него по-новому. Ева считала это ребячеством и упустила тот момент, когда Тони безоглядно в неё влюбился, а ведь она могла поговорить с ним по-взрослому, объяснить ситуацию и причину, по которой они не могут быть вместе. Ей казалось это очевидным, и у неё не было времени на влюблённого подростка, хоть и самой недавно исполнилось восемнадцать. Она перенеслась в галактику по имени Стефан и не желала замечать ничего вокруг. Этого родители и опасались.

— Ты покрасила волосы? — спросил Тони у Евы, показывая на её розовые пряди.

Мальчик всегда интересовался внешним видом подруги, чтобы соответствовать её стилю. Ева уже мысленно представила розовые кудряшки Тони и засмеялась.

— Да, сделала себе подарок на Рождество. Стефану не нравится этот цвет, — ответила Ева, накладывая Стефану салат с креветками по фирменному рецепту мамы.

Глаза парня округлились, когда всё внимание снова переключилось на него, и Стефан был благодарен Еве за то, что она не продолжила разговор словами: «Он попросил меня смыть краску, чтобы я не выбивалась из общего стиля нашей пары». На тот момент Стефан предпочитал носить кожаные вещи, чтобы соответствовать образу байкера. Ева надеялась, что вскоре это увлечение исчезнет, как за год их отношений исчезла временная любовь к вегетарианству или к коллекционированию кроссовок, после того как он понял, что отсутствие мяса в рационе пагубно влияет на наращивание мышц, и когда забросил игру в футбол.

В этот день Стефан сделал ещё два исключения ради Евы: вместо кожаных брюк надел джинсовые, а вместо мотоцикла воспользовался общественным транспортом. Ева деликатно подошла к этому вопросу, сославшись на то, что у неё много вещей, которые она хочет отвезти домой, а на мотоцикле и людям места мало. Стефан понял намёк: ему нужно надеть нормальные вещи и не пользоваться гелем для волос, чтобы сделать «колючки» на голове. Ева надеялась, что вскоре ему надоест и это, но она находила что-то забавное в том, чтобы покупать своему парню гели и лаки, которыми она сама никогда не пользовалась.

— А мне нравится, здорово смотрится, — сказал Тони в поддержку розовых прядей Евы и, не побоявшись разницы в возрасте, одарил Стефана презрительным взглядом. Это заметили все. Миссис Стюарт, привыкшая разряжать обстановку, позвала Еву, чтобы дочь

помогла ей подать десерт на стол.

— Зачем ты притащила сюда Тони, мама? — спросила Ева, как только они с Мирандой остались наедине.

— Выбирай слова, ты же будущий филолог, — попросила миссис Стюарт, но без тени злости, а с улыбкой на лице. Сглаживать конфликты она научилась у Розалин. — Он всегда был на семейных мероприятиях, вот я и подумала, что ничего страшного нет в том, чтобы пригласить его и сегодня. В отличие от Стефана, он разделяет твоё мнение.

— Он ребёнок! — сказала Ева, не повышая тон, иначе тонкие стены выдадут их разговор.

— А Стефан, по-твоему, мужчина? — Миссис Стюарт стала разливать по чашкам чайную заварку, а затем — кипяток. — Возьми поднос с сахарницей, блюдами и ложками.

— Что за намёки?

— Это просьба, — уточнила Миранда.

— Я о Стефане.

— Я спросила, потому что вижу, что он не далеко обогнал Тони в умственном развитии. Он не знает, в каком месяце, не говоря уже о числе, распался Советский Союз, хотя это было семь лет назад! Он даже толком не знает, чем хочет заниматься в будущем, и сначала ухмыляется, прежде чем ответить на вопрос. Ты уверена, что он тот, кто тебе нужен?

— Он просто стесняется, дай ему шанс, — сказала Ева, пропустив колкие выражения в адрес Стефана мимо ушей, и они с миссис Стюарт пошли в гостиную, где стали свидетелями мёртвой тишины, не считая постукивания вилок о тарелки. Даже бабушка Розалин молчала.

Остаток ужина Ева и Миранда пытались завязать общий разговор, но он выливался или в диалог между ними, или в беседу включался мистер Стюарт, явно чем-то обескураженный. Желание Евы оставить Стефана на ночь в комнате для гостей автоматически отпало, когда она представила реакцию родителей. Больше всего её раздражало не то, что они ей откажут, а то, что Тони они бы приняли с распростёртыми объятиями. И чем он заслужил их доверие? Ева только через много лет поняла причину: она не любила Тони, и родители знали, что он никогда не разобьёт их дочери сердце.

— Нужно было ехать на байке! — всю дорогу до автовокзала причитал Стефан, но Ева знала, что причина кроется в другом. Возможно, даже в том, что Тони идёт с ними. Родители не хотели, чтобы дочь возвращалась домой одна, поэтому ей пришлось согласиться на «охранника».

— Что произошло, пока мы с мамой были на кухне? — спросила Ева. Её беспокоил этот вопрос уже несколько часов, но задать его при всех она не могла, всё равно никто бы не ответил, не желая портить остаток без того напряжённого вечера. Папа с Розалин были свидетелями произошедшего, и Ева могла бы спросить у них, но она была уверена, что они попытаются сгладить ситуацию, а она хотела знать правду. — Если вы оба так и будете молчать, меня для вас больше нет!

— Просто твой драгоценный парень завёл разговор о письмах, которые ты писала ему на зимних каникулах, и спросил, почему они ему не приходят! — сказал Тони, хоть и знал, что шантаж Евы на него не распространится. Она хотела напугать Стефана, чтобы тот сознался в случившемся.

— О, надо же, мне тоже интересно! — сказала Ева, взяв Стефана за руку, и выражение его лица немного смягчилось.

Во всех стычках с парнями из общежития Ева всегда была на стороне Стефана. Многие за спиной смеялись, что девушка защищает своего парня, зато она умело предотвращала драки, и Стефан никогда не ходил с фингалом под глазом.

— Как будто никто не знает, куда пропали письма, и в чьи грязные руки попали твои фотографии, детка! — Стефан похож на разъярённого быка, а Тони для него — красная тряпка. — Отлично провёл зимние вечера, тупой подросток? Она никогда не будет твоей, сопляк!

Тони эта ситуация развеселила. Он не стал скрывать улыбку и отрицать факт кражи писем. Он делал это не ради фотографий, которые он мог попросить у родителей Евы, а для того, чтобы их не получил Стефан, как и слова любви, которые писала ему девушка. Тони, может, и добился своего, но тем самым навсегда потерял доверие подруги.

— Да как ты мог? — спросила Ева, пытаясь сохранять спокойствие. Тони сначала даже подумал, что эти слова адресованы Стефану, а не ему. — Читать мои письма — это уже слишком! Чтобы я не видела тебя в своём доме, пока я в нём нахожусь!

Подъехавший автобус разрешил их спор. Стефан поцеловал Еву на прощание и зашёл в транспорт, а девушка, не желая оставаться наедине с Тони, села в трамвай. Она знала, что друг не пойдёт за ней и в ближайшее время не появится на глазах её родителей. Она была зла и на Стефана. Сказать на ужине, что Тони воровал её письма, было низко, но негативные эмоции не продлились и двух дней, как Ева снова встала на сторону своего парня.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — сказал Тони вслед уходящей Еве, а сам пошёл домой пешком, чтобы избавить её от лишнего волнения. Он заметил Стефана, сидящего в автобусе возле окна, и как тот ухмыльнулся на прощание. Тогда Тони понял, что Стефану важна не столько Ева, сколько победа.

***

Во время летних каникул Стефан несколько раз приезжал в гости к Еве, потому что родители категорически не отпускали её в Мираж к нему. Они позволяли парню остаться на несколько дней пожить на чердаке, где хранились только старые вещи и стояла раскладушка. Ева не хотела подрывать доверие родителей и не ходила по ночам в «спальню» Стефана, сколько бы он её ни уговаривал. Ей было достаточно мысли о том, что он ночует в её доме, и что утром она снова его увидит.

В конце лета Еве впервые не удалось предотвратить драку. Тони специально спровоцировал Стефана на конфликт, и Ева не знала какое чувство испытывать к подростку: ненависть или жалость. Отчасти она сама была виновата. Узнав о своём даре исцеления животных, она не знала с кем поделиться радостной новостью, и рассказала Тони. Он не удивился, и Ева подумала, что мальчик просто не понимает всей сути, и больше они никогда об этом не говорили. Девушка и забыла, что несколько лет назад поделилась с другом, но летом 1998 года он ей напомнил, пытаясь восстановить дружеские отношения.

— Ты всё ещё можешь лечить животных? — спросил Тони однажды утром, когда Ева по привычке вышла на крыльцо дома, чтобы насладиться последними летними лучами солнца.

— Тебя здороваться не учили? — задала встречный вопрос Ева. Она привыкла и к тому, что Тони в любой момент может явиться во двор Стюартов, но не думала, что это повторится после того конфликтного ужина, хоть и Тони был виноват только в том, что влюблён в неё. — Ты, как привидение, подкрадываешься незаметно. Мы уже не дети, чтобы

бегать друг к другу в гости без приглашения. Чего улыбаешься?

— Ты впервые не назвала меня ребёнком! Так у тебя ещё есть способность?

— Почему ты спрашиваешь? — спросила Ева, не глядя на Тони. Она одним ухом продолжала слушать музыку, раздающуюся в саду из кассетного магнитофона.

— Беспокоюсь. Тебе же нравилось лечить бездомных животных, вот я и подумал, что будет жаль, если ты потеряешь способность, — ответил Тони, переминаясь с ноги на ногу.

— Если бы родители были дома, я бы попросила тебя заткнуться! Ты вообще соображаешь, о чём говоришь? Я, кажется, просила, чтобы ты держал рот на замке. Сам нарушаешь обещание, а потом обижаешься, что я считаю тебя ребёнком!

— Он вдобавок ещё и недоумок! — выкрикнул из круглого окошка чердака Стефан. Всё это время он наблюдал за Евой и Тони свысока. — Проваливай, пока я не спустился. Ты не слышишь? Она не хочет это обсуждать.

— Ты даже Еву по имени никогда не называешь! О какой любви может идти речь? — не растерялся Тони.

— Слушай, тебе лучше уйти, он не шутит, — попросила Ева мальчика, но он не сдвинулся с места, а ещё ближе подошёл к Еве.

Девушка встала со ступенек и попыталась вытолкать Тони со двора. Несмотря на то, что он младше Евы, оказался сильнее. Стефан вышел из дома и застал эту картину.

— Сопляк, собирай рюкзак, скоро первое сентября! — сказал Стефан на повышенных тонах, чем напугал Еву. У неё начиналась паника, когда в её присутствии завязывалась ссора.

— Ты постоянно затыкаешь мне рот, здоровяк. Хочешь казаться крутым? Родители Евы должны увидеть твоё истинное лицо! — сказал Тони, выглядывая из-за плеча Евы. Она стояла между ним и Стефаном.

— Детка, отойди от него, — ласково сказал Стефан, но Ева не выполнила просьбу, а лишь повернулась к Тони боком, всё ещё являясь препятствием между парнями.

— Он ничего непозволительного не сделал, — вступилась девушка, чем явно задела самолюбие Стефана.

— Только развязал свой паршивый язык! — не унимался Стефан, чуть ли не испуская пар из носа и ушей.

— Может, ты завидуешь Еве? Ты ей вздохнуть не позволяешь без своего ведома, — сказал Тони и ещё сильнее разозлил оппонента. — Ты её мизинца не стоишь. Хорошо, что её дар не распространяется на людей, иначе такой засранец, как ты, постоянно выходил бы сухим из воды.

— Ты за это ответишь! — ухмыляясь, сказал Стефан, и Ева упёрлась ладонью в его грудь, но это ненадолго остановило неизбежное.

— Стефан, пожалуйста, не трогай его, — умоляла Ева.

— Хотя ты не человек, ты хуже животного. Я видел, как ты вчера дал Еве пощёчину! — Это окончательно вывело Стефана из себя, и Тони почти месяц не разговаривал из-за сильного удара в челюсть.

Ева опустила на траву и заплакала. Она не видела, как Тони ушёл с гордо поднятой головой, даже не потрудившись стереть кровь с подбородка. В тот день девушка попросила Стефана уехать домой. Она не смогла бы оправдать его поступок перед родителями, потому что этому вообще нет оправдания. Оставшиеся полторы недели каникул Ева навещала Тони, и оба молча сидели в гостиной, делая вид, что увлечены телевизором. Тони поставили

металлические скобы, чтобы вернуть челюсти прежнее положение, и он мог только мычать, а Еве было так стыдно, что сама не могла вымолвить ни слова. Он не сказал ни своим, ни её родителям правду о случившемся. Они думают, что на Тони напали пьяные подростки. Ева в знак благодарности, и чтобы хоть как-то возместить ущерб, принесла ему все свои карманные деньги, но Тони отказался и написал на листке бумаги:

Я скрыл правду не ради него, а ради тебя. Не хочу, чтобы ты страдала!

По возвращению в университет Ева несколько дней избегала Стефана, но чувства взяли верх, и ребята помирились, но как бы она его ни уговаривала извиниться перед Тони, парень остался непоколебим.

— Он мог заявить на тебя в полицию! Ты же знаешь, что для совершеннолетних нет снисхождения, — наставила Ева.

— Ему ещё мало досталось. Я не дам тебя в обиду, детка! — сказал Стефан, погладив Еву по коленке. Она поморщилась от неожиданного прикосновения и долго не могла привыкнуть к телесному контакту.

Ева мысленно возвращалась в тот день, когда Стефан ударил незащитного мальчика, а она ничего не могла сделать, чтобы это предотвратить. Она постоянно вспоминала слова, сказанные Тони, что Стефан никогда не называет её по имени. Вспоминала пощёчину за то, что Ева в чём-то не согласилась со своим парнем. Он сразу же извинился, но Еве пришлось ударить себя по второй щеке, чтобы соврать родителям, будто загорела на солнце. Она не замечала этих мелочей, пока Тони вслух не упомянул о них, но Ева заставляла себя закрыть на недоразумения глаза в надежде, что Стефан повзрослеет и одумается. Она думала, что сделает его мягче, и несколько раз пыталась заговорить с ним об этом, но Стефан категорически отрицал свою предрасположенность к доминированию.

Их отношения длились до того дня, пока Стефан не попал в аварию, и за это время плохих моментов было ровно столько же, сколько и хороших. Ева добила, чего хотела. Со временем у родителей изменилось отношение к Стефану в лучшую сторону, и она не могла разочаровать их, поделившись с ними правдой, о сути которой они и не подозревали. Парень бывал с ней груб, но не при посторонних. Он мог пообещать пойти вечером в кино, а сам оставался в комнате с друзьями, чтобы в лучшем случае поиграть в компьютер, а распивать спиртные напитки — в худшем. В общегитии Ева общалась только со своей соседкой, у которой была своя компания, поэтому девушка проводила всё своё свободное от учёбы время со Стефаном. Он не хотел, чтобы она куда-то ходила без него.

Стефан был вспыльчив и ревнив. Все знакомые парни держались от Евы на расстоянии. Они знали — один косой взгляд, и их челюсть обречена. Стефан потрудился распусть слух о неприятном инциденте с Тони, чтобы другим было неповадно. Он извинялся перед Евой за своё, как она говорила «дурное поведение», цветами и подарками, и иногда ей казалось, что Стефан всё же любит её, только не хочет в этом признаваться, боясь разрушить репутацию плохого парня. Ева была терпелива и не торопила парня, чтобы тот признался ей в своих чувствах. Она видела, как он заботится о ней, встречает после учёбы в университете, помогает ей принести покупки из магазина. Ева тогда не понимала, что эти элементарные вещи должен делать каждый любящий парень, а считала эти поступки особенными, отличающими Стефана от остальных. Он никогда не был пойман в измене, никогда не

флиртовал с другими девушками, и Еве этого было достаточно. Ей было достаточно мысли о том, что так и есть на самом деле.

В начале 2001 года, когда Стефан сменил мотоцикл на поддержанный автомобиль, они с Евой часто катались вечером по городу. Он подрабатывал грузчиком на обувном складе по выходным, и ему хватало денег на бензин и еду. Несмотря на то, что помимо заработка его обеспечивала мать, Стефан чувствовал себя самостоятельным и независимым. Ева намекала ему, что нужно собирать деньги на свадьбу, но он пока не собирался делать девушке предложение. Стефан после окончания университета должен был отслужить год в армии, а Ева в это время училась бы на пятом курсе, поэтому он не видел смысла регистрировать их отношения. Мало ли что могло произойти за целый год.

За месяц до аварии Стефан и Ева повздорили в машине по пути в общежитие. Девушка сказала, что одноклассник позвал её на бал-маскарад, который вскоре должен был состояться. Стефан стал требовать назвать имя подлеца, и Ева сразу же пожалела, что вообще поделилась с парнем. Уже три года он не ввязывался в драки после случая со сломанной челюстью Тони, поэтому Ева была уверена, что ничего подобного больше не произойдёт. Увидев яростное лицо Стефана, она засомневалась в прогнозах, поэтому решила не называть имя того парня, иначе ему бы досталось по её вине. Стефану не стал повторять дважды. Он остановил машину посреди дороги и велел девушке выйти, если она не передумает и не скажет правду. Ева привыкла к вспыльчивости Стефана, но ещё никогда он не оставлял её ночью одну. Без денег и телефона. Девушка, поставив на весы безопасность одноклассника и свою гордость, вышла из машины, воздержавшись от демонстративного хлопанья дверью. Она пошла по знакомой дороге пешком, не обращая внимания на сигналы невоспитанных водителей, оставшись наедине со своим альтруизмом. Стефан проехал мимо Евы и даже не подумал остановиться и отвезти девушку домой.

На следующее утро Ева не пошла на занятия, потому что вернулась домой далеко за полночь. Проснувшись днём, на тумбочке она обнаружила букет из любимых розовых лилий, открытку с извинениями и приглашением на бал-маскарад. Ева не могла долго сердиться на парня, и простила ему даже то, что уважающая себя девушка даже бы не подумала простить. Она убедила себя, что сама виновата в случившемся, а если бы знала, что ждёт Стефана в день бала-маскарада, сделала бы так, чтобы ни одна живая душа не сообщила ему о мероприятии.

День, когда Стефан попал в аварию, стал для Евы роковым. Перед смертью парень первый раз признался девушке в любви, зная, что умрёт. Зная, что эти слова навсегда заберут часть её души. Одного Стефан сказать так и не сумел: он почти не чувствовал боли, когда Ева лежала с ним на кушетке и обнимала его забинтованное тело. Может, он и не любил её, но сделал так, чтобы она в это свято поверила. Стефан умер, так и не поняв, что эта девушка не заслуживала страданий.

Глава 22. Горизонт дней.

Главный недостаток человеческой жизни –
нахождение в беспощадном плену времени.

Если бы около часа назад я не стала свидетельницей душераздирающей сцены, я бы на

несколько дней отложила разговор с Каем, но стоит подумать, что он может оказаться на месте Тони, мне становится дурно. Придя в себя, я поднялась с бордюра, на который пересела, когда ушёл кот. Боялась, что Тони может увидеть меня из окна. Я вызвала к нему врача, который должен с минуты на минуту быть здесь. Нужно уходить, хотя мне бы самой не помешала доза успокоительного.

Я отправилась к Каю, не позаботившись о своём внешнем виде, хотя могла бы зайти домой, чтобы привести себя в порядок, но не стала этого делать. Пусть видит меня во всей красе. Ему будет не до моих растрёпанных волос и потёкшей туши, когда он услышит, что я давно хочу сказать. Его имя обозначает «крепкий», и Кай справится с грузом, который я на него возложу. Есть и другое значение имени — «радостный». Эта черта поможет ему отвлечься от воспоминаний, которые первое время не будут отпускать. Например, в объёмной комнате Кай будет вспоминать наш первый поцелуй, а проходя мимо моего дома, улыбнётся от мысли, что в одну из весенних ночей залез по старой лестнице в моё окно.

Ему будет тяжело, но прежде он будет отговаривать меня от мрачных мыслей. Он способен отказаться от личного счастья ради счастья другого человека, а я — нет, раз так долго держала его в своём плену, не думая о будущем. Не понимаю, как я, замкнутая и неприступная, могла поддаться чувствам. Эйфория завладела разумом, дав волю сердцу, которое постоянно болит, напоминая об опасности. Можно часами рассуждать, как нужно было правильно поступить, но есть только здесь и сейчас. Дом Кая и самый сложный момент в моей жизни.

Я стучу в дверь и слышу родной лай и топот пушистых лап по паркету. Если Кай и спал, то Джонни его уже разбудил, и они оба появились на пороге. Чувства одолели разум, и я наклонилась к ретриверу, чтобы обнять его и зарыться в золотистой шерсти. Он стал облизывать мне руки, и я поняла, что влюбила в себя даже Джонни.

— И как я после этого должен целовать своей девочке руки? Джонни, ты мерзкий пёс, — как всегда, с лучезарной улыбкой на лице сказал Кай. Ему не нужно солнечной погоды, чтобы быть счастливым. Он сам излучает тепло. — Солнце, у тебя что-то случилось? Ты никогда не приходила так рано, ещё и без предупреждения. Я, конечно, рад, но это на тебя не похоже.

Он всегда прав. Он видит мои заплаканные глаза, но тактично молчит. Он никогда не задаёт лишних вопросов, потому что знает, мне это не понравится. Он всегда безупречно выглядит, даже после сна, как сейчас. Его волосы взъерошены. На нём первая попавшаяся под руку футболка и домашние шорты. Он никогда не боится, что на его пороге могут в любой момент оказаться журналисты или фотографы, чтобы выложить в интернет очередную компрометирующую статейку. Ему всё равно, как он предстанет перед публикой, потому что ему нечего скрывать. Он может быть смешным и серьёзным, дружелюбным и недовольным. Его слова всегда искренны, и, в отличие от меня, он никогда не будет притворяться.

— Ты знаешь, сколько мне исполнилось вчера? — спросила я без привычных приветственных поцелуев в щёку или губы.

Кай немного помешкал и жестом пригласил меня войти, вместо чего я села на ступеньки возле Джонни на его коврик. Мальчик, запомнившийся мне своими изумрудными глазами, последовал моему примеру, раскинув ноги на всю лестницу.

— Это и есть причина твоей грусти? — спросил он, ища встречи взглядом. Номер с захватом моего подбородка сегодня не работает.

— Ответь, — попросила я, глядя Джонни, лежащего между мной и Каем, за что я ему сейчас благодарна. Если я окажусь рядом с парнем, пахнущим кофе и ментоловым гелем для душа, не смогу устоять и напроочь забуду, зачем сюда пришла.

— Ты всегда гладишь его, даже когда он провинится, а меня как будто не существует, — сказал Кай, и до меня наконец дошло, что он не хочет поднимать тему моего возраста. Его она не заботит, но он знает, что она заботит меня.

— Не переводи тему. Я серьёзно.

— Окей. Если тебе во время съёмки был двадцать один год, то сейчас, полагаю, тридцать два. Не положено у девушки спрашивать о её возрасте, даже если она твоя. Я думал, ты не хочешь говорить на эту тему, потому что я младше тебя на семь лет, и тебе неловко от этого. Ты боишься, что все считают меня твоим сынком. Я вижу это по твоим глазам, когда за нами наблюдают соседи. — Кай так быстро произнёс эти слова, будто он репетировал их перед зеркалом.

— В целом ты прав, но проблема гораздо глобальней. Переезжая на новое место, я всегда говорю, что мне двадцать один год, потому что так у меня будет больше времени, чтобы задержаться в том или ином городе.

— Зачем? — спросил Кай.

— Зачем переезжаю или зачем задерживаться?

— Зачем врать?

— Теоретически я не вру, — ответила я, набрав в лёгкие как можно больше воздуха, и повернулась лицом к Каю, чтобы он не счёл мои слова за шутку. — Примерно в двадцать один биологический год развитие моего организма остановилось.

— Да, ты выглядишь моложе своего возраста, но почему? Операции? Поэтому ты больше не хочешь появляться на публике? — Взгляд Кая забегал по мне. Впервые я рассказываю о себе истинную правду.

— Кай, мне восемьдесят два года.

Я сделала это. Призналась. Это должно породить в сердце Кая ненависть ко мне. В его добром и хрупком сердце.

— Впервые слышу от девушки такие цифры. Я всегда знал, что с чувством юмора у тебя в порядке, — сказал Кай.

Он улыбается, глядя на меня, и от волнения запускает руку в свои волосы. Его улыбка не наполнена радостью, она вызвана смущением и удивлением.

— Слушай, я давно пережила кризис среднего возраста, — сказала я, чем вызвала более широкую улыбку. — Это я говорю на тот случай, если ты думаешь, что моя депрессия связана с днём рождения.

— Так я сначала и подумал, — сказал Кай, пытаюсь отодвинуть задремавшего Джонни, чтобы сесть рядом со мной. Я убрала его руку с собаки и спрятала свою в карман, чтобы больше не возникло желания коснуться какой-либо части тела Кая.

— Я родилась в 1980 году, — сказала я.

Не помню, когда произносила это в последний раз. Наверное, в школе или в университете, когда моя жизнь ещё была нормальной, когда можно было сказать о дате своего рождения.

— Ты вампир? — не растерялся Кай.

Узнаю мерцающие огоньки в его глазах. Он обещал играть по моим правилам и не собирается отказываться от своих слов, даже когда услышал самую нелепую вещь в жизни.

— Да. Я сплю в гробу и питаюсь кровью, а мой укус сделает тебя таким же! — подыграла я, еле сдерживая улыбку. С Каем так легко, что я забываю о проблемах. Этого я и боялась. Пора взять себя в руки и включить Еву, которая дерзит и отстаивает своё мнение, в общем, делает всё то, что я и делала до второго поцелуя с Каем. — Разве похоже, что я шучу? Кай, я родилась не вчера, мой день рождения был в марте. Седьмого числа, если быть точной.

— Неужели... — Кай уставился на меня, как на музейный экспонат. Наконец я вызвала у него те эмоции, которые хотела. Он больше не узнаёт меня. — Ты так редко называешь меня по имени!

— Кай! — Он точно издевается.

Я и правда редко к кому-то обращаюсь по имени. Если человек не взглянет на меня в нужный момент, я могу и не сказать то, что хотела лишь потому, что не знаю, как к нему обратиться. *Эй, ты? Вы? Кхм-кхм?* Почему-то это всегда вызывало неловкость.

— Продолжай, и я не спрошу, почему ты не сказала мне об этом вчера, — сказал Кай.

На его лице ни тени рассерженности. Удивительный парень. За полгода он ни разу не злился на меня, если только в шутку. Не повышал на меня голос, не говорил грубых слов. Чем он заслужил моё наказание?

— Не могла же я поставить тебя в неловкое положение. — Это правда.

— Солнце, ты делаешь это сейчас. Какая разница?

— Не называй меня так, — попросила я.

Кай глубоко вздохнул и через мгновение оказался напротив меня на коленях, ниже на ступеньку, объятый моими ногами. Я забыла, как дышать. Вдох. Выдох. Поднимаю и опускаю грудь. Поддаюсь изумрудным глазам и проклиная слёзы, скатившиеся с глаз. Они обжигают лицо, капают на руки Кая и испаряются на солнце. Солнце. Кай всегда так называл меня и говорил: «А я твоя Луна». Он думает, что сияет в моей тени, думает, что между нами космическая связь. Так думала и я.

— Тебе же нравилось. — И снова он прав. Мы никак не можем повернуть разговор в нужное русло. — Почему ты плачешь? Пожалуйста, не надо. Если тебе станет от этого легче, то я скажу, что ты прекрасна, а слёзы делают твои глаза ярче.

— Нет, мне не станет легче, — ответила я, оттолкнув Кая, но забыла разомкнуть ноги, поэтому он так и остался рядом со мной. Он обхватил меня за талию, тем самым усложнив мне задачу.

— Закрой глаза, — почти шёпотом сказал Кай. Мне нравится, когда его голос звучит так. Это придаёт речи загадочность, а словам — глубину.

Я не успела сделать то, о чём меня попросил Кай (а собиралась ли?), как он лёгким прикосновением подушечек больших пальцев закрыл мне веки и стал покрывать их мягкими, почти неощутимыми поцелуями, о которых я обычно вспоминала по ночам, оставаясь наедине с собой. Мне будет их не хватать.

Я несколько раз вдохнула запах пены для бритья, исходящий от щёк Кая, и слёзы обрушились на его губы новой волной. Он поспешил стереть их поцелуями с моего лица, поглаживая меня по спине и плечам так быстро, что мне кажется, он догадывается, о чём я пытаюсь ему сказать. Мы расстаёмся. Каждая моя клетка противится этому, кричит, что я поступаю глупо, но я открываю глаза на правду и почти задыхаюсь от порыва эмоций. Мне страшно. Я не хочу снова уходить во тьму, где не будет нежности и романтики. Только я и открытый Космос, в который выпустил меня Кай.

Мы расстаёмся...

Он берёт мои ладони в свои, переплетая наши пальцы, и подносит к губам. Кай не ожидал, что я поцелую его руку, но я делаю это, а он целует мою. Мы изучили друг друга, нам не нужно слов. От них только больней. Лучше помнить красочную картинку, чем фразы, складывающиеся из звуков и проблем. Кай пытается максимально оттянуть момент, в который нам придётся снова говорить, поэтому целует меня. Я ложусь на локти, не подумав о том, что сзади меня дверь. Хорошо, что Кай не успел её закрыть. Джонни от неожиданности подскакивает и уходит в дом, явно смущённый нашими телодвижениями. Кай ставит руки слева и справа от меня, опираясь на них, чтобы распределить вес. Между нами нет ни сантиметра свободного пространства. Мы целуемся до тех пор, пока у меня не начинают болеть локти. Ни рукава, ни коврик не спасают меня от боли. Кай понял, почему я прервала наш поцелуй, пропитанный моими слезами и его тоской, и вернул мне сидячее положение.

— У тебя же нет забора, чёрт возьми! — опомнилась я, глядя на пешеходную аллею, находящуюся недалеко от дома Кая.

Сколько прохожих увидели два сплетённых тела на лестнице? Даже сад Кая не спас бедных соседей от постыдного зрелища, потому что никто не сажает деревья возле крыльца с учётом маскировки страстных поцелуев.

— Не твоя задница предстала жителям из дома напротив. — Даже в напряжённые моменты Кай найдёт способ выкрутиться и при этом меня развеселить. — Зато ты перестала плакать. Лично я терпеть не могу, когда щиплет глаза и заложен нос.

— Тебе повезло, что я не всхлипываю и не валяюсь по земле, — сказала я. Обычно я плачу беззвучно, чтобы хоть как-то сохранить гордость. — Давай пройдемся, не могу больше сидеть.

Кай кивнул, поднялся с пола и зашёл в дом. Не успела я обдумать свою будущую речь, как он вернулся с рубашкой, накинутой на плечи и ключами, которыми он закрыл дверь, оставив Джонни одного.

Мы расстаёмся...

— Да, нам нужно проветриться. Куда пойдём? — спросил он, улыбкой провоцируя меня на новый поцелуй.

«Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Чем дальше я нахожусь на твоей территории, тем меньше хочу отсюда уйти», — подумала я, но вслух произнесла совершенно другое:

— Сделаем кружок по посёлку, — ответила я и направилась прочь от дома, напоследок на него взглянув. В этом маленьком каменном замке я проводила много времени, и мне жаль расставаться с ним. — Кстати, откуда ты знаешь о постсиндромах плача?

— Я часто плакал после смерти мамы, — после недолгой паузы ответил Кай, глядя вдаль, идя бок о бок со мной. — Когда я стал пропускать школу и театральный кружок, папа решил принять жёсткие меры и сказал мне, что, если я не возьму себя в руки, маме будет плохо там, где она сейчас, что она будет утопать в моих слезах. Эти слова навсегда отбили у меня желание плакать, и я стал излагать мысли на бумаге. Однажды папа увидел пару моих записей и сказал, что мне нужно создавать сюжеты для короткометражных сентиментальных фильмов. Я ушёл из театрального кружка и увлёкся режиссурой. Мы с тобой почти коллеги.

— Прости, что снова напомнила тебе о переломном моменте в твоей жизни, — сказала

я. У меня вошло в привычку говорить не подумав.

— Ничего. Думаю, он не последний, — ответил Кай и попытался взять меня за руку, но я быстро убрала её в карман, как будто между нами ничего не было всего несколько минут назад. Я всё ещё чувствую на губах его поцелуй, и мне стыдно, что дала Каю надежду.

— Может, продолжим разговор о моём возрасте? — предложила я.

— Я думал, ты уже забыла. Так было бы проще.

— Ты не веришь мне. Ладно, объясню снова...

Мы пошли медленнее, мне нужно сосредоточиться. Рассматривая непохожие друг на друга соседские дома, я успокаиваюсь. Пытаюсь запомнить каждый поворот, чтобы потом суметь восстановить в памяти карту посёлка. По пути нам не встречаются люди, или я просто их не замечаю. По крайней мере, я не слышу, чтобы Кай здоровался с кем-то. За время работы в моём ветеринарном кабинете я успела познакомиться с некоторыми жителями посёлка, но стоит мне выйти за его стены, как про меня тут же поползут слухи наподобие: «Внучка Стюартов такая грубая, всех игнорирует». На этот случай мне будет что ответить: «Всё было бы по-другому, если бы меня не считали наркоманкой, вместо того чтобы подойти и поинтересоваться моим самочувствием!». Всем плевать друг на друга. Эта истина стара, как мир.

— Ева, ты уже пару минут молчишь. Всё нормально? — спросил Кай. Я и правда не заметила, как мы прошли целую улицу.

— Задумалась. Пойдём в другом направлении, — попросила я, и Кай развернулся, не задавая вопросов, почему я так решила. В паре метров от нас находится дом Тони, а мне не хочется попадаться старому другу на глаза. Чем я лучше тех двух женщин, не поинтересовавшихся, как я себя чувствую, когда сама обхожу стороной дом человека, который чуть не заработал из-за меня сердечный приступ? — Ты, должно быть, знаешь, что 2020 год был великим событием для всего мира, ведь подобная дата наступает раз в сто один год. Это было так давно, что я и не помню, как отпраздновала тот Новый год и как его провела, но знаю, что тогда проводилась куча торжеств и мероприятий в честь юбилейного года. Представители различных стран обменивались по телевидению любезностями и желали друг другу процветания. Люди потеряли голову, как будто эта дата была заколдованной. Статистика подтверждает рекордное количество зарегистрированных браков, мировых кинопремьер, выпусков музыкальных альбомов и книг. Все поголовно хотели войти в историю и заново изобретали велосипед.

— Да, я тоже читал об этом. Папе в 2020 году было тринадцать, он рассказывал, как мои бабушка с дедушкой хотели завести второго ребёнка, чтобы получать денежные пособия. Во-первых, у них ничего не получилось, во-вторых, о вознаграждении за рождение младенцев в юбилейный год было объявлено аж в третьем квартале, поэтому физически было невозможно специально успеть уложиться в срок.

— Я не понаслышке знаю об этом бэйби-буме, потому что в 2020 была такой же, как сейчас. Ты ещё не родился. Я жила уже тогда, когда даже не родился твой отец, возможно, я даже старше его родителей. Я должна была раньше об этом тебе сказать, но не думала, что наши отношения так затянутся...

— Вот почему ты не подпускала меня к себе, — сказал Кай, глядя под ноги. Он больше никогда не взглянёт на меня, как прежде. Будет видеть во мне старуху. Именно этого я и добивалась. Вызвать отвращение. — Боялась, что я кому-нибудь расскажу о тебе, присматривалась ко мне.

— А как бы ты повёл себя на моём месте? Ты верно изобразил меня в своём фильме, даже использовал литоту, приуменьшил размеры стен, что я возвела вокруг себя. Единственное, что ты упустил, так это мой застывший возраст. Тебя не пугает, что я вполне смогу застать и 2121 год?

— Но как такое возможно? — искренне удивился Кай, как будто только сейчас понял, о чём я ему говорю. Он легко воспринял новость о моём даре, но тот факт, что я втрое старше его, а выгляжу молодо, практически сравнил с научной фантастикой.

— Ты не первый, кто спрашивает меня об этом, — вырвалось у меня. Я вспомнила, как Брендон произнёс точно такие же слова.

— Кто-то ещё знает? — спросил Кай, подняв голову и посмотрев мне в глаза. Мало сказать, что он обижен. Скорей подавлен и задет до глубины души. Я чёртова идиотка, не слежу за языком даже сейчас, когда Кай находится в подавленном состоянии.

— Муж той девушки с голубыми волосами, которая ворвалась ко мне в дом и ударила Триш током. — Теперь нет смысла скрывать и это.

— Ты доверяла ему, раз рассказала правду, но почему ты не с ним? — спросил он. Я не ожидала такой реакции. Только любящий человек может спросить, почему его девушка не осталась с другим парнем.

— Он был моим единственным другом, у меня не было к нему чувств. Может, они бы и были, но я приказала себе не чувствовать, только этот приём не сработал в нашем с тобой случае. — После этих слов Кай украдкой посмотрел на меня и остановился посреди аллеи. Зря я призналась ему, но мне хочется, чтобы он знал правду.

— Тогда почему ты убегаешь от меня? — спросил Кай, подойдя вплотную ко мне. Мой лоб почти соприкасается с его носом, и я могу видеть своё отражение в серебряном кольце в брови Кая.

— Так будет правильно. — Такой ответ не устроил Кая, судя по его молчанию, поэтому мне пришлось уточнить. — Брендону, моему другу, уже больше сорока лет, у него есть дочь и не за горами внуки, а я не меняюсь с момента нашего знакомства. Мы случайно встретились, когда я ехала в Мираж из Коннекта, и эта встреча не принесла никакой радости ни ему, ни мне. Только горькие воспоминания об утрате. Узнав обо мне правду, он говорил, что мой возраст не имеет значения, что мы справимся с этим вместе, но забыл спросить меня. Я бы не справилась. Я не хочу видеть, как мой близкий человек стареет у меня на глазах. Достаточно взглянуть на Тони, чтобы напомнить себе о цене, которую я должна заплатить, чтобы любить кого-то.

— Ты знала Тони? — обдумав сказанные мною слова, спросил Кай. Его глаза заблестели, но не из-за былых искорок, а из-за слёз, которые он ни за что не проронит, чтобы я не утонула в них.

— Он знал меня, а я забыла. — На Кая обрушился новый поток информации, но он должен об этом знать, чтобы понимать причину моего ухода. В его взгляде возник немой вопрос, и я ответила на него. — С годами моя память стирается, тускнеет, как выгоревший на солнце лист, и остаются только очертания общей картины. Я веду дневник, чтобы не забыть о том, что захочу когда-нибудь вспомнить.

— То есть...

— Если тебе станет легче, — повторила я ранее сказанную им фразу, — то я написала о наших отношениях от начала до конца. Я не могу вырвать воспоминания о тебе. Они будут греть меня, когда по телевизору покажут твоего первенца от какой-нибудь хорошенькой

актрисы, а потом его свадьбу и детей. Возможно, я познакомлюсь с твоими правнуками, чтобы находить в их чертах тебя, любоваться их наследственной красотой и вдохновляться харизмой, но пока я уйду в тень и буду наблюдать со стороны, ожидая новой встречи с частичкой тебя.

— Не ставь на себе крест, — сказал Кай, смахивая с щеки слезу, думая, что делает это незаметно, но этот момент навсегда останется со мной, как напоминание, что этот парень — самый искренний из всех людей, которых я знала.

Для кого-то он будет прекрасным мужем и любящим отцом. От этой мысли у меня скрутило живот, и я на секунду закрыла глаза, прогоняя её. Кай поцеловал меня в висок, словно чувствуя, как он стучит, и снова создал свободное пространство между нами. Мы пошли дальше.

— Не люблю слово «крест», оно ассоциируется у меня с перечёркиванием чего-либо, — сказала я.

— Или кого-либо, — добавил Кай. Его запас энергии иссяк, и он больше не старается скрыть обиду или перевести наш разговор в шутку.

— Говоря о крестах, я также представляю кладбище, но они не обладают для меня каким-то святым смыслом. Я не обращалась к религии, потому что точно знала: мне не найти в ней причины своей необъяснимой сущности. Когда в мире царит хаос, начинаешь сомневаться в существовании высшего разума, да и какое ему до меня дело, когда на Земле обитает ещё более семи миллиардов людей с разными проблемами.

— Это и в самом деле необъяснимо, но не стоит винить Бога. Мне кажется, даже он не способен создавать подобные вещи, особенные вещи, которыми ты обладаешь. Ева, ты уникальна, и такой, как ты, больше не найти.

— Это ничего не меняет. Я потеряла надежду и вряд ли узнаю природу своих способностей, — сказала я и снова поймала себя на мысли, что с каждым признанием я всё больше впутываю Кая в эту историю.

— Мы можем попытаться вместе разгадать твою тайну, — сказал Кай с надеждой в голосе.

— Ты можешь только попытаться забыть меня и всё, что нас связывало, — сказала я.

Мы уже в нескольких минутах ходьбы от моего дома и оба понимаем, что и разговор подходит к концу.

— Тебе ведь и не надо пытаться, правда?! — Никогда раньше не слышала, чтобы Кай кричал.

Мне на секунду показалось, что он возьмёт меня за плечи и будет трясти, пока я не потеряю сознание, чтобы больше не смогла возразить ему. Я испытываю его терпение. Играю на чувствах. Мне тошно от себя и жаль его. Он в отчаянии. Я в растерянности.

— Я же сказала, что сделаю всё, чтобы не забыть тебя.

— Какой смысл, если ты будешь далеко? — спросил Кай, наклонив голову и потирая виски. Я уже могла бы уйти, и он не сумел бы меня догнать.

— Я хочу запомнить тебя молодым.

— Ты эгоистка, Ева! — Он снова повысил голос.

Кай сел на бордюр, и я испугалась, что он разрыдается, как я, возле дома Тони, но этого не произошло. Он даст волю эмоциям дома, и я уже ненавижу себя за его страдания. Я знала, как сильно он привязался ко мне ещё во времена съёмок фильма, знала, что не смогу быть с ним до конца, но всё же дала любви шанс.

— Я думаю о тебе в первую очередь, Кай. В тишине я буду повторять твоё имя каждый раз, когда на небе будет появляться Солнце или Луна. Кай... Каждый раз буду представлять, как состарюсь с тобой, как мы будем прогуливаться по этой чёртовой аллее за ручку, вспоминая, какими глупыми были. Во снах... Ты не знаешь ещё кое-что обо мне. Мне ничего не снилось несколько десятков лет, но сейчас сны постепенно возвращаются, потому что ты мне их подарил! — На этой фразе я не сдержалась и в очередной раз за этот нескончаемый день прослезилась. Кай увидел это, но остался неподвижным, замороженно слушая меня. — Во снах я буду целовать твоё лицо, буду рисовать образы наших детей, которых у меня, вероятно, никогда не будет. Я буду жить мечтой, а ты должен воплотить её в жизнь, но с другой девушкой, которая сделает тебя счастливым, которая сможет подарить тебе старость.

— Я счастлив с тобой, солнце, — сказал Кай, дрожащими руками заправляя волосы за уши.

— Я знаю это и могу сказать то же самое, но у меня нет будущего, а у тебя есть, поэтому не упusti этот шанс. Прошу, — сказала я, едва сдерживая эмоции, чтобы снова не расчувствоваться. Мои карманы уже, наверное, пропитались кровью из-за того, что я сжимаю спрятанные руки в кулаки, царапая кожу ногтями. — Ты лучшее, что было в моей жизни, мальчик с кошачьими глазами.

— Мы застряли в каком-то кошмарном сне. Настоящая Ева никогда бы не поцеловала меня на виду у соседей. Или это какой-то злой розыгрыш, да? Ты решила отомстить мне за вчерашнее поздравление? Ты хочешь проверить, как я отреагирую, ты выдумала всё это.

Кай ищет зацепку, которая спасёт наши отношения, но её, к сожалению, нет. Мы расстаёмся...

За пару минут он как будто стал младше, хотя обычно люди в стрессовых ситуациях стареют. Передо мной снова сидит подросток, не знающий, как найти к надменной женщине подход. Мне хочется пожалеть его, погладить, но я буду настоящей сволочью, если так поступлю.

— Очень скоро ты поверишь в то, что я сказала.

— Мне будет сложно в это поверить. Если ты будешь изредка вспоминать обо мне и представлять стариком, то все мои мысли будут постоянно заполнены тобой. Возможно, я сойду с ума от любви, ведь это ужасно, когда кричишь о её нехватке, а тебя не слышат...

— Я слышу, но это, к сожалению, ничего не меняет, — сказала я, после чего поцеловала Кая в щёку. — Мне пора. Встретимся в моих снах. Ищи меня среди звёзд.

— Ты превратилась из той, кого я люблю, в ту, которую потерял, — сказал мне вслед Кай, и я не могла не обернуться, чтобы навсегда запечатлеть в памяти его образ.

— Все истории когда-то заканчиваются, а в моей не видно конца. Я не хочу обрекать тебя на разговоры о вечности.

Эти слова стали последними, которыми мы с Каем обменялись. Он не успел ничего ответить, как я рванула с места и побежала так быстро, как будто собираюсь поставить мировой рекорд. В конце улицы я обернулась. Кай неподвижно сидит на бордюре, наблюдая за мной. Наши игры кончились. Я проиграла. Кай проиграл.

Я продолжила свой путь, сбавив скорость до спортивного шага. Наверное, из-за непривычки сердце стало выпрыгивать из груди. Проходя мимо местной школы, я заметила пятеро детишек, образовавших круг и смотрящих на землю. Из любопытства я остановилась и разглядела в пространстве между ними кота, которого вылечила утром. Теперь он здоров, а благодаря детям ещё и сыт. Они принесли ему миску с молоком и банку консервов с хлебом.

Никто из детей не обратил на меня внимания, только кот посмотрел на меня с видом «если не ты, то кто-нибудь другой», и я поспешила домой. Не хочу больше быть предметом грусти и разочарования. Все тянутся только к тем, кто к ним добр, кто отвечает им взаимностью.

Неожиданно пошёл дождь. Во время разговора с Каем я и не заметила, что серые тучи почернели и затянули небо. Когда он был рядом, мне было плевать на погоду, но и сейчас я не стану натягивать куртку на голову и бежать сломя голову в дом, чтобы укрыться от мелких мокрых капель, которые смоят моё напряжение. Не спеша я зашла в свой двор. Машины Дилана и Триш нет в гараже, значит они в студии или в городе. Я снова предоставлена сама себе. Касси не лежит на качелях. Она терпеть не может сырую погоду, да и выбора у неё особого не было. Ребята закрыли её в доме.

Сейчас я не смогу посмотреть кошке в глаза. Она хоть и не человек, понимает всё не хуже. Сразу догадается, что в моей жизни произошли перемены. Может, она особо не расстроится, что больше не увидит Кая, но расставание с Джонни она мне не простит. Маленький комочек серой шерсти никогда не обижается, хоть и говорят, что все кошки — стервы. Самое глупое утверждение, которое я когда-либо слышала о животных. Касси станет будить меня по утрам, бегая по комнате, как слон, чтобы я с ней поиграла, ведь я разлучила её с лучшим другом. У меня не будет права на неё сердиться.

Я прислонилась к входной двери, слушая, как дождь отбивает ритм по крыше. Моя бабушка Розалин всегда говорила, что погода плачет вместе с людьми, разделяя их горе. По дороге домой я немного отвлеклась от мыслей о Кае, но с каждой минутой, проведённой вдали от него, ко мне возвращается понимание того, что я натворила. Оставила его одного в ужасную погоду. Он может простудиться. Я уверена, что он так и сидит на мокром бордюре и смотрит в одну точку, надеясь снова увидеть меня, что я передумаю и вернусь к нему. Так бы и произошло, если бы не вечность, разделяющая нас. Он был прав, когда назвал меня эгоисткой. Он бы без раздумий согласился быть со мной, пока смерть не разлучит нас, но я не готова дать эту клятву. Он стал бы лгать отцу, и тот бы умер, так и не дождавшись внуков, потому что я не уверена, что мой застывший организм способен на беременность. Кай пошёл бы на всё, чтобы сохранить мою тайну. Мы бы переезжали с места на место, но это не жизнь. Ему только кажется, что он готов на это.

Кай должен понять, что я не шучу. Один раз во время нашего разговора он обмолвился, что я выдумала эту историю, чтобы расстаться с ним. Он режиссёр, творческая личность. Он может вообразить всё, что угодно, выдумать утопию и жить в своём красочном мире. Я боюсь, что он не вырвется из него. Пока он не замкнулся в себе, нужно рассеять его сомнения по поводу того, что я ему сказала, и я знаю, как это сделаю. Чем только не пожертвуешь ради того, чтобы не видеть смерти близкого человека, чтобы отдалиться от него на непреодолимое расстояние.

Дождь всегда нравился мне, но сейчас вызывает страх, превращая мой двор в угрюмое место, где, кажется, даже деревья против меня. Ветки, переплетаясь друг с другом, образуют зловещие картины, глядя на которые, хочется бежать, но я продолжаю смотреть своему страху в лицо.

Тони умирает из-за меня.

Кай становится старше, и я чувствую себя его внучкой. Мы меняемся ролями.

Стефан ухмыляется мне сквозь пробивающиеся в хмуром небе облака.

Я лежу на операционном столе, чтобы поделиться с людьми своими способностями.

Мне показалось. Это всего лишь иллюзия, игра сознания... Каждый раз я уверяю себя в

этом. Каждый раз самовнушение не срабатывает. Каждый раз, столкнувшись со страхом лицом к лицу, я проигрываю. Он действует мне на нервы и заставляет моё сердце биться чаще. Страх, как вода, закладывает уши и слепит глаза. Я тону в его дерзких объятиях. Мне не перестать бояться, пока я не научусь общаться со страхом на «ты». Мне не научиться, пока он стоит у меня за спиной и шепчет признания в любви. Может, мне просто нравится быть с ним наедине?

Глава 23. Танцы в темноте.

Если люди тебя не понимают, значит ты выбрал свой путь.

Справившись с головной болью, вызванной галлюцинациями на улице, я захожу в дом и собираю свои вещи. В глазах двоится, и я иногда ударяюсь о дверные косяки, но тем не менее справляюсь с задачей. Мой чемодан собран и готов к новому путешествию. Первым делом я упаковала свои дневники, фотографии, золотые песочные часы и старый кулон на цепочке. Эти вещи навсегда стали частью меня, но с одной из них я попрощалась. Тетрадь, надёжно спрятанную в пакетах и коробке, с записями о тяготах «бессмертной» жизни я оставляю Каю вместе с письмом, написанным на скорую руку, для Триш и Дилана на столике в гостиной.

Дорогие соседи, по личным обстоятельствам мне пришлось покинуть дом на неопределённый срок. Оставайтесь здесь столько, сколько понадобится, пока не найдёте достойное жильё. Об оплате не беспокойтесь, мне не нужны деньги, только предупредите моих клиентов о закрытии ветеринарного кабинета. Спасибо вам за помощь в его развитии. Ещё—одна—последняя просьба — передайте Каю коробок и мои глубочайшие извинения.

Берегите себя и заботьтесь о Тони. Он нуждается в вашей помощи.

Вдохновения и творческого развития,

Ева Т.

13 сентября, 2062 г.

Не представляю, что они обо мне подумают, и как объяснят Каю моё исчезновение, но он и так знает, что я бы здесь не осталась. Когда он прочтёт мою тетрадь, пропитанную мрачными мыслями и нежеланием жить, поймёт, что я безнадежна, и меня не спасти. Я давно не вносила в неё новые записи, потому что растворилась в эйфории, но сегодня написала завершающие строки, которые навсегда оборвут все нити, связывающие меня с Каем. Он возненавидит меня, пожалеет, что познакомился со мной, что проронил слёзы, которые не должны были предназначаться монстру.

Я не повторю совершённых ошибок и не стану откладывать отъезд, дожидаясь перемен в лучшую сторону. Они никогда не произойдут. Я переодеваюсь в чистую одежду, а ту, которую сняла, бросаю в мусорное ведро. Кладу в сумочку документы, деньги, некоторую косметику, влажные салфетки, бутылку с водой и еду для Касси. Мобильник оставляю в столе (мне не с кем поддерживать связь), а ключи от дома оставляю на записке для Дилана и Триш. Может, им понадобятся запасные. Остаётся только поймать Касси и посадить её в

контейнер, в котором ей придётся побыть некоторое время, пока я не уеду из посёлка и не найду в городе гостиницу. Охота на кошку занимает около пяти минут. Стоило только погрозить Касси оставить её здесь (хотя я не исключала мысль, что она не захочет ехать со мной), как она повиновалась. Может, ей с ребятами было бы лучше и спокойнее, но я не могу бросить своего лучшего друга и взвалить ответственность на молодую пару.

Я не обхожу дом в поисках зацепок, чтобы остаться ещё на пару дней, не снимаю рекламную вывеску с двери папиной лаборатории, не прощаюсь с маминой розой и не скорблю. Цирковых представлений со мной в роли клоуна было предостаточно. Беру чемодан, вешаю сумочку через плечо, одной рукой прижимаю к себе контейнер с Касси, а другой — держу мусорный мешок, чтобы выбросить его по дороге, и снова покидаю родительский дом без оглядки на прошлое.

***

Поездка в город на такси прошла, как в тумане. Не помню даже цвет машины, в которой ехала, внешность водителя, и сколько я ему заплатила. Главное, что цель достигнута. Я приехала в самую большую гостиницу в центре Миража, где первое время могу не волноваться, что меня смогут найти, если вообще кто-то станет меня искать. Чтобы остаться в зоне недосягаемости, доплачиваю консьержке, и она записывает меня под именем Кейтлин Хайд. Первое, что пришло в голову. Неужели я мечтаю оказаться на её месте? Или просто она произвела на меня впечатление? Скорей всего, я выбрала её имя, потому что упоминала сегодня Брендона в разговоре с Каем и вспомнила ещё одного человека, которому причинила боль.

Я поселилась на девятом этаже в крохотной комнатке, в которой только одна дополнительная дверь — в уборную. Для временного обитания мне достаточно односпальной кровати, холодильника, кухонного стола, шкафа, двух тумбочек, раковины и газовой плиты. Я сразу выпустила Касси из клетки. Кошка стала изучать территорию, и ей не понадобилось много времени, чтобы обойти комнату несколько раз. Чтобы как-то загладить свою вину, я, не раскладывая свои вещи, стала обустроить место для трапезы Касси. Расставила возле свободной стены в импровизированной кухне миски и блюда, наполнив их молоком и консервами. Мне вспомнился тот уличный кот. Это было утром, часов восемь назад, а такое ощущение, что прошло несколько дней. Как будто всё, что произошло сегодня, случилось не со мной, как будто другая Ева вонзила нож в сердце Тони и Кая. Пусть другая Ева винит себя во всех грехах, а я постараюсь на время о них забыть.

Сосуд с моей энергией опустошён, и мне хватает сил только на то, чтобы принять душ и завалиться в чужую кровать, на которой спало бесчисленное множество людей разных возрастов и профессий. Что приводило их сюда? Желание остаться наедине с собой? Поиски вдохновения? Депрессия? Что бы то ни было, я стараюсь об этом не думать и абстрагируюсь от окружающего мира. Завтра я проснусь со свежими мыслями и решу, что делать дальше, как зарабатывать деньги на жизнь, и где эту жизнь коротать.

***

Ни через месяц, ни через два ожидаемого эффекта не произошло. Наступила зима, и я успела сменить несколько гостиниц. Побывав во всех приличных заведениях, я остановилась

в съёмной однокомнатной квартире с более комфортными условиями и интересным интерьером, чтобы хоть как-то разнообразить скучные будни. Касси не в восторге от постоянных переездов. Времени на то, чтобы загнать её в контейнер, уходит всё больше, и я уже подумываю о постоянной квартире, но не могу определиться с городом. Если куда-то ехать, то в место, где я никогда не была, чтобы ничего не напоминало мне о прошлом. Тем не менее я не спешу покидать Мираж. Мне нравится здесь, хоть я и практически с утра до вечера сижу в четырёх стенах. Выхожу только в магазин или в детский парк, предварительно нарядившись в широкие выцветшие джинсы и бесформенный пуховик. Я стала ходить на уличного художника, которого не волнует свой внешний вид, потому что думает он в другом направлении. Мои мысли вряд ли совпадают с мыслями создателей картин, но чувствовать с ними некое родство доставляет мне удовольствие.

За два месяца кочевой жизни у меня прибавился новый чемодан, до краёв набитый литературой об искусстве и древними мифами, которыми я заинтересовалась после просмотра интересного эпического фильма про Одиссею. Понравился мне не только сюжет, но и то, что он был снят, когда я была подростком. Брендона бы тоже заинтересовало моё новое увлечение, но он бы предложил заменить бумажные книги на электронные. Это бы облегчило мой багаж, но меня не привлекает дисплей. Мне нравится перелистывать страницы, разглядывать иллюстрации, писать комментарии на полях, подчёркивать моменты, к которым я позже хотела бы вернуться. Кай разделил бы мою точку зрения. Он из моей эпохи, хоть и никогда в ней не жил. Как бы я ни пыталась, не думать о Кае не получается. Читая книгу, глядя на звёзды, слушая музыку, сидя на подоконнике, я мысленно возвращаюсь к нему, представляю, чем он сейчас занимается, и думаю, помнит ли он обо мне...

Миф об Орфее и Эвридике запал мне в душу. Я несколько раз перечитывала его, проводя невидимую параллель между мной и Каем. Странно, что эту историю до сих пор не экранизировали. Хотела бы я посмотреть фильм об их любви, но Кай не умеет читать мысли и вряд ли обратит внимание на умершую Эвридику и её отчаянного мужа, пытающегося вернуть любимую. Было бы интересно поработать над сценарием, осовременить и расширить двухстраничный миф, добавить предысторию, но главное — сохранить смысл и драму. Не все сказки имеют счастливый конец, и меня это в какой-то степени успокаивает. Видимо, по этой причине мне так приглянулась история двух влюблённых, которых разлучило царство мёртвых.

Когда Эвридика умерла, Орфей отправился в нижний мир на поиски Аида, чтобы тот воскресил его любимую. Парню удалось убедить самого повелителя мёртвых, но при условии, что Орфей не будет оборачиваться к жене, выводя её из подземелья, иначе она навсегда останется во власти Аида. Эта часть напоминает мой неожиданный уход из жизни Кая. Не знаю, к каким методам он прибегал, чтобы меня найти, но его попытки потерпели неудачу. Я сама хотела остаться в тени. Если бы Кай появился на пороге моего временного жилья, я бы повторила слова Аида и попросила его уйти без оглядки, но, в отличие от Эвридики, не последовала бы за ним. Кай сделал бы так, как я его попросила, а Орфей послушался Аида. На выходе из подземелья он обернулся и увидел душу жены, которую он больше никогда не сможет вернуть. Оба парня поступили так, как им велит сердце, но итог одинаков: их любимые далеко. Как оценить поступки обоих? Кто любит по-настоящему? Ответы будут так же глупы, как и вопросы. Я так прониклась этим мифом, что сама стала его частью.

В перерывах между чтением книг, улучшением кулинарных навыков и уборкой комнаты я всячески старалась перестать чувствовать себя одинокой в окружении сотен тысяч людей, ни один из которых не мог заменить мне Кая. Это всё равно что стоять возле школы, которую окончила несколько лет назад, заглядывать в окна и видеть силуэты учеников и учителей, являющихся частью школьной жизни, но уже не твоей. Ты видишь знакомые стены, но больше не хочешь в них возвращаться, потому что там всё стало другим и никогда для тебя не будет прежним. В моих дневниках не было ни слова сказано о бывших одноклассниках, хоть и в то время я ещё могла позволить себе нормальное общение с людьми без страха быть разгаданной. Бывает же такое, что ты одна из двадцати пяти человек не чувствуешь себя частью класса, не разделяешь их увлечения, не интересуешься их жизнью, не ходишь на вечеринки и не влюбляешься каждый месяц в нового парня. Разве по этим причинам меня не должно привлекать одиночество?

За эти два месяца и одну неделю не было ни дня, чтобы я не подумала о Кае. В каждом прохожем на улице я искала его улыбку, причёску, глаза или хотя бы такую же рубашку, но не находила. Кай стал приходить ко мне во снах, как я ему и обещала. Былая тоска по Стефану — это отголоски прошлого, по сравнению с желанием хоть на несколько минут поговорить с Каем. Мне не хватает наших бесед на крыше или за чашкой кофе, или в парке, пока Касси и Джонни резвятся на траве.

— Как ты относишься к субкультурам? — спросил Кай после небольшого летнего выступления Триш и Дилана в моём дворе.

В тот день пришли их друзья, которых я видела по приезду в Мираж. Они оказались весёлыми ребятами, несмотря на общественные стереотипы.

— Ты решил сделать ирокез или отрастить волосы ниже лопаток? Или может, хочешь растянуть огромные туннели в ушах? Учти, я это не вынесу!

Зная Кая, я могу с уверенностью сказать, что он бы никогда ничего подобного не сделал, поскольку предпочитает проявлять себя в творчестве, не прибегая к созданию эпатажной внешности. Я постоянно забываю, что живу в другом времени, и люди экспериментируют над своей внешностью ради забавы, а не для того, чтобы выделиться или кого-то удивить. Можно хоть с ног до головы разрисоваться кричащими татуировками, и никто не скажет тебе, что это дико или что у тебя будет рак кожи. Это стало обыденностью, а значит, и желающих украсить своё тело значительно поубавилось. Во всём есть свои плюсы.

— А я недостаточно экстраординарен для тебя?

— Что за слово? Нельзя было сказать «необычен» или «креативен»? Произнеси его по слогам, — попросила я.

Кая забавляют мои частые просьбы разобрать слово по морфологическому составу или посчитать количество букв и звуков. Я это делаю не для того, чтобы показать своё превосходство, мне просто нравится играть со словами.

— Шутишь? Я лучше потрачу это время на поцелуй, — сказал Кай и сдержал слово. — Ты так и не ответила.

— Ты тоже, — сказала я, закинув ноги на колени Кая и положив голову ему на плечо.

Он перестал раскачивать качели, которые теоретически помнят тепло моих родителей. Папа поставил такие же во дворе, когда я была маленькой. Мне нравилось кататься на них, и я могла часами не заходить домой. Мама с балкона кричала мне, чтобы

я не раскачивалась так сильно, но только при такой высоте я могла почувствовать себя ближе к небу. Мои первые качели были обычной деревянной доской, крепящейся на дереве с помощью канатной верёвки. Потом папа купил мне железные со спинкой. Со временем они стали скрипеть, как кентервильское привидение, что никакое масло не помогало. Третьи качели были широкими с деревянными перекладинами, мы могли уместиться на них с мамой и папой втроём. Нам нравилось сидеть на них, подстелив плед, щёлкать семечки и слушать радио. Эти моменты были редкими, но я дорожу ими. Мы с Каем сидели на точной копии тех качелей. Несколько лет назад я отправила Оливеру фотографию, чтобы он заказал такие же, потому что старые давно развалились. Я как будто знала, что вернусь домой.

— Я работаю над сценарием нового фильма «На волне». Хочу посвятить его различным субкультурам, зародившимся в прошлом веке. Я разговаривал на эту тему с друзьями Дилана и Триш, они много интересного рассказали мне о своей жизненной философии и музыкальных предпочтениях. Они даже согласились принять участие в съёмках, хотя, чтобы эта лента была настоящей и передавала всю сущность того времени.

— Это невозможно передать, — сказала я, вспомнив свои фотографии и записи в дневнике, сделанные в самый разгар популярности неформальных течений. — Представители сегодняшних субкультур значительно отличаются от тех, кто их зародил. Я тоже была подростком и знаю, как легко перенимаются манеры поведения, стиль в одежде и интересы то у одной субкультуры, то у другой. В итоге формируется личность, на которую сложно повесить тот или иной ярлык.

— Знаю, — ответил Кай. Я посмотрела вверх и увидела только подбородок, но представила, как на лице Кая появилось удивление. — Это мне и интересно, как с течением времени видоизменялись субкультуры и формировались новые. Хочу начать фильм с истории о хиппи, панках и готах, а закончить современной волной.

— С трудом себе это представляю.

— Тебе когда-нибудь нравятся мои идеи?

— Редко, — сказала я, и Кай шутливо ущипнул меня за коленку. — Нелегко рассказать о субкультурах. Если не постараться, получится документальный фильм, которых уже снято несколько десятков. Нужно придумать сюжетную линию, которая заинтересует зрителя, которая понравится не только неформальным личностям, но и всем остальным...

— Простым смертным, примитивным? — спросил Кай, передразнивая меня и смешно кривляясь.

— Заткнись! — Его шутки постоянно мешают мне думать.

— Ты научилась произносить это с особой нежностью, спасибо, — сказал Кай смеясь. — Так что насчёт сюжетной линии?

— Ты сам не даёшь мне договорить. Смертный! — передразнила я Кая, и это слово ещё несколько дней эхом звучало в моей голове. Если бы это была не констатация факта, а невинная шутка, мне было бы гораздо легче. — Можно рассказать о подростке, неважно какого пола, который живёт в нашем времени и изучает тематическую литературу, представляет, как бы он выглядел, если бы приобщился к той или иной субкультуре, каким бы стал его образ жизни, какие бы у него появились друзья и увлечения. Это можно растянуть на час, если постараться и отснять красивые кадры, а остальное время займут рассуждения подростка. Может, он станет по пунктам записывать, что ему нравится в каждой из субкультур. Подростки находятся под существенным влиянием окружающего мира, поэтому нужно детально продумать его психологический портрет. В конце он

станет тем, кем велит ему сердце, а не навязанные стереотипы, потому что неважно, как ты выглядишь, как одеваешься, какую музыку слушаешь, а важно то, кем ты себя ощущаешь. Ты сам многое переосмыслишь, пока будешь писать сценарий, возможно, даже выведешь в массы новую субкультуру.

— Ты потрясающая! — сказал Кай, поцеловав меня в висок. — Я бы сам не пошёл в этом направлении. Это действительно отличная идея — показать зрителю, что нужно заниматься тем, что тебе нравится, проявлять и находить себя во всём, к чему лежит душа. Можно назвать это «эго» или...

— Нет. Мы же договорились без ярлыков. Твоя новая субкультура заключается на построении внутреннего мира, основанного на знаниях, полученных из внешнего мира. У неё не должно быть имени. Каждый зритель сам придумает его.

— Тебя так заинтересовала эта тема, что, мне кажется, это была бы твоя лучшая роль!

— Я сказала, что была подростком, но не уточнила, как давно. Тебе нужно найти кого-нибудь помоложе, — сказала я, снова заметив, что вкладываю в свою фразу двойной смысл. — Могу тебе помочь в разработке сценария, если хочешь, поделюсь опытом, но сниматься не стану.

— Будет здорово, коллега!

На следующий день мы просматривали в объёмной комнате Кая мои фотографии из «неформального» прошлого. Я могла бы ещё тогда сказать ему, что была частью зарождения одной из самых популярных субкультур (доказательством были бы даты фотографий), если бы заранее не удалила со снимков 2007–2010 годы. Не зная правды, Кай вдохновился моей фотогалереей, особенно снимком, где у меня длинные белые волосы с голубыми и розовыми прядями, и я держу в руках розу персикового цвета. Он также не знал, что это фото, которое я нашла в папиной лаборатории, предназначалось Стефану...

Интересно, закончил ли Кай сценарий, который он так тщательно продумывал. Возможно, скоро я об этом узнаю, когда увижу премьеру «На волне» на больших экранах страны. Уверена, у фильма будут большие кассовые сборы, хоть и Кай не ставил перед собой эту цель. Пока мне остаётся только ждать и держать за Кая и его съёмочную команду кулачки.

Ждать.

Надеяться.

Мечтать.

Эти три слова поселились в моём мозгу и не собираются его покидать. После смерти Стефана я плела вокруг себя кокон, ждала чуда, надеялась, что скоро проснусь, и всё будет, как прежде. После знакомства с Каем кокон разорвался, оставив после себя тоненькие нити, дающие мне возможность сплести его снова. Что будет сейчас, после того как я снова осталась одна? Ожидания? Надежды? Мечты? Три заветных слова больше не спасают, зато я научилась смотреть своему страху в лицо.

Мысль о том, что Кай рано или поздно состарится и умрёт, каждый раз останавливает меня, когда я готова сорваться и поехать к нему, извиниться и прожить с ним столько лет, сколько нам отведено. Я могла бы стать его женой, матерью его детей, затем подругой, дочкой и внучкой. Мы бы жили в постоянной лжи. Кай справился бы с ней, как и с переездами, но я бы не смогла так жить. Не смогла бы смириться с его старостью и своей

молодостью. Мы могли бы лгать посторонним людям, но не детям. Это было бы выше моих сил. Значит, пришлось бы пожертвовать и отцовством Кая, о котором он мечтает. Ему пришлось бы от многого отказаться ради женщины, которая никогда не догонит его в возрасте. Я представляю Кая в инвалидном кресле, и это связывает меня по рукам и ногам. Я остаюсь там, где должна быть. В стороне.

Я перестала придавать значение временам суток. Совсем недавно я просыпалась с мыслью, что меня ждут потрясающий день и насыщенный вечер. Ночью я засыпала, думая о том, что завтра я проснусь, и всё повторится сначала, только лучше. Сейчас я засыпаю и не хочу просыпаться, не хочу проживать тоскливый день, к тому же во сне не болит сердце. Оно стало беспокоить меня всё чаще, а я даже не могу обратиться к врачу, поэтому спасаюсь традиционными таблетками. Помню, как бабушка Розалин всегда держала при себе пару пузырьков с лекарствами на случай каких-либо недомоганий. Я тоже уже бабушка, только без морщин и внуков, и мне давно пора обзавестись собственной аптечкой.

Я никогда не была такой рассеянной, как сейчас. Однажды в моём номере зазвонил стационарный телефон, я по своей глупости ответила, и на другом конце провода со мной заговорил незнакомец. Он на повышенных тонах упрекал меня во лжи и требовал вернуть ему долг. Я не успевала и слово вставить, что тоже было на меня не похоже. После нескольких минут однообразного монолога до меня наконец дошло, что ни у кого денег я не занимала, и повесила трубку, так ничего и не сказав. В любой другой день я бы узнала адрес мерзавца по определившемуся номеру телефона и направила бы туда полицию. Так поступила бы другая Ева, а я после этого случая переехала в номер, где не было телефона, но и там прожила недолго из-за надоедливой горничной, которая никак не могла понять, что я сама в состоянии навести порядок в комнате, в которой живу. Я не из тех, кто любит приказывать и наблюдать за чужой работой.

В последней квартире я задержалась почти на три недели и пока не собираюсь отсюда съезжать. Вместо того чтобы планировать своё дальнейшее существование и место работы (не могу же я вечно тратить родительские сбережения, которые всегда спасали меня в сложных ситуациях), я наблюдаю за стрелками настенных часов или за песком в часах, которые подарил мне Кай на мой вымышленный день рождения. Мне нравится слушать тиканье часов. Я стала чувствовать время. Каждый день я смотрю на электронные часы ровно в 15:50. Нормальный человек вряд ли счёл бы моё занятие нормальным. Все стараются закрыть глаза на время, а мне некуда спешить. Раньше люди проклинали красный свет, разделяющий их от важных дел, а сейчас новая система пешеходных переходов исключает возможность беспорядочных перебежек через дорогу. Несправедливо по отношению к людям, которые дорожат каждой минутой.

Я бы поделилась с желающими своим временем, если бы могла. Мне приходится придумывать глупые занятия, чтобы скоротать его. Например, я иногда вспоминаю знакомые запахи, представляю человека или предмет, которому он принадлежит. Я слушаю звуки тишины, но обычно заглушаю его мыслями. Чтобы забыть о своих проблемах, кто-то пьёт, кто-то курит, кто-то совершает нелепые и неординарные поступки, а я просто молча слушаю весь мир. Мне необходимо чувствовать, что хотя бы в мечтах я не одна. Человек, умеющий читать чужие мысли, сказал бы, что я громко думаю. Погружаясь в свой мир, я вскоре могу не услышать музыку в наушниках, поэтому обычно сразу включаю песню Триш и Дилана «Время застыло, и мы за стеклом», прежде чем начать рисовать своё красочное будущее.

*Как быстро летят эти чёртовы дни,
Мы так редко с тобой остаёмся одни.
Время спешит, за ним не успеть,
О вечности мне остаётся лишь петь.*

*Рутинa и будни меня держат в плену,
В приторно нудных я минутах тону.
Когда ты со мной, всё оживает внутри,
Мы друг от друга не в силах уйти!*

*Секунды сгорают, не могут застыть,
Но мы неподвластны, продолжим любить.
Нам это подарит бесконечность на миг,
От радости шёпот сорвётся на крик.*

*Когда лопнет стекло в песочных часах,
Я снова поверю, что есть чудеса.
Тогда мы о рамках и сроках забудем,
Представляю, сколько любви ещё будет!*

Эта песня выбивается из общей картины группы «И так далее» и смыслом, и быстрым мотивом, поэтому она не сразу мне понравилась. Стоило остаться одной, как я вслушалась в слова и увидела в них прообраз отношений Триш и Дилана, до того как они стали жить вместе. В песне описаны отношения влюблённой пары, которой постоянно не хватает времени друг на друга. Им хочется продлить каждый миг, проведённый вместе, но время летит с бешеной скоростью, не учитывая чужих интересов. В строчках припева я узнала себя и Кая.

*Я здесь, ты там,
Между нами небо.
У нас мечта,
Чтоб было вечным лето,
И каждый час
Хранил в себе секреты,
Чтобы каждый раз
Были в рай билеты.*

Мы с ним мечтали, чтобы лето никогда не заканчивалось, чтобы время застыло, а мы бы остались за стеклом песочных часов, выбиваясь из общего пространства. Мы любили Космос за его безграничность, ведь только там есть надежда на вечную жизнь. Кай верит, что душа не умирает после смерти. Что же случится с моей? Что, если меня не существует? Что, если я давно мертва, а душа скитается по Земле? Мне часто снится, как я падаю вниз с высокой крыши, раскинув руки, как будто пытаюсь обнять весь мир. Падаю и разбиваюсь. Просыпаюсь и продолжаю жить.

Глава 24. Раньше. Эмоции Евы.

Мы часто произносим фразу «Верни мне мой 2007-ой», но никогда не сможем понять, какой смысл в неё вкладывает каждый из нас.

«Этот грёбанный мир рвёт меня на части», — пел парень в своей рок-группе.

«Всем плевать на мои чувства», — жаловалась девушка виртуальной подруге, но крик её души остался не услышанным.

«Ненавижу!», — писал кровью парень на тетрадном листе, затем рисуя пальцем узоры.

«За что?» — шептала девушка, сидя в углу тёмной комнаты и закрыв лицо дрожащими руками.

«Ты разбила мне сердце», — говорил парень, слушая гудки в телефонной трубке.

«Ищи меня среди звёзд», — думала девушка, спрятавшись от любопытных глаз на крыше.

«Мне о тебе напомнит дождь», — внушал себе парень, гуляя по серому городу, радуясь, что небо плачет вместе с ним.

«Прощай», — вторили друг другу тысячи голосов, потеряв свою первую любовь.

Каждый подросток переживал переломный момент в своей жизни, чувствовал себя беспомощным, ненужным, подавленным и бесполезным. Ева переросла этот возраст, но испытывала такой же спектр эмоций после смерти Стефана. Родители забрали её из общежития обратно домой, потому что она сама была одной ногой в могиле. Замкнулась в себе, практически ни с кем не разговаривала и принимала пищу только после долгих уговоров. Она пропустила целый академический год, после чего взяла себя в руки, окончила университет в 2003 году и получила филологическое образование. Прежде чем начать искать работу по специальности, Ева планировала последний раз сняться в фильме, потому что Стефан хотел, чтобы она этим занималась, и даже сам брал уроки актёрского мастерства. Она согласилась на роль мрачной девушки в «чёрной» комедии, где была центральным персонажем. Для этого ей пришлось перекраситься из блондинки в брюнетку и обрезать чёлку. Ева долго не могла смотреть на свои иссиня-чёрные волосы и радовалась только тому, что режиссёр позволил ей оставить длину.

Съёмки растянулись почти на год из-за недостаточного финансирования. Ева полностью вжилась в роль скрытной девушки, слова которой обычно были обращены в шутку. Мистер и миссис Стюарт верили, что съёмочный процесс вернёт их дочь к жизни, но этого не произошло ни после выхода фильма, ни через год и даже два. Ева не вышла из картинного образа, привыкнув к новой внешности. Ей стали поступать предложения сняться в разных картинах и телешоу, но она ясно дала понять, что с карьерой актрисы покончено, хоть и на её счету было всего три полнометражных фильма и несколько рекламных роликов. Может, при других обстоятельствах она бы и дальше продолжала сниматься. Ей нравилось примерять чужие роли и характеры, но в 2006 году Ева окончательно поняла, что её организм прекратил процесс развития. Обычно в двадцать шесть лет мало заметных изменений во внешности и нет признаков старения, но Ева чувствовала, что с ней что-то не так. Она не испытывала недомоганий, когда не спала сутками напролёт, перечитывая письма, которые они со Стефаном писали друг другу во время каникул, или пересматривая

совместные фотографии. Она перестала чувствовать усталость после нескольких лечений бездомных животных подряд. Она ощущала нескончаемый запас энергии, несмотря на внутреннюю опустошённость. При желании она могла бы стать чемпионкой в любом виде спорта благодаря выносливости и силе. Даже узнав о своей уникальности, Ева думала только о Стефане и жалела, что её способности не принадлежали ему, ведь тогда, возможно, он был бы жив.

Еве не с кем было поделиться своим открытием, она даже не знала, радоваться этому или огорчаться. Она думала, что сходит с ума, что ей всё приснилось, поэтому стала записывать свои ощущения в тетрадь, в качестве доказательства. Девушка не знала, что будет дальше с её жизнью, поэтому ей оставалось только вскрывать незажившие раны, вызванные потерей Стефана, сопровождая душевные переживания грустными песнями. Родители думали, что этот сложный период вскоре закончится, поэтому позволяли ей закрываться в своей комнате и перестали приглашать в гости Тони, который пытался вытащить их дочь из депрессии. Из-за обрушившихся бед в лице смерти любимого парня и «застывшего» организма Ева не желала никого видеть. Любые попытки вопросов о её самочувствии она воспринимала как нарушение личного пространства, вторжение в мир, сотканный из воспоминаний и несбывшихся желаний.

В 2007 году, прогуливаясь по городу, Ева встретила девушку со съёмочной площадки, сыгравшую неформалку в одном из эпизодов. Как оказалось, она и ребята из той компании, появившейся в кадре, были не актёрами, а представителями разных субкультур. Они были приглашены, чтобы создать определённую атмосферу в фильме. Бони (девушка не представилась настоящим именем) пригласила Еву в парк, где каждый день собиралась компания людей со схожими интересами и взглядами на жизнь. Ева вежливо отказалась, но в течение недели, редактируя дома тексты, которые присылали ей по интернету литературные агенты, она постоянно возвращалась к словам, сказанным Бони: «Приходи в любое время, развеешься. С нами можно не стесняться быть собой. Ты понравишься ребятам». Ева не знала, что привлекает её больше: возможность развеяться, быть собой или пообщаться с людьми, которые её поймут. Через пару дней раздумий она решила принять приглашение, хоть и считала его абсурдным. Впервые она не послушала голос Стефана, шепчущий ей: «Не ходи туда, тебе там не место», потому что Еве был необходим поток свежих эмоций.

Июнь в Мираже выдался жарким, но Еве это не помешало надеть легинсы, юбку, джинсовую жилетку поверх футболки и кеды. Вся одежда была чёрной, кроме розовой футболки под цвет теней на веках и синей обуви в тон волосам, которые Ева выпрямила, после чего зафиксировала лаком начёс, отделённый от чёлки розовым ободком. Она видела, что так ходят подростки, но стиль Ева переняла ещё на съёмках фильма, поэтому родители не удивились, когда их дочь вышла в таком виде из дома. Образ Евы завершали сумка-почтальонка, увешанная цветными значками, и ремень с серебристыми квадратными заклёпками. В автобусе большинство людей косо поглядывали на странную девушку, но она не слышала чужих перешёптываний из-за громкой музыки в наушниках.

Приехав в городской парк, Ева засомневалась, стоит ли ей идти на скейт-площадку, о которой ей говорила Бони. Она не думала, что компания окажется настолько большой. Даже если постараться, будет сложно сосчитать количество людей, сидящих на лавочках и бордюрах вокруг площадки, в центре которой катаются парни разных возрастов на

скейтбордах и роликах. Ева со стороны посмотрела на времяпровождение шумной компании и уже решила поехать обратно домой, как её заметила Бони и помахала рукой, приглашая подойти.

— Я думала, ты не придёшь. Рада тебя видеть, — сказала Бони, поцеловав в знак приветствия Еву в щёку, взяла её за руку и повела в толпу, чтобы представить друзьям.

Еву удивили многочисленные улыбки и слова «приятно познакомиться», и она не могла не улыбнуться в ответ. По пути девушка обдумывала, как лучше ответить на вопрос о своём возрасте. На тот момент ей было уже двадцать семь лет, а выглядела она не старше присутствующих подростков, поэтому решила солгать. Уже тогда Ева понимала, что только так она может дольше задержаться здесь, ведь люди, окружающие её, будут расти, а она — нет. На случай, если её спросят, работает ли она где-нибудь, Ева хотела сказать правду, ведь её должность редактора на дому и серьёзной работой сложно назвать, но ей нравилась дистанционная занятость, к тому же и стаж работы шёл в трудовую книжку, и филологические навыки пригодились. Ева вздохнула с облегчением, когда её новые знакомые ограничились вопросами «Как тебя зовут?» и «Какую музыку ты слушаешь?». В компании Бони музыка была главной темой и обсуждалась часами. Еве пришлось это по душе. Она поделилась своими любимыми музыкальными группами, узнала о предпочтениях ребят, и вечером у неё уже был целый список незнакомых групп, которые она хотела послушать.

— Парни вечером исполосуют лезвием запястья от неразделённой любви к тебе, — сказала Бони и засмеялась, демонстрируя пирсинг в языке. Ева заметила, что у многих присутствующих ребят проколото лицо, сделаны татуировки и волосы выкрашены во все цвета радуги. На их фоне она выглядела незаметной тенью, но тем самым и выделялась. Несмотря на пестроту цветов и взбалмошное поведение, эти девушки и парни вызывали у Евы умиление. Они казались ей искренними и душевными. — Кстати, Люк глаз с тебя не сводит.

— Откуда ты знаешь? Их же не видно за чёлкой, — сказала Ева, сидя на длинной лавочке в окружении людей, которые пусть на один день, но вернули девушку к жизни.

— Я чувствую, как бешено стучит его сердце, — сказала Бони и сделала из пальцев сердце с крыльями, показывая, как оно выскакивает из груди.

Ева ещё на съёмках фильма заметила дружескую атмосферу внутри компании Бони, но не думала, что эти люди и в жизни относятся друг к другу с теплотой.

Люк, сидящий на лавочке напротив, заметил, что Бони и объект его обожания смотрят на него, засмутился и сделал вид, что ему срочно понадобилось найти что-то в телефоне. Ева почувствовала смятение от того, что она действительно понравилась этому парню и только сейчас поняла, что на протяжении шести лет она была одна, лелеяла воспоминания о Стефане, разрывала свою душу в клочья. Она пыталась забыть плохие моменты, связанные с ним, хранила любовь к нему, винила себя в его смерти, ведь если бы в тот день она не уговорила его пойти на вечеринку, он бы не поехал за ней, и ничего бы не случилось...

— Ты сумасшедшая! — сказала Ева, обращаясь к Бони, и та снова расцвела в улыбке, не отрицая сказанного.

Бони — яркая представительница популярной субкультуры. Чёрные волосы с розовыми прядями, косая чёлка, два кольца в губе, ярко-накрашенные глаза, клетчатая юбка, рубашка и кеды с разноцветными шнурками. Её фотографии можно печатать в статьях, и люди сразу поймут, о чём в данном тексте пойдёт речь. Ева за весь день успела заметить, что не только

Бони может похвастаться своей внешностью. Многие парни, присутствующие на скейт-площадке, следят за собой, чего не делают некоторые девушки, и тоже могут смело попасть на обложку молодёжного журнала.

— Ты новенькая? — спросил высокий худощавый парень, садясь на свой скейт напротив Евы и Бони.

Ева не сразу поняла, что это Люк, о котором только что говорила новая подруга. Если здесь легко спутать парня с девушкой, то отличить одного парня от другого из-за схожей одежды, цветовой гаммы и причёсок тоже нужно уметь.

«Старенькая, — подумала Ева и подавила смешок. — Ему же не больше двадцати».

— Да, мы с Евой познакомились на съёмках, я тебе рассказывала. — Бони сочла молчание Евы за скромность и ответила за неё. — Я схожу со Спанчем и Патриком в «Макдональдс», весь день ничего не ела. Вам что-нибудь принести?

— Два мороженого. Клубничных. В стаканчиках, — попросил Люк и сел на освободившееся место Бони. — Если, конечно, Ева не голодна и не хочет съесть чего-нибудь более калорийного.

— Нет, спасибо, — ответила Ева и спрятала руки в карманах жилетки, испугавшись соприкосновения с Люком. Она поняла, что Бони нарочно оставила их наедине и поймала себя на мысли, что клубничное мороженое ей сейчас необходимо больше всего на свете.

— У тебя не болит от неё голова? — спросил Люк, кивая в сторону удаляющейся Бони. — Она может болтать без умолка, пока ей в голову не взбредёт очередная дурацкая мысль.

— Например? — спросила Ева, проигнорировав вопрос Люка.

Он показался ей милым и общительным (хоть и весь день он катался на скейте в одиночестве, слушая музыку в наушниках), а также не похожим на остальных присутствующих парней. Его тёмно-русые волосы и ногти не выкрашены в чёрный цвет, у него нет татуировок и пирсинга, тем не менее он выделяется из общей массы неординарных личностей, собравшихся вместе провести время. На нём узкие голубые джинсы, серая футболка и кеды, которые уже стали не просто обувью, а неотъемлемой частью гардероба молодёжи двадцатого столетия.

— Она всегда носит лезвия в сумке, — ответил Люк, и Ева поняла, что они с Бони близки, раз он знает о ней подобную информацию. — Сколько бы раз я ни забирал их у неё, она покупает новые.

— Зачем они ей? — удивилась Ева.

Она, конечно, слышала, что лезвие является одним из атрибутов субкультуры. Его миниатюрную копию кто-то носит на цепочке как подвеску, или в ушах как серёжки-гвоздики. Кто-то вовремя подхватил предпочтения молодёжи и теперь зарабатывает неплохие деньги на производстве значков, браслетов, сумок и одежды для подростков.

— Полосовать запястья, как она любит выражаться, — ответил Люк, рассматривая новую знакомую из-под чёлки. Ева показалась ему особенной, не похожей на остальных девушек, которые постоянно стремятся обратить на себя внимание одиноких парней. В этом мнения Люка и Евы друг о друге мысленно сошлись. — Она считает, что так может заглушить душевную боль, начиталась суицидальных историй...

— Что же её тревожит? — спросила Ева, которую не раз посещали грешные мысли, но она никогда всерьёз не задумывалась о смерти. Её безусловно прельщала мысль, что, умерев, она сможет встретиться со Стефаном, но, узнав о своей сущности, стала сомневаться в

существовании загробной жизни.

— Её мать была наркоманкой и умерла несколько лет назад, кстати, настоящее имя Бони — Лаура, — сказал Люк, и Ева не могла понять намерений его откровения, но поняла причину, по которой Бони скрывала своё настоящее имя: оно попросту ей не нравилось. — Её отец недавно женился на моей маме, но Лаура не может выбросить из памяти образ матери, превратившуюся в кости, обтянутые кожей. На этой почве у неё частенько бывают нервные срывы. Тяжёлое детство даёт о себе знать. Я удивился, что Лаура привела тебя сюда, потому что у неё нет подруг, она тусуется здесь из-за своего парня. Он местная знаменитость, поёт в группе.

Ева столько лет жила под куполом своих личных проблем и забыла, что они имеются и у других людей. Услышав грустную историю о девочке, пытающейся покончить с собой, и её сводном брате, заботящемся о ней, Ева почувствовала с ними родство душ и подумала, что неспроста встретила с Бони. Возможно, они помогут друг другу залечить раны, которые не могут зажить.

— Мне жаль, — сказала Ева, но, поняв, что произнесла банальные слова, добавила: — Может, не только мне необходимы перемены. С твоей сестрой всё будет в порядке. Чем вы занимаетесь помимо пребывания в парке?

Люк рассказал, что через год он окончит академию и станет звукорежиссёром. Ева ошиблась, когда предположила возраст парня. Ему двадцать два года, но пять лет разницы между ними тоже играли для Евы немаловажную роль. Она, как и все девушки, общаясь с интересным парнем, представляет, как бы они смотрелись вместе. Ева позволила себе эту мысль, как и многие другие мысли за сегодняшний день, но она знала, что никто не заменит ей Стефана. Не сейчас. Может, даже никогда. На его фоне Люк выглядит слишком откровенным и слишком реальным.

Бони вернулась с клубничным мороженым, когда Люк рассказывал, как его сводная сестра отпраздновала школьный выпускной несколько дней назад. Учителя были в ярости, а одноклассники в шоке, когда девушка явилась на вручение аттестата в чёрном пышном платье с корсетом, затянутым розовыми лентами, и в белых кедах на высокой платформе. Причёску можно было сравнить с последствием электрического разряда. Бони произвела на всех негативное впечатление, и только родители с Люком поддержали её в тот день, учитывая то, что даже отец не знал, в каком наряде придёт его дочь. Она весело улыбалась и позировала на камеру, когда получала аттестат, состоящий из удовлетворительных оценок, об окончании школы. Еву не удивила выходка новой подруги. Мрачное платье и вызывающая причёска не сравнятся, например, с ранней беременностью школьниц. С этой точки зрения поступок Бони можно считать безобидной шалостью и стремлением быть непохожей на сверстниц.

— Я ненавидела школу. На общей фотографии для выпускного альбома все девочки были в платьишках и туфельках, а я вырядилась в джинсы, майку и кеды. Потом, глядя на фото, я подумала, что выглядела глупо на их фоне, но тогда мне было плевать, — сказала Ева, ничуть не солгав, в поддержку девушки, стремящейся самовыразиться.

— Воркуете? — спросила Бони и вручила Еве с Люком по мороженому и не взяла предложенные братом деньги.

— Тебя обсуждают, — ответил Люк, чем удивил Еву. Девушка поняла, что у брата с сестрой нет друг от друга секретов, что встречается довольно-таки редко, особенно если они сводные.

Остаток вечера Ева и Люк провели наедине в отдалённом от множества подведённых чёрным карандашом глаз уголке. Парень учил Еву стоять на скейте и не давал ей упасть. Она раньше вообразить не могла, что когда-нибудь «пересядет» с мотоцикла Стефана на четырёхколёсную доску, но ей понравилось времяпровождение с новым знакомым.

Обнаружив на своём телефоне пропущенные звонки от родителей, отвыкших от столь долгого отсутствия дочери, Ева попросилась с друзьями Бони, и Люк вызвался проводить девушку домой. Они отказались от автобуса и поехали на скейтах (Люк позаимствовал один у друга). Раньше бы Ева покрутила пальцем у виска, услышав, что доска может выдержать взрослого человека. Больше всего её нравилось, что езда отвлекает от разговоров, но вопрос о возрасте всё же не обошёл Еву стороной. Она солгала Люку, что ей двадцать один год, и с этим никто не мог бы поспорить, если только не взглянуть на дату рождения в её паспорте.

Возле дома Евы парень попросил её номер телефона и ник, под которым она зарегистрирована в социальных сетях. Девушка вела только электронный дневник, на страницу которого выкладывала свои мысли, понравившиеся картинки и стихотворения. Собственные рифмы и фотографии она предпочитала не выставлять на всеобщее обозрение, но по просьбе Люка вечером она выложила своё стихотворение «Искусственные», написанное в порыве эмоций.

*Они не любят. Это лишь притворство!
Скрываются за маской доброты,
Преподнося своё упорство,
Сжигая честности мосты...*

*Наверно, сложно взять пример
С их надменных лиц.
Не перенять у них манер
И багажа прочитанных страниц.*

*Их разговоры в пустоту
Уходят без возврата.
Вмиг статусы теряют высоту,
И принципы становятся утратой.*

*Искусственные люди не глупы,
Подлость выдают за благородство.
Хоть и сладких слов рабы,
Они не любят. Это лишь притворство!*

Люк стал первым читателем электронного дневника Евы и всю ночь оставлял вдохновляющие комментарии к её записям. Девушке это польстило, но она была уверена, что путь к её разбитому сердцу лежит сквозь тернии, и вряд ли парню, который сам нуждается в поддержке, это под силу. Как бы то ни было, их общение послужило началом дружбы, которой не суждено было стать крепкой и продолжительной.

Летом 2007 года и последующие два года Ева общалась с Люком и Бони. Они всегда встречались на нейтральной территории: в парке, на концертах, в кино или кафе. Ребята стали выдающейся троицей в большой неформальной компании благодаря своим творческим способностям. Люк окончил академию, стал работать в звукозаписывающей студии и сотрудничать с местными рок-группами. Ева часто приходила к нему, чтобы помочь вокалистам написать тексты песен, а Бони делала обложки альбомов. Деньги за свои услуги Ева не брала, поскольку ей хватало гонорара, полученного за съёмки в фильме, и она обзавелась постоянной работой. Девушка устроилась в издательство, где проводила полный рабочий день, к тому же она больше не могла сидеть дома в четырёх стенах.

Общение с Люком и Бони пошло ей на пользу. В тёплое время года они встречались по вечерам на скейт-площадке, куда постоянно приходили новые люди, сменяя друг друга, словно песни в проигрывателе. У некоторых парней и девушек менялось мнение о своём образе жизни, и они находили себе другое занятие, позабыв о былой романтике и подростковых проблемах. Наверное, просто становились старше и заводили новых друзей. Ева не только не старела телом, но и душой. Девушка прониклась атмосферой того времени. Ей нравилось бывать на крышах, в заброшенных зданиях, где она делала чёрно-белые фотографии, которые потом выкладывала на страницу своего электронного дневника. Благодаря Бони у Евы прибавилось читателей. Лаура, хоть и некоторое время злилась на подругу за то, что та не хочет отношений с Люком, всё равно рекламировала среди друзей её творчество. Бони была свидетельницей страданий брата, о чём рассказывала Еве, чтобы растопить лёд в её сердце, но девушка оставалась непреклонной. Она не хотела обманывать ни себя, ни влюблённого парня. Получив обещание вечной дружбы, Люк спустя пару месяцев пришёл в себя, но продолжал надеяться, что Ева изменит своё решение. Окунувшись с головой в свои тёплые чувства к Еве, Люк перестал контролировать сестру и не знал, что она всё чаще стала подумывать о суициде. Она тщательно скрывала свои психические расстройства, поэтому ни Люк, ни Ева не подозревали, что в душе Бони творится хаос по необъяснимым даже для неё самой причинам.

— Просто осеннее настроение, — оправдывалась Бони, когда Ева пыталась узнать причину грусти подруги.

Еву беспокоило душевное состояние Бони. Она поставила себя на место родителей, когда те предпринимали тщетные попытки привести дочь в чувство. Она поняла, что человеку, каждый день наблюдающему за страданиями другого человека, приходится нелегко, потому что он знает, что не в состоянии ничем помочь. Ева также знала, что Бони сама должна покончить со своей депрессией, но человеку, погрязшему в ней так глубоко, сделать это практически невозможно. Стоит только остаться наедине с мыслями, они начинают пожирать тебя, заставляют совершать глупые поступки. Бони часто не ночевала дома, бродила по улицам, слушая музыку и разрисовывая аэрозольными красками гаражи. По одним только картинкам на телефоне можно было понять, что Бони не в себе. Даже её парень не мог вырвать девушку из цепких лап мрачных мыслей. Днём Бони веселилась в колледже и делилась своей улыбкой с друзьями, которые не догадывались, что девушка притворяется, а вечером вновь оставалась одна.

Ева, чтобы забыть о собственной депрессии, полностью посвятила себя компании внешне похожих друг на друга людей, которых раньше она считала странными и неуравновешенными. В общении с ними она нашла для своей заблудшей души приют. Они

никогда не задавали лишних вопросов, грусть воспринимали не как болезнь, а как неотъемлемую эмоцию, не учили жизни и не навязывали своего мнения. Ева считала их идеальными друзьями. Один вечер они могли провести в полной тишине, слушая душераздирающие песни и дыхание друг друга, а следующим вечером бегали по парку, громко смеясь и шутя. Они были одним целым. Чувствовали себя частью чего-то особенного и великого, о чём потом будут рассказывать своим детям и внукам.

Они не знали, что их поколение, позже получившее название «поколение нулевых» было уникальным. Не догадывались, что спустя пару лет подростки не станут рисовать маркерами на кедах, на которых шнурки менялись чаще, чем себе мог вообразить нормальный человек. Вряд ли будущее поколение будет спорить, у кого оригинальней ник или интереснее написан статус в социальных сетях, ведь раньше это было в новинку. Раньше люди вели блоги, чтобы познакомиться в интернете с тем, кто разделит их взгляды, а не для заработка и пиара. Раньше девушки переписывали друг у друга стихи о любви, а сейчас на собственном примере показывают, как нужно себя вести, чтобы вскружить голову парню, желательно тому, у которого больше денег и связей, чем талантов и знаний. Раньше считалось нормой меняться друг с другом значками, браслетами и одеждой, кстати, купленной в секонд-хэнде. Раньше улицы всех городов страны были заполнены подростками, пропагандирующими выражение искренних эмоций и творческого потенциала, который проявлялся в игре на музыкальных инструментах, написании стихотворений и рассказов, ведении дневников и рисовании картинок чёрной ручкой. Парни и девушки, позиционирующие себя в качестве неординарных личностей, не были угрозой для общества, как считали многие ненавистники. Они лишь мечтали о великой любви и были настоящими.

***

В конце 2010 года, когда интерес к чёрно-розовой моде стал угасать, Еве уже было тридцать биологических лет, но её тело по-прежнему не менялось, поэтому ей пришлось солгать родителям, что ей предложили работу по специальности в другом городе с большей заработной платой, чем она имеет в Мираже. Она избавилась ото лжи, с которой ей приходилось жить, говоря матери и отцу, что ей рано думать о детях, что она хочет ещё несколько лет посвятить самосовершенствованию, и это беспокоило мистера и миссис Стюарт. Они потеряли надежду, что их дочь обретёт новую любовь, ведь ни продолжительные ухаживания Тони, ни забота Люка не воспринимались ею всерьёз. Оба так и остались лишь друзьями. Родители беспокоились и о том, что дочь плохо питается, но это было Еве на руку. Она ссылалась на строгую диету для поддержания стройности фигуры и упругости кожи, ведь всерьёз начинать следить за собой нужно уже после двадцати лет.

Ева с тяжёлым грузом на сердце уехала в чужой город, ставший первым в её коллекции, но она сделала этот выбор не только из-за стыда перед родителями и нежеланием рассказывать им правду, а в большей степени из-за того, что узнала о смерти подруги, которая неожиданно для всех покончила с собой. Бони оставила предсмертные записки для отца, Люка и Евы. Их она считала самыми близкими людьми, тем не менее не подумала о том, какую боль им причинит своим уходом. Ева не знала, что Бони написала в других записках, но смысл своей она долго не могла разгадать. Краткость письма удивила её не меньше, чем самоубийство.

Кукольный мир.

*Однажды проснулась, а вокруг никого,
Лишь голые стены и твой гардероб.
Платья и туфли не влезают в него,
Лучше бы к сердцу было много дорог...*

*Макияж первым делом наносишь с утра,
Рисуешь улыбку, а в душе пустота.
По чужой самооценке — серьёзный удар,
Орудие смерти — твоя красота.*

*Мечтаешь жить в замке с принцем своим,
Хочешь с ним вместе путь длинный пройти,
Но сперва сними маску и любовь оживи...
Мало быть куклой, чтобы счастье найти!*

Бони оставила подруге стихотворение, написанное аккуратным подчерком, как будто она готовилась к смерти заранее. Ева была уверена в том, что девушка сама его написала, хоть и раньше не проявляла поэтических способностей. Она часто перечитывала стихотворение, пытаясь найти в нём скрытую причину суицида подруги. Причину девушка так и не нашла, потому что в романтических строках её быть не могло, зато вспомнила, что Бони изредка говорила о различных способах суицида.

— *С крыши прыгают только отчаянные самоубийцы, пытаясь в последний раз привлечь к себе внимание. Лично я не хочу оставлять после себя кровавую лепёшку.* — Никто не мог усомниться, что Бони шутит.

— *Бросаться под машину — эгоистично. Невинный водитель попадёт за решётку из-за чужой мёртвой задницы, в прошлом жаждущей приключений.* — Бони всегда была рассудительной, и друзьям казалось, что она по заслугам осуждает самоубийц.

— *Пуля в висок — мгновенная смерть и грязная работа для патологоанатома.* — Бони пожалела без того расшатанные нервы врачей и заодно не стала портить свой внешний вид, поэтому выбрала способ, о котором никогда не говорила. Она умерла от передозировки таблеток.

Люк воспринял поступок сестры как удар в спину. Он стал винить себя, что не смог её уберечь, думал, что не уследил, не остановил и недостаточно хорошо её знал. Ева узнала в нём себя, но друг и слышать не хотел о том, что его понимают и разделяют боль утраты. Последний раз она видела Люка на похоронах Бони, после чего уехала из Миража и больше никогда не предпринимала попыток наладить с парнем общение. Он так и не понял, что смерть Бони послужила ударом не только для него, но и для Евы. Не каждый день теряешь близких, с которыми делил всё свободное время, и которых посвящал в свои мечты. Возможно, поэтому Ева на протяжении многих лет не заводила друзей. Она знала, что рано или поздно смерть заберёт у неё человека, о котором заботилась. Позже родители стали

тому доказательством.

За несколько лет активного существования субкультуры были зарегистрированы случаи самоубийства, но Ева тешила себя мыслью, что Бони руководствовалась не канонами моды, а здравым смыслом, если вообще в подобной ситуации он имеет место быть. Ева приняла выбор подруги, но, уехав из родного города, сменила причёску, вернув волосам натуральный цвет, и спрятала всю накопившуюся одежду в далёкий ящик, потому что каждая вещь напоминала ей о прошлом. Она оставила только чёрный кожаный ремень с металлическими вставками в форме сердец, который подарила ей Бони. Еве казалось, что он приносит удачу, несмотря на тоску, навеиваемую им.

В новом городе Ева, проходя мимо скейт-парка, больше не чувствовала родства с присутствующими там людьми. В первую очередь не из-за того, что они были ей чужими, а из-за того, что они были представителями второй волны, видоизменившей первоначальную идею субкультуры, которая однажды перевернула жизни многих молодых сердец. У молодёжи того времени была своя философия, которая отчасти заключалась в создании привлекающей внимание внешности. Длинная чёлка, чёрный цвет волос, густо подведённые глаза были способом не только самовыражения, но и поиска единомышленников. Настроение человека определяло музыку, которую он сегодня будет слушать, и преобладающий цвет одежды. Днём парни и девушки с ранимой душой радовались каждой мелочи, а вечером ненавидели весь мир и пытались уйти от печальной реальности. Когда грани восприятия стирались, возникало желание плакать, кричать и смеяться одновременно...

Каждое поколение оставляет после себя след в истории и искусстве, но ещё никогда этот след не был таким ярким, глубоким и впечатляющим. Кто-то считал это явление моральным разложением молодёжи, кто-то — временной забавой и поводом для ссор с родителями, кто-то — вызовом системе, но никто не оставался равнодушным. То время стало целой эпохой, и Ева была частью горечи, безумства и поисков себя. Спустя пару лет общество потеряло интерес к самой эмоциональной субкультуре. Первые представители выросли, хоть и клялись навсегда остаться детьми, и слились с ненавистной толпой, но внутри остались прежними. В узких кругах они пытаются воссоздать атмосферу прошлого, слушая старые песни, устраивая акустические концерты и пересматривая фотографии, но прекрасно понимают, что те годы неповторимы. Единственное, что им осталось, — вспоминать и рассказывать младшему поколению свою сумасшедшую историю, чтобы субкультура начала двухтысячных каждый раз возрождалась из горстки пепла сожжённых дневников, чтобы из моды переросла в нечто большее.

Глава 25. Неизбежность.

Моё завтра не наступит никогда.

Семнадцатого декабря весь день шёл дождь, а я лежала в постели, глотая таблетки, чтобы сердце не выскочило из груди. Из-за пронзительной боли я вставала только по нужде или покормить Касси. Несколько раз я собиралась пойти в поликлинику, но сразу одёргивала эту мысль, потому что медсестра станет мерить давление, а мне иногда кажется, что у меня вообще нет пульса, а моё сердце не бьётся. К боли можно привыкнуть, если отвлечься на приятные воспоминания и представить, что моё тело — это лишь материя, не

имеющая ко мне никакого отношения.

В 15:03 раздался стук в дверь, и я по инерции крикнула: «Минуту!». У обслуживающего персонала есть ключ, и они в любом случае войдут, а я не хочу, чтобы горничная (или кто бы это ни был) застала меня в лежачем положении. Обычно обслуживающий персонал беспокоит меня утром и вечером, чтобы предложить навести порядок в комнате и спросить, не нужно ли мне что-нибудь. Наши встречи обычно бывают короткими, но мне не нравится, что ради нескольких минут приходится собирать своё самообладание в кулак, чтобы никому не нахамить.

Поверх пижамы я накинула махровый халат и кое-как застелила одеялом кровать. Касси несколько раз чуть не сбила меня с ног, пока я шла в коридор. Она постоянно думает, что я играю с ней в догонялки, когда спешу. Подойдя к двери, я заметила в ней квадратный дисплей, который давно пришёл на замену обычному «глазку», и вспомнила, что в гостиничных комнатах нет коридора, и что я нахожусь в квартире. Никакого обхода обслуживающего персонала быть не должно!

Стук повторился, и Касси стала громко мяукать, глядя на закрытую дверь, требуя, чтобы я наконец её открыла. Маленькая предательница. Кто меня за язык дёрнул сказать хозяевам квартиры, что мне не нужен отслеживающий дисплей? Они рады были стараться и временно отключили гаджет, чтобы не платить за услуги. Скупердяйства у них не отнять, а у меня — глупости. Я и не думала, что ко мне может кто-то прийти, хоть и каждый день ждала, что за мной явятся люди в белых халатах. Думала, что Кай не сможет долго молчать и предаст меня при первом же подвернувшемся случае. Что ему стоит собрать прессу и объявить миру о сенсации? То, что он прочитал в моей тетради со словом «Вечность» на обложке, должно было давно привести ко мне если не врачей, жаждущих вскрыть мой мозг, то хотя бы психотерапевтов.

Почему-то меня больше не пугает человек за дверью. Наверное, отчаяние поселилось во мне так глубоко, что я жажду общения хоть с кем-нибудь. Если мне суждено скоротать свои дни в клетке под прицелами камер и любопытных глаз, пусть это произойдёт немедленно. Затаив дыхание, я открыла дверь, хотя могла этого и не делать. Даже у такой, как я, есть право на неприкосновенность.

На секунду мне показалось, что передо мной стоит Стефан, и я уже подумала, что окончательно свихнулась. Первым делом я взглянула на лицо мужчины и увидела знакомую полуулыбку. Никогда бы не подумала, что испугаюсь её. Я потуже затянула пояс на халате, вспомнив, что человек в чёрном пальто и капюшоне, стоящий передо мной, во время нашей единственной личной встречи проявлял ко мне знаки внимания.

— Оливер? — Я обрадовалась фильтру в носу нежданного гостя, потому что сегодня была не в состоянии почистить зубы.

— Позвольте войти? — Куда делась его напористость и самовлюблённость? Я шире открыла дверь, впуская Оливера на порог. Он снял сапоги и, не вставая с пола, погладил Касси, обнюхивающую незнакомца. У неё сегодня праздник. В доме новый человек. — Вы ели сегодня? Ваша кожа бледнее поганки.

— А где Ваша свита? — задала я встречный вопрос. Надежда на то, что первое впечатление о человеке обманчиво, вмиг улетучилась.

— Вы имеете в виду, охрана? В машине. Не мог же я заявиться к Вам с двумя здоровенными мужиками.

— Это не помешало Вам заявиться самому, — сказала я и жестом пригласила гостя в

комнату, чувствуя, что больше не могу стоять на ногах.

Я села на кровать, а Касси легла рядом, изучая Оливера, который сел в кресло напротив. Единственное кресло в однокомнатной квартире. Она принадлежит старушке, которую забрали дети, чтобы, как говорится, «досмотреть». Так мне сказала девушка, с которой я договаривалась об арендной плате.

— Простите за неожиданный визит, но меня вынудило одно событие, и я не мог не найти Вас. Это, кстати, заняло немало времени. — Оливер сумел подобрать верные слова, чем вызвал у меня интерес. — Пару недель я периодически обзванивал все гостиницы города, но Ева Таймерли или не была там зарегистрирована, или постоянно ускользала от меня.

В любой другой день я бы побоялась впускать в дом едва знакомого мужчину, но что-то мне подсказывает, что Оливер безобиден. Он включает поведение альфа-самца только на публике. Это его имидж, который, вынуждена признать, грамотно выстроен. Девушки стоят в очереди, чтобы провести с ним день, а тем более ночь. Я вижу это по его манере поведения. Он не осыпает подруг комплиментами, он груб и настойчив. Наверное, по этой причине он развёлся с женой. Она не смогла быть частью его спектакля ради заработка и пиара, зато большие деньги послужили Оливеру приманкой для юных девиц. Иногда не понимаю женщин. Они на протяжении многих веков отчаянно требовали равенства полов и в итоге добились своего. Мужчины стали с большим уважением относиться к слабому полу. Поцеловать при встрече девушку друга в щёчку стало дикостью, значительно снизились случаи домашнего насилия над жёнами, уменьшилось количество разводов и измен. Женщины добились желаемых результатов, но прошлое не отпускает их. Им по-прежнему нравится грубость и пренебрежение. Мне легче понять мужчин. Они скоро запутаются в своём поведении и перестанут соображать, как им поступать, чтобы нравится женщинам. Может, общество идёт к тому, что люди станут избегать друг друга?

— Ева, Вы себя плохо чувствуете? — спросил Оливер. Я отвыкла от общения и отвлеклась на свои мысли.

— Нет, просто задумалась, — ответила я. Оливер недоверчиво на меня посмотрел, и только сейчас я поняла, что прижимаю левую руку к груди. Убрав ладонь, я снова почувствовала покалывание, но постаралась его не замечать. Не хватало ещё расклеиться перед мистером Спонтанная Вежливость. — Как же Вы нашли меня? Город, хоть и небольшой, скрыться в нём достаточно легко.

— В каком-то смысле мне повезло, — ответил Оливер, изобразив подобие улыбки. Его что-то тревожит, причём он пытается это скрыть. Боюсь, что-то серьёзное привело его сюда. Не просто же ему захотелось поболтать! — Женщина, у которой Вы сняли эту квартиру, моя мать.

— Я договаривалась с девушкой, она мне рассказала, что её бабушка больна. Я даже не думала... Жаль, я не смогла лично встретиться с Вашей матерью, она столько лет помогала мне с арендой дома...

Какое совпадение! Я живу в квартире сестры Стефана. Удивительно, что Оливер не создал для неё лучших условий, хотя, зная Сиену, я почти уверена, что она сама отказалась от помощи сына. Мы были с ней подругами, когда я встречалась со Стефаном и приходила в их дом. Позже, когда мне понадобилась её помощь, я общалась с ней по телефону, чтобы обсудить плату за аренду дома. Для этого мне приходилось изменять голос, иначе она бы узнала во мне подругу из прошлого. Когда Оливер был молодым, Сиена несколько раз

приглашала меня в гости, думая, что я дочь Евы Стюарт, но я несомненно отказывалась под предлогом большого расстояния. Для неё, как и для Тони, Ева Стюарт покончила с прошлой жизнью, навсегда уехав из Миража. Если бы у меня даже была возможность повернуть время вспять, я бы не поступила иначе. Как бы ни была трудна моя жизнь, меня тешила мысль, что у родной кровинки Стефана всё в порядке.

— Не плачьте, — попросил Оливер и протянул мне чистый отглаженный носовой платок, чтобы я вытерла слёзы. — Вы можете в любой день повидаться с ней. Кстати, Вы познакомились с моей дочерью.

— Очень милая девушка, переняла гены матери, — пошутила я, немного развеяв своё мрачное настроение. Оливер улыбнулся, значит не обиделся.

Она и правда показалась мне милой. Невысокого роста, худенькая и с милыми чертами лица. Если бы я раньше узнала, что она дочь Оливера, стала бы сравнивать её со Стефаном. Оливер даже не представляет, как приятно мне наблюдать за жизнью родственников бывшего парня. Эта девочка могла бы быть моей внучатой племянницей, если бы Стефан был жив. Вышла бы я за него замуж? Или любовь к нему была иллюзией? Мысли об этом стали посещать меня с момента начала наших отношений с Каем. Лишь отчасти правы те, кто считает, что время лечит. Слишком много лет было потрачено на реабилитацию, но мне не жаль их. Всё шло своим чередом. У меня была прекрасная жизнь, несмотря на то, что было больше одиноких дней, чем весёлых. Я спасла сотни бездомных животных и... Пусть на этом мой список хороших дел заканчивается, мне не за что стыдиться.

— Спасибо, — сказал Оливер, снова вернув меня в реальность. — Я пришёл, чтобы поговорить не об этом. Когда Вы планируете вернуться домой?

— У меня нет дома. — Пока эти слова не были произнесены вслух, у меня была надежда.

— Я знал, что Вы это скажете, но позвольте поинтересоваться, что послужило поводом для необдуманного побега?

Оливер предстал передо мной в ином свете. Оказывается, он умеет грамотно изъясняться. А я думала, что ему хватает ума только на то, чтобы раздавать приказы направо и налево. Возможно, если бы он был ювелиром, а не владельцем ювелирной сети, у меня бы не возникло подобной мысли.

— Привычка. Никогда долго не задерживаюсь на одном месте, даже если это дом моих родственников.

— Вы не представляете, какой был переполох, когда Триш и Дилан обнаружили прощальную записку. — Оливер хочет задеть меня за живое или вызвать чувство вины? Что ж, он добился и того, и другого. — Они обеспокоены тем, что Вы заблокировали свой счёт в банке, и теперь не знают, как перечислить Вам деньги. Может, Вы вернётесь и лично примите оплату?

— Я и не собиралась просить Вас снова заниматься моим домом, но и деньги брать у ребят тоже не хотела. Я сказала им, чтобы жили до тех пор, пока не найдут себе жильё, — сказала я, избегая взгляда Оливера.

Вероятно, ему кажется, что сейчас перед ним сидит не та девушка, которую он увидел впервые. Не хочу, чтобы он заметил, как в моих глазах гаснет огонь жизни. Я чувствую, что сердце не хочет биться, и меня это вовсе не пугает.

— Боюсь, они уже нашли дом и в скором времени переедут в него. — Оливер сказал это с сожалением, и я поняла, что это и есть та самая причина, которая привела его ко мне.

— С ними всё в порядке? — спросила я, вздрогнув от воспоминания, что Триш однажды пострадала по моей вине, и я не хочу, чтобы это повторилось снова.

— В относительном. Триш оплакивает смерть деда.

— Тони... — Меня как током ударило. Милого старика с хорошими манерами и прекрасным садом больше нет. Мы расстались на печальной ноте, а я ведь знала, что буду жалеть о своём поведении! — Когда это произошло?

— Сегодня утром, — ответил Оливер, кашлянув в кулак. — Сердце не выдержало избыточного приёма лекарств. Мы были готовы к тому, что это рано или поздно случится. Сахарный диабет — страшная болезнь, и Тони долго удавалось с ней бороться.

— Мне так жаль... Он был добрым человеком, — сказала я, и на мои глаза навернулись слёзы. Тони ведь говорил мне о проблемах со здоровьем, и я видела следы от уколов, но не придавала этому значения. Меня затошнило. Душевная боль моментально заглушила физическую.

— Вы практически не знали его, — сказал Оливер, но похоже не удивился моим словам, как будто Тони подготовил его к ним, ведь сложно поверить в то, что молодая девушка будет скорбеть по совершенно чужому старику, которого видела пару раз в жизни.

— Моя бабушка рассказывала о нём, поэтому я заочно знаю Тони. — Мне стало стыдно за свою сочувственную улыбку, но Оливер ответил мне тем же.

Узнав о том, что Тони всю жизнь испытывал ко мне нежные чувства, я прониклась к нему дружеской симпатией, которой ему так не хватало в юности. Сейчас я рада, что вовремя вернулась в Мираж, ведь Тони обрёл общение со мной, пусть и не такое, о котором он всегда мечтал. Возможно, если бы я помнила его молодым, мне было бы гораздо более перенести известие о его смерти.

— В последние минуты жизни он буквально бредил Вами, и вместо того, чтобы быть в момент агонии у его кровати, я искал Вас. — Если бы Оливер сказал мне эти слова по телефону, я бы восприняла их как упрёк, но, глядя на него, я понимаю, что он пребывает в отчаянии из-за потери давнего друга. — На протяжении нескольких месяцев я обещал ему найти Вас, но Тони прекрасно знал, что мои слова так же пусты, как и обещания детей в последний день нахождения в летнем лагере поддерживать друг с другом связь.

— Он хотел попрощаться? Если бы я знала...

То что? Поступила бы иначе? Уехала бы я, зная, что Тони умирает? Осталась бы я, чтобы провести с ним последние мгновения его жизни? Смогла бы я заменить ему ту Еву, которая была для него идеалом? Я никогда этого не узнаю.

— И попрощаться тоже, но в первую очередь, он хотел Вам что-то сказать, что-то очень личное, чего он не доверил ни мне, ни Тринити. Как бы мерзко это ни звучало, он унёс свою тайну в могилу, Ева.

— И Вы пришли сюда, чтобы сказать мне об этом? Решили ткнуть носом, как провинившегося котёнка, в пролитое им молоко? Я понимаю, что не исполнила его желание, но ведь я не могла угадать его мысли. У меня своя жизнь...

— Я не в праве Вас осуждать и пришёл не за этим, — сказал Оливер. Я уже перестала отличать его массивный силуэт от стены за ним. Перед глазами всё плывёт, как в сюрреалистической картине. — Вы не виноваты в том, что в Вас он видел свою подругу детства. Это не Вы, а Ваша бабушка предпочла вместо Тони другого мужчину. Вы не обязаны расплачиваться за чужой выбор. Хотя я не сумел вовремя выполнить обещание, всё же Вас нашёл, поэтому рискну сказать, что не только покойный Тони желал Вас увидеть. Не

повторяйте ошибок, вернитесь домой, чтобы взглянуть в лицо своим страхам.

— Кай знает, что Вы нашли меня? — тихо спросила я.

Как нелепо это прозвучало. Будто я трудный подросток, сбежавший из дома, которого наконец поймали родители. Наверняка, в глазах Оливера я именно так и выгляжу.

— Ева, Вы меня слышите? — где-то вдалеке раздался голос Оливера. Он так и не ответил на мой вопрос о Кае.

К. А. Й.

При упоминании его имени по моему телу разлились капли солнца. На секунду туман рассеялся, и на электронных часах я увидела 15:50, затем пропали и числа, и телесность, и сознание, и боль. Во всём мире остались только я, бегущий ко мне Кай, его изумрудные искрящиеся от счастья глаза и ослепительная улыбка.

Глава 26. Память Евы.

Одни воспоминания вынуждают нас плакать,
другие — смеяться, а за некоторые нам бывает стыдно,
и только самые болезненные моменты
из года в год делают нас сильнее и уверенней!

Ева, сидя за столиком в гостиничном кафе, искала в интернете квартиру для переезда и случайно увидела непримечательный рекламный баннер с надписью «Устали вспоминать? Модернизируем Ваше программное обеспечение». Любой другой человек не обратил бы внимания на эти слова, сочтя их за рекламу, выложенную не востребовавшим программистом или представителем центра технического обслуживания компьютеров, но Ева вцепилась за первую фразу. Да, она устала вспоминать.

Еву изучила информацию на сайте организации «Чистое сознание», занимающейся частичным стиранием памяти отдельного индивида. Власти страны даже не стали проверять лицензию и сертификат врачей, работающих в компании, из-за абсурдности обещаний, которые они дают. Подобное продвижение науки в области нейрохирургии казалось фантастикой, и лишь немногие личности решались пойти на операцию, предлагаемую сомнительной организацией. Еве понадобилось три года на раздумья. Её терзали сомнения, правильно ли она поступает, желая забыть своё прошлое, но с каждым днём её душевное состояние становилось всё хуже. Потеряв Стефана, единственную подругу, а затем и родителей, Ева вместе с ними потеряла смысл жизни. Она хотела забыть об их смерти, и пятого апреля 2021 года, спустя двадцать лет со дня смерти Стефана, Ева твёрдо решила модернизировать своё «программное обеспечение» и связалась с организацией «Чистое сознание». Секретарша быстро отреагировала на звонок и назначила девушке приём в тот же день. Не желая откладывать неизбежное, Ева согласилась, но прежде чем пойти в клинику, надёжно спрятала свои дневники в деревянной коробке и отнесла её в банковский сейф. Она не сожгла записи, тем самым оставив себе шанс вернуться к прошлой жизни, но и не поленилась придумать двадцатизначный код для своей банковской ячейки, чтобы возврат не был так прост.

Под словом «клиника» Ева понимала солидное заведение с высококвалифицированным персоналом численностью не менее двадцати человек. При виде кабинета со скромной

вывеской «Чистое сознание» на цокольном этаже многоэтажного дома Ева засомневалась, стоит ли ей открывать дверь в новую жизнь. Долго размышлять не пришлось. На пороге её встретил врач в сером халате, как оказалось, единственный на всю «клинику». Он протянул Еве руку в знак приветствия, представился доктором Спенсером и пригласил войти в кабинет. Если бы не внешность мужчины, внушающая доверие, девушка развернулась бы и молча ушла. Давно не стриженные волосы, борода, очки и взгляд, переполненный любовью к науке, напомнил Еве отца.

— Ева, Вы сделали анализ, о котором говорила моя помощница? — спросил доктор Спенсер, когда Ева села на серую кушетку, вцепившись в свою сумочку от волнения.

Девушка, которую Ева по телефону сочла за секретаршу, оторвала взгляд от монитора, улыбнулась и снова вернулась к работе за компьютером. Ева, заметив на девушке серую футболку, поняла, что организация «Чистое сознание» явно не стремится получить статус полноценной клиники, или просто серый цвет в понимании доктора Спенсера обозначает туманный разум. Как бы то ни было, стены крошечного кабинета, напоминающего комнату для допросов преступников, где есть только стол и стулья, выкрашены в бордовый цвет, что вдвойне подчёркивает несерьёзность организации, но Еву это не смутило.

— Да, вот результат, — сказала Ева и протянула доктору больничный лист. Она утром, как и просила помощница доктора, сделала анализ коры головного мозга. — Всё в порядке?

— Никаких повреждений, превосходно. Вы пригодны к процедуре, — огласил вердикт доктор Спенсер и сел в кресло напротив Евы. — Мы не работаем с людьми, у которых было хотя бы даже лёгкое сотрясение мозга, поскольку это может пагубно повлиять на результат нашей процедуры.

— А вы вообще гарантируете результат? Процедура опасна? На вашем сайте ничего не сказано по этому поводу, — спросила Ева, поглядывая на помощницу доктора, которая без остановки стучала пальцами по клавиатуре.

— Ваши опасения ясны, поскольку нашу страницу даже сайтом сложно назвать. Мы не хотим привлекать к себе излишнее внимание, поэтому столь скрытны. Люди, которым действительно нужна наша помощь приходят сюда и разговаривают с глазу на глаз.

— И сколько у вас было клиентов? — спросила Ева, не выпуская сумку из рук, готовая в любой момент сорваться и выбежать из кабинета.

— Эта информация строго конфиденциальна, но могу Вас заверить, что за четыре года работы мы соединили немало семей, уличивших друг друга в измене, и избавили юных парней и девушек от страданий из-за неразделённой любви. Вы ведь пришли именно за этим?

— Не совсем. Я хочу помнить о своих чувствах, но...

— Но хотите забыть плохие воспоминания? — продолжил за Еву доктор Спенсер, и она первый раз за время встречи улыбнулась.

— Да, я хочу забыть все негативные моменты, причиняющие боль. Это возможно?

Ева не знала, что будет делать, выйдя из этого кабинета, будучи уверенной, что все её близкие живы, но ей казалось, что лучше утешать себя мыслями, что она вскоре с ними встретится, чем жить со знанием, что этого больше никогда не произойдёт.

— Не поверите, но да, — ответил доктор, тоже улыбнувшись, и Еве по неизвестной ей причине показалось, что этот человек не врёт. — Раньше мы работали на уровне экспериментов и могли стереть только конкретные воспоминания, хранящиеся в информационном канале головного мозга. Память легко управляется извне с помощью

ключевых слов и ассоциаций с теми или иными воспоминаниями. Наши клиенты приносили к нам коробки с памятливыми вещами. В основном в них лежали подарки от бывших возлюбленных, и мы работали с каждым предметом по отдельности. За формирование памяти отвечают связи особых нервных клеток, и если заставить человека в избытке вырабатывать негативные эмоции во время воспоминаний о некоторых неприятных событиях, это приведёт к стираниям этих воспоминаний без ущерба для остальных и мозга в целом. Процедура была проста, но слишком длительна, и мы углубились в изучение памяти.

— То есть процедура не опасна для мозга. Сколько времени она займёт? — спросила Ева.

— Около часа, а раньше длилась целый день. Вы ещё не передумали? — Ева отрицательно покачала головой. — Ким, можешь приступить к заключению договора, а я займусь подготовкой рабочего места.

— Вам нужно подписать договор о соглашении вмешательства в Ваше сознание, — сказала Ким, оторвавшись от компьютера, когда доктор Спенсер скрылся за дверью, которую Ева до этого момента не замечала.

— Разумеется, — ответила Ева и взяла трёхстраничный договор, в который Ким всё это время вносила её личные данные.

Если бы Ева его прочитала, вероятно, отказалась бы от процедуры, поскольку в договоре чёрным по белому было написано, что организация «Чистый разум» не несёт ответственность за постоперационное состояние пациента и не гарантирует желаемый результат. Также она не узнала, что побочным эффектом процедуры является появление синдрома отсутствия сновидений, но этот факт вряд ли бы повлиял на выбор девушки. Ева поставила свою подпись и дату на последней странице, согласившись на вторжение в своё сознание и удручённое состояние после процедуры, которое могло длиться годами. Еве казалось, что ничего хуже, чем смерть близких, больше произойти не может, поэтому оплатила процедуру, цена которой не превышала месячной оплаты за съёмную квартиру, и в сопровождении Ким отправилась в скрытую от посторонних глаз комнату.

— Не совсем то, что Вы себе представляли? — спросил доктор Спенсер, приглашая Еву лечь на разобранный кожаный диван.

— Да, комната скорее похожа на кабинет дизайнера, чем на кабинет врача, — сказала Ева, но мысленно обрадовалась этому факту, иначе она стала бы нервничать, и ей было бы сложнее расстаться с болезненными воспоминаниями.

Обстановка в комнате Еве действительно показалась приятной: никаких медицинских инструментов, запахов препаратов, белых стен и кушеток. Только диван, пара кресел, мягкий ковролин, множество горшков с цветами и мощный компьютер.

— Отчасти я и есть дизайнер, — улыбнувшись, сказал доктор Спенсер, и попросил Ким надеть Еве шапочку из микрофибры на голову, чтобы спрятать волосы и обеспечить датчикам лёгкое соприкосновение с кожей. — Маскирую недостатки в сознании пациентов, рисую красочные пейзажи и стираю лишнее.

— Вы могли бы прославиться на весь мир, — сказала Ева.

— В мои планы это не входит, — ответил доктор Спенсер, и Ева сделала вывод, что он искренне желает помогать людям. — Пора приступить к работе. Давайте ещё раз обговорим Ваши пожелания. Мы стираем все негативные воспоминания, так?

— Да. Всё, что когда-либо заставляло меня страдать, нервничать, переживать, — решительно ответила Ева, опёршись на локти, чтобы видеть, чем занимаются представители

организации «Чистое сознание».

Ким попросила Еву не шевелиться и аккуратно прикрепила к её вискам датчики, передающие нервные импульсы по проводам к компьютеру.

— Этот модем, — сказал Спенсер, показывая на чёрный квадратный прибор, к которому подсоединены провода датчиков, — является проводником Вашей карты памяти и делает её доступной нам.

— Это всё равно что связать компьютеры локальной сетью? — спросила Ева и краем глаза (она боялась шевельнуться, чтобы не разорвать связь с датчиками, покалывающими виски) увидела, как доктор Спенсер улыбнулся.

— Вы правы, — ответил он. — Мы сможем контролировать Ваше сознание с помощью клавиатуры и монитора.

— Звучит... — сказала Ева, запнувшись. — Пугающе. Но я не передумала. Когда мы можем начинать?

— Через несколько минут. — После слов доктора Ким выключила в комнате свет, и теперь только благодаря свечению монитора можно разглядеть лица друг друга. Ева вздрогнула, но не из-за темноты. Она почувствовала близкое присутствие доктора. Он склонился над ней, протягивая белую капсулу и стакан с водой. — Вам нужно принять препарат для облегчения нашей совместной работы. Если вводить внутривенно, Вы почувствуете дискомфорт.

— Зачем? — спросила Ева, в очередной раз готовая вскочить и немедленно покинуть сомнительное помещение. — Это снотворное?

— Ким, ты не проинструктировала Еву? — спросил доктор Спенсер, слегка изменившись в голосе. Ева не думала, что этот человек способен разозлиться. — Это твоя работа! Неужели я должен повторять дважды? Ева, простите, она постоянно что-то забывает.

— Вы проводили над ней эксперименты в начале карьеры? — спросила Ева, не сводя взгляда с доктора, всё ещё возвышающегося над ней.

— Что? — опешил доктор. — Нет, она и натолкнула меня на мысль открыть клинику. Раз я не в состоянии помочь людям развить способность запоминания до ста процентов, то почему бы не заняться стиранием памяти.

— Ева, ещё раз извините. — Тонкий голос Ким раздался сзади Евы, где находится компьютер. — Муж прав, это моя вина. Вы, наверное, напуганы. Темнота, просьба принять таблетку...

— Хорошо, что не приказ, — сказала Ева, переведя слова девушки в шутку.

Откровение Ким о браке с доктором по необъяснимой причине убедило её, что эти люди не причинят ей зла, хоть и поводов усомниться в этом было достаточно.

— Не подумайте, что мы извращенцы какие-нибудь... Мне так неловко, что Вы не были предупреждены, — сказал доктор, включив свет, и удивился, что Ева всё ещё лежит на диване с датчиками на висках. — Мы можем сделать перерыв. Я всё объясню.

— Всё в порядке, не переживайте, — заверила его Ева, но не упустила возможности снова пошутить. — Я только пару раз испортила ваш диван, ничего? Думаю, пятна видно не будет.

— Всем бы клиентам не терять самообладание и чувство юмора в такой ответственный момент, — сказал доктор, успокоившись, что Ева не намерена прерывать сеанс. — Итак, Вы спрашивали, гарантируем ли мы результат. Процедура обеспечивает стопроцентное стирание воспоминаний, которые клиент хочет забыть, но только тех, которые хранятся в

долговременной памяти. Свежие воспоминания нам неподвластны, поскольку, говоря простым языком, они ещё не укоренились в мозгу.

— Значит ли это то, что впоследствии все мои негативные воспоминания будут стираться? — спросила Ева.

Она не ожидала, что результат операции будет настолько серьёзен, думала, что это разовая процедура, которую можно будет по желанию повторить.

— Боюсь, что да. В Вашем мозгу нарушится работа синаптических соединений, отвечающих за хранение лишних воспоминаний, — объяснил доктор, так и не присев.

— Как долго будет длиться этот эффект? — спросила Ева, хотя уже знала ответ.

— Пока бьётся Ваше сердце, — сказал доктор, глубоко вздохнул и продолжил. — Пожизненный эффект — главный недостаток процедуры, и на данный момент я не в силах ничего изменить, касательно удаления всех негативных воспоминаний. Если Вас не устраивает такой результат, то нам придётся сменить направление и стереть только конкретные воспоминания. Вы же понимаете, что я имею в виду?

— Мои запросы слишком велики, но я хочу перепрограммировать мозг так, чтобы он хранил только светлые воспоминания, — ответила Ева, и доктор кивнул. — Раз у Вас будет власть над моим сознанием, не могли бы Вы навсегда стереть кое-какие образы, не относящиеся к негативным воспоминаниям?

— Решили полностью перезагрузиться? — в шутку спросила Ким, но доктору Спенсеру вопрос жены не показался смешным, и он не дал Еве возможности ответить.

— Можем, стоит Вам только представить этот самый образ, — сказал доктор. — Тогда мы с этого и начнём, а потом преступим к более сложной части. Сейчас выключится свет, не пугайтесь. Это необходимо для того, чтобы Вас ничего не отвлекало. На протяжении всей процедуры Ваши глаза должны быть закрыты. Прежде чем начать, Вам нужно принять препарат, который затормозит Ваш мыслительный процесс. Это облегчит нам работу с Вашей картой памяти.

— Ладно. Я готова. Давайте вашу таблетку, — сказала Ева, устав от разговоров.

Какой смысл обсуждать процедуру, если через час-другой Ева не вспомнит о ней, ведь скорее всего доктор Спенсер удалит эту информацию из её памяти.

Спустя пару минут, когда свет снова погас, Ева уже была готова к операции, как морально, так и физически. Выпив препарат, составом которого так и не поинтересовалась у доктора, Ева практически сразу же ощутила обещанную заторможенность и даже сонливость. Она почувствовала себя невесомой. Диван перестал быть материальным и стал казаться Еве некой субстанцией, не обладающей свойствами предмета.

— Ева, чётко представьте образ объектов, которые необходимо удалить из Вашей памяти, — сказал доктор Спенсер, изучая «карту памяти», которая представляет собой матрицу, состоящую из плюсов, минусов и точек.

Ева не узнала его голос, даже не поняла, что он принадлежит мужчине, но не пришлось повторять дважды, чтобы девушка выполнила указание. Она представила лицо и образ Тони Фоллена, соседского парня. Пока доктор Спенсер следил за изменениями матрицы на мониторе, Ким держала руки Евы, чтобы пациентка не сорвала с висков датчики, которые стали причинять ей лёгкий, но ощутимый дискомфорт в виде покалывания и жжения. Еве казалось, что её череп вот-вот треснет, но ощущение сразу же прошло, как только программа в компьютере доктора Спенсера «поймала» сигналы центральной нервной системы девушки.

На карте памяти точки замигали красным цветом, сообщая об угрозе, вызванной воздействием препарата, который приняла Ева, и мыслями о стираемом объекте. Доктор выделил все точки, имеющие отношение к воспоминаниям, в которых присутствует Тони, и удалил их из сознания Евы одним щелчком мыши. Доктор никогда не спрашивал у пациентов, что именно они хотят забыть, в его обязанности входит только управление матрицей, в которой нет ни картинок, ни образов, лишь символы. Он немного удивился, когда бóльшая часть красных точек, которые он только что удалил, находились в поле плюсов, а не, как обычно бывает, в поле минусов, то есть стёртые воспоминания в основном были положительными.

Еве казалось, что прошла целая вечность, но доктор обратился к ней через пару минут с просьбой снова подумать об объекте, который она хочет удалить из памяти. Она представила свои дневники, которых в 2021 году у неё было не слишком много, но достаточно, чтобы ощутить весомую потерю. Боль снова пронзила виски, но Ева её не почувствовала, потому что принятый ею препарат предполагает погружение в сон после удаления последнего воспоминания, которое пациенту необходимо представить. Доктор спенсер продолжил работу без участия Евы. Вместе с Ким они просматривали «карту памяти» девушки, удаляя из матрицы воспоминания со знаком «минус». Процедура заняла около двух часов. Трудность состояла в том, что точки, обозначающие события и образы, хранящиеся в памяти, нужно оставить нетронутыми, избавляясь лишь от «минусов». Если бы Ева находилась в сознании, эти точки перемещались бы в хаотичной последовательности, и процедура удаления воспоминаний превратилась бы в аркаду. Сейчас Ева ни о чём не думает, и программа, разработанная доктором Спенсером, при излучении определённой частоты ставит блок на хранении в долговременной памяти негативных воспоминаний.

Ева открыла глаза через час после окончания процедуры с обновлённым сознанием и чувством неполноценности. Время, потраченное на стирание памяти, прошло для неё бесследно. Она даже вообразить не может, что мужчина средних лет в сером халате и девушка с большими глазами, пышными формами и мечтательным выражением лица изрядно потрудились, чтобы моральное состояние Евы пришло в норму после многолетних переживаний и душевных терзаний.

— Вот заключение Вашего обследования, — сказала Ким, протягивая листок, который Ева пару часов назад принесла в клинику «Чистое сознание», о которой теперь не имеет ни малейшего понятия.

Ева сидит на кушетке, изучая сложные для понимания термины, уверенная в том, что именно за этим она сюда и пришла. Ким, имени которой Ева уже не знает, возвращается к работе за компьютером, а доктор Спенсер, который перенёс свою пациентку с дивана в процедурной комнате в маленький кабинет, ставший для Евы точкой невозврата, объяснил, что результаты томографии положительные.

Ева поблагодарила доктора и в состоянии полной эйфории, забыв о договоре, который она подписала несколько часов назад, и о многом другом, что причиняет ей боль, поднялась с кушетки. Доктор Спенсер и его жена весело переглянулись. Еву смутили их широкие улыбки, но она ответила тем же, не понимая, чему они радуются. Пока бьётся её сердце, она не узнает, что причиной их радости является положительный результат проделанной работы.

— Удачи, Ева, — сказала Ким.

Еве показалось, что она уже много раз слышала этот тонкий голос, но отогнала мысли

прочь и, сказав «спасибо», вышла из кабинета. В клинике «Чистое сознание» она оставила свои воспоминания о Тони, смерти родителей, Стефана и Бони, а также грустные события, связанные с ними, которые изложены в забытых дневниках. Ева позаботилась обо всём, но по пути в съёмную квартиру её не покидала мысль о том, что что-то важное хранится в банковской ячейке. Не стереть это знание было большим упущением с её стороны, потому что оно не даст ей покоя.

Глава 27. Солнце ближе.

После заката всегда наступает рассвет.

...Пустота...

Без возможности вырваться.

...Бестелесность...

Наверное, так себя чувствуют космонавты, когда бороздят просторы галактики.

...Бессознательность...

Я персонаж компьютерной игры, которым кто-то управляет и заставляет верить в реальность существования. Кто-то надсмехается надо мной, наблюдая сейчас за телесной оболочкой, созданной по предпочтениям игрока. Мой разум, если он вообще мне принадлежит, снова подвергся перезагрузке. Всё, что меня окружало, было иллюзией. Всё, что я когда-либо знала, было ложью.

...Тишина...

Никогда не испытывала подобного. Слух на нуле.

...Тьма иногда рассеивается...

Мне несколько десятков лет не снились сны, а сейчас они обрушились на меня сполна в виде воспоминаний, которые я когда-то позволила стереть. На пороге смерти мне довелось вспомнить причину, по которой я теряла память и никогда не понимала, почему это касается только печальных событий. Я считала свой «склероз» побочным эффектом, как оказалось, мнимого бессмертия.

...Воспоминания...

Спустя несколько дней после процедуры стирания памяти иду в банк, где хранится, как мне кажется, значимая вещь, жду восстановления пароля и через неделю читаю дневники. *Кто эта девушка?* Не верю, что могла забыть о смерти своих близких. *Чужая.* Перечитываю несколько раз. *Незнакомка.* Заново переживаю потери. Вечный траур.

...В плену собственной памяти...

Тони ухаживает за котёнком, которого я не могу оставить себе.

В школе меня считают изгоем.

Я одинока.

Стефан груб со мной. Ухмыляется. Издевается над Тони. Попадает в аварию. Умирает в больнице на моих глазах.

Я терпелива. Несправедлива. Бессильна.

Бони умирает. Родители умирают.

Я одинока. Подавлена. Категорична.

Сердце остановилось, раз память вернулась.

...Падение в пропасть...

Не иначе как в аду. Расплачиваюсь за грехи.

...Голоса, обсуждающие здоровье Евы Таймерли.

Неужели жива?

...Запах его духов...

Он был здесь.

...Шум прибоя...

Любовались вместе морскими пейзажами. Увижу ли я снова когда-нибудь небо и волны?

...Путаница...

Теряюсь в мыслях. Внутри меня тысяча «я» со своим мнением и правом высказаться.

...Взлёт...

Протягиваю руки к Солнцу.

...Свет...

Уже и не мечтала вновь открыть глаза. Хватаю ртом воздух, как рыбка, оказавшаяся на суше. Это сон? Не похоже. Чувствую тепло, разливающееся по всему телу. Приподняться на локтях оказалось сложнее, чем показалось на первый взгляд. К руке подведён катетер. Моим последним воспоминанием был обморок. Я думала, что умерла. Адская головная боль, которую я сейчас чувствую, из-за переизбытка информации не сравнится с тем аморфным состоянием, в котором я находилась. Как долго?

Привыкнув к солнечному свету (значит, сейчас день), мне удалось разглядеть помещение, в котором нахожусь. Без сомнений, больничная палата. Меня охватила паника. Врачи уже, должно быть, всё знают обо мне и ждут, когда я приду в себя, чтобы начать допрос. Может, даже думают, что я представительница инопланетной расы или робот в человеческой оболочке. Остаётся только гадать, какие результаты показали мои анализы. Последний раз я была на обследовании в семнадцать лет при поступлении в университет. Помню, какой скандал затеял отец, когда узнал, что меня приняли на факультет филологии, а ведь не помнила до недавнего времени. Если останусь в живых, мне предстоит серьёзный разговор с собой и работа над ошибками. О чём я только думала, подписывая договор о согласии на процедуру стирания памяти?! Мне не стало легче после неё. Боль только стала сильнее и глубже проникла в душу. Каждый раз, забывая что-то, я считала своим долгом освежать память, полосую лезвием своё сердце... Бони бы оценила эту фразу.

Не успела я прийти в себя, как моё уединение нарушила женщина в белом халате (после недавнего воспоминания я не доверяю врачам и ненавижу халаты), которую я никогда прежде не видела.

— Доброе утро, Ева, мы ждали, когда Вы проснётесь. Как Ваше самочувствие? — Мне кажется, я слышала её голос во сне.

— Паршиво. — Это единственное, что мне удалось произнести. Медсестра сочувственно улыбнулась и подошла ко мне, чтобы помочь приподняться. Благодаря полусидячему положению я увидела серый комок шерсти, развалившийся у меня на коленях. — Касси?

— В палатах не положено присутствие животных, но молодой человек, который регулярно Вас навещает, настоял, что кошка пойдёт Вам на пользу, — ответила медсестра, присев рядом со мной. — Мне нужно измерить Ваше давление.

— Какой молодой человек? — спросила я.

Слова дались мне с трудом. Я протянула женщине правую руку, а левой стала поглаживать спящую Касси. Я уже думала, что не увижу её. Может, присутствие кошки и правда пошло мне на пользу?

— Симпатичный. Не тот, который приехал с Вами на машине «скорой помощи». Он несколько раз в день выгуливает кошку, не хочет, чтобы она сидела в клетке. — Женщина по-матерински улыбнулась и освободила мою руку от тонометра.

— Он был сегодня здесь? Спаситель моей кошки.

Медсестра кивнула, и я поняла, кто мой постоянный посетитель. Даже в прострации я чувствовала запах духов Кая.

— Ваше давление в норме, — сказала она.

Слова женщины прозвучали так робко, будто она сама в них не верит, да и смотрит на меня так, словно я только что сошла с небес.

— Что со мной произошло? Я чувствовала себя... мёртвой. — От произнесения последнего слова я почувствовала горечь во рту.

— Семь дней Вы находились в коме, Ева. Врачи боролись за Вашу жизнь. Никто до последнего не знал, придёте ли Вы в себя. — Медсестра, заметив, что моё лицо исказилось от боли, извинилась.

— Вы меня не обидели, — заверила её я и попыталась улыбнуться.

— Ещё раз простите, теперь с Вами всё будет в порядке. Я принесу завтрак, Вам нужно нормально поесть. Всё это время Вы питались искусственно.

Неделю бездыханное тело пролежало в постели, вокруг которого носились врачи, кошка и молодой парень, не заслуживший участи няньки. Я ужасно поступила с Каем, а он ухаживал за мной, видел, как я умираю. Медсестра намекнула, что не было гарантий, что я вообще выживу, и для Кая, вероятно, это было серьёзным ударом.

— Хорошо, — ответила я, хоть и мне совсем не хочется есть. Единственное, что я хочу сделать, так это поскорей убраться отсюда. В моём организме ещё не заметили никаких отклонений (если, конечно, об этом не умалчивают), но это вполне может произойти.

— На тумбочке Вас ждёт письмо и цветы, отдыхайте. — С этими словами медсестра вышла за дверь одноместной палаты, в которую меня поселил Оливер.

Если бы не племянник Стефана, со мной всё было бы кончено. Представляю удивление дочери Оливера, когда она пришла бы через месяц за деньгами и обнаружила всё, что от меня осталось. От этих мыслей я вздрогнула с такой силой, что Касси проснулась.

— Девочка моя, иди ко мне, — позвала я пушистую подругу, и она с присущей ей грациозностью зашагала по мне, как кинозвезда по ковровой дорожке. Понюхала мою руку и, весело мурча, легла под неё. Даже кошке велели не нарушать мой покой. Мне прекрасно известно, как врачи относятся к своим пациентам и просят посетителей лишней раз не заходить в палату. — Я так скучала.

Сморгнув слёзы, я взглянула на тумбочку. Первое, что бросилось в глаза, так это плеер с наушниками. Вот почему, находясь в коме, я слышала мелодии и звуки природы. Затем я перевела взгляд на свежий букет розовых лилий в вазочке, рядом с которым аккуратно свёрнута записка. Можно было не читать её, чтобы определить адресата. Нарисовать песочные часы на конверте мог только один человек.

Подожди. Не уходи навсегда. Я хочу запомнить каждый твой вздох.

Подойди. Возьми мою руку и свою накрой.

Подожги. Моё сердце и так пылает внутри.

Не спеши. Хоть и времени мало, нам хватит его. Я буду с тобой несмотря ни на что.

Подожди...

Мне не хватило и нескольких прочтений, чтобы впитать каждое слово, прочувствовать эмоции, которыми руководствовался Кай, когда писал их. Несмотря на мой уход в тот день, когда я оставила его одного, он приходил сюда, чтобы побыть со мной. Верил в моё выздоровление. За долгие годы жизни мне стало казаться, что она будет вечной, что я бессмертна, поэтому закрывала глаза на боль в груди. Обидно ничем никогда не болеть и умереть от остановки сердца...

Мальчик с изумрудными глазами ищет повод, чтобы остаться со мной наедине.

Парень с обворожительной улыбкой не сводит с меня взгляда во время концерта группы «И так далее».

Парень с доброй душой играет со своим золотистым ретривером в саду.

Парень с желанием помочь забирает меня на машине из города домой.

Парень с романтическим настроением пишет письма, ищет встречи со мной.

Парень с любовью в сердце дарит мне Вселенную. Дарит мне поцелуй.

Парень с интересом наблюдает за моим даром исцеления и восхищается им.

Парень с серьёзными намерениями карабкается по старой лестнице в моё окно, чтобы убедить меня в искренности своих чувств.

Парень, с которым, на первый взгляд, не могло быть ничего общего, влюбляет меня в себя.

Парень с гармоничным именем Кай Райтон занимает все мои мысли, становится моим кислородом, моим миром, моим смыслом.

Открыв глаза, я поняла, что задремала, так и не позавтракав. За время сна все яркие моменты, связанные с Каем, всплыли в памяти. До сих пор я не осознавала, насколько он мне дорог. Удастся ли нам восстановить отношения после перерыва, который для Кая мог стать показательным? Для меня три месяца — короткий срок, а для него — весомый. За это время можно было успеть влюбиться в другую девушку, даже в нескольких по очереди.

Не успела я прийти в себя, как в дверь постучали. С каких пор врачам нужно приглашение? За несколько минут здравомыслия и противоположности чистому сознанию в этой палате мне стало чудиться, что здесь скрыты камеры, которые наблюдают за каждым моим движением и ждут, когда я подам признаки жизни. Я ещё даже голову с подушки не подняла, а ко мне уже пришли. Не дожидаясь моего ответа, человек, стоящий по ту сторону палаты, открыл дверь, и я моментально приняла сидячее положение, боясь выглядеть больной. Я никогда не переживала по поводу своего внешнего вида, но сейчас отражение в зеркале меня волнует больше всего. Проведя рукой по затылку, я убедилась в том, что волосы на месте. Я же не знаю причину комы, вдруг мне вскрывали череп. Паранойя никогда не обходила меня стороной. Успокоившись, что я хотя бы не лысая, улыбнулась так, как никогда в жизни этого не делала.

— Ваш обед, мисс, — сказал Кай, одетый в джинсы и свитер, стоя в дверях. Он едва не уронил поднос и явно не эти слова собирался произнести. Никогда не думала, что не смогу встать с кровати, чтобы поприветствовать любимого парня. — Ты проснулась! Я

расстроился, что не смог поговорить с тобой пару часов назад. Как ты, солнце?

Кай поставил поднос на тумбочку и, не дожидаясь ответа, обнял меня так крепко, что я снова почувствовала себя живой. Не знаю, сколько времени моя голова покоилась на его плече, но достаточно, чтобы успеть выплакать все слёзы, которые накопились и у меня, и у Кая. Мы не отпускали друг друга ни на минуту, чтобы убедиться в нашем воссоединении, в наших чувствах, в нашем будущем.

— А где Касси? Или она мне приснилась? — спросила я, когда у меня заурчало в животе, и Кай, извинившись за то, что был эгоистом, разогрел в микроволновке остывший куриный бульон и помог мне удобно сесть, чтобы я смогла пообедать.

— Триш и Дилан гуляют с ней на улице. Касси была сама не своя при виде хозяйки без сознания. Она постоянно лежала у тебя в ногах, поэтому я не решался забрать её домой, — ответил Кай и сел на диван, расположенный напротив моей постели.

— Я скучала по ребятам и по тебе, конечно. Мне так стыдно... Спасибо, что позаботился о Касси. Раньше я лечила её, а теперь она лечит меня. — Ощувив во рту солоноватый вкус куриного бульона, я не смогла сдержать громкое «mmm». Кай засмеялся, и только сейчас я заметила усталость в его взгляде. — Спасибо, что позаботился обо мне. Я даже не знаю, как отблагодарить тебя, Кай.

— Просто называй меня по имени почаще, — ответил он, после чего рассказал, как с утра до вечера сидел на этом самом диване и лишь изредка выезжал домой, чтобы переодеться и принять душ. Пока я была в плену своего разума, Кай разговаривал со мной, включал мне любимые песни в надежде, что я услышу и их, и его голос. Поделился, как молился, чтобы я вышла из комы. Когда он подошёл к завершению своего рассказа, я снова расплакалась и снова сквозь улыбку. — Ты должна была жить, и неважно, останешься ли ты со мной или нет. Я не мог потерять тебя навсегда. Мне было тяжело без тебя, но я хотя бы знал, что мы живём на одной планете, и что ты будешь счастлива. Впредь я не буду давить на тебя, а просто буду ждать и любить.

— Ты знаешь миф об Орфее и Эвридике? — спросила я, когда Кай закончил своё признание.

— Рада, что не обернулась, когда я тебя звал? — ответил вопросом на вопрос парень с самыми прекрасными глазами во Вселенной, подмигнув мне. Он всё ещё помнит тот день, когда я оставила его одного сидеть на бордюре под дождём.

— Да, ведь благодаря этому ты вывел меня из царства мёртвых, — ответила я, мысленно пообещав себе, что впредь буду оборачиваться на голос Кая, пусть даже если это убьёт меня.

Неважно, что наша история отличается от истории Орфея и Эвридики. Важно то, что связывает нас с этим мифом. Любовь. Всепоглощающая и великая.

Разделив с Каем огромную для меня одной чашку творога, два банана и яблочный сок, мы вернулись к нашей трепетной беседе. Пару раз нас прерывал мой лечащий врач, который заходил, чтобы удостовериться, что со мной всё в порядке, и выяснить причину, по которой я находилась в коме. Мой случай его удивил, поскольку все анализы, которые у меня успели взять, в том числе и кардиограмма, выставили Еву Таймерли здоровым человеком. Я рассказала врачу, что на протяжении нескольких месяцев меня беспокоило сердце.

— За пару дней, до того как я «провалилась», меня мучили головные боли, и я с трудом могла ходить. — Я попыталась заверить врача, что мой случай не является уникальным, что я действительно плохо себя чувствовала, чтобы меня не терроризировали бесконечными

анализами. — Чудом в тот день мой друг оказался у меня в гостях.

После этих слов я выслушала целую лекцию о том, что необходимо заботиться о здоровье и периодически наблюдаться у врача, что я поступила безответственно, сразу не обратившись в больницу, и зря занималась самолечением. Я покорно соглашалась с доктором и обещала исправиться, раз у меня появился шанс продолжить жить.

— С сердцем шутки плохи, — подытожил врач. Он представился, когда первый раз вошёл в палату, но я сразу же забыла его имя, не желая иметь ничего общего с больницей. Талант управлять памятью остался со мной и после клинической смерти. — Я выпишу Вам курс витаминов, которые Вы начнёте принимать с сегодняшнего дня, чтобы предотвратить риск инфаркта миокарда. Договорились? Вы слишком молоды, мисс Таймерли, чтобы подвергать себя опасности.

— Сделаю всё, что скажете. А когда я могу вернуться домой? — спросила я, чем ещё больше удивила доктора.

При упоминании дома мне стало тепло и уютно. Не думала, что вернусь туда при таких обстоятельствах, но спасибо и на том, что не ногами вперёд.

— Вам нужно провести ещё несколько дней под капельницей.

— Вы хотите, чтобы Новый год я провела в стенах больницы? Я этого не выдержу! Если мне станет хуже, обещаю вернуться сюда добровольно. — Мои слова явно не убедили врача, но он понимающе улыбнулся. Чувствую себя заключённой. Не в тюрьме, а в собственной голове. Как будто мне всё это снится. Не хотелось бы провести остаток дней в больнице.

— Доктор Джонс, я возьму её состояние под свою ответственность. Еве будет обеспечен уход и покой. Дома ей будет лучше, я её знаю, — вмешался в разговор Кай. Ещё не видела его таким серьёзным.

— Вижу, Вы ответственный молодой человек. Проследите, чтобы мисс Таймерли регулярно принимала витамины, — поразмыслив, сказал доктор Джонс. — Завтра можете забрать Еву домой. Если будут ухудшения, сразу же свяжитесь со мной. Теперь прошу меня извинить, нужно продолжить обход пациентов.

— Спасибо, доктор Джонс, Вы волшебник! — сказала я, и его морщинистое лицо покраснело от смущения. Пробормотав, что это часть работы и долг каждого врача, он вышел из палаты.

— Что-то быстро он согласился меня выписать. Вам не кажется это странным, мистер Райтон? — спросила я, приглашая его сесть на мою постель. Не на больничную кушетку, а полуторную кровать, которая, как и весь интерьер палаты, выглядит богато.

— Я пообещал ему главную роль в фильме о субкультурах, который мы с тобой обсуждали, — ответил Кай и поцеловал мою руку.

— Доктор и правда похож на запутавшегося подростка. Его лысина и белые усы вписываются в образ! А если серьёзно?

— Он видит, что твоё состояние нормализовалось. Зачастую люди, вышедшие из комы, долго приходят в себя. У тебя нет осложнений, а значит, и причин, чтобы задерживаться в больнице.

— Как думаешь, почему это произошло со мной? — спросила я, не надеясь, что у Кая имеется ответ.

— У меня есть догадки, но давай поговорим о них дома. — Он вселил в меня уверенность, и я согласилась перенести эту тему на более подходящее время.

— Тогда задам более простой вопрос. Кто додумался поселить меня в такую дорогую

палату?

— Оливер сопровождал тебя в больницу, он и распорядился, чтобы тебе создали лучшие условия.

— Наверное, боялся, что я не очнусь, и его станут винить в моей смерти, — в шутку предположила я. — Представляю, как он испугался, когда я потеряла сознание. Надеюсь, слюни на подушку не пускала.

— Зря ты так о нём говоришь. Оливер почти каждый день навещал тебя, интересовался твоим состоянием, — ответил Кай. — Я многим ему обязан за то, что он сразу же сообщил мне о случившемся.

— Я понимаю. Он оказался лучше, чем я думала, — сказала я, вспомнив его растерянный и опечаленный вид из-за смерти Тони. Он должен был сорваться на мне за то, что я не исполнила последнее желание его друга, а вместо этого спас мою жизнь, которую в один миг я стала ценить, как никогда раньше. — Намного лучше.

Часом позже Триш и Дилан вернулись с прогулки и принесли Касси. Она была счастлива снова выйти из клетки, а я не ожидала, что буду настолько рада визиту своих соседей, а они — моему выздоровлению. Это ребята привезли мне плеер и загрузили свои новые песни. За время моего отсутствия они успели записать альбом, который я ждала и, оказывается, уже слышала несколько раз, когда плавала в море памяти и грёз.

Триш и Дилан, узнав о скорейшей выписке из больницы, внезапно собрались уходить, сославшись на встречу с родителями Дилана. Меня не провести. Они либо разгромили мой дом, либо собираются это сделать. После ухода я поделилась своими предположениями с Каем, отчего он рассмеялся, похвалил меня за богатую фантазию и сказал, что ребята уже несколько дней живут в доме Тони, который он оставил внучке в наследство. Мне стало невероятно грустно, когда речь зашла об умершем друге, и Кай быстро отвлек меня от мрачных мыслей. Рано или поздно нам придётся вернуться к этому разговору. Вспомнив привязанность Тони ко мне, я вдвойне стала чувствовать себя виноватой перед ним. Он не заслуживал стирания воспоминаний о себе, тем более почти все они были приятными.

— Надеюсь, ты не разозлишься, — сказал Кай, потянувшись руками к тумбочке. — Я напечатал твои фотографии времён чёрно-розовой моды.

— Субкультуры, — поправила я и стала листать альбом, просматривая фотографии, которые мы с Каем уже видели в его объёмной комнате, но тогда он не знал, что они сделаны больше полувека назад. — Почему я должна разозлиться? Мне очень приятно, спасибо тебе! Я бы многое отдала, чтобы снова так выглядеть...

— Так что мешает? — спросил Кай, рассматривая на моей фотографии значки на чёрных джинсах и розовые пряди в волосах.

— Возраст!

— Ты опять за старое. Человек вправе выглядеть так, как пожелает нужным.

Кай не только в теории, но и на практике придерживается этого мнения, поэтому он не сочтёт сумасшествием, если я, например, снова обрежу чёлку и выкрасю волосы в чёрный цвет.

— Главное, что внутри, а не снаружи. На данный момент я и выгляжу, и чувствую себя гадко.

— Не ври, — сказал Кай, одной рукой глядя меня по щеке, другой — Касси, которая уснула у него на коленях. Ещё никогда она так долго не спала. Дублирует моё состояние. —

Ты сияешь ярче Солнца, ты прекраснее неба на закате. Глядя на тебя, хочется плакать, потому что ты в любой момент сможешь снова уйти, и радоваться, потому что этот момент ещё не настал. Если бы ты только могла взглянуть на себя моими глазами...

— Я бы ослепла? — спросила я, и мы оба засмеялись из-за двойственного смысла слов. Сама не знаю, что имела в виду: яркое сияние или уродливость.

— Ты бы сама себе стала завидовать!

— Как тут не позавидуешь больной, эгоистичной, напыщенной, упёртой старухе.

— Достигнув определённого возраста, человек начинает вести себя, как ребёнок. Тебе так не кажется? — спросил Кай, подмигнув мне.

Я скучала по его глазам, улыбке, волосам, рукам. Если бы понадобилось, я бы умерла ещё раз, чтобы снова пережить эти трепетные и до боли милые моменты.

— Тогда будь готов выполнять мои капризы! — Я не удержалась. — Шучу. Ты замечательный, самый заботливый парень на Земле. Знаешь, Кай, мы провели вместе полгода, а такое чувство, что знакомы всю жизнь, даже больше.

После этих слов последовал долгий поцелуй. Меня освободили от капельницы, поэтому я могу беспрепятственно обнять Кая. Он проделал долгий путь, чтобы наконец почувствовать себя любимым. Я не подведу его. Преодолею свой главный страх. Буду рядом с Каем до конца. Неважно сколько лет будет разделять нас. Я сказала ему об этом. Он ответил, что это лучшие слова, которые ему когда-либо говорили.

Пужинав в столовой, я надела куртку, которую Кай привёз мне из дома, и мы с ним вышли на улицу. Из-за сильного мороза я решила оставить Касси в палате. В ванной комнате стоит её лоток, поэтому нет необходимости выгуливать кошку в сильный мороз. Триш и Дилан выносили Касси на улицу в контейнере, который поддерживает температуру внутри стен. Мне бы самой не помешала тёплая клетка, но в объятиях Кая я быстро согрелась, и падающий снег перестал казаться колючим. Семнадцатого декабря, в день, когда меня увозили в больницу, шёл дождь, а сегодня земля, деревья, крыши домов и машин укрыты снежным одеялом. Под светом больничных фонарей снег кажется то голубым, то жёлтым, и невозможно оторвать взгляд от мерцающей поверхности снега, нетронутого следами пациентов. При всём своём желании упасть в сугроб и смотреть на звёзды я этого не сделала, чтобы не нарушать идиллию природы.

В спешке Кай забыл взять перчатки, когда собирал мои вещи, чтобы отвезти их больницу, а в чемодане, который я забрала с собой в Мираж, тёплых вещей практически не было. Пока я находилась в коме, Кай с Оливером доставили чемодан в палату. Кто стал бы подбирать мои вещи, если бы они были разбросаны по квартире? Я облегчила парням задачу своей привычкой первые несколько недель на новом месте не распаковывать чемодан, а там более вытаскивать из него коробку, в которой хранятся дневники. Вспомнив о них, я спросила Кая, прочитал ли он мою тетрадь с описанием тягот временного бессмертия и испытываемых при этом чувств.

— В тот день, когда ты мне его принесла, — ответил Кай, задумавшись о чём-то, недоступном моему пониманию. — Ты думала, что оттолкнёшь меня от себя, но вышло наоборот. Ты меня ещё сильнее к себе привязала. Прочитав дневник, я понял, почему ты ушла. Я читал его снова и снова, чтобы узнать причину, по которой ты могла бы вернуться.

— Нашёл? — спросила я, мысленно перебрав последние записи в том дневнике. В них не было надежды. Только отчаяние.

— Любовь. Только она могла заставить тебя перестать прятаться.

— Но любовь разбудила бы во мне страх потери близких...

— Такова реальность. Вместо того чтобы думать о неминуемой смерти, нужно наслаждаться каждым днём жизни.

— Я готова, — без раздумий сказала я. Мне нравится пребывать в боевом настроении.

Ни мне, ни Каю не удалось улыбнуться. Щёки замёрзли. Без перчаток руки покраснели, но это не помешало мне поймать ещё одну пушистую снежинку, после чего мы вернулись в палату. Согревшись, мы устроились на диване, и Кай сказал, что хочет мои фотографии, которые мы недавно смотрели, задействовать в своём фильме о субкультурах. Я не стала возражать — в любом случае меня никто не узнает. Заговорив на эту тему, я вспомнила самоубийство Бони, которое, находясь в коме, я воображала несколько раз. Если бы не её опрометчивый поступок, возможно, сейчас она была бы милой старушкой, но Бони выбрала вечную молодость. Память о смерти подруги так свежа, словно это случилось вчера. Разве я, стерев воспоминания, убив все чувства, не уподобилась самоубийце? На горьком примере Бони мне следовало жить дальше, смириться со смертью близких, но я оступилась и толкнула свою душу с крыши.

— Ты ещё не утвердил сценарий? — спросила я. Кай отрицательно покачал головой. — Не мог бы ты дать персонажам имена Бони и Люк? Пусть и второстепенным. Эти ребята внесли большой вклад в субкультуру.

— В таком случае у главной героини появится новое имя и брат, — согласился Кай.

Однажды он сказал, что ему нравится в последний момент вносить изменения в сценарий. Это делает сюжет более реалистичным и запоминающимся.

— Они на самом деле брат и сестра, — уточнила я и рассказала о Люке. О том, как он стал моим лучшим другом, как заботился о сводной сестре, как добился успеха в качестве звукорежиссёра. Несколько лет назад о его смерти писали в газетах, и из них я узнала, что Люк был счастлив с женой и сыном, что его внучку называли Лаурой. Если бы я могла повернуть время вспять, то попросила бы у Люка прощение за свой безмолвный уход из его жизни, хотя сейчас это уже не имеет никакого значения. — Знаешь, ни одно событие, связанное с ними, не считая, конечно, смерти Бони, не было удалено из моих воспоминаний.

— Что значит «не было удалено»? — удивился Кай. — Ты говорила, что через пару лет меня забудешь, но я не думал, что это было сказано всерьёз.

— В 2021 году мне сделали операцию по стиранию негативных воспоминаний, — призналась я. Теперь между нами нет секретов. — Я сама вспомнила об этом, когда находилась между небом и землёй.

— Зачем ты это сделала? Как такое возможно? Даже сейчас подобные процедуры не практикуются легально. — Кай не упрекал меня, в его глазах читался интерес, который я поспешила удовлетворить и рассказала ему обо всём, что вспомнила: причину и последствия.

— Теперь я понимаю, почему своё детство, родителей и жизнь страны я чётко помнила. Раньше мне казалось, что у меня систематическая потеря памяти, ведь я не написала в своём дневнике об операции. Пытаясь облегчить душу, я создала себе ещё больше проблем, жила в постоянном забвении...

— То есть, чтобы не забыть о негативных событиях, ты перечитывала о них в дневниках? Как часто?

— С каждым разом «освежённые» воспоминания задерживались всё дольше, и

достаточно было прочитать раз в год, чтобы не дать себе забыть...

— Иначе ты бы заново переживала те моменты, — продолжил за меня Кай, и я кивнула.

— Я и сейчас их переживаю... Перед операцией я вырвала из дневников, на тот случай, если их найду, все печальные истории, не считая смертей Стефана, родителей и Бони. Если бы я лишила себя и этой информации, вероятно, сейчас находилась бы в психушке, потому что искала бы по всему миру давно умерших людей. И ведь несколько недель искала, пока не забрала из банковской ячейки дневники...

— Даже не знаю, что и сказать. — С Каем такое случается редко. — Как мне помочь тебе, солнце? Если бы я только мог разделить твою печаль...

— Я сама подписалась на это и рада, что узнала правду. Миф о том, что я каждые несколько лет буду забывать свою жизнь, развеялся. Я едва узнала лицо Брендона, когда приняла его за таксиста, как и песню, которую он включил. Подозреваю, что это было самовнушение. Когда столько лет живёшь с мыслью, что забудешь какие-то определённые события, на подсознательном уровне начинаешь со временем забывать и всё остальное. Хотя, будем честными, в моём возрасте давно пора обзавестись склерозом. — Последние слова развеселили Кая, но вижу, что ему по-прежнему меня жаль. — Спасибо за поддержку, милый. Я справлюсь. Сорок лет жизни, как будто прошли мимо меня. Каждый день был похож на предыдущий. Наверное, поэтому сложно составить хронологию событий.

— Представляю, что творится у тебя в голове. Как будто твои вырванные страницы прошлого сложились в цельный фильм.

Кай угадал. Примерно так можно охарактеризовать мои видения.

— Я снова стала видеть сны. Наверное, их отсутствие было побочным эффектом процедуры, — предположила я. — Жаль, я не могу поинтересоваться об этом у доктора, который проводил операцию. Полагаю, он уже умер, если, конечно, не изобрёл таблетку бессмертия.

— Возможно, кто-то продолжает его дело. Мы можем найти этих людей.

— Ты толкаешь меня в объятия нового забвения, я же могу соблазниться! — Мы засмеялись, но я быстро себя оборвала, вспомнив о мальчике, которого вычеркнула из жизни. — Я попала в больницу в тот день, когда умер Тони. Мне кажется, это было роковым наказанием за то, как гадко я с ним обошлась.

— Не выдумывай! Он не держал на тебя зла, — сказал Кай и, заметив моё удивлённый взгляд, понял, что проболтался. — Перед смертью мы с ним разговаривали о тебе. Мне стало страшно, что я стану таким же обезумевшим от неразделённой любви стариком.

— Твоя любовь взаимна, Кай, — сказала я, взяв его руку в свою. Мы оба почувствовали, что не можем прерывать нежностями важный разговор. — Всё это время я боролась с собой, представляя тебя на месте несчастного Тони. Я разрывалась. Не хотела для тебя такой участи, понимаешь? Лучше в будущем я буду твоей внучкой, чем позволю тебе умереть одиноким!

— Я знаю. Не плачь, солнце. Тебе нельзя волноваться, иначе доктор тебя не выпишет.

Кай меня убедил, и я поборолла желание заплакать. Похоже, он смирился с нашей участью или просто не хочет выглядеть слабым. Как бы то ни было, изнашивание его организма мы остановить не можем, как и возобновить моё.

— Просто на меня обрушилось знание того, что я стёрла Тони из памяти. В тот момент я руководствовалась страхом. После смерти Стефана я стала сторониться Тони, не хотела давать ему надежду. Мне казалось, что он видит меня насквозь. Он знал о моём даре, и я

боялась, что он станет шантажировать меня, чтобы заполучить моё расположение. Сейчас, заново познакомившись с ним, я поняла, что он никогда в жизни не сделал бы ничего подобного, но тогда Тони казался мне угрозой. Я бы рассказала ему правду, если бы успела.

— Нам бывает стыдно за свои поступки. Мы анализируем своё поведение, вспоминаем сказанные слова, представляем, как нужно было поступить в той или иной ситуации, но делаем это уже после того, как совершили ошибку. Смысл терзать себя, если прошлое не переписать? Ты была дорога Тони до последней минуты его жизни, и ему было всё равно, стёрла ты воспоминания о нём или нет. Важно, что он встретился с тобой в конце пути...

— Всё-таки он не бредил. Тони узнал меня. Если бы я помнила манеру его поведения и значения взглядов, то сразу бы догадалась, что он не поверил в байку о внучке Евы Стюарт. Как я всегда и считала, он видел меня насквозь, — сказала я, и у меня по телу мурашки пошли, когда представила, каким ничтожным чувствовал себя Тони.

— Да, он узнал тебя и не удивился твоей молодости. Думаю, вскоре ты поймёшь, что это означает...

На этой грустной ноте в палату вошла медсестра, чтобы замерить мне давление и напомнить о приёме витаминов. Мне разрешили переодеться из больничной одежды в свою пижаму, и я поспешила принять душ, после которого мне стало гораздо лучше, как будто я смыла с себя весь нахлынувший из недр памяти негатив.

Остаток вечера мы с Каем смотрели фильмы и практически не разговаривали. Он лежал со мной на кровати, а на ночь передвинул диван и перебрался на него, чтобы мы могли спать рядом и в то же время не вогнать в краску вошедшего утром в палату врача. Удивительно, что место, где поселились боль и отчаяние, стало для меня романтическим.

Когда Кай пожелал мне спокойной ночи, я ещё долго не могла уснуть, потому что боялась больше не проснуться, и слушала его ровное дыхание. Как я и ожидала, сладких снов я не увидела, зато вспомнила кое-что очень важное, о чём не было написано в дневниках, потому что на тот момент я их ещё не вела. После процедуры стирания памяти я забыла это событие, поскольку оно было потрясением для меня, даже, можно сказать, детской травмой, но удивительные последствия того стоили.

Проснувшись ранним утром с этой мыслью, я несколько часов не могла поверить в реальность сна. Я прижала к себе Касси, которая неизменно спала возле меня. Я способна причинять не только боль.

— Я вспомнила, откуда у меня дар исцеления! — сказала я, как только Кай открыл глаза. Он зевнул, лёг на бок и улыбнулся. Эти действия показались мне настолько милыми, что я на пару секунд забыла, что хотела рассказать.

— Кажется, твоя миссия выполнена. Все тайны раскрыты! — Кай сделал глоток воды и приготовился слушать.

Мне не терпится попасть домой, но прежде чем распрощаться с больничными стенами, хочу поделиться самой фантастической новостью, которая ещё вчера была мне неизвестна.

Глава 28. Небесное тело.

Осторожнее в своих желаниях.

Седьмого марта 1993 года, отпраздновав в кругу семьи свой тринадцатый день

рождения, Ева решила прогуляться в парке со своим щенком Зевсом. Родители девочки не отпустили бы её одну в соседний посёлок, если бы Тони не вызвался пойти с ней. Десятилетний охранник вряд ли смог бы отбиться от маньяков или местных пьяниц, но нападения случались крайне редко, поэтому родители Евы были спокойны. Они просто хотели, чтобы у дочери были друзья. Девочка не разделяла их точку зрения, и стоило им с Тони выйти из поля зрения мистера и миссис Стюарт, как она вежливо попросила сопровождающего удалиться. Мальчик знал, что сопротивляться бесполезно и уступил подруге. Она не видела, что Тони, скрываясь за деревьями, последовал за ней. Ева чувствовала его присутствие, но её устраивало, что он не пристаёт к ней с разговорами, которые сейчас ей хотелось заводить меньше всего.

Когда Ева оказалась на территории парка, она выпустила Зевса побегать по полянке, покрытой молодой травой. Девочке нравилось это место из-за его малолюдности и отсутствия аттракционов, на которых она боялась кататься. В парке были только дорожки для езды на велосипеде, скамейки и редко посаженные деревья. Ева выбрала высокую иву и постелила под свисающими ветками покрывало, которое достала из рюкзака. Тони сидел неподалёку, притворившись, что читает газету, и наблюдал за действиями Евы. Он не первый раз видит, как она сидит под деревом с книгой в руках, после того как с другой стороны широкого ствола насыплет сухой корм в миску, стоящую возле могилки своего первого котёнка. Родители назвали Еву безответственной из-за того, что она не уследила за животным, когда тот выбежал со двора, и его разорвала собака. Похоронить котёнка возле дома ей не позволили, поэтому девочка, набравшись мужества, уложила мёртвое растерзанное тельце котёнка в коробку из-под обуви и закопала в парке, под этой ивой. Это было два года назад, и Ева даже не подозревала, что история через пару лет повторится. Ей снова придётся спрятать котёнка в коробке и сказать родителям, что всё равно похоронит его, но у этой истории будет счастливый конец. Ева будет обладать даром исцеления, и котёнок не умрёт. По её просьбе Тони приютит Снежка у себя дома, но ни мальчик, ни Ева ещё этого не знали.

За чтением время пролетело быстро. Незаметно для Евы и наблюдающего за ней Тони над парком сгустились тучи, и небо потемнело раньше времени. Это могло означать только приближение дождя, но ребят этот факт не смутил. Ева увлеклась интересным сюжетом книги, а Тони — любованием. Шумный ветер заставил их взглянуть на небо, чтобы понять причину надвигающегося шторма. Зевс залаял на невидимого врага, Тони забыл о конспирации, а Ева выпустила от удивления книгу из рук, и та улетела вместе с газетой и другими вещами прохожих, оставленными без присмотра, с такой стремительной скоростью, что догнать пропажу было невозможно. Люди, гуляющие в парке, на несколько минут замерли, словно восковые фигуры. Природа начала представление. На часах было 15:50.

Тёмно-фиолетовые, почти чёрные, тучи образовали в небе тоннель, в центре которого ярко светило Солнце, привлекая всеобщее внимание. Не нужно быть художником, чтобы оценить живописную картину, сочетающую в себе несочетаемые явления. Ослепительно-жёлтые солнечные лучи в чёрном небе были неожиданностью. Небольшое количество людей, собравшихся на поляне, прижались друг к другу, олицетворяя страх и восхищение. Ева робко встала с покрывала, которое сразу же улетело наперегонки с ветром, подхватила маленького Зевса и, раскрыв от изумления рот, ахнула. Подобного восторга девочка никогда не испытывала. Будь у неё сейчас под рукой мамин плёночный фотоаппарат, Ева немедленно бы сделала множество снимков, которые ещё несколько лет украшали бы

обложки научных журналов.

Когда оранжево-розовая пыльца в «тоннеле из туч» стала вращаться по кругу, словно нитка наматывается на катушку, затмевая Солнце, люди разбежались в разные стороны, боясь последствий аномалии. Ева не сдвинулась с места, только обхватила одной рукой Зевса, а другой — ствол ивы, боясь, что оно послужит кладбищем не только её котёнку, но и ей с щенком.

Тони тоже не поддался инстинктам толпы и спрятался под лавочкой, на которой сидел несколько минут назад, когда небо было естественно-голубым, а воздух — тёплым и свежим. Из-за сильного ветра поднялась пыль, а видимость не превышала двух-трёх метров, но неба это не касалось. Оно было как на ладони.

Ева, зажмурившись и напрягшись всем телом, представила, что ветер подхватывает её и со скоростью света уносит в другую галактику, где жизнь наполнена красками и приключениями. Открыв глаза, она поняла, что всё ещё обнимает Зевса и ствол дерева и держит между коленками свой рюкзак, в котором лежат ключи от дома, ставшего ей на пару мгновений чужим. Горячий воздух снова приобрёл нормальную для весны температуру, и Еве стало легче дышать. Всё произошло так быстро, что девочку не удивило отсутствие людей в парке, потому что она их даже не видела. Они так же спонтанно исчезли, как и появились. Здесь остались только Ева, Зевс и Тони — единственные свидетели нарушавшего законы физики природного явления.

Еве показалось бы, что она спит, если бы кожей не почувствовала падающие капли дождя, которые моментально впитывались в землю и даже не оставляли следов на траве. Это был не обычный дождь, который привыкли видеть люди. Он выпал вместе с цветной космической пылью, когда та перестала наматывать круги вокруг Солнца. После этого в «тоннеле из туч» вспыхнуло ярким светом небесное тело, которое Тони и Ева приняли за звезду, но это было что-то другое. Неизведанное и далёкое. За вспышкой последовала очередная россыпь пылицы. В полёте она сгустилась и стала комком энергии, светящимся голубым цветом. Ребята не успели глазом моргнуть, как нечто приняло твёрдую форму и беззвучно рухнуло на землю, разлетевшись на тысячи осколков, один из которых заметила Ева. Она не предполагала, что Тони, находившийся неподалёку от неё, тоже был свидетелем падения небесного тела. Он вылез из-под лавочки и на корточках подполз к дереву, рядом с которым упал осколок размером не больше ногтя.

Если бы Ева не была увлечена произошедшим событием, она бы давно заметила мальчика, сидящего в двадцати метрах от неё, тем более туман уже рассеялся, и небо снова стало светлым. Ребята впервые испытали схожие чувства: любопытство и вождление. Оба практически одновременно подняли с земли упавшие осколки, которые любой другой человек счёл бы за обычные гладкие камни. Их сияние не позволяло ребятам так думать, и это послужило доказательством того, что им не показалось, как небо, которое несколько минут назад было аномальным, извергло волшебное тело.

Ева оторвалась от дерева и подняла с земли голубой осколок, который в её руках снова вспыхнул как в небе, и в её мысли вторгся незнакомый голос: «Загадай желание». Два заветных слова повторялись эхом в голове Евы, и это не прекратилось, пока она мысленно не произнесла: «Хочу лечить животных». Если бы она знала, что это осуществится, возможно, пожелала бы лечить и людей, но тринадцатилетняя девочка настолько трепетно относилась к животным, что в первую очередь всегда думала о них, потому что они, в отличие от человека, не могут обратиться к врачу.

Тони услышал то же самое, что и Ева. Он ни секунды не потратил на размышления, потому что хранил в глубине души своё сокровенное желание, и наконец мальчику представилась возможность его загадать. Тони был уверен, что его мысли материализуются. В свои одиннадцать лет он уже был мечтателем. Дрожащими руками мальчик спрятал найденное сокровище и пообещал себе никогда и никому не рассказывать о произошедшем. Он испытал мимолётный порыв подбежать к Еве, которая заворожённо смотрела на голубой осколок, но быстро остепенился. Взглянув на небо, он убедился, что природа в ближайшие часы вряд ли устроит ещё одно световое шоу, и отправился домой, представляя, что же загадала подруга....

Ушёл бы Тони на несколько минут позже, увидел бы, как Ева, выпустив из рук Зевса, согнулась пополам, едва держась на ногах от боли, разливающейся по всему телу. Её никогда не ударяло током, но теперь девочка знала, какие ощущения при этом испытываешь. Сжатие мышц, потеря контроля над конечностями, судорога и помутнение. Со стороны могло показаться, что Ева крутит невидимый обруч, причём не только на талии, но и на руках и ногах. Это продлилось пару секунд, но их хватило, чтобы испытать шок и захотеть поскорее забыть о случившемся.

Придя в себя, Ева в порыве злости хотела выбросить камень, но подумала, что тогда она не сможет лечить животных, и спрятала находку в карман. В течение многих лет до момента процедуры стирания памяти, она была уверена, что боль, которую испытала, была платой за исполнение желания. Она не обратилась в больницу, потому что боялась выдать врачам свою тайну, ведь в тот день весь город встал на уши в поисках последствий вспышек на небе.

Девочка вовремя убежала прочь с места аномалии. После её ухода в парк приехали учёные с целью разгадать тайну природы, служба спасателей на случай, если здесь есть раненые люди, археологи, чтобы перекопать всю территорию, и телевидение, чтобы раздуть из этого мировую сенсацию. После долгих поисков в округе не было ничего обнаружено, кроме игрушечной мышки и усопшего котёнка. Удалось найти нескольких свидетелей «тоннеля из туч», но доказательств у них не было, как и у всего населения города, поскольку ни один фотоаппарат не смог запечатлеть бушующее небо, как будто яркие вспышки были массовой галлюцинацией. Природа пожелала остаться инкогнито, и только загадочная девочка, беспородный щенок и смыслённый мальчик знали о случившемся, но у них даже в мыслях не было рассказать кому-нибудь об этом. Им не нужны были слава и деньги, ведь у них было нечто большее — небесные осколки и исполненные желания.

Возможно, в каком-то другом городе или в другой стране кто-то, как Ева и Тони, поймал небесное тело, и если его желание оказалось настолько сильным, тоже осуществилось. Шанс, дарованный природой, можно считать чудом, но необязательно ждать, когда расколется небо и пойдёт дождь из космической пыли, ведь волшебство живёт в каждом из нас и будет жить, пока бьются наши сердца.

Глава 29. Возвращение.

Умереть, чтобы воскреснуть.

Жить, чтобы любить.

25 декабря 2062 года можно по праву считать мои вторым днём рождения. Доктор

благополучно выписал меня из больницы, взял с Кая обещание следить за регулярностью приёма мною витаминов. Мне стало неловко, и я раз десять повторила доктору, что прекрасно справлюсь сама. Не хочу, чтобы Кай брал на себя ответственность. Как я и предполагала, наши желания не совпали. Он уже с момента выписки начал за мной ухаживать. Загрузив мои вещи в багажник своего автомобиля, пригласил меня на переднее сидение и пристегнул ремнём безопасности. По пути домой каждые пять минут спрашивал, не замёрзла ли я, не кружится ли у меня голова, не хочу ли я есть.

— Мне хорошо, Кай, — отвечала я, не отрывая взгляда от его светлых прядей волос, выбивающихся из-под вязаной шапки.

Как бы я ни пыталась сосредоточить внимание на Кае, меня отвлекал снежный город. Давно не была в Мираже зимой. Мне вспомнилось, как перед Новым годом мы с родителями ходили по магазинам. Папа быстро уставал и возвращался в машину, а мы с мамой покупали подарки бабушке и друг другу, фотографировались с украшенными ёлками и в конце дня шли все вместе в кафе, чтобы выпить горячий шоколад со сладостями. Вечером, вернувшись домой, мы лепили снеговика во дворе и катались на санках по посёлку. Я любила новогодние каникулы, потому что мои родители переставали быть учёными. Хотя они и посвятили свою жизнь науке, праздничное чудо не обходило их стороной.

— Почему улыбаешься, солнце? — спросил Кай. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы воспоминание рассеялось.

— Вспомнила, как мы веселились с родителями. А как вы проводили новогодние праздники?

— На берегу моря, — ответил он. — Папа не любит морозы и снег, поэтому моей ёлкой была пальма, а вместо холодца было фруктовое желе.

— Сочувствую. Тебе, наверное, всегда не хватало настоящего праздника...

— Скучать мне не приходилось, но да, хотелось зарыться в снегу, а не лежать на песке, — ответил Кай, глядя на дорогу.

Несмотря на мои замечания во время нашей первой совместной поездки, когда Кай спас меня от обморочного состояния, я считаю его ответственным водителем.

— А когда ты стал жить отдельно, как праздновал Новый год? — спросила я в надежде не услышать, что он проводил время в ночных клубах с длинноногими моделями.

— В Мираже. Я приезжал сюда только зимой и в перерывах между съёмками. Когда появилась ты, посёлок стал моим постоянным домом.

— Так ты жил в другом месте?

— В городе у меня есть квартира, а когда мне нужно поработать в столице, я останавливаюсь у папы, — ответил Кай, и мне снова стало стыдно за своё прежнее поведение. Он ездил на работу, когда мог ходить пешком только для того, чтобы быть ближе ко мне.

— Понятно. А с кем ты праздновал Новый год? — спросила я, и Кай засмеялся.

— Скучал по твоей любознательности. — Мы обменялись улыбками, и этот миг показался мне вечностью. — До полуночи мы с Джонни смотрели праздничные фильмы и ели мою стряпню, потом ложились спать. Папа отчаялся приглашать меня на «звёздные» мероприятия и стал приезжать ко мне первого января, а то и второго, чтобы провести вместе время без камер и посторонних глаз. Прошлый Новый год я встретил с Диланом, Триш и их друзьями. Я давно знаю Триш, она несколько лет жила у Тони, а потом они с Диланом переехали в твой дом...

— И вы встречали Новый год у меня?

— Никто ничего не разбил...

— Нет-нет, это просто удивительно! Ты был моим гостем, пока мы с Касси сидели в чужой квартире.

Кай впервые провёл волшебный праздник не в одиночестве, а в компании друзей у меня дома. Где я была раньше?!

— Да, я думал, это дом твоей бабушки и всю ночь осматривал каждый уголок, чтобы найти хоть какой-то намёк на твоё присутствие. Надеялся на новогоднее чудо, представлял, что откроется дверь и войдёшь ты, принесёшь счастье и любовь...

— Может, в этом году чудо, наконец, произойдёт? — В глазах застыли слёзы, когда я это произнесла. Кай не перестаёт разбавлять мои будни романтикой.

— Уже произошло, — ответил Кай и потянулся ко мне, чтобы поцеловать.

Я испугалась, что мы попадём в аварию, но, взглянув в окно, поняла, что мы уже припарковались возле моего дома, украшенного гирляндами, мишурой, красными бантами и колокольчиками. Без участия Триш здесь явно не обошлось. Касси при виде знакомых стен стала вырываться из моих рук, и мне пришлось выпустить её на улицу. Сильный мороз кошке пришёлся не по душе, и она спряталась за приоткрытой дверью, ведущей в дом. Выдохнув с облегчением, я отстегнула ремень безопасности и подарила Каю обещанное новогоднее чудо, ведь поцелуй является частью счастья и любви.

Выходить из машины совсем не хотелось, но Кай уже выключил двигатель, и озноб заставил нас пойти в дом. На улице оказалось ещё холодней, поэтому я сказала Каю, что можно позже забрать из багажника чемодан.

— Не терпится уединиться? — спросил он, игриво улыбаясь. На фоне белого снега его изумрудные глаза выглядят ещё ярче и греют душу, как первая весенняя трава, переливающаяся на солнце. Я бросила в него снежок, а он аккуратно уронил меня в сугроб. — Тебе нужно остыть, солнышко.

— Перестань дурачиться! — Мой тон был слишком резким, потому что я вспомнила, как зимой мальчики поджидали девочек, возвращающихся домой из школы, и забрасывали снежками. Я сама была не прочь поиграть в снежки, но только с родителями, потому что они никогда не валили меня на землю и не умывали лицо снегом! — Прости... Плохие воспоминания. Идём в дом?

— Только обещай не злиться, — попросил Кай и дал мне руку, чтобы я встала, потом стряхнул с моего пуховика снег.

— Всё нормально, — ответила я, и, обнявшись, мы пошли по вычищенной дорожке в дом. — Какая красота! Это ты нарядил ёлку?

— Триш и Дилан, — смущённо ответил Кай.

Он ночевал со мной в больнице, даже когда я была в коме. Теперь смутилась я от того, что не подумала об этом раньше.

— Она росла вместе со мной, — сказала я, подойдя к ёлке, макушка которой практически достаёт до крыши дома. Триш украсила её только там, где позволила лестница, но на дереве так много красивых игрушек, что отсутствие звезды на верхушке не имеет значения. — Папа посадил её, когда я родилась. На Рождество мы водили вокруг неё хоровод, но сейчас трёх пар рук не хватит, чтобы обхватить ёлку.

— У нас будет больше рук. Я хочу видеть, как ты танцуешь вокруг неё! — сказал Кай и

достал телефон, чтобы сфотографировать меня. — Ты не против?

— Нет, после смерти мне уже нечего бояться. Я и правда давно не фотографировалась, — ответила я и встала возле ветки, украшенной нашими старыми игрушками, которые Триш, видимо, нашла на чердаке.

Мне стало горько от того, что последний раз я была счастлива в тот последний Новый год, который мы были вместе с родителями и со Стефаном. Новую фотографию можно сравнить со старой и заметить, что ничего не изменилось, только ёлка стала выше, а цвет моих волос — темнее.

— Что ж, у нас будет новый альбом, который начнётся с твоего снимка, — сказал Кай и подошёл ко мне, чтобы сфотографировать нас обоих. — Зачем ты сняла шапку? Быстро в дом!

С детства мама боролась с моим нежеланием носить головные уборы. Зимой, выходя из дома, я надевала шапку, но стоило мне свернуть за угол, как снимала и натягивала на голову капюшон. Летом, чтобы не надевать панаму (мама их просто обожала!) или кепку, я обещала, что буду гулять в тенишке. В итоге родители были довольны, а я чудом не болела.

Войдя на порог, я поняла, что имел в виду Кай, когда просил не злиться. В глаза сразу бросилась праздничная обстановка. Потолок гостиной украшен фонариками и снежинками, стены — плакатами с надписями «С наступающим Новым годом!», «С возвращением, Ева!», «Мы тебя любим!», а камин — множеством новогодних фигурок и красно-белыми носками для подарков. Я произнесла громкое «вау»! Разве на это можно злиться?

Кай поспешил забрать у меня пуховик, потом разделся сам. Мы разулись и вошли в гостиную, чтобы рассмотреть украшения поближе. Я снова едва не впала в кому, когда за спинкой дивана, стоящего в центре комнаты, появились Триш, Дилан и Оливер. На них красно-зелёные свитера с белыми оленями, подобные тем, что надеты на нас с Каем. Они затеяли новогоднюю вечеринку!

— Сюрпри-и-и-з! — закричали ребята, и Кай взорвал в сторону искусственной ёлки хлопушку. Мне с трудом удалось удержаться от радости на ногах.

— Вы лучшие друзья на свете! Спасибо! Не ожидала такой встречи! Не стоило так волноваться, — сказала я с неприсущей мне эмоциональностью в голосе и бросилась всех обнимать.

Бант на голове Триш смотрится как никогда празднично, наверно, потому что он красного цвета (в тон шерстяному платью с оленями), а чёрные легинсы гармонируют с волосами. Я ещё раз пособлезновала её утрате. Она любила Тони, он заменил ей родителей. Представляю, как ей больно, но ради праздника Триш улыбается. Дилан ни на шаг не отходит от любимой, готовый в любой момент её подбодрить. Он подстригся немного короче обычного, и я впервые увидела его брови, о чём сказала ему и сделала комплимент по поводу его выразительных глаз. Он засмеялся и ответил, что рад моему выздоровлению и похвалил мой внешний вид.

Будет не хватать их присутствия в доме, но здорово, что мы остаёмся соседями. Мне стыдно, что я безосновательно считала Триш глупой куклой, а Дилана — смазливый подкаблучником. Узнав их поближе, я поняла, что таких талантливых и искренних людей, как они, ещё нужно поискать. Не могу представить их друг без друга. Они даже внешне похожи: оба высокие, подтянутые, голубоглазые и бледнокожие. Вспомнив, как Тони выглядел в молодости, я заметила, что у Триш такая же прямая осанка.

Привычку держать спину ровно Оливер, видимо, тоже перенял у Тони. Не ожидала увидеть Оливера в неофициальной одежде. Я бы не узнала его на улице. Он выглядит помолодевшим без строгого костюма и прилизанных волос. Он не был в больнице, когда я очнулась, так что это наша первая встреча после потери сознания.

— Мне бы хотелось выразить тебе благодарность за спасение моей жизни, Оливер. Никогда не думала, что скажу это. — После моих слов мы оба засмеялись и по-дружески обнялись. Ситуация, произошедшая между нами, дала право перейти на «ты». — Позволь узнать, какую сумму я должна тебе за лечение?

— Ева, даже если бы это я оплатил твоё пребывание в больнице, деньги всё равно бы не взял, прекрати! — Ответ Оливера меня удивил. Чего только стоит постоянное внимание медсестры, не говоря уже о комфортабельности палаты. — Кай настоял...

— Кай! — перебила я.

— Нет, не произноси его имя. Последний раз я слышал его из твоих уст, когда ты потеряла сознание.

Смех Оливера оказался заразительным, а сам он — более приятным человеком, чем показался мне сначала. Сейчас он не похож на владельца сети ювелирных магазинов с охраной и особняком с прислугой, и мне это нравится. Вспомнив отрицательные черты Стефана, я могу провести параллель между ним и Оливером. В них течёт одна кровь, и стремление к власти делают их похожими друг на друга. Возможно, Стефан в зрелых годах тоже стал бы одним из богатейших жителей Миража, но из-за его постоянной смены интересов мне сложно судить, в какой бы отрасли он проявил себя. Только сейчас я поняла, насколько разными мы были и насколько Тони был прав.

— Обо мне говорите? — спросил Кай, стоя у меня за спиной. Боюсь, даже попытки вернуть ему потраченные деньги будут бесполезны.

Я сразу забыла о том, что хотела сказать, когда повернулась и увидела рядом с Каем милую старушку в чёрном шёлковом платье, которая держит моего парня под руку. У неё добрые глаза и длинные седые волосы, заплетённые в косу, какую в юности постоянно носила сестра Стефана. «Сиена», — чуть не вырвалось у меня. Я узнала бы её из тысячи пожилых женщин. Она, судя по улыбке, тоже узнала во мне Еву, которую видела на фотографиях.

— Ева, это моя мама, Сиена, — представил мне Оливер мать, и я попыталась сделать вид, что вижу её впервые. — Мама, это Ева — внучка Евы Стюарт, которая была подругой Тони.

— Которая была возлюбленной Стефана, — добавила Сиена почти неизменившимся за годы жизни голосом и подошла ко мне поближе.

Я заметила, как Кай изменился в лице, и хотела перед ним извиниться, но вовремя опомнилась и поняла, что это выглядело бы как минимум глупо. Кто извиняется перед парнем за юношеский роман своей покойной бабушки? Это предложение может лечь в основу трагикомедийного сюжета.

— Бабушка рассказывала мне о Вашем брате, — произнесла я дежурную фразу и вспомнила лицо Тони, когда он увидел меня в доме Оливера. Я всегда советовала другу детства присмотреться к Сиене, её сердце было свободно, в то время как я встречалась со Стефаном. — Приятно познакомиться с Вами!

— Наконец, мы можем поговорить лично, а не по телефону. Вы так же красива, как и Ваша бабушка. Вылитая она. Я тоже рада встречи с Вами и Вашему выздоровлению, —

сказала Сиена и поцеловала меня в обе щеки.

Её кожа оказалась на удивление мягкой, хоть и мы с матерью Оливера почти одного биологического возраста. Сиене восемьдесят один год. От неё пахнет мятой и лавандой. Знакомые ароматы. Сиена всегда по нескольку раз в день чистила зубы и пользовалась одним и тем же парфюмом.

— Спасибо, что пришли, я польщена, — сказала я, приобняв Сиену за плечи (надеюсь, она не заметила, как я напряжена), и повела её к дивану, чтобы она не стояла.

В молодости сестра Стефана была стройной, но сейчас она похудела ещё на несколько размеров. Старость берёт своё.

Пока мы с Сиеной и Оливером говорили о жизни, Кай, Триш и Дилан хлопотали на кухне. Они не позволили мне закончить приготовления к обеду и накрыть на стол. Оказалось, что с пожилым человеком можно поговорить не только о прошлом (хотя и его мы затронули) и болезнях, но и о настоящем и даже о будущем. Сиена рассказала мне, как болезненно переживала смерть Стефана, поэтому долго не могла выйти замуж. Она уже отчаялась обрести любовь, как встретила будущего мужа, но её женскому счастью не было суждено длиться до конца жизни. Когда Оливеру было семь лет, его отец погиб в шахте на рабочем месте, и Сиена больше не пыталась связать свою жизнь с мужчиной. Она никогда не рассказывала мне о личной жизни и не жаловалась на судьбу, наверное, потому, что Ева Стюарт отдалилась от неё сразу после смерти Стефана. После этого рассказа я прослезилась, и Сиена протянула мне накрахмаленный носовой платок (теперь понятно, откуда у Оливера хорошие манеры) и попросила не плакать, но я расчувствовалась ещё сильнее.

— Я скучаю по бабушке, а Вы напоминаете мне её, — призналась я, держа хрупкую ладонь Сиены в своей.

Я не солгала, мне действительно не хватает бабушки Розалин и мамы с папой. Сиена олицетворяет их всех, излучая тепло и заботу. Мне стало грустно, что я обрела свою подругу юности, нашла в ней родственную душу за столь короткое время и вскоре её потеряю. Не хочу, чтобы она умирала. Не хочу, чтобы ещё кто-то умирал. Если бы у меня снова была возможность загадать желание, я загадала бы именно это, даже отказавшись от дара исцеления при всей своей любви к животным.

— У меня есть немного времени, чтобы провести его с тобой, милая, — сказала Сиена, и мне стало стыдно, что она утешает меня, а не наоборот.

Оливер не сказал мне, чем больна его мать, но не нужно спрашивать, чтобы понять самой. У неё с детства было слабое сердце, и неизвестно, сколько операций ей пришлось перенести, чтобы дожить до столь почтенного возраста.

— Спасибо, — сказала я, вложив в простое слово благодарность за то, что человек из моего прошлого сейчас сидит рядом со мной, смотрит мне в глаза, напоминает мне, что я действительно родилась в 1980 году, жила в этом доме, встречалась со Стефаном, дружила с Тони, что всё это мне не приснилось.

После вкусного обеда, приготовленного ребятами, мы вернулись в гостиную, чтобы послушать акустическое выступление Триш и Дилана. Группа «И так далее» исполнила песни «Плоть и металл», «Как бы мог выглядеть рай» и «Где-то», тексты которых я им подарила, а потом новую композицию «Не бойся!», которую Триш посвятила мне. Покраснев от смущения, я поблагодарила её за помощь в организации сегодняшней встречи

и сказала, что дом без неё и Дилана опустеет. Оба заулыбались и начали исполнять ритмичную песню:

*Мне однажды приснилось, что летим мы с тобою,
За руки взявшись, сквозь облака.
Ты смеялся так звонко, я боялась, не скрою,
Что останусь навеки в небе одна...*

*Потом мне приснилось, что плывём под водою
Мимо старого замка к далёким мирам.
Вокруг так красиво, но я тайну открою...
Задыхаюсь от боли. Мой страх — глубина.*

*Мы об этом напишем вместе новую песню,
Но я её не исполню, забуду слова...
Ты мне их напомнишь аккордом чудесным,
Я тебе улыбнусь и пробужусь ото сна!*

Быстрые куплеты разбавлены мелодичным припевом, который мне запомнился с первого раза, и я стала тихо его подпевать, поглядывая на Кая.

*Ты мне шепчешь: «Не бойся, это лишь сон!»
Я пытаюсь поверить, но вижу опять,
Как мы в небе летим и дышим в унисон...
Даже во сне я боюсь тебя потерять.*

Все, даже Сиена, у которой, должно быть, иной музыкальный вкус, зааплодировали и подняли бокалы с шампанским за то, чтобы никогда не бояться своих желаний. Общее настроение поднялось, и мы стали петь новогодние песни, после чего договорились встретить праздник таким же составом у меня дома. Оливер предлагал свою кандидатуру, но я не согласилась. Представляю, чем бы всё обернулось: после полуночи к нему нагрянули подружки и коллеги по работе, а все разговоры свелись к дешёвому флирту и дорогому золоту. Я бы чувствовала себя неловко, к тому же мне хочется самой приготовить праздничный ужин. У меня есть ещё несколько дней, чтобы составить меню и закупить продукты. Мне с трудом удалось настоять на том, что я займусь этим сама и за свой счёт. Понимаю, что ужина недостаточно, чтобы отблагодарить ребят за невероятную заботу и загладить вину за своё скверное поведение, но начало положено.

За разговорами и чаепитием время пролетело быстро, и мы едва успели насладиться моментом, как у Сиены от усталости стали слипаться глаза. Оливер сказал, что ей уже пора спать. Триш и Дилан тоже заявили, что устали. Я бы им поверила, если бы не знала, что они мало спят и много работают. Я сделала вид, что поверила, но недостаточно правдоподобно, и в итоге мы вчетвером посмеялись над тем, как одна влюблённая пара оставляет другую наедине.

— Где Касси? — спросила я у Кая, когда гости разошлись.

— На кухне. Общается с новыми друзьями, — ответил он.

Мне стало любопытно. В этой части дома я сегодня не была, но мне ещё предстоит уборка стола. Впервые это занятие кажется мне увлекательным. Приятно смывать грязь не только с посуды, но и с себя самой, начинать всё с чистого листа.

— Это канарейки Тони? — спросила я, увидев лежащую на стуле Касси и наблюдающую за жёлтыми птичками в клетке.

— Да, он оставил их тебе, зная о *твоей* любви к животным, — ответил Кай, дав мне понять, что Тони не бредил, а был уверен в том, что я — это я.

— Нужно отнести Бони и Люка в гостиную, — сказала я после минутной паузы, возникшей из-за вновь подступивших слёз.

За три дня я наплакала целый океан. Кай улыбнулся, вспомнив, в честь кого я назвала не только птиц, но и героев его фильма.

— Там тебе будет удобнее прочесть это. — Он протянул мне белый конверт без подписи. Хотела бы я сейчас видеть своё испуганное лицо. Письма для меня обозначают расставание. — Возьми, это от Тони. Помнишь, в больнице ты хотела поговорить о своём бессмертии? Так вот, подходящий момент настал. Ты не единственная, кто загадал желание в тот волшебный день... Тони тоже был в парке.

— Не может быть... — прошептала я. Как бы я ни пыталась напрячь память, мне не удалось вспомнить присутствие мальчика в парке. Он прятался от меня, боясь, что я буду расспрашивать о его желании. — Что он загадал?

— Он искал тебя, чтобы рассказать обо всём перед своей смертью, но не успел. Думаю, он написал об этом в письме, — ответил Кай, держа меня под руку, боясь, что я упаду в обморок. Я взяла письмо и прижала к груди, представляя, что же Тони хотел мне рассказать. — Так его желание сбылось? Он сказал тебе?

— Да, как и твоё. Тони надеялся, что после его смерти желание потеряет силу. Он просил передать тебе письмо позже, когда я буду уверен, что так и произошло, но я не мог ждать и лишать тебя надежды, хоть она может быть и ложной...

— Не понимаю, о чём ты... — Это похоже на сон, как будто я являюсь частью детектива или просто схожу с ума.

— Если его желание и правда рассеялось, то у тебя не будет причин, чтобы расстаться со мной, — сказал Кай, тем самым меня ещё больше запутав. Он взял клетку с птицами со стола, обнял меня за талию и повёл в гостиную. Касси побежала за нами и устроилась в кресле, ожидая меня. — Тебе нужно побыть одной. Не возражаешь?

— Да, спасибо, — ответила я и поцеловала Кая в щёку, хоть и сердце требовало большего. — Сегодня было потрясающе, как в первый день моего возвращения в Мираж, как будто у меня появился шанс начать всё сначала. Увидимся завтра, Кай Райтон.

— Увидимся завтра, Ева Таймерли, — сказал он, выходя из гостиной, которая кажется мне штаб-квартирой рождественских эльфов. — Уверен, нам будет, что обсудить.

Кай меня не на шутку заинтриговал, и я, не дожидаясь пока он закроет за собой входную дверь, распечатала конверт, достала сложенный пополам лист бумаги и начала читать письмо от Тони.

Дорогой мой человек!

Долго пытался подобрать верные слова, но моё время на исходе, и сейчас некогда думать о богатстве языка...

Хотел предстать перед тобой благородным стариком, любящим твою бабушку, поэтому не осмелился сказать правду в лицо (боялся прочесть на нём отвращение и ненависть), но ведь ты тоже мне солгала. Я знал об этом с самого первого дня нашей встречи в доме Оливера. Кстати, тогда я пришёл к нему, чтобы забрать украшение, которое заказал для тебя. Я не знал, что снова увижу тебя, но чувствовал, что когда-нибудь оно попадёт тебе в руки.

В конверте я нашла красный бархатный мешочек, развязала ленточку и увидела изящные серьги из белого золота в форме крыльев ангела с тонкой застёжкой. В верхнее основание обоих крыльев вставлен голубой камушек. Я сравнила его с талисманом, который всегда ношу на цепочке. Одинаковые минералы. Кай не шутил, когда сказал, что Тони был в парке в день падения небесного тела.

Эти серьги будут хранить нашу общую тайну, хоть ты и не догадывалась, что она у нас была. Если бы я рассказал тебе раньше, ты стала бы избегать меня сразу после той вспышки в парке. Помнишь? Явление, свидетелями которого мы были, невозможно забыть. У меня был такой же камень, как у тебя. Однажды я сказал тебе, чтобы ты хранила его и носила как талисман. Я хотел рассказать, что был рядом с тобой в тот день, но увидел страх в твоём взгляде, почувствовал, что ты не хочешь вспоминать об этом... Твой отец перед смертью дал мне твой талисман с просьбой заботиться о тебе, когда его не станет. Я не сдержал обещание, потому что потерял связь с тобой, когда ты последний раз уехала из Миража.

Свой небесный осколок я подарила папе перед отъездом в университет и больше не видела его, пока пару месяцев назад не нашла в лаборатории. Тогда я не понимала, что это за камень и не помнила, что после папиных похорон Тони хотел отдать мне талисман, но я отказалась. Я проклинала всё, что связано с даром, который не помог мне спасти отца, и была подавлена. Тони все эти годы хранил осколок у себя, а потом из своего сделал мне памятный подарок. У меня возникло ощущение, что цепочка на шее стала душить меня, а талисман — прожигать кожу, но всё это лишь моё воображение. Тони прав, маленькие небесные осколки хранили нашу тайну, напоминали о нашей особенности, хоть я и не помнила природу её происхождения из-за процедуры стирания памяти.

Шли годы, и я оставил попытки найти тебя. Я много путешествовал по стране, показывая людям твою старую фотографию, поскольку был уверен, что ты не изменилась. Я знал, что после смерти тёти Миранды, твоей мамы, ты не вернёшься домой. Тебя здесь больше ничего не держало, остался только страх быть узнанной.

Я несколько раз перечитала строки, не веря своим глазам. Откуда он знал о том, что я не старею? Всё-таки я плохо маскировалась...

Спустя много лет, когда Оливер сказал, что в Мираж приезжает внучка моей возлюбленной, я попросил Тринити невзначай показать тебе талисман. Я должен был

увидеть твою реакцию, но мне было достаточно увидеть тебя, чтобы понять, что моё желание сбылось...

Подойдя к кульминации письма, мне стало не по себе. Руки задрожали. Я хотела выбросить листок, смять, сжечь, но Касси положила на него лапу, как будто призывая меня дочитать письмо до конца. Любопытство взяло верх, и дальше я стала читать вслух, чтобы разделить свой страх с пушистой подружкой.

Я загадал, чтобы ты всегда была молодой. Я желал быть старше тебя, ведь ты считала меня ребёнком и считаешь до сих пор. Я хотел, чтобы ты никогда не умирала.

Он загадал, чтобы я всегда была молодой. Он загадал это, чтобы догнать меня в развитии. Он загадал это, думая, что я влюблюсь в него. Внутри меня всё перевернулось. Абсурд. Что ещё можно ожидать от маленького мальчика? *«Ты считала меня ребёнком и считаешь до сих пор»*. Он видел меня насквозь. Не зря я стёрла его из памяти. Тони обрёл меня на постоянные переезды, сделал меня грубой, эгоистичной, холодной. Он... Сердце сжалось при воспоминании о плачущем в инвалидном кресле старике, умоляющего меня побыть с ним. Мне всегда было его жаль. Я защищала его от гнева Стефана, избегала встречи с Тони, чтобы он забыл обо мне и обратил внимание на другую девушку. Я никогда не воспринимала его всерьёз, а он использовал своё единственное желание, думая, что тем самым уберёжет меня от смерти. *«Я хотел, чтобы ты никогда не умирала»*. Он обменял свою мечту на мою молодость, которая нам обоим вышла боком. Я сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая нервы, и продолжила читать.

Прости. Ради всего святого прости. Мне было одиннадцать, я не думал, что желание осуществится. Я бы сделал всё возможное, чтобы исправить эту ошибку, но сейчас я вряд ли смогу заварить себе кофе, не говоря уже о путешествии во времени. Прости, что не сказал тебе правду раньше, а ведь у меня всегда была такая возможность. Я знал о твоём деловом общении с Оливером, мог связаться с тобой, но боялся, что ты возненавидишь меня. Раньше я был для тебя недоразвитым подростком, а сейчас стал безмозглым стариком. Время сыграло со мной злую шутку, но я не стану ни о чём жалеть, если ты была счастлива. Время имеет и положительную сторону, оно всё расставляет на свои места.

Единственное в чём я был прав, так это в том, что не подошёл к тебе, когда ты потеряла сознание в парке, ведь было бы нетрудно догадаться, что я видел то же, что и ты. Тебя бы стал мучить вопрос «Что же он загадал?», а я не смог бы тебе признаться.

Перед смертью Тони излил душу Каю, рассказал о случае в парке. Вот почему Кай не удивился, когда я в больнице поведала ему свою версию истории. Не зная парня с изумрудными глазами, я бы подумала, что его не заинтересовали «вспышки» на небе, но он уже слышал о них и успел осмыслить информацию. Когда я спросила, что бы он загадал, Кай ответил, что в юном возрасте мог мечтать только обо мне, и чтобы его мама вернулась к жизни. Мы долго рассуждали, сбылось бы его второе желание и пришли к общему мнению, что, если высшие силы подарили одному человеку столь долгую молодость, могли бы и другому человеку подарить второй шанс на жизнь. Наши мнения останутся лишь

предположениями касательно возникновения этой небесной силы, исполнившей фантастические желания двух подростков. Иногда мне кажется, что я всё выдумала, но происходящие со мной события доказывают реальность прошлого.

Мысли часто отвлекают меня, и я ненадолго забыла, что не дочитала письмо.

Когда ты рассказала мне о своём даре, я догадался о содержании твоего желания и испугался, что сбудется и моё... Я не знал, когда это произойдёт и как проявится результат, поэтому из года в год каждый день наблюдал за тобой и радовался, что ты растёшь, что твой возраст не застыл. Тебе было сорок лет, когда ты уехала из Миража, но я так и не смог понять, происходят ли изменения в твоём организме или нет. Это стало главной загадкой моей жизни. Да, ты выглядела моложе своих сверстниц, но я убеждал себя, что у тебя хороший генофонд, и что моё желание физически не могло сбыться. Когда я думал о твоём даре, меня пробирала дрожь, и метод самоубеждения не срабатывал. Я искал тебя, чтобы узнать, счастлива ли ты, но боялся в конце концов найти, потому что мог услышать отрицательный ответ. Мне не хватило бы жизни, чтобы загладить свою вину.

Возможно, я не успею поговорить с тобой снова, спросить, как ты чувствовала себя все эти годы, как жила, как справлялась с тяготой бессмертия и незнанием причины его появления. Я глубоко убеждён, что всему есть предел, и молюсь, чтобы легкомысленное желание превратилось в прах вместе со мной. Ещё раз прости, мой дорогой человек, если чрезмерная любовь к тебе стала не даром, а проклятием. Я лишь хотел... как лучше? Кого я обманываю?! Моему поступку нет оправдания.

Не знаю, как долго продлится это состояние, но сейчас я не злюсь, а даже в какой-то степени понимаю Тони и что им руководило. Он нуждался в моём прощении, а я не успела отпустить его грех. Возможно, я бы возненавидела Тони (чего он и ожидал) после прочтения его письма, но благодаря признанию я получила ответы. Сегодня утром спустя шестьдесят с лишним лет восстановился мой менструальный цикл. Сначала я испугалась, подумав, что у меня открылось кровотечение. Я попросила медсестру, чтобы она позвала в палату гинеколога. Он заметил моё удивление и, видимо, подумал, что я не ожидала столь быстрого восстановления цикла из-за комы, вот только врач не знал, что проблема кроется совершенно в другом. Удивление сменилось бешеной радостью, потому что у меня возникла надежда на полное обновление организма.

Я ничего не рассказала Каю, он как раз поехал в магазин, чтобы купить продукты домой. Наверное, за время его пребывания в больнице со мной содержимое холодильника Кая покрылось плесенью. Теперь я понимаю, почему он откладывал разговор о «бессмертии». Кай так же, как и я, не был уверен в достоверности информации. Сейчас, сложив все пазлы в единую картину, я понимаю, что всё это значит. *«Легкомысленное желание превратилось в прах вместе со мной»*. Тони чувствовал, что так произойдёт, ведь наши желания живут, пока живы мы, и умирают, когда наши сердца перестают биться.

Сердце... Оно болело несколько месяцев, пока болел Тони. Оно истощилось и, выражаясь простым языком, готовилось к перезагрузке, хотя этому и не может быть научного объяснения. В тот день, когда мы с Тони загадали желание, через меня словно прошёл ток, и сердце было готово вырваться из груди. Я сочла это расплатой за свой дар, но это была цена временного бессмертия. Значит, это были не ложные воспоминания. Тони в

письме упомянул факт потери сознания. Он винил себя даже за то, что не сумел мне помочь. Хотелось бы сейчас успокоить его, сказать, что моя жизнь состояла не только из переездов и поддельных документов. Мне удалось вылечить сотни больных животных, прочесть множество книг, побывать во многих городах страны, завести нескольких друзей и обрести любовь. Время, подаренное Тони, было подготовкой к лучшей жизни, которая, надеюсь, начнётся с сегодняшнего вечера.

Мой любимый человек сейчас гадает, не сорвусь ли я снова после прочтения письма, не уеду ли из Миража, если предположения Тони не подтвердятся. Вряд ли бы я поступила так, если бы даже поняла, что никогда не состарюсь. Не смогла бы оставить Кая. Завтра же утром расскажу ему обо всём. Восстановление моего странного организма сделает нас счастливыми! Я чувствую внутренние изменения, которые, надеюсь, не связаны с даром исцеления. Если желание Тони потеряло силу, то осталось ли моё? Если я всё ещё им обладаю, то теория «смерти желаний» подтвердится, а, значит, моё биологическое развитие придёт в норму.

Я снова забыла о Тони! Вернулась к письму и заметила, что два последних абзаца написаны другими чернилами и прерывистым почерком, что выбивается из общей картины. До этого момента не было допущено ни единой ошибки, не зачёркнуто ни одного слова, как будто письмо много раз переписывалось, а завершающие строчки выглядят спонтанными.

Ева, чтобы на сотую долю загладить свою вину, я хочу сделать тебе подарок. Кай согласился мне помочь. Он дорожит тобой, не потеряй его. Будешь ли ты стареть или останешься молода, не отдаляйся от любящих тебя людей. Кай готов ради тебя на всё. Пока ты отсутствовала, он не опускал руки и создавал для тебя новое место работы, новый приют для животных. У меня было небольшое здание в городе, раньше я занимался там репетиторством, подготавливал учеников к поступлению в вуз, а сейчас хочу, чтобы ты оживила это место и занялась любимым делом. Зная о твоей бесконечной любви к животным, я могу полагать, что в Мираже не останется бездомных пушистиком!

Если не держишь на меня зла, преврати это здание в уютный приют. Со спокойной душой я ухожу, чтобы наблюдать за твоими добрыми делами с небес. Я всегда гордился тобой, Ева Стюарт. Ты создана не для разрушения, а для созидания. Верь мне.

Будь счастлива и береги себя.

Навсегда твой верный друг Энтони Фоллен,

15 декабря 2062 год.

Я забыла, как дышать. Затаив дыхание, я несколько раз перечитала самые неожиданные строчки в письме, не веря своим глазам. Тони подарил мне здание, в котором Кай организовал приют для животных, в то время как я утопала в депрессии вдали от дома. Это просто невероятно! Я была готова оставить всё и променять насыщенную жизнь, полную нежности и приключений, на уныние и саморазрушение. Тони считает меня созидательницей, и я стану ею ради его веры в меня, ради нашей с Каем любви, ради надежд родителей.

Я коснулась рукой серёжек с небесными осколками, на обороте которых выгравировано по слову «будь» и «счастлива», и представила умирающего Тони, пишущего дрожащей рукой прощальное письмо. Он написал последние абзацы за два дня до смерти, как будто

сомневался в правильности своих слов. Он так отчаянно хотел получить моё прощение, что сделал мне дорогой сердцу подарок. Теперь я перед ним в долгу. Всегда была. Он подарил мне лишние шестьдесят лет жизни, но я не понимала всей прелести этого времени.

Я всегда жила мыслями двадцатилетней Евы, перечитывала обрывки воспоминаний, склеивала из них своё прошлое, приукрашала и верила в него, но забывала, что нужно жить настоящим и уж тем более — будущим. Мне стыдно за боль, причинённую людям, которые любили и окружали меня. Некоторых из них уже нет в живых, но те, кто жив, узнают, что Ева Стюарт-Таймерли тоже способна любить.

Закрываю глаза, чтобы сдержать фонтан из слёз, но он просачивается сквозь ресницы, и я позволяю ему вырваться наружу, отпуская на волю душевные терзания и чувство вины. Когда бассейн осушается, не даю себе окончательно расклеиться, прижимаю к сердцу письмо и иду мыть посуду. Касси следует за мной. Она всегда охраняла мой покой и дарила тепло. Люди недооценивают кошек. Мне давно пора брать с маленькой Касси пример.

Глава 30. Сплетение душ.

У каждого из нас есть своя маленькая Вселенная,

состоящая из тысяч снов и бесконечности идей.

Новый 2063 год мы встретили так, как и планировали (весело и дружно), но наша компания увеличилась на одного человека с приездом Дастина Райтона. Кай не ожидал, что отец навестит его так скоро, а Дастин не ожидал встречи со мной, к тому же ещё в качестве девушки его сына. К моему удивлению, неожиданность для него была приятной. Дастин поинтересовался у Кая, почему тот не рассказал ему об отношениях со мной и расстроился, что не привёз мне подарок. Увидев мои серьги и узнав о наличии у меня идентичного камня, Дастин заказал в ювелирном салоне Оливера подвеску в виде крыльев ангела в таком же стиле и из таких же материалов. Подарок был готов уже через неделю, и я отправила Дастину (на тот момент он вернулся домой) фотографию изделия со словами благодарности. Теперь наши с Тони небесные осколки в красивой оправе. Буду их носить с удовольствием, как и свои символические изображения на запястьях. Время окрыляет.

— Тебя не смущает, что Дастин будет думать, что я старше тебя на семь лет? — спросила я у Кая утром после новогодней ночи, когда гости разошлись.

Я давно так не веселилась. Мы обменивались подарками, танцевали, устраивали игры и конкурсы, в которых участвовала даже Сиена.

— Это лучше, чем на все шестьдесят, но меня и эта разница не смущает, — честно ответил Кай, перебирая мои волосы.

Мы лежали на полу под ёлкой, глядя на огонь в камине, и запивали наше счастье горячим шоколадом.

— Я запуталась в своём возрасте, это ужасно.

— Мы, кажется, удостоверились, что теперь с тобой всё в порядке, — сказал Кай, имея в виду мои физические изменения на гормональном уровне и истощение организма при сильной нагрузке.

Я больше не могу пробежать километр без отдыха, не могу насытиться

одноразовым питанием и выспаться за три часа в день. Тело объявило мне войну, потребовало подпитки, как будто вышло из долгой спячки и навёрстывает упущенные годы лени. Плюс к этому я не лишилась дара исцеления. Наиприятнейший бонус. Недавно на улице мы нашли пса с раненой лапой. Я боялась проверять свои способности, но после моего прикосновения его кожа затянулась. Четвероногий пациент не только перестал хромать, но и стал первым жителем нашего с Каем приюта.

— Да, но это может быть совпадением или самовнушением! Даже если я действительно стала нормальной, то ненормален тот факт, что по паспорту мне тридцать два года, фактически — восемьдесят два, а биологически — двадцать один. Последняя цифра, между прочим, примерная. Как мне с этим жить?

— Как написано в документе, — ответил Кай, гладя меня пальцем по щеке. — Ты будешь чувствовать себя уверенней через пару десятков лет...

— Потому что буду выглядеть моложе своих сверстниц? — предположила я, вспомнив фразу Тони в письме. Кай кивнул. У меня есть в запасе и его цитаты. — И сама себе буду завидовать.

— Наконец-то ты поняла! — Кай умеет поддерживать в трудную минуту. — А насчёт твоей запутанности в возрасте... Ты напоминаешь мне русалку Ариэль. Вам обоим больно ступать по земле, потому что одна недавно обрела ноги, а другая — уверенность в завтрашнем дне.

— И эта «другая» начала заново своё развитие во всех смыслах, — немного помолчав и осмыслив слова Кая, сказала я. — Первый плюс в том, что мне больше не придётся менять паспорт.

— А как насчёт смены фамилии?

— Куда это ты клонишь? — У меня неожиданно поднялось настроение, и я бы никогда не подумала, что будущее замужество вызовет радость. Или Кай имел в виду вовсе не это? — Хотя было бы неплохо вернуть фамилию родителей и снова стать Стюарт.

— Может быть, Райтон? — Кай пристально на меня посмотрел, как будто умеет читать мысли. Я почувствовала, что краснею, и отвела взгляд.

Стефан никогда не говорил о подобных вещах, а я боялась спрашивать. Мне казалось, что всё идёт своим чередом. Я нарисовала в голове образ идеального парня и представляла на его месте Стефана. Грубость я воспринимала за нежность, а привычку и комфорт путала с любовью.

— Если ты серьёзно, то давай пока отложим этот разговор. Я не доверяю слову «брак», потому что оно имеет два значения, и несложно догадаться, почему одно дополняет другое. Семьи зачастую бывают бракованными. Давай попробуем создать качественный продукт, — сказала я, вновь почувствовав себя филологом.

На секунду мне показалось, что Кай обиделся, но он не из тех людей, кто легко сдаётся. Знаю, он скоро вернётся к этому разговору, и я не смогу устоять.

Пока Дастин жил в доме Кая, я почти всё время проводила с ними. Мы много разговаривали. Дастин спрашивал, где я пропадала несколько лет и почему не хочу сниматься в кино. Однозначного ответа у меня не нашлось, и я сказала, что устала и хотела побыть наедине с собой. Дастин меня понял. Я рассказала ему, как Кай приводил в порядок здание, которое оставил нам Тони, чтобы мы могли открыть приют для животных. Мне уже не терпелось приступить к работе, но новогодние каникулы удерживали дома. Триш и

Дилану понравилась наша идея, и они помогли нам размещать объявления в средствах массовой информации с просьбой приводить бездомных животных в приют имени Энтони Фоллена. Нужно будет нанять несколько человек, которые будут следить за чистотой комнат для животных. Главное отличие нашего приюта от остальных — отсутствие клеток, в которых животные чувствуют себя ущемлёнными. Вместо клеток рабочие сконструировали отсеки для отдыха каждого питомца, а также зону для принятия пищи и справления нужды. Кошки и собаки будут жить в отдельных комнатах, и по возможности несовместимые породы тоже будут разделены. Первое время приют будет работать на благотворительной основе, но в дальнейшем мы с Каем планируем открыть там и ветеринарную клинику (вместо моего кабинета в лаборатории отца), где я смогу применять свои способности и получать прибыль.

Тони подарил мне не только место работы, но и личное убежище, где я могу быть собой и приносить животным пользу. Меня до глубины души тронуло его письмо, благодаря которому я поверила в себя, сама того не подозревая. Когда Кай рассказывал мне, что Тони перед смертью терзал себя и проклинал день, в который загадал желание, у меня в голове слились образы мальчика и старика, пересеклось прошлое и настоящее. Если бы у меня была возможность повернуть время вспять, я бы пересмотрела своё отношение к Тони, но у меня и так было достаточно десятков лет, чтобы это сделать. Пусть уже слишком поздно, но мне удалось оценить поступки человека, который всю жизнь заботился о моём душевном состоянии.

Чтобы не повторить ошибок прошлого, я стараюсь жить настоящим, ведь время, как река, течёт в одном направлении. Время не вернуть. Оно может только ускориться или замедлиться, в зависимости от наших желаний. Иногда меня душит ностальгия. Когда память восстановилась, рухнула дамба, и вода хлынула, чтобы заполнить родные берега. Поначалу это причиняло невыносимую боль, как физическую, так и моральную. Когда ко мне начали возвращаться давно забытые и стёртые воспоминания, раскалывалась голова, и я ни о чём не могла думать, кроме как о прошлом.

Бывало, что по ночам я выкрикивала имена ушедших из жизни людей во снах, разом нахлынувших на меня, как будто им, наконец, дали волю, и теперь они снятся мне по несколько шпук за ночь. Я видела лица родителей, бабушки Розалин, Стефана, Бони, Люка, Тони и Сиены. Они все желают мне добра, а Стефан и Тони просят прощения за страдания, которые они причинили. Стефан раскаивается за пренебрежение, а Тони — за навязчивость. Глупо обижаться на Стефана и злиться на Тони. Никто не идеален. Даже воспоминания о том, что матери не всегда хватало на меня времени, а отец был против моего жизненного выбора, не пошатнули любовь к ним. Всё плохое обычно забывается, и только иногда вспыхивают остаточные чувства обиды за те или иные поступки, но они не влияют на отношение к человеку.

Кай научил меня прощать. Он принял тяжёлый багаж прошлого, который катится у меня за спиной и в любой момент может обогнать, чтобы я споткнулась. Кай не даёт мне упасть. Он помогает мне разобраться в воспоминаниях, которые бывают настолько яркими, что я путаю их с реальностью, а иногда — настолько далёкими, что кажется, этого никогда со мной не происходило. Часто мне снится, как я плыву на лодке по реке, но не могу вспомнить, было ли это на самом деле. Когда я просыпаюсь по ночам, в темноте мне мерещатся удивлённые лица, недоумевающие, почему я всё ещё жива. Днём я могу по старой привычке набрать номер телефона, который когда-то знала наизусть, и на другом конце

трубке слышу, что его больше не существует. Кай крепко держит меня за руку, когда я боюсь, что мозг разорвётся из-за постоянного напряжения.

Впервые я задумалась о конечности времени. Раньше я умирала от того, что не могу умереть, а сейчас боюсь, что этот момент когда-нибудь настанет. Жизнь удивительна. Дети и подростки с нетерпением ждут будущее, чтобы поскорей стать старше, а как только взрослеют, хотят вернуть прошлое, едва столкнувшись с проблемами. Для взрослых будущее — это неизвестность и риск. Мы ходим по кругу, но время неподвластно. Нужно жить настоящим, учиться на ошибках прошлого и думать о будущем. Каждый день я напоминаю себе об этом. Каждое утро я просыпаюсь и радуюсь, что существую, что меня окружает невероятный мир в лице любимого парня, искренних друзей и прекрасных животных. Каждый вечер я благодарю время за то, что оно у меня есть!

***

В те дни, когда на меня не обрушиваются воспоминания, которые стали беспокоить меня всё реже, мы с Каем живём обычной жизнью, если, конечно, роман двадцатипятилетнего парня с восьмидесятидвухлетней старухой, обладающей даром исцеления животных, можно отнести к категории нормальных явлений. Насмотревшись фантастических фильмов о времени, я испугалась, что желание Тони может повернуться вспять, и моё молодое тело вскоре состарится. Со дня выписки из больницы прошло два месяца, и ничего подобного не произошло, уж я бы заметила. Ни один волос на голове не поседел, ни одной лишней морщинки не появилось, а это значит, что у меня в запасе ещё есть время, чтобы морально подготовиться к неизбежному процессу старения. Ну и дурой же я была, когда впадала в депрессию из-за своего, как мне тогда казалось, бессмертия. Любая девушка отдала бы всё на свете, чтобы оказаться на моём месте и продлить молодость.

Я не успела поблагодарить Тони при жизни за подарки, которые он мне сделал, поэтому мысленно поговорила с его мраморным памятником. Кай пошёл на кладбище со мной, потому что мне больше не нужно скрывать от него даты рождения и смерти родителей. Мы навестили и их. Теперь я сама буду ухаживать за ними, поливать мамину розу, рассказывать им о своей странной жизни, делиться новостями и приводить к ним внуков, которых родители так и не дождались.

Навестив маму с папой и Тони, мы пошли к Стефану. Я по старой привычке мысленно попросила у него прощения за то, что начала новую жизнь, обрела счастье и за то, что место идеального парня занял Кай. Стефан перестал ухмыляться во сне.

На обратном пути мы заглянули к Сиене и оставили ей ромашки, которые она любила. Живые цветы в феврале долго бы не простояли, поэтому мы принесли искусственные в корзинке. Главный страх не обошёл меня стороной, когда Сиена умерла несколько недель назад, и мне пока не удалось его перебороть. Жизнь, хоть и удивительна, чертовски несправедлива. Мы рождаемся, чтобы умереть. Как бы мы ни пытались обмануть смерть, у нас нет другого пути, кроме как принять факт её существования. Если я буду относиться к ней, как к должному, возможно, тогда страх потери близких не будет нависать надо мной каждый день. Сомневаюсь, что я когда-нибудь с этим смирюсь, как и Тони со Стефаном не смирились со своей виной передо мной, а мама с папой — с моей слабостью.

Уходя с тихого кладбища морозным утром, я заметила большое количество заброшенных и поросших травой могил и разбитых памятников. Люди в этих местах

остались одиноки, какими были при жизни... Кай, почувствовав моё волнение, сказал, чтобы я перестала смотреть на фотографии, и ускорил шаг. Ему так же неуютно здесь, как и мне. Он не раз навещал маму, и мне стало жаль, что она находится далеко отсюда, что я не могу познакомиться с ней даже заочно.

Мы вышли за ворота и выдохнули с облегчением, что навестили людей, которые мне дороги. Я всё же рассматривала фотографии и запомнила лица, изображённые на них, даже фамилии остались в памяти. Впредь я буду следовать советам Кая. Я помолилась за усопших людей, повернувшись лицом к маленькой церквушке, единственной в нашем посёлке, и мы со спокойной душой пошли дальше. Туда, где не нужно думать, что в этой земле найдётся место и для меня. Вопрос только во времени.

С короткой смертью я обрела не только новую жизнь, но и три вещи, о которых мечтала: память восстановилась, биологический ритм нормализовался, любовь родилась. Если меня спросят, в чём смысл моей жизни, теперь я с лёгкостью отвечу: дышать, любить, прощать и помогать.

Эпилог.

В мире нет ничего вечного... Если только любовь.

Два дня назад, седьмого марта, мы отпраздновали мой настоящий день рождения. Я не собиралась устраивать вечеринку в честь начала своего старения, но Кай пригласил меня к себе, где уже собрались Триш, Дилан и Оливер. Я настоятельно просила их ничего мне не дарить, но они, как и следовало ожидать, не выполнили просьбу. Оливер, узнав о моей любви к компакт-дискам, которые уже давно не производят, подарил мне коллекцию Сиены. Раньше наши с ней музыкальные вкусы не совпадали, но сейчас я не откажусь послушать мелодичные песни о любви. Я поблагодарила Оливера за бесценный подарок и извинилась за предвзятое отношение в первые дни знакомства. Наверное, сын моей подруги и племянник бывшего парня давно должен был стать моим другом. Внешне он напоминает мне их обоих и сочетает в себе воспитанность Сиены и импозантность Стефана.

Триш и Дилан исполнили для меня новую песню, текст которой накануне я подарила ребятам. Помимо того, что Бони и Люк воскреснут в фильме Кая о субкультурах, который совсем скоро выйдет в прокат, я хотела, чтобы они жили и в песне «Кукольный мир». Я наконец поняла смысл стихотворения, написанного Бони. Она намекала, что мне пора впустить в своё сердце любовь, переступив через гордость. Триш понравился текст, и она написала подходящий припев, а Дилан — музыку.

*Только не прячь свой кукольный мир,
Прекрасного принца ты встретишь, поверь.
Мысли о нём придадут тебе сил,
Больше не будет преград и потерь.*

Я дорожу временем, проведённым с Бони и Люком, и спустя много лет мы можем быть вместе посредством музыки и через экран. Наводя порядок на чердаке, я нашла ремень с вставками в форме сердец, который подарила мне Бони. Мне не удалось придать ему товарный вид, но изъяны напоминают о прошлом с такими же потёртостями. Когда я

надеваю этот ремень с чёрными джинсами, не могу остановиться и завершаю образ ярко подведёнными глазами, как у Триш, кожаными браслетами, как у Дилана, и розовой футболкой с кедами, как я носила раньше. Друзья Тринити и Дилана (иногда я воспринимаю их как вновь обретённых Бони и Люка) считают меня «своим человеком», потому что мы на одной волне. Субкультуре начала двухтысячных удалось пережить взлёты и падения, умереть и воскреснуть. Сколько бы лет ни прошло, она будет казаться мне особенной. Об этом я и написала новое стихотворение, которое по традиции станет текстом песни группы «И так далее».

Время печали.

*Помнишь, как в парке резали руки,
На время пытаюсь чувства убить?
Мы были на грани веселья и скуки,
Могли днём ненавидеть, а ночью — любить.*

*В наших стихах было только отчаянье,
А в сердце — обида, осень и лёд.
Держались от общества на расстоянии,
Зная, что вряд ли оно нас поймёт.*

*Мучает часто ностальгия по прошлому,
Песни любимые заведуют душами.
Мы не заметили, как стали взрослыми,
И свои обещания невольно нарушили.*

*Глаза опустив, я иду по проспекту,
Ловя капли дождя и слушая скримо.
Жаль, что я раньше думала редко
О лучших моментах, проносящихся мимо...*

На мой фактический восемьдесят третий день рождения, по паспорту тридцать третий

(мне всё-таки снова придётся сменить паспорт, чтобы вместо двенадцатого сентября написать седьмое марта и больше никого не обманывать), биологически двадцать второй Кай преподнёс мне три подарка. Первые два были очевидны: вечеринка в стиле ретро и фотограф, который оставил мне профессиональный фотоаппарат в форме старого «Полароида». Предыдущая версия меня давно бы устроила скандал и ушла домой, сославшись на то, что нужно было заранее предупредить о сюрпризе, а обновлённая и влюблённая версия обрадовалась обстановке и пришедшим гостям. Было такое чувство, что календарь не переворачивался, и если не в мире, то в доме Кая до сих пор царит 2002 год, когда мне исполнилось двадцать два биологических года.

Кай застелил полы в гостиной старыми коврами, вынес всю современную технику на второй этаж, застелил диван махровым покрывалом, а вместо кожаных кресел поставил деревянные стулья с мягкими сидениями. Электронные рамки на стенах заменил картинами

Айвазовского и нашими новогодними фотографиями. Гостей Кай попросил надеть широкие джинсы и клетчатые рубашки разных расцветок. В такой же комплект оделся и сам. Главным украшением гостиной стал музыкальный магнитофон с большими колонками, воспроизводящий популярные песни начала двадцать первого века на дисках. Когда я вошла в гостиную, звучала песня группы, которую в первый день нашего знакомства исполняли Триш и Дилан.

— Это же группа «50 секунд до Плутона»? — спросила я у Кая, намекнув на наш разговор в первый день моего приезда.

— Признаю, я был не силен в старом роке, — ответил Кай, обняв и повернув меня к фотографу. — Это для семейного архива.

— Хоть что-то полезное о музыке ты от меня узнал, — сказала я сквозь улыбку, чтобы не испортить снимок. — В смысле, для семейного архива?

— Ты станешь моей женой, Ева Таймерли? — Эта фраза ещё долго звучала в моих сладких снах.

Кай встал передо мной на колени, в одной руке держа розовую коробочку, а в другой — мою руку. Предложение не было для меня неожиданностью, но этот парень с внешностью дерзкого ангела может любое событие сделать торжественным.

— Да, Кай Райтон, — ответила я, забыв о гостях, представив, что мы одни во Вселенной. — Всегда и навсегда!

Я хотела опуститься на пол рядом с Каем, чтобы быть с ним наравне, но он, поняв это, поднялся и надел мне на палец изумительное кольцо, которое стало моим третьим подарком, с сердцем из голубого камня, напоминающего небесный осколок. В те минуты радости меня не смущали аплодисменты Триш, Дилана, наших нескольких общих друзей и Оливера. Кай закружил меня в танце, и я растворилась в объятиях будущего мужа, который заразил меня жизнью.

Даже сейчас, вспоминая недавние события, я радуюсь, как маленькая, и с моего лица не сходит улыбка. Я и вообразить не могла, что меня ждёт такой счастливый конец начала, не предполагала, что в предвкушении буду ждать дня, когда разменяю свой второй век. Семнадцать лет пролетят несправедливо быстро, и я уже не буду выглядеть как прежде, но даже любопытно взглянуть на себя в зеркало, когда мне исполнится сорок биологических лет, пятьдесят и так далее. Старение — неоспоримый закон природы, который не обойдёт меня стороной. В какой-то момент я поверила в существование высшей силы, ведь если бы её не было, не сбылись бы наши с Тони фантастические желания.

— Так ты хочешь, чтобы свадьба была завершающей сценой фильма? — спросил Кай, вернув меня на Землю.

Кай заехал за мной в приют, чтобы пройтись по магазинам и посетить парк, который за много лет совершенно не изменился. Мы сидим под тем же деревом, под которым я всегда читала книги и забывала о времени, смотрим на то же небо, которое однажды исполнило мою мечту, и дышим тем же воздухом, которым когда-то дышал Тони, наблюдая за мной со стороны. Я боялась приходить сюда, думая, что парк станет другим, зарастёт травой или обзаведётся аттракционами, но он остался прежним, таким, каким я его помню.

— Да, это было бы логично, — ответила я.

Несколько месяцев мы с Каем работали над сценарием фильма, основанного на моих

дневниках и записях о временном бессмертии. Перед тем как идти на процедуру стирания памяти, я вырвала некоторые листы из дневников, хранящие грустные события, но я больше не боюсь этих воспоминаний и записываю их заново.

— А зритель не потребует продолжения, после того как увидит на экране влюблённого друга главной героини? — спросил Кай, просматривая в папке с листами концовку сценария, который Дастин уже подтвердил.

Вчера было объявлено производство фильма. Отцу Кая настолько понравилась моя идея (хотела бы я посмотреть на его лицо, если бы он узнал, что этот фильм о нас с Каем), что он предложил дальнейшее сотрудничество. Я снова в их команде. Создавать сюжет фильма даже интересней, чем писать книгу, потому что ты заведомо знаешь, что твои персонажи оживут и предстанут перед зрителями.

— Ты же сам пригласил Брендона с семьёй на нашу свадьбу, — напомнила я. Кай не стал возражать и лишь улыбнулся.

Он знает, что Брендон один из немногих людей, которым я могла довериться. Я считаю своим долгом попытаться наладить с ним дружеские отношения. К тому же его жена обещала встретиться со мной на нашей с Каем свадьбе. Теперь она не будет ревновать, и, возможно, мы даже подружимся. Она реабилитировалась в моих глазах, когда занялась бесплатным пиаром группы «И так далее», хоть и ей нет оправдания за то, как она поступила с Триш, ударив её током. Нужно научиться прощать.

— Я пригласил бы даже роботов, с которыми ты общалась в минуты одиночества, но, боюсь, их владельцы меня не поймут, — сказал Кай, отложив сценарий и обняв меня.

— И почему я так сильно люблю тебя, Кай? — Я не произношу эти слова так часто, как хотелось бы, но процесс мне нравится. Он пожал плечами, сказал, что моя любовь взаимна, и наклонился, чтобы меня поцеловать. Джонни и Касси нарушили наше уединение, начав вытягивать из-под нас плед, отталкивая друг друга. — Это плохое влияние Кассандры! Джонни не был таким балованным.

— Так же можно охарактеризовать и наши отношения, — сказал Кай, бросив Джонни игрушку. Касси сочла, что мышку бросили ей, и побежала с другом наперегонки. Мы ненадолго уgomонили животных и стали дурачиться сами. Кай до слёз боится щекотки, но я не стала его мучить на улице, и мы вернулись к разговору. — Кстати, как ты хочешь назвать фильм? Папа доверяет тебе и ждёт твоего решения.

— Может, «Безвечность»? — предложила я, как бы между прочим, хотя думала над названием несколько недель. Не спешила предлагать свой вариант, боясь, что его не примут или примут из жалости ко мне. Нельзя пользоваться хорошим отношением.

— Интересное слово, — сказал Кай, записывая его на листке крупными курсивными буквами. — Смотри, на плакате будет здорово смотреться, и оно полностью передаёт смысл картины. Как будешь объяснять значение слова репортёрам? Если, конечно, ты готова к встрече с ними...

— Ради тебя готова, — ответила я, положив голову Каю на грудь. Стало теплее, и причина вовсе не в том, что солнце вышло из облаков. — Слово «вечность» вселяет в людей надежду, но стоит добавить к нему приставку «без», как время становится ещё более значимым и ценным. Я прошла через это, поэтому можешь быть уверен в искренности моих интервью.

— Я и не сомневался. — Кай отслонился от дерева, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Знаю, успокойся. Мне просто нравится тебя злить! — Кажется, наш громкий смех

вызвал мелкий дождь. — Не вставай, давай побудем здесь ещё немного.

Джонни и Касси тоже разделили моё мнение, судя по их виляющим хвостам и радостному настроению. Они уже забыли об игрушке и стали бегать друг за другом. Впервые наблюдаю за дружбой доброго ретривера и задиристой кошки. Их отношения действительно напоминают наши отношения с Каем. На протяжении всей жизни я перенимала чужие привычки, разбавляя их своим омерзительным характером, и уже сложно сказать, какая я настоящая. Раз Кай принимает меня такой, значит не всё так плохо, значит мы дополняем друг друга. Я сыграла несколько ролей, чтобы раствориться в них, забыть о себе, как о личности, но, познакомившись с Каем, поняла, что индивидуальность каждого человека неповторима. Мне больше нет необходимости играть в кино, я могу создавать его сама. Это одна из возможностей, которую подарила мне семья Райтонов, и я несомненно хочу стать её частью. Кай ни на минуту не усомнится в моей верности ему. То, через что мы прошли вместе, навсегда скрепило нас и сделало счастливыми вопреки страхам и сомнениям. Да, Кай умён, как Брендон, обаятелен, как Стефан, креативен, как Люк и заботлив, как Тони, но есть то, что отличает его от всех мужчин, каких я когда-либо знала. Он любим мною, пока дышит Вселенная.

— Сейчас ровно 15:50, — сказал Кай, посмотрев на свои часы.

После моего рассказа о природе дара исцеления эти цифры кажутся ему волшебными. Может, сегодня в этом парке снова произойдёт чудо? Даже погода идентична. Сначала сгущаются тучи, потом выглядывает солнце и идёт дождь.

— Может, потому, что сейчас март? — предположила я, и Кай соорудил смешную гримасу, намекая, что я разрушила магическую романтику. — А если серьёзно, я могу кое-чем тебя порадовать.

— И чем же? — спросил он.

Мимика Кая неповторима. Ему самому нужно играть в кино, чтобы не пропал талант. Он изобразил детское удивление, потом улыбнулся, как я люблю. Я называю эту улыбку солнечной, когда в изумрудных глазах отражается небо и прикушен уголок нижней губы. Я пожалела, что сегодня выпрямила Каю волосы, потому что его волнистые локоны являются завершением ангельского образа.

— Не побоюсь бумажной работы и сменю свою фамилию на Райтон, — ответила я, и он затаил дыхание. Его взгляд забегал по моему лицу, как будто Кай пытается обнаружить намёк на шутку. Поняв, что мои слова серьёзны, он сел напротив меня, согнув ноги в коленях, чтобы они соприкасались с моими, как мы сидели уже много раз. Если бы не дерево за моей спиной, я бы потеряла равновесие от волнения. — Ещё я согласна жить в наших домах по очереди, чтобы они не пустовали.

— Ты просто привыкла к переездам и хочешь разбавить нашу жизнь приключениями. — Кай заулыбался и обнял меня за плечи.

— О, как ты угадал? — Я поцеловала Кая в бровь с кольцом, переливающимся на солнце.

— Я в игре? — спросил он, повторив слова актрисы, изобразившей меня в его фильме «За кадром».

— Ты в моей жизни, — ответила я, повторив слова актёра, изобразившего Кая. Нежные пальцы легли мне на талию, и я почувствовала их дрожь.

— До конца?

Иногда мне кажется, что Кай всё ещё не верит в то, что я нахожусь рядом с ним,

поэтому не устану убеждать его в этом. Мы вместе построим наше будущее, в котором мне не придётся наблюдать за Каем со стороны, в котором мы воспитаем наших детей, и каждый день будет праздником.

— Бесконечно! — сказала я, как никогда уверенная в своём ответе.

Ни Касси с Джонни, ни дождю, ни неловкости перед прохожими не удалось прервать наш поцелуй. Позже нужно будет сказать Каю, что именно эта сцена должна стать завершением нашего фильма об эфемерном времени и о бессмертной любви.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стихотворение по сюжету книги.

Без вечности.

Она на рассвете каждого дня
Не знает, что делать, сходит с ума.
Сознание пустое, с собою война,
Хрупкие чувства окутал туман.

Времени много, но некуда деть,
Лишь дневнику расскажет о том,
Как она хочет порой умереть,
Моменты печали забывая притом.

Искусство и книги заменили друзей,
Животные стали смыслом её.
Кино вместо жизни, сюжеты важней,
Но счастье в них не видит своё.

Всё было чуждым до встречи с мечтой
В образе парня, убившего страх
Остаться навеки с душою пустой
И вкусом слёз на алых губах.

Благодарности.

Чем старше я становлюсь, тем больше начинаю ценить время, как вы уже успели догадаться из сюжета, в котором акцентировано внимание на ограниченности человеческой жизни. Хотелось бы поблагодарить те дни, часы и минуты, которые есть в запасе, за возможность реализовать себя и насладиться безвечностью.

Помимо времени могу бесконечно благодарить близких сердцу людей:

Спасибо моему идеальному парню Денису за тепло, заботу и песни, которые мы вместе создаём! В них больше приятных слов, чем тех, которые я могу здесь написать.

Спасибо моей дорогой маме и добрейшей души бабушке за веру в меня и поддержку во всех начинаниях!

Спасибо моей подруге и постоянной читательнице Наташе за понимание, терпение и

вечерние беседы!

Спасибо участникам моей творческой группы «Creativity By Stupid Doll» за вдохновение!

Спасибо моему попугаю Тише за подаренные эмоции! Пусть маленький пернатый друг никогда не поймёт значений слов, но я скажу их вам. Никогда бы не подумала, что можно настолько сильно полюбить птицу.

Спасибо всем, кто уделяет время моему творчеству! Это лучший подарок для меня.